

ISSN 2076-3468

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

ВЫПУСК 26

МІНСК
2025

THE DEPARTMENT FOR ARCHIVES AND RECORDS KEEPING
OF THE MINISTRY OF JUSTICE OF REPUBLIC OF BELARUS

Institution «The Belarusian Research Institute for
Archival Science and Records Management»

Archeographical Commission

THE BELARUSIAN ARCHEOGRAPHICAL YEAR-BOOK

Founded in 2000

Volume 26

Minsk
2025

ДЭПАРТАМЕНТ ПА АРХІВАХ І СПРАВАВОДСТВУ
МІНІСТЭРСТВА ЮСТЫЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

Установа «Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і
архіўнай справы»

Археаграфічная камісія

БЕЛАРУСКІ АРХЕАГРАФІЧНЫ ШТОГОДНІК

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 26

Мінск
2025

У дваццаць шостым выпуску «Беларускага археаграфічнага штогодніка» змешчаны артыкулы па археаграфіі, архівазнаўстве, дакументазнаўстве, крыніцазнаўстве, гісторыі архіўных і навуковых устаноў Беларусі, геральдыцы і фалерыстыцы. Публікуюцца дакументы з архіўнай спадчыны І. І. Грыгаровіча, дакументы па гісторыі архіваў Беларусі XVI — пачатку XVII ст. Змешчаны даклады, прадстаўлены на Міжнародным круглым stole «Вучоны-наватар, педагог, воін. Да 100-годдзя са дня нараджэння доктара гістарычных навук, прафесара Кіма Барысавіча Гельмана-Вінаградава».

Штогоднік прызначаны для археографаў, архівістаў, гісторыкаў, дакументазнаўцаў, краязнаўцаў, філолагаў.

Рэкамендавана да друку Вучоным саветам БелНДДАС

Рэдакцыйная калегія:

Э. М. САВІЦКІ (галоўны рэдактар), А. Л. ВОІНАЎ, Г. Я. ГАЛЕНЧАНКА,
Р. С. ЖАЎНЯРКЕВІЧ, С. М. КАШТАНАЎ, В. А. КОСМАЧ, М. В. ЛАРЫН,
В. Л. НАСЕВІЧ, В. С. ПАЗДНЯКОЎ (адказны сакратар), А. Я. РЫБАКОЎ,
І. В. САВЕРЧАНКА, С. В. КУЛІНОК, А. М. САРОКІН,
А. У. ХМЯЛЕЎСКАЯ, М. Ф. ШУМЕЙКА

Рэцэнзенты: доктар гістарычных навук, дацэнт *А. А. Мяцельскі*,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт *В. Л. Насевіч*

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 4 ліпеня 2005 г. № 101 (у рэдакцыі загада Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 2 лютага 2011 г. № 26) «Беларускі археаграфічны штогоднік» уключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навук

АРТИКУЛЫ

*М. М. Елинская,**старший научный сотрудник отдела археографии**Белорусского научно-исследовательского института**документоведения и архивного дела,**кандидат исторических наук;**e-mail: yelinskayaabdanek@mail.ru*

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРАЛЬДИЧЕСКОГО РЕГИСТРА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ:
ИСТОКИ, ХРОНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ,
КАТЕГОРИИ ОФИЦИАЛЬНЫХ ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХ СИМВОЛОВ**

В настоящее время к вопросам, связанным с белорусской символикой и геральдикой, проявляется повышенный интерес как со стороны научного сообщества, так и широкой общественности. Специалисты исследуют историю происхождения и уникальность государственной и национальной символики, возникновение и развитие территориальной геральдики, создание и особенности государственных и ведомственных наград, семантику многообразных белорусских знаков и символов.

Наиболее востребованы и значимы государственные символы — Государственный флаг, Государственный герб и Государственный гимн, которые являются идентификационными знаками страны, узнаваемыми во всем мире.

14 мая 1995 г. состоялся инициированный Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко общенациональный референдум, на который, в частности, был вынесен вопрос о национальной символике. В марте 1995 г. проект Государственного герба был направлен для рассмотрения в один из отделов Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь (далее — Белкомархив) — Государственную геральдическую службу, созданную в 1993 г. В разработке нового изображения Государственного герба приняли непосредственное участие начальник геральдической службы, кандидат исторических наук В. Л. Носевич и сотрудник отдела, в дальнейшем его начальник, доктор исторических наук С. Е. Рассадин. Новый Государственный герб отражал время, в котором жили белорусы. С точки зрения геральдики он претерпел некоторые изменения. Композиционно он повторял герб БССР, но в центре, в лучах восходящего солнца, по предложению В. Л. Носевича, вместо перекрещенных серпа и молота был размещен один из ключевых элементов герба — контур Республики Беларусь. Девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на белорусском и русском языках на ленте красного цвета был заменен на ленту цветов Государственного флага с официальным названием страны «Республика Беларусь» в центральной нижней части герба. 7 июня 1995 г. подписан Указ Президента Республики Беларусь

№ 213 «Об утверждении эталона Государственного герба Республики Беларусь и Положения о Государственном гербе Республики Беларусь».

Такая интерпретация Государственного герба связана в первую очередь с устойчивым положением суверенной и независимой Беларуси на международной арене, имеющей глубокие исторические традиции государственности, а также осознанием каждым жителем нашей страны того факта, что он — гражданин Республики Беларусь, а символика — часть национальной богатой истории, яркий и уникальный элемент культуры и идеологии. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О государственных символах Республики Беларусь» [1] эталонные изображения Государственного флага и Государственного герба постоянно хранятся в государственном учреждении «Национальный архив Республики Беларусь», а эталонная запись Государственного гимна — в учреждении «Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов». Последняя редакция эталонного изображения Государственного герба была осуществлена в 2021 г.

Наряду с главными идентификационными символами страны активно используются как важный атрибут национального самосознания официальные геральдические символы (далее — ОГС) — эмблемы, флаги и нагрудные знаки государственных органов и организаций, различных общественных объединений, политических партий, профессиональных союзов. Все они представляют собой систему отличительных условных знаков, принятых к использованию в Республике Беларусь.

В настоящее время учрежденные в соответствии с законодательством официальные геральдические символы регистрируются в Государственном геральдическом регистре Республики Беларусь (далее — Геральдический регистр), ведение которого осуществляет Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (далее — Департамент).

Начало поэтапного формирования Геральдического регистра следует рассматривать с 90-х гг. XX в. Впервые после 1917 г. вопросы территориальной геральдики в Республике Беларусь были возведены в ранг государственной политики. 22 февраля 1994 г. Совет Министров Республики Беларусь принял постановление «Об утверждении Положения о Гербовом матрикуле Республики Беларусь» [2]. Данным нормативным правовым документом регламентировался порядок утверждения и регистрации городских гербов Беларуси, а также ведение Гербового матрикула — официального государственного реестра, в котором хранились изображения территориальных гербов и документы к ним. Внесению в Гербовый матрикул подлежали как воссозданные (возрожденные) исторические гербы, пожалованные белорусским городам и местечкам в течение XVI—XIX вв. великими князьями литовскими, королями польскими, так и вновь созданные геральдические символы тех населенных пунктов, которые не имели их в прошлом. Постепенно наряду с утверждением гербов населенных пунктов стали создаваться и территориальные флаги. Местные органы власти своими

решениями утверждали изображения гербов, а в некоторых случаях и флагов, а также положения о них. Первый герб, внесенный в Гербовый матрикул в 1994 г., принадлежит городу Полоцку. В результате проведенных исследований, в частности, ученым-геральдистом из Литвы Э. Римшей герб одного из древнейших городов Беларуси был зафиксирован на печати, датированной 1499 г. На ней изображен трехмачтовый корабль с фигурой в бискуиском облачении с характерным остроконечным головным убором [3, с. 468].

Сотрудники Государственной геральдической службы Белкомархива участвовали в разработке нормативных правовых актов, охватывающих вопросы геральдики и символики, координировали деятельность государственных органов и организаций, связанную с созданием и использованием территориальной геральдики в Беларуси. С 1994 по 2002 г. были воссозданы и официально учреждены районными и областными исполнительными комитетами гербы Бреста, Орши, Мозыря, Новогрудка, Клецка, Черикова и другие, созданы новые гербы для Коссово, Турова, Березовки, Мира, Солигорска, Бельничей и др. [4].

До середины 2002 г. в Гербовом матрикуле было зарегистрировано 97 гербов городов и городских поселков. Интересно, что 37 из них — гербы исторические. Сегодня они имеют официальный государственный статус.

Белорусская территориальная геральдика и символика имеют глубокие исторические корни и отражают духовные и нравственные черты белорусского народа, особенности национальной культуры и мировоззрения.

Для создания цельного комплекса военной национальной символики и эмблематики, а также четкого упорядочения наградной системы в Вооруженных Силах Республики Беларусь и других силовых структурах Указом Президента Республики Беларусь от 31 августа 1999 г. при Совете безопасности Республики Беларусь была создана Военно-геральдическая комиссия [5]. Этот коллегиальный орган был призван координировать работу по созданию и использованию флагов, знамен, ведомственных наград, знаков отличия и различия, отличительных и опознавательных знаков, эмблем, формы одежды и т. д. в воинских формированиях и военизированных организациях, а также в других государственных органах, сотрудники которых имеют форменную одежду и знаки различия. Перед Военно-геральдической комиссией ставились задачи всемерного содействия развитию отечественной воинской геральдики, изучения военно-геральдического наследия белорусского народа, других народов и государств, в первую очередь Российской Федерации, и внедрения самобытной национальной символики в военную форму одежды, эмблемы воинских формирований, знаки отличия и различия и пр. Комиссия принимала участие в подготовке проектов нормативных актов, регламентирующих порядок создания и использования воинских геральдических символов, а также осуществляла мониторинг эффективности принимаемых по этим вопросам решений.

В состав Военно-геральдической комиссии входили представители Министерства обороны Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, а также авторитетные ученые В. Н. Рябцевич и С. Е. Рассадин. Возглавлял комиссию на то время заместитель Государственного секретаря Совета Безопасности Республики Беларусь А. А. Тозик. В течение трех лет военные геральдисты проводили обязательную экспертизу, осуществляли инструктивно-методическую работу по созданию и использованию воинских геральдических символов, а также контролировали правильность их использования.

В целях координации деятельности по проведению единой государственной политики в области геральдики, символики, фалеристики, вексиллологии и иных символов в 2002 г. был подписан Указ Президента Республики Беларусь «Об образовании Геральдического совета при Президенте Республики Беларусь и некоторых мерах по совершенствованию порядка учреждения и государственной регистрации орденов, медалей и официальных геральдических символов» (далее — Указ) [6]. В состав Геральдического совета вошли представители Администрации Президента Республики Беларусь, органов государственного управления, видные ученые-историки из Национальной академии наук Беларуси и вузов — специалисты в области геральдики, символики, фалеристики, военной эмблематики и униформистики. Председателем Геральдического совета был назначен С. Н. Князев, первый заместитель главы Администрации Президента, его заместителем стал председатель Государственного комитета пограничных войск Республики Беларусь А. А. Павловский, а секретарем — главный специалист Департамента М. М. Елинская.

Геральдический совет и поныне содействует развитию официальной геральдики и символики в соответствии с историко-геральдическими традициями белорусского народа, а также с учетом теоретического и практического международного опыта в подобной сфере. После С. Н. Князева его последовательно возглавляли О. В. Пролесковский — заместитель Главы Администрации Президента, В. В. Янчевский — первый заместитель начальника Главного управления — начальник управления по координации идеологической работы Главного идеологического управления Администрации Президента, А. Ф. Мательский — начальник Главного государственно-правового управления Администрации Президента (в настоящее время — директор Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь).

Роль государственных и других официальных геральдических символов трудно переоценить. Ведь одно из важнейших предназначений современных символов — воспитание у соотечественников и в первую очередь молодого поколения чувства патриотизма и любви к Родине. В Указе впервые системно и комплексно регламентируется порядок действий для тех организаций, которые

желают иметь и, главное, активно пользоваться всеми видами символики. Алгоритм предполагает разработку геральдического символа и подготовку пакета документов, обязательную экспертизу официального геральдического символа в Геральдическом совете, дальнейшее его учреждение и, наконец, внесение в Геральдический регистр — информационный ресурс Республики Беларусь, с выдачей свидетельства о его регистрации. Лишь при соблюдении всех этих действий символика считается официально действующей. Геральдический регистр аккумулирует весь комплекс зарегистрированных символов на бумажных и электронных носителях, а также нагрудные знаки.

С 2002 по 2012 г. Президентом Республики Беларусь был подписан 21 указ об учреждении официальных геральдических символов административно-территориальных и территориальных единиц. В каждой области свои гербы и флаги получили города, городские поселки и даже деревни.

За первые десять лет существования Геральдического совета четко сформировалась одна из основных целей деятельности ее членов, а именно — необходимость приведения символики в современную узнаваемую систему, отвечающую национальным интересам. В результате работы геральдистов и заинтересованных государственных органов сформировалось общее стилевое единство корпоративной символики, позволяющее без труда идентифицировать работников, сотрудников (военнослужащих) того или иного силового или правоохранительного органа. Ибо эта символика широко представлена в качестве отличительного символа ведомства (эмблема), на форменной одежде, нарукавных и нагрудных знаках, в сети Интернет, на транспорте, в рекламной продукции, средствах массовой информации.

Так, эмблемы главных и региональных управлений в системе МВД, КГБ, Госпогранкомитета, Государственного таможенного комитета Республики Беларусь и некоторых других государственных органов размещены на «своих», специфических для каждого ведомства, орденских звездах или щитах различной конфигурации. На их основе проектируются и «фирменные» нагрудные знаки. Удачным примером единого стилевого решения может служить символика МЧС. Общеизвестна эмблема самого министерства, учрежденная Указом Президента Республики Беларусь от 22 декабря 1999 г. № 755 [7], которая представляет собой стилизованное изображение розы ветров, выполненное в форме двух вогнутых четырехугольников синего и красного цветов, образующих восьмиконечную звезду. Оба четырехугольника обрамлены золотым кантом. В центральной части эмблемы оранжевого цвета находится изображение каски спасателя белого (серебристого) цвета. Этим же Указом было учреждено и Знамя, выполненное из красного шелка, в центре лицевой стороны которого размещен государственный герб, в центре оборотной — эмблема МЧС. На синей кайме Знамени на лицевой стороне размещается название министерства, а на оборотной стороне находится кредо спасателей — «ПРАФЕСІЯНАЛІЗМ», «АДВАГА», «ГОНАР». Всего, помимо ОГС (эмблема, флаг и зна-

мя), в министерстве учреждена 21 эмблема структурных и территориальных подразделений, учебных заведений МЧС, а также нагрудные знаки.

При создании нагрудных знаков «силовые» ведомства тяготеют как к фалеристическим традициям советской эпохи, так и к заимствованию приемов медальерного искусства XVIII—XIX вв. К примеру, форма ордена «За асабістую мужнасць», нагрудных знаков «За адзнаку» объединения «Охрана» МВД, «За ўзасмадзяенне» Службы Безопасности Президента, «За выдатную службу» подразделений правительственной связи органов государственной безопасности представляет собой лапчатый крест, широко распространенный в международной наградной системе прошлого. Другие знаки отличия, например, «Гвардыя», «Ганаровы сувязіст Беларусі» и некоторые другие по своим размерам, композиции, элементам являются незначительно переработанными копиями нагрудных знаков советского образца [8].

В символике государственных организаций и общественных объединений, в том числе вышших и некоторых среднеспециальных учебных заведений, учреждений здравоохранения, культуры, спортивной направленности, ветеранских организаций и других, рассматриваемой на Геральдическом совете, с каждым годом все отчетливее проявляется стремление обозначить, с одной стороны, основной вектор своей деятельности, ее характерные особенности, с другой — принадлежность к Республике Беларусь.

Так, эмблема Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь (2006—2019) представляет собой круг, в центре которого размещена буква «Ѣ» на красно-зеленом фоне в виде очертания земного шара. В основе концепции — принцип построения «говорящей» эмблемы, то есть реально и доходчиво раскрывающей суть сюжета. Планета и буква «Ѣ» на фоне круга символизируют информационную среду, информацию (в том числе и международную), поступающую для анализа в центр. Орнамент на букве «Ѣ», а также надпись на белорусском языке указывают в целом на принадлежность к Беларуси и к органам государственного управления.

Еще одним примером может служить нагрудный знак Полоцкого государственного университета «За ўклад у патрыятычнае выхаванне моладзі». На его аверсе в центре изображен всадник, в основу которого положен абрис памятника полоцкому князю Всеславу Брячиславичу в г. Полоцке, а на реверсе — комплекс зданий иезуитского коллегіума (академии), в которых в настоящее время располагаются учебные корпуса университета. Центральная полоса колодки голубого цвета заимствована с герба и флага Полоцка, а по краям лента имеет красную и зеленую полосы — сочетания, аналогичные с государственной символикой. Визуальное переплетение исторических фактов, событий и имен с реалиями XXI века — одна из характерных особенностей официальных геральдических символов современной Беларуси.

Следующим этапом эволюции в области белорусской геральдики и символики на современном этапе развития государственности было вступле-

ние в силу Закона Республики Беларусь от 26 мая 2012 г. № 384-З «Об официальных геральдических символах» (далее — Закон) [9].

Закон устанавливает, что официальными геральдическими символами являются учрежденные соответствующими государственными органами, иными организациями символы, которые отражают исторические, географические, национальные, социальные, культурные, топонимические и иные традиции и особенности, являются средствами поощрения, идентификации, почетными символами или указывают на учреждение образования, которое окончило лицо, служебную или иную принадлежность.

Исходя из дефиниций, приведенных в статье 2 Закона, основополагающим символом, разрабатываемым для государственных органов и иных организаций, является эмблема, а для административно-территориальных и территориальных единиц — герб. На их основе создаются флаги, знамена, нагрудные и опознавательные знаки, элементы форменной одежды, в которых используются основные фигуры, цвета, расположение элементов главного символа.

С учетом изменений и дополнений, вносимых в Закон в 2015 и 2021 гг., к настоящему времени расширен перечень организаций, которые имеют право на официальную символику. Помимо государственных органов и государственных организаций, партий, профсоюзов и общественных объединений, в него включены Белорусская нотариальная палата, Белорусская республиканская коллегия адвокатов, Белорусская торгово-промышленная палата, Палата налоговых консультантов, постоянно действующие третейские суды, созданные в качестве некоммерческих организаций, частные учреждения образования.

Закон устанавливает требования, которые должны соблюдаться при создании официальных геральдических символов, и, в частности, одним из самых важных в настоящий период исторического развития Отечества является недопустимость существования официальных геральдических символов, которые могут служить целям осуществления пропаганды войны или экстремистской деятельности. При этом недопустимо использование гражданами или организациями символики, направленной по своему содержанию на причинение вреда национальной безопасности, общественному порядку, моральности, правам и свободам других лиц.

В развитие рассматриваемого Закона Президент Республики Беларусь подписал Указ от 6 июля 2021 г. № 258 «Об официальных геральдических символах» [10]. В документе определены перечни органов и организаций, имеющих право на учреждение знамен, и лиц, уполномоченных на ношение форменной одежды.

Поскольку знамя является почетным символом чести, доблести и славы (воинской или трудовой), в перечень включены все ведомства, у которых сегодня есть учрежденные знамена, а также ряд дополнительных структур в целях их возможного поощрения за особые заслуги перед страной.

В соответствии с этим же нормативным правовым актом военная форма одежды (повседневная, парадная, полевая), которая постоянно совершенствуется, удовлетворяя насущные запросы военнослужащих, несущих службу, проходит процедуру, аналогичную той, что проходят остальные виды символики, и учреждается исключительно Главой государства в отличие от других видов официальных геральдических символов. Наряду с военнослужащими право на ношение форменной одежды, имеют также судьи, прокурорские работники, сотрудники органов внутренних дел и военизированных структур, служб инкассации банков, суворовцы, кадеты и другие. Форменная одежда выполняет заметную роль при исполнении служебных обязанностей лицами в униформе, подчеркивая их ведомственную принадлежность. Сотрудник органов внутренних дел, инспектор лесной охраны, специалисты Республиканского отряда специального назначения «Зубр» МЧС в форменной одежде всегда воспринимаются с долей почтения и часто с надеждой.

По информации Министерства юстиции на 1 января 2025 г. в Республике Беларусь зарегистрировано 1397 общественных объединений. В Геральдическом регистре зарегистрирована символика — эмблемы, флаги и нагрудные знаки примерно трети от указанного числа организаций. Отличительные знаки и символы международных, республиканских, местных общественных объединений весьма разнообразны, поскольку отличаются друг от друга по направлениям своей деятельности. Это организации просветительные, культурно-досуговые, воспитательные, научные, технические, профессиональные, благотворительные, творческие, физкультурно-спортивные, молодежные, детские, ветеранов, инвалидов, защитников природы, памятников истории, культуры, которые объединяют граждан для совместного осуществления и удовлетворения социальных, экономических, культурных и иных интересов и достижения уставных целей. Общественные объединения и профсоюзы, а их на 1 января 2025 г. насчитывается 19, все больше тяготеют к так называемому полному геральдическому обеспечению. Это выражается в учреждении не только основного традиционного символа организации — эмблемы, но также флага и нагрудного знака. Они, как правило, по качеству исполнения, сочетанию символов, применению металлов и эмалей ничем не уступают символике государственных организаций.

В стране официально зарегистрировано 7 государственно-общественных объединений: Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту Республики Беларусь, Белорусское физкультурно-спортивное общество «Динамо», Белорусское республиканское общество спасания на водах, «Президентский спортивный клуб, Белорусское общество охотников и рыболовов, Белорусское добровольное пожарное общество, Белорусское общество «Знание». Их символика отличается выразительностью и, если можно так выразиться, фундаментальностью. Она яркая, запоминающаяся и каждая по-своему отражает специфику деятельности своих членов.

Также официально зарегистрировано 4 политических партии: Белорусская партия «Белая Русь», Коммунистическая партия Беларуси, Либерально-демократическая партия Беларуси, Республиканская партия труда и справедливости. Зарегистрированные в республике политические партии, являясь важнейшей частью гражданского общества, оказывают существенное влияние на формирование системы ценностей граждан страны, на их мировоззрение и политические убеждения. Эмблема политической партии призвана отражать специфику ее деятельности, цели и задачи. Она создается в соответствии с рядом геральдических требований и принципов. Так, включенные в символику фигуры, знаки, надписи должны быть аргументированно обоснованы, так же как их цвет и взаимное расположение.

Таким образом, официальные геральдические символы ежегодно пополняют Государственный геральдический регистр — информационный ресурс Республики Беларусь. Он состоит из трех разделов, включающих различные виды символики: ОГС, учрежденные указами Президента Республики Беларусь; ОГС административно-территориальных и территориальных единиц Беларуси (гербы и флаги) и ОГС, утвержденные самими государственными органами и иными организациями — приказами, постановлениями, решениями. На 1 мая 2025 г. в Геральдическом регистре насчитывается 2639 ОГС. Собранный в одном месте на бумажных и электронных носителях комплекс ОГС представляет собой ценнейший источник для изучения геральдики и символики современной Беларуси.

Доступ к информации Геральдического регистра является неотъемлемой частью функционирования современного общества. Реальная эффективность новых знаний заключается не только в беспрепятственном и своевременном получении пользователями информации, но и в дальнейшем ее использовании.

Литература и источники

1. О государственных символах Республики Беларусь : Закон Республики Беларусь от 5 июля 2004 г. № 301-З / Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2004. — № 111. — 2/1050.
2. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22 февраля 1994 г. № 89 «Об утверждении Положения о Гербовом матрикуле Республики Беларусь» // Сборник постановлений Совета Министров Республики Беларусь. — 1994. — № 6. — ст. 76.
3. Rimša, E. Lietuvos didžiosios kunigaikštystės miestų antspaudai // E. Rimša — Vilnius : Žara, 1999. — 765 с.
4. Адамупко, В. И., Елинская, М. М. Современная геральдика Беларуси // В. И. Адамупко, М. М. Елинская. — Минск : БелЭн, 2012. — 536 с. : ил.
5. О создании Военно-геральдической комиссии при Совете Безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь от 31 августа 1999 г. № 506 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 1999. — № 1/609.
6. Об образовании Геральдического совета при Президенте Республики Беларусь и некоторых мерах по совершенствованию порядка учреждения и государственной регистрации орденов, медалей и официальных геральдических символов : Указ Пре-

- зидента Республики Беларусь от 7 августа 2002 г. № 441 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2002. — № 91. — 1/3951.
7. О геральдическом знаке — эмблеме Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, Знамени Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь, Знамени областного, Минского городского управлений, учебного заведения данного Министерства : Указ Президента Республики Беларусь от 22 декабря 1999 г. № 755 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2000. — № 3. — 1/866.
 8. Елинская, М. М. Ордена, медали и нагрудные знаки Республики Беларусь / М. Елинская // Минск : Беларусь, 2022. — 304 с.
 9. Аб афіцыйных геральдычных сімвалах : Закон Республики Беларусь от 26 мая 2012 г. № 384-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2012. — № 63. — 2/1936.
 10. Об официальных геральдических символах : Указ Президента Республики Беларусь от 6 июля 2021 г. № 258 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 7 июля 2021 г. — 1/19777.

Артыкул надрукаваны ў рэдакцыю 11.06.2025.

Т. И. Брилева,
ведущий архивист отдела фондов личного происхождения
Национального архива Республики Беларусь,
аспирант исторического факультета
Белорусского государственного университета;
e-mail: tatianabrilleva@mail.ru

**ФОНДЫ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ
БЕЛОРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ПОЛЬШИ В БССР
В 1944—1947 гг.**

В отечественных архивах хранится большой массив документов и материалов, в которых отражен вопрос возвращения белорусского населения из европейских стран, в том числе из Польши, в БССР после Великой Отечественной войны. До недавнего времени архивные материалы по вопросам репатриации из стран Европы и переселения белорусов из Польши в БССР находились под грифом «секретно» и были недоступны для исследовательского круга. Сегодня документы находятся в открытом доступе и стали предметом исследования для историков. При изучении переселения белорусов из Польши в БССР в 1944—1947 гг. необходимо провести анализ документальных материалов, хранящихся в архивах Беларуси.

Методологическую основу публикации составили общенаучные и специально-исторические методы исследования. Применение общенаучных методов, таких как синтез, аналогия и сравнительный анализ, обеспечило детальное изучение различных аспектов рассматриваемой научной проблемы. Среди специально-исторических методов исследования был использован идеографический (историко-описательный), позволивший подробно рассмотреть фонды и материалы по заявленному научному вопросу. Благодаря историко-сравнительному методу были выявлены сходства и отличия, а также особенности комплектования исследуемых фондов Национального архива Республики Беларусь (далее — НАРБ), областных и зональных архивов. Использование типологического метода дало возможность выявить характерные черты рассматриваемого архивного материала для его систематизации. Изучение переселения белорусов из Польши в БССР в 1944—1947 гг. проводилось в соответствии с соблюдением принципов историзма, комплексности и научной объективности.

Освобождение Красной Армией в январе 1945 г. территории Польши от немецко-фашистских захватчиков позволило начать переселение белорусского населения, изъявившего желание вернуться в БССР. Между правительством БССР и Польским Комитетом Национального Освобождения (далее — ПКНО) было подписано соглашение 9 сентября 1944 г. в г. Люблине. Ответственность за переселение белорусов из Польши в БССР возлагалась на

Совет Народных Комиссаров БССР (далее — СНК). В августе 1944 г. при СНК БССР был создан отдел по приему и трудовому устройству советских граждан*.

История возвращения белорусского населения из Польши в БССР в 1944—1947 гг. наиболее широко представлена в комплексе документов, освещающих деятельность отдела, а также главных уполномоченных и районных представителей СНК (с марта 1946 г. Совет Министров) БССР по эвакуации. Архивные документы по истории отдела за 1944—1953 гг. вошли в состав описи № 3 фонда № 7 «Совет Министров Республики Беларусь, г. Минск» [1]. В фонде хранятся постановления и распоряжения СНК и Совета Министров БССР по вопросам организации переселения, протоколы заседаний республиканских и областных комиссий по переселению и репатриации, отчеты, доклады, справки о работе отдела, разнообразные инструкции, переписка по вопросам организации переселения белорусского населения с областными отделами, а также с вышестоящим руководством и представителями польской стороны. Сведения и справки о численности заявок на выезд и прибытие в БССР показывают количественные данные о ходе переселения белорусов из Польши. Вопросы устройства переселенцев на местах прибытия освещают распоряжения и докладные записки об их хозяйственно-бытовом устройстве. Финансовая поддержка переехавшего из Польши населения отражена в сведениях о кредитовании переселенцев Сельхозбанком и отчетах о возмещении исполнительными комитетами областных и районных Советов депутатов трудящихся стоимости оставленного ими недвижимого имущества и урожая.

В фонде № 787 «Управления переселения и репатриации при Совете Министров БССР, г. Минск» (опись № 1 и опись № 2) [2; 3] хранятся постановления и распоряжения СНК и Совета Министров БССР по вопросам приема, расселения и устройства переселенцев, решения областных и районных исполнительных комитетов, статистические сведения о количестве прибывшего населения из Польши, а также финансовые отчеты областных отделов по делам репатриации**. Изучить и проследить переселение белорусского населения из Польши в БССР можно по докладным запискам Главного уполномоченного СНК БССР по эвакуации из Польши. Вопросы, касающиеся деятельности

* Отдел по приему и трудоустройству советских граждан при СНК БССР был создан в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны от 24 августа 1944 г. Постановлением СНК БССР от 15 января 1945 г. отдел был переименован в отдел по делам репатриации, затем постановлением СНК БССР от 22 января 1946 г. в отдел по делам переселения и репатриации. Согласно постановлению Совета Министров БССР от 29 июля 1950 г. отдел был реорганизован в Управление переселения и репатриации при Совете Министров БССР. Ликвидирован 27 апреля 1953 г.

** Постановлением СНК БССР от 30 мая 1945 г. создавались отделы по делам репатриации при исполнительных комитетах областных Советов депутатов трудящихся. Постановлением СНК БССР от 22 января 1946 г. переименованы в отделы по делам переселения и репатриации.

областных отделов по делам репатриации, а также ответственных за проведение данных мероприятий и выполнение распоряжений вышестоящих инстанций прослеживаются в переписке с органами Управления Совета Министров СССР, Народного комиссариата внутренних дел (с 1946 г. Министерство внутренних дел) и Народного комиссариата государственной безопасности БССР (с 1946 г. Министерство государственной безопасности). Среди хранящихся в фонде архивных документов большой интерес для изучения представляют описи имущества граждан, выехавших в Польшу и отселенных с отошедшей к Польше территории в ходе проведения демаркации советско-польской границы.

В соответствии с соглашением от 9 сентября 1944 г. назначался Главный представитель СНК БССР по эвакуации польского населения с территории Белоруссии. Главный представитель размещался в г. Барановичи. Районные представители польской стороны находились также в Лиде, Гродно, Волковыске, Слониме, Пружанах, Бресте, Березе, Кобрине и Пинске. Пункт пребывания Главного уполномоченного СНК БССР по эвакуации белорусского населения с территории Польши был расположен в Белостоке. Районные представители белорусской стороны размещались в Белостоке, Ломже, Сокулке, Кньшине, Замброве, Бело-Подляске, Семятичах, Лапах, Цехановце, Валилах, Августове, Бельске [4, с. 209]. Документы о деятельности аппарата Главного уполномоченного и районных представителей СНК БССР вошли в состав отдельных фондов НАРБ.

Фонд № 788 «Главный и районные представители Совета Министров БССР по эвакуации польского населения с территории Белоруссии, г. Барановичи» состоит из двух описей (опись № 1 и опись № 2) [5; 6]. Помимо приказов, распоряжений и переписки с СНК и Советом Министров БССР, большой интерес представляют сведения о количестве граждан, акты-накладные на сданные зернопродукты, описи оставленного имущества выехавших, отчеты и докладные записки об итогах эвакуации, отражающие историю переселения в Польшу польского населения из белорусских областей. Благодаря алфавитным книгам и спискам выехавших в Польшу, а также материалам районных представителей по эвакуации можно проследить исследуемый вопрос по областям и районам БССР. Тем не менее, в документах фонда также встречаются количественные сведения о транспортировке белорусского населения из Польши в БССР в 1944—1947 гг.

Документальные материалы фонда № 789 «Главный уполномоченный Совета Министров БССР по эвакуации белорусского населения с территории Польши, г. Белосток» (опись № 1 и опись № 2) [7; 8] отражают деятельность одноименного ведомства в 1944—1947 гг. Документы фонда дублируют постановления, распоряжения, а также инструкции СНК и Совета Министров БССР, копии соглашений правительств БССР и Польши по вопросам эвакуации населения и работы уполномоченных. Более детальная информация прослеживается в приказах и докладных записках районных представителей о проведении эва-

куации населения, переписке с вышестоящим руководством, местной администрацией и гражданами. Сведения об отправленных хозяйствах из Польши в БССР представлены в отчетах о количестве эвакуированных хозяйств. Списки граждан, оставивших имущество при выезде из Польши, указывают на имущественное и социальное положение прибывших в БССР. Стоит отметить, что архивный материал данного фонда разделен по территориальному принципу: по районам (гминам, волостям) Польши, где велась регистрация населения на выезд в БССР. Преимуществом такой систематизации архивных документов является отражение ситуации с переселением белорусов на местах отправления, что значительно упрощает исследование темы. Тем не менее, вышеупомянутая систематизация документов относится только к спискам граждан на выезд и описи их имущества. Использование данного принципа позволило проверить показатели районных уполномоченных и проследить количество желающих выехать из Польши в БССР. Изучение приказов и распоряжений Главного уполномоченного по личному составу, характеристик и списков сотрудников переселенческих ведомств раскрывают ключевые направления их деятельности. Также особый интерес представляют удостоверения, заявления, эвакуационные листы и дела переселенцев, хранящиеся в описи № 2.

Особое место в исследовании заявленной научной проблемы занимают вопросы снабжения товарами первой необходимости, оказания материальной помощи переселенцам, а также их трудоустройства. Сведения о поступлении и распределении продовольственных, промышленных товаров для оказания помощи прибывшему из Польши в БССР населению вошли в состав фондов № 254 «ЦК общества Красного Креста Республики Беларусь, г. Минск» [9] и № 462 «Управление по поставкам ЮНРРА (United Nations Relief and Rehabilitation Administration — Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций) при СНК БССР, с 26.03.1946 — при Совете Министров БССР, г. Минск» [10]. Ввиду того что организации поддерживали, прежде всего, репатриантов из Германии и других европейских стран, информация, касающаяся переселенцев из Польши, носит фрагментарный характер.

Доклады, отчеты, справки о материальном положении переселенцев, работе областных исполнительных комитетов по приему и трудоустройству прибывшего населения, выписки из протоколов заседаний бюро обкомов и горкомов партии об агитационно-пропагандистской работе среди возвратившихся в БССР можно обнаружить в описях № 29, 42, 51, 61 фонда 4п «ЦК Коммунистической партии Белоруссии (КПБ), г. Минск» [11—14]. Изучение архивных документов фонда позволяет рассмотреть вопросы проведения культурно-просветительской работы администрации регионов, где были расселены переселенцы, а также их обустройство на местах прибытия.

Особенность организации переселенческого аппарата БССР, в отличие от иных союзных республик, заключалась в наличии отделов переселения и репатриации на областном уровне, документальный материал которых хра-

нится в областных архивах страны. Расселение прибывшего из Польши белорусского населения, преимущественно в Гродненской и Брестской областях, вызывает интерес к материалу архивов этих регионов. В фонде № 1214 «Отдел переселения и репатриации при исполнительном комитете Гродненского областного Совета депутатов трудящихся, г. Гродно Гродненской области» Государственного архива Гродненской области [15] за 1945—1952 гг. собраны приказы и директивные указания Управления переселения и репатриации Совета Министров БССР, решения и распоряжения Гродненского областного исполнительного комитета, сметы расходов, планы переселения населения Гродненской области и сведения об их выполнении, отчеты по переселению. Более детально ознакомиться с ситуацией на местах позволяют сведения о выполнении планов и отчетов по переселению начальников областных отделов. В архиве также имеются алфавитные книги выехавших в Польшу граждан, что позволяет всесторонне изучить не только переселение белорусов из Польши, но и поляков в Польшу из БССР. В материалах фонда № 815 «Брестский областной Совет депутатов. Брестский областной исполнительный комитет, г. Брест» Государственного архива Брестской области [16] также хранятся сведения по изучаемому вопросу. Постановления и распоряжения председателя областного исполнительного комитета, отчеты подчиненных облисполкому структур, протоколы комиссий и отчеты по области и районам отражают работу областной и районной администрации по устройству переселенцев, а также проведению просветительской работы.

Административно-территориальное деление БССР в изучаемый период отличалось от нынешнего, поэтому необходимо рассмотреть документальный комплекс, хранящийся в зональных архивах. В Зональном государственном архиве в г. Барановичи находится фонд № 497 «Отдел переселения и репатриации при исполнительном комитете Барановичского областного Совета депутатов трудящихся, г. Барановичи Барановичской области» [17]. В состав фонда вошли приказы, распоряжения и переписка с СНК и Советом Министров БССР, облисполкомами и райисполкомами об оказании материальной помощи прибывшим, а также возврате населения на родину. Помимо вышеперечисленного, сведения о переселении белорусов из Польши в БССР можно обнаружить и в фондах районных исполнительных комитетов, куда было расселено прибывшее население. Фонд № 382 «Пинский районный Совет депутатов, г. Пинск Брестской области» Зонального государственного архива в г. Пинске [18] состоит из протоколов сессий, заседаний президиума районного Совета и решений к ним, постановлений, приказов и распоряжений Пинского областного Совета и бюро областного комитета КПБ, решений Брестского областного исполнительного комитета, статистических отчетов о численности, отчетов о финансово-хозяйственной деятельности и других документов за изучаемый период.

В фондах НАРБ сосредоточен основной комплекс архивных документов по вопросу переселения белорусского населения из Польши в БССР в

1944—1947 гг. Наличие в архиве большого количества документального материала позволяет проводить комплексное исследование по вопросу возвращения белорусов из Польши, устройства и адаптации на местах прибытия. Обстоятельные сведения о расселении и обустройстве переселенцев в областных и районных центрах БССР раскрывают документальные материалы областных и зональных архивов.

Литература и источники

1. НАРБ. — Ф. 7. Оп. 3. Д. 1902—1962.
2. НАРБ. — Ф. 787. Оп. 1. Д. 1—53.
3. НАРБ. — Ф. 787. Оп. 2. Д. 1—33.
4. Соглашение между Правительством Белорусской Советской Социалистической Республики и Польским Комитетом Национального Освобождения об эвакуации белорусского населения с территории Польши и польских граждан с территории БССР. Люблин, 9 сентября 1944 г. / С. П. Маргунский, А. С. Зайцев // Белорусская ССР в международных отношениях. Международные договоры, конвенции и соглашения Белорусской ССР с иностранными государствами (1944—1959) : сб. док. / МИД БССР, АН БССР, Отдел правовых наук ; ред. К. В. Киселев. — Минск, 1960. — С. 207—214.
5. НАРБ. — Ф. 788. Оп. 1. Д. 1—27.
6. НАРБ. — Ф. 788. Оп. 2. Д. 1—233.
7. НАРБ. — Ф. 789. Оп. 1. Д. 1—74.
8. НАРБ. — Ф. 789. Оп. 2. Д. 1—154.
9. НАРБ. — Ф. 254. Оп. 3. Д. 1—885.
10. НАРБ. — Ф. 462. Оп. 4. Д. 1—94.
11. НАРБ. — Ф. 4п. Оп. 29. Д. 33, 543, 812, 814, 828.
12. НАРБ. — Ф. 4п. Оп. 42. Д. 94, 111, 140, 150, 375.
13. НАРБ. — Ф. 4п. Оп. 51. Д. 11.
14. НАРБ. — Ф. 4п. Оп. 61. Д. 70.
15. Государственный архив Гродненской области. — Ф. 1214. Оп. 1. Д. 1—64.
16. Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь : [сайт]. — Минск, 2006—2024. — URL: <https://fk.archives.gov.by/fond/131798/> (дата обращения: 10.12.2024).
17. Зональный государственный архив в г. Барановичи. — Ф. 497. Оп. 1. Д. 1—44.
18. Фондовый каталог государственных архивов Республики Беларусь : [сайт]. — Минск, 2006—2024. — URL: <https://fk.archives.gov.by/fond/130735/> (дата обращения: 11.12.2024).

Арттыкул наступіў у рэдакцыю 23.01.2025.

А. В. Тананов,

*младший научный сотрудник отдела архивоведения
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела;
e-mail: tananov02@mail.ru*

С. Е. Куприянов,

*заведующий отделом архивоведения
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела;
e-mail: KS2574882@yandex.ru*

ЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЙ АРХИВ УЧРЕЖДЕНИЙ г. МИНСКА в 1930-е гг.

В 1934 г. завершилось строительство Дома Правительства БССР в Минске, начатое по проекту архитектора И. Г. Лангбарда. Дом Правительства стал не только одним из символов Минска, но и центром исполнительной власти БССР. С момента возведения здание служило местом для проведения заседаний высших органов исполнительной и законодательной власти, где принимались ключевые решения, касающиеся экономического, социального и политического развития государства.

В Доме Правительства должны были размещаться высшие органы власти БССР (Совет народных комиссаров, народные комиссариаты) и иные государственные учреждения (объединения, тресты и др.). Архивные документы, образовавшиеся в ходе их деятельности, планировалось размещать и хранить там же. Сначала предполагалось, что каждое учреждение будет иметь отдельную комнату, предназначенную для ведомственного архива. Позже эта идея эволюционировала в создание Централизованного архива учреждений г. Минска (далее — ЦА).

Единственная научная работа, где имеются упоминания о ЦА — «Очерки истории архивного дела в Беларуси (XV в. — 1991 г.)», авторы которой называют его «Объединенным архивом наркоматов» [1, с. 139], что не соответствует действительности.

В 1934 г. был подготовлен проект Положения о новом архиве, где он именовался «Централизованным архивом учреждений г. Минска» [2, л. 48—49]. 3 января 1934 г. проект Положения вместе с проектом штатной численности был представлен Центральным архивным управлением БССР (далее — ЦАУ БССР) на рассмотрение СНК БССР. Согласно документу все учреждения, которые размещались в Доме Правительства и «владели самостоятельными архивными частями», передавали функции по ведению своих архивов ЦА. За учреждениями, обслуживаемыми ЦА, сохранялись обязанности, указанные в пунктах 7 (в части составления перечней), 9—13, 15, 16, 44—46 «Правил постановки архивной части делопроизводства в государственных учреждениях и предприятиях, также в профсоюзных, кооперативных, научных и общественных организациях БССР».

Архивные документы, подлежащие постоянному хранению, «через год» (конкретные сроки не указаны в проекте) после принятия их ЦА предполагалось передавать в архивохранилища Восточно-Белорусского отделения ЦАУ БССР в Могилеве. Документы, которые, согласно перечням, подлежали временному хранению (от 2 до 25 лет), оставались в ЦА и по истечении этого срока сдавались бы на утилизацию в качестве макулатуры. Находился архив в непосредственном ведении ЦАУ БССР. Был ли принят выявленный проект Положения о ЦА, на данный момент неизвестно.

Штатная численность ЦА на 1934 г. составляла 8 единиц: заведующий архивом, назначаемый и увольняемый ЦАУ БССР, секретарь, два научно-технических сотрудника первого разряда, три — второго разряда, а также один рабочий в архивохранилище [2, л. 50].

Сохранилась пояснительная записка к проекту стеллажного оборудования архива [2, л. 54—57]. Отметим, что этот документ на данный момент является единственным, где ЦА именуется как «объединенный архив». Из документа известно не только полное описание оборудования, которое предполагалось разместить в ЦА, но и точное его месторасположение в Доме Правительства.

В выписке из эскизного проекта размещения оборудования механизации и организации вспомогательно-обслуживающих функций в Доме Правительства указано, что ЦА подразделялся на:

- подручный;
- текущий (документы которого относились к вопросам, находящимся в стадии проработки);
- архив за текущий год по завершенным вопросам;
- архив за предыдущие годы.

Материалы и документы, находящиеся в стадии проработки, оставались в распоряжении непосредственных исполнителей и хранились в ящиках их отделов или в шкафах-колонках, находящихся в рабочих помещениях. Документы, которые требовались для текущей работы, хранились в секретариате данного учреждения, причем все работы по хранению возлагались на одного из технических исполнителей. Все остальные документы, относящиеся к завершенным делам, учреждениями направлялись для хранения в ЦА Дома Правительства.

ЦА Дома Правительства размещался в центральной части цокольного этажа под залом заседаний и был оборудован стеллажами, негоряемыми шкафами, бетонированной камерой, картотечными шкафами, шкафами-колонками для хранения документов за текущий год, средствами доставки (подвесным транспортером, тележками для перевозки документов). Также в ЦА имелись пылесос, приборы для дезинфекции и дезинсекции.

Документы за текущий и предыдущие годы хранились отдельно, причем они были разбиты на секции по числу учреждений, находящихся в Доме Правительства. Внутри каждой секции все архивные документы хранились в строгом порядке, соответствующем индексам вопросов, а в пределах одного

вопроса — строго в хронологическом порядке с соблюдением принципа «единства переписок».

Передача документов в архив осуществлялась пневматическим способом (документы помещались в патрон пневмопочты и передавались по ней непосредственно из ЦА) или с помощью подъемника. В этом случае по звонку вызывался дежурный курьер, который и забирал материалы. Если требовалось доставить архивные документы из секции к подъемнику и обратно использовались специальные средства передвижения.

Учет документов предполагалось осуществлять согласно инструкции, которая на данный момент исследователями не выявлена.

В выписке из эскизного проекта подчеркивалось, что хранение материалов в ЦА наряду с освобождением полезной рабочей площади в оперативных частях обуславливает значительное снижение эксплуатационных расходов (экономия в штате, спецоборудовании и т. д.).

О ранней деятельности архива известно немного. Основную информацию можно узнать из актов обследования архива ЦАУ БССР [3, л. 8]. В акте обследования ЦА от 19 сентября 1936 г. указывалось, что в архиве хранится 21 фонд, 165 описей и 22684 дела. Отмечалось, что «фонды обработаны в удовлетворительном состоянии», но не указаны даты начала и окончания дел.

Уже на 28 января 1937 г. в архиве хранилось 27 фондов (см. таблицу*) [4, л. 2—3].

Список фондов Централизованного архива учреждений на 28 января 1937 г.

№	Название фондов	За какие годы	Примечание
1	Наркомвнуторг	1932—1934	Архив находится в порядке
2	Белмельтрест	1932—1934	Тоже
3	Дом Правительства	1928—1933	
4	Беллугтрест	1931—1933	
5	Наркомхоз	1923—1933	
6	НКТяжпром	1931—1935	
7	Сберкасса	1931—1935	
8	Наркомзем	1931—1934	
9	Белметаллотрест	1932—1933	
10	Белторф	1932—1933	
11	Ушосдор	1932—1934	
12	Госарбитр	1932	
13	Наркомсвязи	1930—1935	
14	Наркомфин	1931—1933	

* Из документа видно, что в архиве хранились документы не только наркоматов, но и различных учреждений, из чего следует, что авторы «Очерков...» дали неточное название ЦА.

15	НКместпром	1928—1935	
16	Наркомздрав	1932—1934	
17	Приемная ЦИК	1930—1931	
18	Экспортлес	1932—1934	
19	Уполкомзаготовок при СНК	1932—1933	
20	Наркомсобес	1931—1933	
21	Управление Госстраха	1933—1934	
22	Межрайонный арбитр	1933	
23	Наркомпрос	1917—1934	
24	Белзаготпушнина	1932—1933	
25	Комиссия совконтроля	1933	Частично приведен в порядок
26	СНК	—	Описей нет, частично приведен в порядок, частично требуется уничтожить
27	УНХУ	1924—1935	Архив связан в папки, но не пронумерован

В акте от 5 октября 1937 г. указывалось, что в архиве хранится 29 фондов. Вместе с тем было отмечено, что архивное помещение существует с момента постройки Дома Правительства с 1933 г. (по словам бывшего заведующего архивом Виноградова).

Самый ранний документ, хранящийся в ЦА, это перепись животных за 1916 г. из фонда УНХУ*. Часть фондов не была обработана (фонды Наркомздрава, СНК БССР и др.). Часть дел и обложек не была оформлена (не указаны крайние даты дел, дела не пронумерованы), не все описи были составлены согласно законодательству.

В акте упоминается первый известный нам заведующий ЦА — Виноградов. Там же приведена характеристика о нем: «занимался только тем, что от большинства учреждений, сдававших свои архивные материалы на хранение в архив, брал за отдельную плату архивные материалы для обработки, на что не имел никакого права. Обработку документов проводил с нарушением действующих правил, из-за чего многие документы пришлось обрабатывать снова». В связи с неудовлетворительной деятельностью Виноградова 15 сентября 1937 г. СНК БССР назначил нового заведующего архивом — Б. Л. Жардецкого.

Перед новым заведующим ставилась задача — провести обработку документов в соответствии с законодательством, а часть дел, подлежащих постоянному хранению, передать в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства БССР.

29 декабря 1937 г. состоялось совещание заведующих архивами наркоматов и центральных учреждений БССР, на котором Б. Л. Жардецкий подтвердил, что из-за деятельности предыдущего заведующего ЦА документы дейст-

* Управление народно-хозяйственного учета.

вительно не обработаны. Упоминается и количество фондов и единиц хранения — 29 и 38 000 соответственно [5, л. 33]. Кроме того, Б. Л. Жардецкий отмечал, что архивариусы других учреждений Дома Правительства не занимались своими прямыми обязанностями и привлекались к другим работам, что также не улучшало работу с документами. В связи с этим он предлагал всех архивариусов подчинить заведующему ЦА.

В протоколе совещания Б. Л. Жардецкий упоминает, что он подчиняется Управлению делами СНК БССР. Как известно, по проекту Положения о ЦА от 1934 г. предполагалось, что заведующий ЦА подчинялся ЦАУ БССР. Из протокола следует, что в какой-то момент либо ЦА стал подчиняться СНК БССР, либо ЦАУ БССР лишилось возможности назначать заведующего. В какой момент произошли подобные изменения либо так изначально и было по предполагаемому принятому Положению о ЦА, на данный момент сказать невозможно.

Просуществовал архив, вероятно, до 1938 г. Так, 20 января 1938 г. ЦАУ БССР направило в СНК БССР документ, где говорилось, что сложившаяся «организация архива Дома Правительства, всех наркоматов и центральных учреждений, находящихся в Доме Правительства, архивные материалы которых сконцентрированы в одном месте и в ведении одного лица (зав. архивом), явно является противоречащим существующим ныне положениям ЦАУ БССР, согласно которого не допускается объединение архивных материалов учреждений совершенно самостоятельных и независимых по роду их деятельности» [6, л. 2].

Сложившееся положение, по мнению ЦАУ, создало «полную безответственность каждого наркомата и центрального учреждения за сохранность своих архивных материалов и за правильное их содержание с точки зрения правил постановки архивного дела и вместе с тем безответственность за постановку архивного дела».

Исходя из этого, ЦАУ БССР предложило ликвидировать «практику организации постановки архивного дела наркоматов и центральных учреждений, находящихся в Доме Правительства (организация единого архива), как идущей в разрез с существующими правилами постановки архивного дела». Вместо этого предлагалось создать ведомственный архив в структуре каждого наркомата и центрального учреждения на правах отдела.

Из документа можно сделать следующие выводы. Во-первых, штатная численность архива составляла всего одну единицу — заведующего. Во-вторых, архив был организован ненадлежащим образом, из-за чего он, скорее всего, и был ликвидирован. Отметим, что авторы «Очерков истории архивного дела в Беларуси (XV в. — 1991 г.)» указывали, что архив был уничтожен в 1941 г. в результате нападения немецко-фашистских захватчиков. Архивные документы, которые приведены в данной статье, этому противоречат.

Имеются косвенные доказательства того, что архив действительно был ликвидирован в 1938 г. В личном листке по учету кадров Б. Л. Жардецкого ука-

зано, что он являлся заведующим архива в Доме Правительства с 1937 по 1938 г. В акте обследования треста ЛесБел от 5 января 1938 г. он указан как «представитель архива действующих учреждений (СНК)» [7, л. 12—13]. В социалистическом обязательстве от 1 июня 1939 г., подписанном Б. Л. Жардешким, он значится как «заведующий архивом СНК БССР» [8, л. 144—145]. Наконец, в акте обследования архива СНК БССР за 1939 г. указывается, что материалы обрабатывал «архивариус Управления фондом правительства». Причем сначала было указано «архивариус Президиума Верховного Совета», но эта надпись была зачеркнута и поверх нее написана предыдущая [8, л. 123]. Информацию об этом управлении либо архиве Президиума Верховного Совета найти на данный момент не удалось. Следует отметить, что в архивных документах упоминаний о ЦА после 1938 г. не выявлено.

Таким образом, попытка централизации временного хранения документов центральных органов и учреждений БССР не увенчалась успехом. Сам ЦА стал наглядным примером неудавшейся попытки централизации временного хранения документов в учреждениях. Практически сразу же дела принимались на хранение без должной научно-технической обработки. Хранились они также с нарушением требований законодательства, что не только затрудняло работу с ними, но и способствовало утрате документов. Кроме того, из документов за 1937—1938 гг. складывается впечатление, что в архиве был лишь один заведующий. Естественно, он физически не мог обработать большое количество документов. Из обнаруженных документов можно узнать лишь первоначальный замысел создателей архива и его итог. Вопрос, как развивался архив в течение своего недолгого существования, как изменялись его функции, подчиненность, какими локальными актами руководствовались сотрудники архива, требует дальнейшего изучения.

Источники и литература

1. Жумарь, С. В. Очерки истории архивного дела в Беларуси (XV в. — 1991 г.) / С. В. Жумарь, Д. В. Карев, М. Ф. Шумейко. — Минск : БелНИИДАД, 1999. — 292 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 249. Оп. 1. Д. 494.
3. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 823.
4. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 989.
5. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 900.
6. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 1035.
7. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 1178.
8. НАРБ. — Ф. 249. Оп. 1. Д. 1284.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 20.06.2025.

*С. А. Жарносенко,
ведущий археограф отдела информации и использования
документов Зонального государственного архива в г. Речице;
e-mail: zhamosa@mail.ru*

**ДОКУМЕНТЫ ЗОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
В г. РЕЧИЦЕ ОБ ИСТОРИИ ВАСИЛЕВИЧСКОГО РАЙОНА
(1926—1927 гг., 1943—1959 гг.)**

До образования Василевичского района на его территории была Василевичская волость, входившая в состав Гомельской губернии РСФСР. С учреждением нового административно-территориального деления в СССР 8 декабря 1926 г. Речицкий и Гомельский уезды бывшей Гомельской губернии стали частью БССР и получили статус округов, а Василевичская волость Речицкого уезда преобразована в Василевичский район Речицкого округа [1, с. 67—68].

Большинство населения района составляли белорусы, а также проживали евреи, украинцы (в основном, в деревне Нахов), немцы (93 хутора деревни Заходы составляли немецкую колонию) и поляки. В районном центре, деревне Василевичи, действовали православная церковь и еврейский молитвенный дом. Основным богатством района было лесное хозяйство. Также жители занимались сельским хозяйством, рыболовством [24, с. 52].

Остро стоял вопрос ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Планировалось открыть в каждом селении избы-читальню, создать агентство «Центр печати» для пополнения избы-читальни литературой и периодическими изданиями. Однако создать избы-читальни во всех населенных пунктах и охватить население обучением не получилось, хотя и были составлены списки неграмотных, и создано общество «Долой неграмотность». В письме Василевичского райполитпросвета председателю Всероссийской Чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности М. И. Калинину от 25 января 1927 г. говорится, что из населенных пунктов района по своей культурности и экономике деревня Новинки была самой отсталой ввиду отсутствия плакатов и журналов общества «Долой неграмотность» для оборудования уголка по ликбезу [12, л. 41].

Избы-читальни чаще всего посещала молодежь, поскольку среди парней и девушек 16—20 лет было много неграмотных. Согласно протоколу № 3 заседания Василевичского райполитпросвета от 2 января 1927 г. за декабрь 1926 г. Макановичскую избы-читальню посетили 181 мужчина, 19 женщин взрослого населения и 200 человек молодежи [11, л. 17]. Привлеченные к обучению (оно длилось 4 месяца) в большинстве своем не заканчивали курс. Выпуск составлял 30% от поступивших. Из отчета о работе Крынковской группы малограмотных за 1926/1927 учебный год следует, что «отношение учащихся к учебным занятиям не вполне удовлетворительное, так как большинством из них не выполнялись задания на дом» [13, л. 30].

В 1926 г. охват ликпунктами взрослого населения составлял 11,5%, обучалось 250 человек из 2182. В протоколе конференции политпросветработников Василевичского района от 26 апреля 1927 г. отмечается, что «отношение общественных организаций, проводивших ликвидацию неграмотных, в начале работы было напряженным, но впоследствии ослабло, что и привело к упадку посещаемости. Ликпункты недостаточно снабжены освещением и инвентарем» [11, л. 61]. И это при том, что к октябрю 1927 г. планировалось ликвидировать неграмотность в СССР.

В 1927 г. в БССР началась белорусизация населения. 1-е группы (классы) Бабицкой и Василевичской школ переходили на белорусский язык обучения, что вызвало неоднозначную реакцию жителей. Из письма заведующего Речицким окрполитпросветом Шифрина райорганизатору Василевичской районной избы-читальни: «Окрполитпросвет приступает к переводу в ближайшие годы работы школ на белорусский язык, но для этого требуется достаточная подготовительная работа среди населения, и в первую очередь мы должны белорусизировать политпросветучреждения. Работу можно на белорусский язык перевести на 50%, каковую рекомендуем проводить в следующем порядке: читки максимально проводить на белорусском языке, стенгазеты издавать не менее чем на 50% на белорусском языке. Всю художественную работу вести на том же языке; библиотеку избы-читальни пополнять белорусской литературой не менее чем на 50%» [10, л. 73].

С 1926 г. в СССР ввели обязательное начальное образование. В Василевичском районе охват учащихся составлял 53,3%. Недостатка в учебниках не было, а письменных принадлежностей по бесплатному распределению на учебный год не хватало (на ученика приходилось 2,5 тетради и 0,7 карандаша). Согласно ведомости распределения букварей «Подросток» и письменных принадлежностей по ликпунктам района за 1927 г., Глиннослободский ликпункт получил 25 букварей, 60 тетрадей и 25 карандашей, Лозковский — 28, 60 и 30 соответственно, Золотушский — 40 букварей и 42 тетради, Бабицкий — 22 и 45 соответственно, Лисковский — 30 и 100, Крынковский — 25 и 45, Заходовский — 25 букварей, Кобылевский — 75 тетрадей и 30 карандашей [14, л. 2].

В районе семь школ работали по предметной системе и две школы (Бабицкая и Василевичская) — по комплексной. Учебный материал разбивался на отдельные темы («Октябрьская революция», «Охрана здоровья», «Среда окружения ребенка зимой» и т. д.). Вместо словесной формы предпочтение отдавалось таким методам обучения, как экскурсионный, лабораторный и частично исследовательский. Большое внимание уделялось физическому воспитанию и трудовому обучению.

С апреля 1924 г. по июль 1927 г. производственной базой Гомельского лесного техникума было Василевичское лесничество, а сам техникум располагался в Василевичах, что оказало большое влияние на культурную жизнь не только райцентра, но и всего района. Преподаватели техникума оказывали

методическую помощь учителям местной семилетней школы. Учреждение располагало большой библиотекой, включавшей более 4 тысяч томов научной и художественной литературы, которые были доступны не только учащимся, но и всем желающим, только под поручительство.

У студентов техникума было три основных вида деятельности: общественная, практическая и учебная. За каждым населенным пунктом закреплялись три студента, которые регулярно выступали перед крестьянами с докладами, беседами, лекциями, отчетами о своей опытнической работе на торфяниках и в питомнике лесничества. В местном клубе им. Воровского они вели естественнонаучный кружок, ставили бесплатные спектакли и концерты [10, л. 21—22].

В довоенный период на территории Василевичского района развивалась промышленность. Предпринимались первые шаги по электрификации: в 1926 г. в Василевичах зажглась первая лампочка, а в 1940 г. была открыта небольшая электростанция, которая обслуживала только центр Василевичей. В 1930 г. начал работу кирпичный завод, где до 1941 г. ежегодно обжигали до 1 млн кирпичей. Работал пункт по переработке молока в масло, который к концу 1930-х гг. вырос в завод по производству масла и сухого молока. Торфопредприятие «Закрошинский Мох» осуществляло добычу торфа, рос и обустроивался одноименный поселок.

По роду занятий большинства населения район был сельскохозяйственным. В Василевичах колхоз был создан в 1929 г. и получил имя И. В. Сталина. До войны наибольший срок председательства (1936—1941 гг.) был у Х. З. Яшина, при котором колхоз стал постепенно укрепляться. О тех годах Яшин вспоминал, что первыми трудностями были отсутствие кормов, нехватка семян и удобрений (помет, зола, навоз), падеж лошадей. Работы велись в основном вручную. Из техники имелись жнейки, косилки, сноповязки, лобогрейки, самоскидки, две полуторатонные машины, а еще четыре трактора, которые предоставлялись из МТС в обмен на хлеб. Также в деревне Ведрич работало луговое хозяйство «Лугас», заготавливавшее сено для нужд армии [24, с. 81—82].

4 августа 1927 г. состоялась первая ликвидация Василевичского района, к тому времени пребывавшего в составе Гомельского округа [1, с. 71—72]. Его территория была присоединена к Речицкому району, за исключением Макановичского и Зашебьевского сельсоветов, переданных Хойникскому району. 20 февраля 1938 г. Василевичский район был образован вновь, входил в состав Полесской области [1, с. 86—87], а после ее ликвидации 8 января 1954 г. — в состав Гомельской области [2, с. 23]. С 1938 г. в Василевичах издавалась районная газета «Сацыялістычная праца» [23, кн. 1, с. 135].

С началом Великой Отечественной войны Василевичский район оказался в развилке наступлений двух группировок вермахта — групп армий «Центр» и «Юг». 7 июля 1941 г. немецкие летчики осуществили первую бомбардировку Василевичей, в результате чего было повреждено полотно желез-

ной дороги, сгорели станционная баня и магазин. 12 августа нацисты появились на территории района, захватили деревни Чернейки и Липов. 25 августа они оккупировали Василевичи, которые сделали своим опорным пунктом в районе. В райцентре гитлеровцы создали свои органы административного управления, туда прибыл отряд СС.

Для борьбы с захватчиками была сформирована кавалерийская группа А. И. Бацкалевича, создан истребительный батальон во главе с начальником райотдела НКВД А. З. Духаниным, на базе которого организован первый партизанский отряд под руководством А. А. Козлова, вскоре прекративший свое существование. На территории района активно действовали антифашистское подполье, Василевичские подпольные райкомы КП(б)Б и ЛКСМБ, создана партизанская бригада им. П. К. Пономаренко. В тяжелых условиях оккупации подпольщики смогли наладить деятельность, внедряя своих людей на работу во вражеские структуры. Они вывели из строя электростанцию в Василевичах, подожгли мебельную фабрику в Бабичах, вели сбор оружия, боеприпасов, медикаментов, укрывали у себя для связи с советским тылом и устраивали на лечение партизан. Помогало в борьбе с врагом и расположение Василевичей на железной дороге Гомель—Брест [22, с. 314—315; 24, с. 85—91].

29 июля 1942 г. в районе деревни Избынь была сброшена десантная группа под руководством Ф. С. Манзиенко. Перед ней ставилась ответственная задача — знать все, что происходит в глубоком немецком тылу, прежде всего, на железной дороге. Для этого десантники исследовали территорию, взаимодействовали с местными подпольщиками, которые передавали им важнейшие сведения. Впоследствии за деятельность на Полесье Манзиенко был награжден орденом Красного Знамени [24, с. 97, 102—103].

С лета 1942 г. гитлеровцы и их пособники приступили к операциям по массовому уничтожению мирных жителей Василевичского района. Одной из первых жертв стала деревня Лозки, где 22 июля было сожжено 476 человек. 15 июля 1942 г. в деревне Узнож немецкие оккупанты расстреляли 13 человек, а 28 января 1943 г. в деревне Головки — около 40 [22, с. 315]. 7 июня 1943 г. от фашистов пострадали Хобное, Мутижар и Деревиче [20, л. 10—22]. Итого в 1941—1943 гг. в районе было полностью или частично уничтожено около 24 населенных пунктов [24, с. 99].

Символом фашистского безумия стала трагедия деревни Кобыльево Василевичского района (в настоящее время — деревня Первомайск Речицкого района). 28 января 1943 г. туда прибыл отряд немцев и полицаяв, которые в течение двух недель чинили разбой и убийства, что вынудило остальных жителей Кобыльева бежать в леса. 13 мая 1943 г. оккупанты объявили, что вернувшимся в деревню будет сохранена жизнь, иначе всех убьют. Большинство жителей поверили обещаниям гитлеровцев и вернулись в свои дома, где 14 мая их безжалостно расстреливали и сжигали живьем эсэсовцы и полиция, уничтожили 1050 человек. Об этой зверской расправе рассказывают многочислен-

ные протоколы допросов свидетелей, списки убитых советских граждан, фотографии сожженной деревни Кобылево и другие документы, хранящиеся в Речицком госархиве в фондах Чрезвычайной государственной комиссии СССР по расследованию преступлений фашизма [18, л. 2; 19, л. 1—42об; 20, л. 1—9; 21, л. 82—93об] и Речицкого райисполкома [5, л. 7, 105—106; 6, л. 5, 8, 18—20]. Всего за время оккупации в Кобылево жертвами нацистов стали 1118 человек, в том числе более 600 детей, сожжено 276 домов.

Осенью 1943 г. войска Белорусского фронта под командованием К. К. Рокоссовского вступили на территорию Полесья, положив начало освобождению Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. После взятия Лоевского плацдарма на реке Днепр перед красноармейцами стояла задача: с одной стороны, наступать на север по правому берегу Днепра и овладеть Речицей; с другой стороны, нанести удар в юго-западном направлении и занять Василевичи и Калинковичи.

10 ноября 1943 г. войска 65-й армии под командованием генерал-лейтенанта П. И. Батова начали наступление. В расчищенный танкистами Василевичский район для преследования пехоты врывались дивизии кавалерийского корпуса, за которыми следовали танковые эшелоны, уничтожавшие боевую технику врага. Дивизии стрелковых корпусов после выхода танков и кавалерии на оперативные просторы свертывались в колонны и вступали в бой с остатками недобитых германских войск.

В ночь на 14 ноября группа М. Казачихина из спецотряда НКВД А. З. Духанина подорвала вражеский эшелон около станции Бабичи, отрезав путь для отхода на запад другим немецким эшелонам, большинство из которых находилось на станции Демехи. Туда в ночь с 14 на 15 ноября ворвались танки 1-го гвардейского Донского танкового корпуса при поддержке пехоты 19-го стрелкового корпуса. Непосредственное участие в освобождении Василевичей приняли 149-я и 193-я стрелковые дивизии 63-й армии, 15-я и 16-я кавалерийские дивизии 7-го кавалерийского корпуса. Поддерживая 193-ю стрелковую и 15-ю кавалерийскую дивизии, между дорогами на деревню Золотуха и железной дорогой на Калинковичи наступали партизаны бригады им. П. К. Пономаренко.

Оперативная сводка Совинформбюро за 18 ноября 1943 г. сообщала, что «войска Белорусского фронта в результате стремительного наступления подвижных соединений и пехоты в ночь на 18 ноября после трехдневных ожесточенных боев овладели городом Речица. Продолжая наступление, войска фронта заняли более 30 населенных пунктов, среди которых районный центр Полесской области Василевичи и крупные населенные пункты: Балашевка, Говеновичи, Будка-Шибенка, Старокрасное, Новокрасное, Васильково, Головки» [4, л. 33].

Однако в районе борьба еще продолжалась. Красноармейцы и партизаны отражали попытки противника вернуть райцентр. С 15 по 21 ноября 1943 г. шли тяжелые бои за деревню Короватичи. По свидетельству командующего фронтом К. К. Рокоссовского, «только благодаря самоотверженной борьбе всего личного

состава 41-й артиллерийской бригады и умелому руководству боем полковника Когана Короватичи были удержаны в наших руках» [23, кн. 2, с. 24]. Наконец, 21 ноября 1943 г. Василевичский район был полностью очищен от немецких оккупантов, но еще несколько месяцев они не оставляли в покое освобожденные территории, подвергая их бомбардировке.

После изгнания нацистов в районе были восстановлены органы советской власти, приступил к работе райком КП(б)Б. Из распоряжения № 1 исполкома Василевичского райсовета депутатов трудящихся от 28 ноября 1943 г.: «Все граждане должны вернуться к месту довоенного проживания, зарегистрироваться по специальностям и получить назначение на работу. Чтобы не допустить возникновения эпидемии, председателям сельсоветов в трехдневный срок провести уборку трупов немцев и животных и закопать их в специально отведенных местах. Отвести лучшие места в населенных пунктах для братских могил и перезахоронить погибших бойцов Красной армии с почестями. Все имущество, инвентарь и прочее, приобретенное за годы оккупации, должно быть в трехдневный срок сдано в райсоюз с получением справки о сдаче» [7, л. 1].

Уже к концу 1943 г. возобновил работу торфозавод «Закрошинский Мох», который в 1944 г. заготовил 4700 т торфа. Согласно постановлению Василевичского райисполкома и райкома КП(б)Б от 28 февраля 1945 г., «в подготовке к сезону добычи торфа в 1945 г. на торфозаводе «Закрошинский Мох» проделана значительная работа. Полностью очищена магистральная и картофельная сеть, произведена корчевка и вырубка кустарника на площади 75 га. Вновь оборудована и пущена в эксплуатацию электроустановка и циркулярка, отремонтированы и оборудованы общежития рабочих на 400 человек, оборудована столовая, баня, клуб, амбулатория и детсад» [8, л. 35]. В итоге за своевременную подготовку к сезону 1945 г. коллективу торфозавода было вручено Красное Знамя Наркомстройпрома СССР.

Также были восстановлены кирпичный завод, маслозавод, швейная и сапожная артели, леспромхоз и лесхоз. На обозно-колесном заводе велось производство мебели, не отличавшейся высоким качеством. Постановлением № 32 бюро Василевичского райкома КПБ и райисполкома от 21 августа 1958 г. обозно-колесный завод и райпромкомбинат были объединены в мебельную фабрику [9, л. 62—63].

В условиях военного времени усиленно работала железнодорожная станция, задачей которой являлось предотвращение задержки поездов для фронта. По итогам 1948 г. станция Василевичи в соревновании по управлению Белорусской железной дороги заняла первое место [23, кн. 2, с. 213, 218].

В апреле 1945 г. в Василевичи пришла телеграмма за подписью Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, в которой выражалась благодарность жителям района за сбор средств для строительства танковой колонны «Большевик Полесья» [24, с. 112].

Для тружеников колхоза им. Сталина зима 1943—1944 гг. прошла в организационной работе: обобществлялся скот, семена. Не хватало рабочих рук, не было тракторов и лошадей. Хотя воинская часть и передала 8 лошадей, пахать все равно приходилось на коровах колхозников, а за плуги становились женщины и дети. К весне 1944 г. в колхозе насчитывалось 7 коров, 8 овец, 4 свиньи, 12 лошадей.

Летом того же года колхоз им. Сталина вновь возглавил Х. З. Яшин. В его руководство (до 1955 г.) колхоз дважды признавался лучшим — в области в 1948 г. и в республике в 1950 г. Повысился и уровень жизни колхозников: если в 1944 г. они получали на трудодень всего лишь 400 г хлеба, то в 1948 г. средняя стоимость трудодня составляла 9 кг картофеля, 1,9 кг зерна, 3 кг сена, 2,80 руб. деньгами и др. [15, л. 32об]. В 1950 г. данное сельхозпредприятие было укрупнено за счет присоединения к нему колхоза «Красный коммунар» деревни Глиняна Слобода [16, л. 21]. Благодаря слаженному труду всего коллектива и председателя, колхоз им. Сталина стал центром внимания в БССР, туда приезжали руководители республики, писатели, поэты, музыканты. О его работниках слагали песни [24, с. 117].

Еще одним передовым хозяйством Василевичского района был совхоз «Ведрич». В 1949 г. доярка совхоза Е. А. Метлушко надояла от каждой коровы своей группы по 6401 кг молока, что стало рекордом республики. В 1950 г. Метлушко и руководитель тракторной бригады С. Д. Фещенко были удостоены звания Героя Социалистического Труда [23, кн. 2, с. 224—225].

За время оккупации были разграблены и полуразрушены школы поселка. Восстановление зданий школ учителями и учащимися шло быстрыми темпами, и к 1950 г. они работали уже в нормальных условиях. Все дети от 7 до 16 лет были охвачены обучением. В школах имелись предметные кабинеты, комплекты демонстрационного и лабораторного оборудования, наглядных пособий. В русской школе была создана лучшая в области географическая площадка. Большое внимание уделялось внеклассной и внешкольной работе. С 1958 г. в школах велись уроки труда, оборудовались мастерские по дереву и металлу, класс машиноведения. Девочки обучались швейному делу и кулинарии.

Сразу после освобождения в Василевичах начали работать районный дом культуры и радиоузел, постепенно в жизнь населения входило телевидение. С ликвидацией района в 1959 г. прекратили существование радиоузел и районная газета [24, с. 125—126].

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета БССР от 29 апреля 1950 г. деревня Василевичи стала городским поселком [17, л. 15]. В 1950-е гг. Василевичи были относительно процветающим населенным пунктом с достаточно развитой инфраструктурой. Многие жители строили индивидуальные дома. Введены в эксплуатацию здания райкома партии, русской школы, магазинов, бани. В 1958 г. вступила в строй Василевичская государственная районная электростанция, мощность которой составляла 200 тыс. кВт [3, с. 262].

16 сентября 1959 г. Василевичский район был упразднен окончательно, а его территория поделена между Речицким и Калинковичским районами [2, с. 32, 68]. В результате уровень жизни и численность населения Василевичей, вошедших в состав Речицкого района и позднее получивших статус города, стали неуклонно снижаться. Но это уже другая история.

Литература и источники

1. Административно-территориальное деление БССР (1917—1941 гг.). Т. 1. — Минск : Беларусь, 1985. — 390 с.
2. Административно-территориальное деление БССР (1944—1980 гг.). Т. 2. — Минск : Беларусь, 1987. — 281 с.
3. Белорусская Советская Социалистическая Республика / под ред. П. У. Бровки. — Минск : БелСЭ, 1978. — 616 с.
4. Зональный государственный архив в г. Речице (далее — ЗГА в г. Речице). — Ф. 163. Оп. 1. Д. 1.
5. ЗГА в г. Речице. — Ф. 348. Оп. 1. Д. 153.
6. ЗГА в г. Речице. — Ф. 348. Оп. 1. Д. 154.
7. ЗГА в г. Речице. — Ф. 417. Оп. 1. Д. 1.
8. ЗГА в г. Речице. — Ф. 417. Оп. 1. Д. 4.
9. ЗГА в г. Речице. — Ф. 417. Оп. 1. Д. 424.
10. ЗГА в г. Речице. — Ф. 417. Оп. 2. Д. 11.
11. ЗГА в г. Речице. — Ф. 417. Оп. 2. Д. 15.
12. ЗГА в г. Речице. — Ф. 417. Оп. 2. Д. 24.
13. ЗГА в г. Речице. — Ф. 417. Оп. 2. Д. 69.
14. ЗГА в г. Речице. — Ф. 417. Оп. 2. Д. 98.
15. ЗГА в г. Речице. — Ф. 459. Оп. 1. Д. 11.
16. ЗГА в г. Речице. — Ф. 459. Оп. 1. Д. 17.
17. ЗГА в г. Речице. — Ф. 491. Оп. 1. Д. 3.
18. ЗГА в г. Речице. — Ф. 864. Оп. 1. Д. 2.
19. ЗГА в г. Речице. — Ф. 864. Оп. 1. Д. 5.
20. ЗГА в г. Речице. — Ф. 864. Оп. 1. Д. 6.
21. ЗГА в г. Речице. — Ф. 864. Оп. 1. Д. 12.
22. Памяць Беларусі. — Мінск : БелЭн, 2005. — 592 с.
23. Памяць. Рэчыцкі раён. Кніга 1, 2. — Мінск : Беларусь, 1998. — 503 с., 327 с.
24. Сергеева, В. А. Василевичи. Местечко, которое так и не стало городом / В. А. Сергеева. — Гомель : Барк, 2020. — 156 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 25.11.2024.

*В. А. Барбарчук,
научный сотрудник отдела документоведения
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела*

ПОДДЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, СПОСОБЫ ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ

Изготовление поддельных документов традиционно рассматривается исследователями как способ совершения преступлений против информационной и финансовой безопасности граждан и организаций. Однако в периоды военных конфликтов и массовых репрессий изготовление поддельных документов становится как эффективным способом диверсионной работы, так и единственным способом спасения жизни уязвимых категорий населения. Одним из таких периодов в истории Беларуси стал период оккупации ее территории немецкими войсками во время Великой Отечественной войны. Поддельные документы активно использовались партизанскими соединениями, подпольщиками и диверсантами для легализации на оккупированных территориях. Также фальшивые документы изготавливались, продавались и приобретались гражданским населением, в том числе и с целью избежать террора со стороны оккупационных властей. В данной статье описаны основные способы изготовления и использования поддельных документов на территории Беларуси во время немецкой оккупации в 1941—1944 гг.

Сведения об изготовлении и использовании поддельных документов на территории Беларуси в период немецко-фашистской оккупации содержатся в документах фондов Национального архива Республики Беларусь (далее — НАРБ). В архивном фонде отдела истории Великой Отечественной войны Института истории партии [1, л. 12—22, 34] содержится обширная коллекция переводов документов нацистского оккупационного аппарата, т. н. «Александровская пленка». Также в состав указанного архивного фонда входят черновики воспоминаний участников партизанского и подпольного движения, черновики работ по темам партизанской борьбы. Часть дел фонда составляют переводы документов из других республик СССР, содержание которых касается Беларуси. Например, многие документы по деятельности органов рейхскомиссариата «Остланд», в состав которого входила оккупированная территория Беларуси, осели в архивах Латвийской ССР.

Архивный фонд Белорусского штаба партизанского движения (далее — БШПД) (фонд 1450) содержит документы о результатах деятельности партизан, которые позволяют определить масштабы партизанского движения, даты отдельных операций, границы действий партизанских соединений. Наибольшую ценность для изучения темы изготовления поддельных документов представляют коллекции трофейных документов, захваченные партизанами и пере-

правленные в разведывательные подразделения БШПД (опись 1), а также радиogramмы разведывательных органов партизанских отрядов (опись 11а).

Анализ материалов архивных документов позволяет указать следующие источники появления поддельных документов на оккупированной немецкими войсками территории БССР в 1941—1944 гг.:

завладение подлинными документами путем хищения, покупки, физического устранения владельца;

изготовление поддельных справок, направлений, подтверждений, использование захваченных печатей и бланков;

изготовление поддельных документов в специальных паспортных столах или квалифицированными одиночками на оккупированной территории БССР;

изготовление поддельных документов на советской территории с последующей доставкой их на оккупированную территорию Беларуси. Такими документами снабжались разведывательные и диверсионные группы, направляемые из БШПД и Центрального штаба партизанского движения (далее — ЦШПД).

Следует отметить, что изготовление поддельных документов отнюдь не было прерогативой советских подпольных организаций и паспортных столов на советской территории. На оккупированной территории БССР также действовали независимые изготовители поддельных документов, которые таким образом зарабатывали себе на жизнь. Изготовлением поддельных документов также занимались подпольные организации, связанные с польским националистическим сопротивлением, причем они действовали не только на территории Западной Беларуси, но и в Минске.

Наиболее простым способом документальной легализации на оккупированной территории БССР было получение документов в немецкой оккупационной администрации на законных основаниях. Для этого не требовалось наличие специальных навыков по изготовлению поддельных документов или проведение комплекса мероприятий по созданию законспирированных паспортных столов.

В воспоминаниях подпольщиков различных городов БССР отмечается, что они успешно легализовывались на оккупированной территории, устраивались на работу и стремились занять более или менее значимые должности.

Первоначально именно на получение документов легальным путем ориентировали своих агентов советские спецслужбы. Так, в отчете айнзацгруппы «Центр» за июль 1941 г. указывается, что «...под Могилевом была задержана группа красноармейцев, которые обманом получали документы, выдавая себя за политических заключенных, в ходе острых допросов они показали, что перешли фронт с целью легализоваться на немецкой территории и начать диверсионную деятельность» [2, л. 10].

Попытки получить немецкие документы предпринимали также и представители этнических общин, подвергавшихся геноциду со стороны оккупаци-

онных властей. Отчет вышеуказанной айнзацгруппы за август 1941 г. содержит следующее сообщение: «В городе Минске расстрелян еврей, который, используя хорошее знание немецкого, пытался получить документ немца по крови» [2, л. 11]. На следующей странице отчета можно прочесть, что «... в районе Гомеля были задержаны представители азиатской низшей русской расы (татары, монголы), которые фальшивыми документами пытались скрыть свое происхождение» [2, л. 23].

Приведенные факты демонстрируют, что перед значительной частью населения оккупированной территории БССР стояла жизненно важная задача легализации, которая могла быть решена несколькими способами, одним из которых была выдача документов доверенным лицом партизан, работающим в органе оккупационной администрации. Полученные таким образом документы нельзя считать поддельными, так как они были снабжены соответствующими реквизитами подлинности, а их время и место создания соответствовали реальности, хотя в нацистских документах их и называют фальшивыми. В отчете о деятельности Тайной полевой полиции 723 (далее — ГФП) за февраль 1942 г. содержится такая информация: «... бургомистр деревни Гальцево (Оршанский район) Подлицкий устроил писарем в общину своего родственника Ходосова, являющегося связником партизан, и передал ему 7 бланков удостоверений личности для партизан» [3, л. 109].

Таким же образом действовали и врачи Минского военного госпиталя, которые выдавали военнопленным документы о работе в госпитале и разрешение на выезд из Минска за лекарствами. Этими документами военнопленные пользовались при совершении побега к партизанам. Пропажу военнопленных прикрывали фиктивными свидетельствами о смерти [4, л. 103].

Иными способами приобретения документа, подтверждающего личность для тех категорий населения, которые не могли получить его легально, являлись изготовление поддельного документа или покупка такого документа на черном рынке.

Первоначально приобретателями поддельных документов на оккупированной территории БССР были евреи и военнопленные. И если военнопленные зачастую снабжались документами при побеге из лагерей, то евреи были вынуждены документы просто покупать или изготавливать поддельные документы самостоятельно.

Изготовление поддельных документов для военнопленных стало первым актом борьбы минских подпольщиков. О способах изготовления поддельных документов для военнопленных в первые дни оккупации можно узнать из воспоминаний одной из активных участниц Минского подполья Я. М. Савицкой: «... документы изготовлял дядя, у которого были печати и бланки сельскохозяйственной артели, с помощью их мы делали справки, в которых указывалось, что эти люди работают в артели или едут на место жительства...».

Военнопленных снабжали поддельными документами не только подпольщики из белорусской части Минска. Жесточайший террор против евреев стал причиной быстрого нарастания борьбы евреев Минска против немецких оккупантов. После создания гетто именно оно на какое-то время стало центром подпольной борьбы в Минске, несмотря на многочисленные облавы, обыски и погромы. Зачастую в гетто находили прибежище также и нееврейские подпольщики, которые пользовались тем, что в гетто существовала сплоченная община, которая некоторым образом могла защитить подпольщиков от шпионов.

Минское гетто в 1941—1942 гг. было одним из центров фабрикации документов, причем не только для самих евреев. В сводке событий минской тайной полиции за ноябрь 1942 г. содержится следующая информация: «Вновь завербованные в минском лагере военнопленных партизаны бежали оттуда с помощью гражданских лиц в обмундировании, и в условленном месте получили гражданскую одежду и фальшивые документы. Эти документы появлялись или из пропавших во время вступления немецких войск паспортов или были куплены евреями и изменены в соответствии с требованиями...» [1, л. 80].

Одним из первых, кто занялся фабрикацией поддельных документов в Минске, был известный деятель подполья Исай Казинец, проживавший в Минске по поддельному паспорту на имя Деликурды-оглы Мустафы [й, л. 107]. При осмотре его квартиры немцы обнаружили приспособления для изготовления фальшивых документов и много печатей. Изготовление поддельных документов было не только одним из основных занятий подпольщиков, но и доходным бизнесом для предприимчивых жителей Минска. Документы в Минске можно было купить практически на любом рынке, например, основными местами покупки документов были колхозный рынок на улице Коллекторной, а также район улицы Рыночной [4, л. 25].

В общей сложности, исходя из данных немецких документов, в Минске на начало 1942 г. было выявлено 24 пункта изготовления поддельных паспортов по всему городу, и далеко не все они были связаны с советским подпольем [5, л. 34].

Создание в 1942 г. подпольных паспортных столов было одним из наиболее существенных мероприятий по обеспечению подполья документами. Преимущество аппарата по изготовлению поддельных паспортов над талантливыми одиночками заключалось в широком использовании агентурной разведки. По заданию подпольщиков в бюро пропусков Минского городского комиссариата устроился комсомолец З. З. Гало. Он систематически снабжал подпольщиков бланками пропусков, образцами печатей и подписей фашистских начальников на документах.

Для учета населения города и введения паспортного режима в городском комиссариате было создано заявочное бюро. Оно ведало обменом и выдачей паспортов, пропиской жителей. Там же находилась картотека адресного стола. Подпольщикам чрезвычайно важно было проникнуть в это учреждение. По заданию

подпольщиков Л. Д. Драгун устроилась в адресный стол, а В. А. Соловьянчик — в отдел прописки и выписки. Через них участники подполья получили возможность доставать оформленные паспорта, прописываться в городе, менять адреса. Они сообщали подпольщикам о лицах, чьими адресами интересовались фашисты, запутывали картотеку и другую документацию.

По заданию Минского комитета КП(б)Б весной и летом 1942 г. значительную работу по обеспечению подпольщиков документами проводил В. И. Сайчик (Батя, Старик, Дед). Большую помощь в снабжении документами подпольщиков и военнопленных, спасенных из лагерей, оказывала А. Ф. Веремейчик, которая через Г. И. Зубкова, П. Г. Климовича, И. П. Климовича (работали в горуправе), Н. С. Мохначу (работал на бирже труда) доставала бланки различных удостоверений, паспортов, аусвайсов.

Одновременно было организовано изготовление документов самими подпольщиками. Большого мастерства достиг в этом художник И. Х. Козлов. В его квартире по улице Комаровской, 55 изготавливались документы для подпольщиков, военнопленных, бежавших из лагерей, партизанских связных, разведчиков. Искусно изготовлял печати и подделывал подписи И. Адамович (Боб). Изготавливали документы также подпольщики гетто (Г. Д. Смоляр, М. Л. Гебелев и другие).

Об эффективности работы подпольщиков по подделке документов свидетельствует тот факт, что ни один провал подпольщиков Минска не был связан с разоблачением поддельных документов.

Не менее активно действовали партизаны и подпольщики других регионов оккупированной Беларуси. Изготовлением поддельных документов занимались подпольщики бригады К. С. Заслонова. Кроме того, что подпольщикам приходилось доставать документы для собственной деятельности, документы были также необходимы для спасения семей подпольщиков от мести оккупантов. Как свидетельствуют изученные архивные документы, удавалось это не всегда: «... из 973 охранного батальона доставили в группу (723 группа ГФП в Орше) 32-летнюю Устину Малаченко вместе с ее матерью и сыном. Женщины имели при себе изготовленные в бригаде Заслонова фальшивые удостоверения личности с немецкими печатями. В этих удостоверениях сообщалось, что ее муж был убит партизанами, а они сами преследуются ими. Фактически же они являлись активными партизанами» [6, л. 82].

Подобно подпольщикам Минска действовали и брестские подпольщики. В принципе схема действия подпольщиков при подделке документов была практически одинакова: проводилось внедрение доверенных людей в немецкие административные органы, которые затем осуществляли поставку документации, бланков, печатей, подписей, а также некоторых технических средств по изготовлению документов подпольщикам.

Особо следует остановиться на относительно малоисследованной теме деятельности фальсификаторов документов, не связанных с советским под-

польем. Эти люди просто использовали свой талант, чтобы зарабатывать на существование, или могли быть связаны с другими ветвями антифашистского сопротивления.

Так, в октябре 1942 г. в своей квартире в Минске, по улице Рыночной 41-2, был задержан живописец Михаил Добровольский. Внимание нацистских органов безопасности он привлек в связи с подозрением в подделке документов. После проведения допросов в полиции безопасности и СД М. Добровольский признал свою вину и открыл немцам схему своей работы. Схема работы изготовителя поддельных документов была своеобразной: «... Добровольский для тех лиц, которым в городском комиссариате было отказано в выдаче пропусков, так как не было на то достаточных причин, изготавливал новые заявления и давал при этом ложные данные. Благодаря этому он в большинстве случаев выдавал пропуски. Пропуска, которые выписывались в городском комиссариате за 50 пффенингов, Добровольский продавал за стоимость до 100 рейхсмарок» [5, л. 232]. Анализируя эти сведения, можно сказать, что Добровольский изобрел хитроумный способ облегчения своей вины, так как он не подделывал собственно документы, выданные немецкими властями, а лишь изготавливал поддельные заявления для их получения. Очевидно, что Добровольский не боролся с немецкими оккупантами, а просто зарабатывал, изготавливая и продавая поддельные документы.

Наиболее известной оценкой объема деятельности подпольных паспортных столов в Минске являются следующие данные, приведенные в сборнике документов «Минское подполье» 1987 г.: «Количество подделанных документов в Минске оценивается примерно в 100, за эти подделки до настоящего времени арестовано 54 человека, из которых 30 расстреляно. Кроме них в декабре 1941 — январе 1942 расстреляно еще 120 евреев, которые сами или через посредников принимали участие в подделке документов» [5, л. 158].

Эти данные, взятые из одной из сводок СД, неполные, так как в них опущена одна очень важная деталь: «... из многочисленных раскрытых в Минске групп по подделке паспортов, одна находилась внутри городского управления. Она работала с ведома польского руководителя отдела паспортов и преследовала цель выдавать за белорусов поляков, переехавших в Беларусь...» [5, л. 158].

С начала нацистского вторжения органы военного управления СССР испытывали недостаток информации о планах и силах противника, в то время как Германия успешно применяла многочисленные хорошо обученные и оснащенные разведывательные отряды и группы, которые добывали стратегическую разведывательную информацию, захватывали важные объекты и документы.

Первые дни войны были ознаменованы и первыми попытками направить во вражеский тыл разведчиков. Уже в первом июльском сообщении полиции безопасности имеются данные о советских агентах: «... в районе Варшавы были выброшены и вскоре задержаны советские шпионы, вооруженные пистолетами и гранатами, при себе у них имелись фальшивые паспорта и

1150 рейхсмарок...» [6, л. 8]. В следующей сводке был приведен еще один случай столкновения с советскими агентами: «... в городе Барановичи задержаны агенты НКВД, у них было обнаружено оружие, поддельные документы и 13 000 рейхсмарок для организации диверсионных актов» [7, л. 9]. С продвижением немецкой армии зона активных действий агентов, забрасываемых с советской территории и снабженных поддельными документами, изготовленными в центре, смещалась на восток, однако в Восточной Беларуси такие группы действовали практически безостановочно.

Некоторую характеристику документам советских диверсантов в конце 1941 г. можно найти в Наставлении по борьбе с партизанами, разосланном за подписью главнокомандующего сухопутными войсками Германии фельдмаршала Вальтера фон Браухича 4 декабря по всем частям 3-й танковой группы: «... партизаны имеют поддельные удостоверения, у русских агентов отобраны удостоверения, снабженные служебными каучуковыми печатями «Полевая почта № 15098Е» и следующим текстом:

Удостоверение.

_____ (ФИО) сегодня назначен старостой села и председателем колхоза. Он несет личную ответственность за поддержание порядка в селе и правильное руководство колхозом. Отныне это является его обязанностью. Для выполнения своих задач он уполномочен назначать надежных лиц в качестве своих подчиненных (бухгалтеров и т. д.).

16 августа 194.. г.

Подпись, капитан продовольственной команды (подпись неразборчива). На обратной стороне русский текст. Бланки были взяты у убитого офицера и после заполнения использованы для снабжения русских агентов». Далее дается следующая характеристика выявленного поддельного документа: «... Подделка грубая и легко различимая» [8, л. 434].

Приведенная в Наставлении оценка, указывающая на неудовлетворительное качество советских подделок, не позволяет проигнорировать прослеживающийся в выявленном документе опасный для немцев факт. Советские спецслужбы при подготовке поддельных документов ориентировались на наиболее необходимые для разведчиков документы. Старые польские паспорта и указанные в Наставлении справки разделяют всего лишь несколько месяцев, а в реальности между ними пропасть, преодоленная качественным рывком.

Однако далеко не все агенты, которые были заброшены на оккупированную территорию Беларуси, получали поддельные документы. Это зависело, прежде всего, от задания. Так, связные БШПД и радисты, которых забрасывали в партизанские отряды с «Большой земли», не имели документов для легализации. Не всегда выброски проходили успешно, и тогда советские разведчики были вынуждены бороться за выживание на оккупированной территории. Как правило, эта борьба начиналась с изготовления поддельных доку-

ментов. В отчете о деятельности группы ГФП 723 за февраль 1942 г. имеются сведения о деятельности такого агента: «... от проверенных людей были получены сведения о том, что в одном из отелей Осиповичей скрывается русская шпионка «Валя», выброшенная в январе в районе города... Валя проживала в одной из гостиниц в центре Осиповичей и с помощью ее хозяйки изготовила поддельные документы на имя Нины Ивановой, оказывавшая помощь советской шпионке хозяйка гостиницы Наталья Петрова была арестована, «Вале» удалось скрыться...» [3, л. 125]. Валя (Наталья Майборода) была задержана только в августе 1942 г., после того как один из схваченных в Осиповичах подпольщиков выдал жандармам конспиративную квартиру [3, л. 135].

Переход стратегической инициативы на сторону Красной Армии вызвал необходимость получения широкого диапазона сведений о состоянии вермахта для дальнейшего планирования наступательных операций. Следовательно, было необходимо активизировать деятельность разведки в тылу врага, однако большинство партизанских отрядов не уделяло должного внимания разведке, а занималось диверсиями. К тому же партизаны просто не обладали необходимой квалификацией для проведения разведывательных операций. Было необходимо перебросить через линию фронта квалифицированных разведчиков, снабженных качественными документами. Для этого, прежде всего, требовалось найти способ постоянно поддерживать документальную базу в актуальном состоянии, а также постоянно получать образцы документов с оккупированных территорий.

Партизаны и подпольщики в ходе своих боевых операций регулярно захватывали (или просто похищали) различные документы. Эти документы после длительного пути по партизанским зонам попадали в центральный и республиканские штабы партизанского движения.

В фонде БШПД в НАРБ хранится дело, являющееся результатом сотрудничества разведывательного отдела ЦШПД и отдела разведывательной техники Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии (далее — ГРУ), который и занимался изготовлением фальшивых документов для советских агентов на протяжении всей войны. Это дело содержит около 150 документов самого различного вида и назначения. Вот только некоторые из них:

«зольдбухи» солдатские книжки — удостоверения личности немецких военнослужащих вермахта, СС, люфтваффе;

немецкие гражданские паспорта, причем не только из Германии, но и из Австрии, Сербии, Моравии;

профессиональные удостоверения — водительские удостоверения, удостоверения медперсонала (врачей, медсестер) и т. д.;

медицинские документы (амбулаторные карты, явочные карты больных заразными заболеваниями);

профсоюзные билеты, членские карточки немецких клубов (клуб автомобилистов «Факультета»);

удостоверения личности для оккупированных территорий — «Аусвайс», как постоянные, так и временные наиболее широко представлены в подборке (около 30 документов);

удостоверения коллаборационистских формирований от полицейских справок до солдатских книжек РОА и других «восточных» формирований, участвовавших в операциях на оккупированной территории Беларуси. Этот вид документов является вторым по широте представления, при этом особое внимание уделено удостоверениям на право ношения оружия.

В указанном деле также представлено несколько странных документов. Например, партизаны посчитали необходимым включить в посылку в центр книжку о здоровье служебной собаки. Стоит отметить, что среди документов, собранных в этом деле, также имеются документы, изъятые у перешедших на советскую территорию жителей оккупированной Беларуси, у граждан, прошедших через советские фильтрационные лагеря, по мере освобождения Беларуси. В целом в деле собраны документы, выдававшиеся немецкими органами как в Германии, так и на оккупированной территории с 1941 по 1944 г.

Получение образцов документов могло происходить разными способами: прямой захват, законное получение, хищение, покупка, получение по личным каналам.

Так, находящийся в деле «зольдбух» СС шарфюрера Кюфлера был снят с трупа этого эсэсовца в начале весны 1942 г. под Столбцами, а попал на «Большую землю» только в середине 1943 г. В большинстве случаев, если партизанам удавалось захватить труп немца, они забирали не только оружие, но и документы. Так произошло и с зондерфюрером Шмидтом под Оршей. Документы изымались и у убитых коллаборационистов. Например, в ходе боя с советскими партизанами под Гомелем были убиты пять военнослужащих полка СС «Туркестан», их документы и удостоверения были захвачены и переправлены на «Большую землю». Документы изымались также и у раскрытых информаторов немецких спецслужб, хотя они не всегда отличались от тех, что были у партизан. Партизаны изымали документы в гражданских учреждениях во время налетов. Например, во время нападения партизан на общину в деревне Селище (Логойский район) партизаны наряду с продовольствием и старостой захватили и все печати общины.

Агенты, забрасываемые с «Большой Земли», также ориентировались на захват документов. Вот что об этом написано в инструкции по борьбе с партизанами для итальянских военнослужащих: «Агентки должны завести знакомство с немецкими офицерами и унтер-офицерами определенных воинских частей и тем самым узнать данные о немецкой разведке. Затем русским агентам поручается добыть удостоверения личности и военные удостоверения, а также служебные печати воинских частей немцев и их союзников». Интересен и способ проверки качества подделок, используемый партизанами: «... выданные паспорта показываются старостам, чтобы определить — видна ли подделка?»).

Согласно данным вышеуказанной инструкции можно было определить и основные документы, которые поставлялись разведгруппам из центра. Во-первых, это удостоверения беженцев, выданные харьковской комендатурой в течение 1942 г., в справке приведены содержание и внешний вид удостоверений, что свидетельствует о том, что документы, выдаваемые советским разведгруппам, были однотипны. Также разведгруппы снабжались советскими паспортами серии 6800-Р, причем эта серия паспортов указывалась как выпускаемая для разведчиков еще в начале 1942 г. Вновь фигурирует удостоверение о назначении старостой, однако его содержание не повторяет приведенное в инструкции Браухича [8, л. 192—193].

Нацисты много внимания уделяли поиску образцов документов партизан — любые документы, обнаруженные у партизан, необходимо было направлять в вышестоящие учреждения полиции безопасности и СД [8, л. 194].

О том, как документы, захваченные у немцев, могли быть использованы, можно узнать из сообщения полиции безопасности и СД за февраль 1944 г., содержащего доклад обергруппенфюрера СС Курта фон Готтберга. В своем докладе высокопоставленный нацист сообщает: «Около десяти часов утра ко мне в кабинет зашел молодой человек в форме Люфтваффе и представился: «Меня зовут Антон Кальтенбруннер, я приехал из Москвы, чтобы убить вас». Я был обескуражен такими словами и сначала думал, что он нездоров. Видя мою озадаченность, юноша достал из кармана револьвер и визитную карточку на имя племянника обергруппенфюрера СС Кальтенбруннера и положил их мне на стол. Я тем временем встал из-за стола и подошел к нему вплотную, чтобы защититься, если он захочет что-то предпринять. Юноша сказал: «Меня послали из Москвы, чтобы убить вас, но я немецкий офицер и не буду этого делать». Я взял револьвер и убедился, что он снабжен специальными пулями, так что каждое ранение может быть смертельным. После того, как я спрятал оружие, мы сели, и я спросил у него: почему он не хочет выполнить свою миссию. Он ответил следующим образом: «Мое настоящее имя Артур Шлоссер, я был летчиком-истребителем и осенью сорок первого года попал в плен под Москвой. В лагере военнопленных под Казанью меня завербовали в особую группу немцев-предателей, которая готовилась для переброски в Германию. В конце сорок третьего года меня забросили за линию фронта, дав форму гауптмана Люфтваффе, пистолет и фальшивые документы. Я приехал в Германию, но, пообщавшись с простыми немцами, я понял, что то, что говорили нам в лагере, ложь, и немецкий народ по-прежнему сражается за своего фюрера. Тогда я поехал в Минск и пришел к вам...» [9, л. 73].

Описанный в докладе случай вполне мог быть целиком придуман Готтбергом с целью создания для себя героической репутации жертвы покушения. Однако если инцидент, описанный в докладе, все же имел место, то становится очевидным, что немец-перебежчик неоднократно перемещался по всей территории оккупированной Европы, успешно проходя десятки проверок и досмот-

ров. Это свидетельствует о том, что к 1944 г. качество изготавливаемых советскими спецслужбами поддельных документов достигло исключительно высокого уровня, позволявшего снабжать особо ценных агентов документами высочайшего качества. Такой прогресс был достигнут в том числе и благодаря изучению опыта работы партизан и подпольщиков с оккупированной территории Беларуси.

Изготовление и использование поддельных документов в период нацистской оккупации Беларуси в 1941—1944 гг. было эффективным способом легализации и конспиративной работы для партизан и подпольщиков. Изготовление поддельных документов осуществлялось как бойцами просоветских формирований, так и членами польских националистических групп. Также изготовлением поддельных документов занимались частные лица на оккупированной территории с целью дальнейшей продажи на черном рынке. Использование поддельных документов было также способом спасения жизни для членов этнических групп, подвергавшихся геноциду со стороны оккупационных властей. Просоветские партизанские и подпольные формирования также осуществляли сбор документов, выданных оккупационными органами с целью их дальнейшей переправки в специальные подразделения советских разведывательных органов. Сбор и изучение немецких трофейных документов периода Великой Отечественной войны позволили значительно повысить качество поддельных документов, выдаваемых агентам советской разведки.

Источники и литература

1. НАРБ. — Ф. 1440. Оп. 3. Д. 913.
2. Там же. — Ф. 1393. Оп. 1. Д. 979.
3. Там же. Д. 1158.
4. Там же. Д. 11.
5. Там же. Д. 975.
6. Там же. Д. 946.
7. Там же. Д. 945.
8. Там же. Д. 20.
9. Там же. Д. 1004.

Артыкул напісаны ў рэдакцыю 16.06.2025.

В. Н. Жук,*старший научный сотрудник**отдела исследовательской и научно-методической деятельности
Белорусской сельскохозяйственной библиотеки им. И. С. Лутиновича**Национальной академии наук Беларуси,**кандидат исторических наук;**e-mail: research@belab.by*

БЕЛОРУССКАЯ АКАДЕМИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ НАУК: ИДЕЯ СОЗДАНИЯ

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 февраля 1956 г. № 253 «О мерах по улучшению работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству» актуализировало деятельность по поиску оптимального решения организации научного сопровождения сельскохозяйственной отрасли. В течение 1956 г. в БССР, как и в других республиках Союза, республиканскими органами власти совместно с силами профильного министерства и научного сообщества прорабатывались варианты создания координационного научного центра сельского хозяйства. В ходе рассмотрения данного вопроса возобладало мнение об организации Белорусской Академии сельскохозяйственных наук (далее — Белорусской АСХН), которое в январе 1957 г. было оформлено официальным решением. Однако идея создания Белорусской АСХН была не единственной и утвердилась не сразу: на протяжении 1956 г. предлагались альтернативные варианты организации аграрного научного центра БССР.

Анализ предшествующей историографии показал, что специальных исследований по данной теме не проводилось. Только в монографии Н. В. Смеховича [1, с. 333] и научных трудах В. Н. Жука [2, с. 9, 10; 3—6] имеются попытки осмыслить этот вопрос в общем контексте, но полноты картины они не дают. Актуальность темы, помимо ее неразработанности, обусловлена потребностью в осмыслении уроков прошлого касательно реформ в аграрном секторе экономики.

Объектом данного исследования является Белорусская Академия сельскохозяйственных наук, а предметом — возникновение и формирование идеи создания этого научного центра в БССР. Хронологические рамки исследования — 1956 год.

Цель работы заключается в том, чтобы установить причинно-следственную связь между проводимой в БССР реформой в Министерстве сельского хозяйства (далее — МСХ) и идеей создания Белорусской Академии сельскохозяйственных наук. Достичь это предполагается путем решения следующих задач:

охарактеризовать состояние сети научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству в БССР накануне намеченных преобразований;

показать итог реформирования в системе Министерства сельского хозяйства БССР как результат мер по усилению связи сельскохозяйственной науки с аграрным производством;

определить степень влияния реорганизации Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ) на трансформацию точки зрения республиканских органов власти и управления в вопросе создания Белорусской АСХН.

Методологической базой исследования послужили проблемно-хронологический метод познания и общенаучные методы — анализ, синтез, обобщение. Исследование подготовлено преимущественно на архивных источниках. Так как ранее указанная тема комплексно не изучалась, итоговые результаты исследования представляют собой научную новизну.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 февраля 1956 г. № 253 «О мерах по улучшению работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству» перед ученым сообществом была поставлена задача по приближению научных исследований к запросам сельскохозяйственного производства. В постановлении отмечалось, что задачи дальнейшего развития сельского хозяйства в стране требуют значительного улучшения научно-исследовательской работы, повышения роли сельскохозяйственной науки во всенародной борьбе за крутой подъем земледелия и животноводства. Этим же постановлением была представлена программа на ближайшие годы научных разработок важнейших вопросов сельского хозяйства: по земледелию, зерновым культурам, картофелю и овощам, садоводству, увеличению производства кормов, животноводству, механизации и электрификации сельского хозяйства, гидротехнике и мелиорации, экономике и организации сельскохозяйственного производства. Вместе с тем в официальном документе обращалось внимание и на преодоление недостатков. Отмечалось как совершенно недопустимое положение, когда большое количество сельскохозяйственных научных учреждений сконцентрировано в крупных городах, не имеет экспериментальных баз и оторвано от колхозного и совхозного производства [7, л. 4—8; 8, л. 604, 605]. В равной мере это относилось и к Белорусской ССР.

В середине 1950-х гг. в БССР, по сравнению с другими союзными республиками, сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений было немного. Так, в Брестской области находилась единственная Коссовская опытно-болотная станция Института мелиорации, водного и болотного хозяйства Академии наук БССР, в Гомельской области — Турская опытная станция по травам, в Молодечненской области — зональная станция по льну системы МСХ СССР. Несколько лучше обстояло дело по научному обслуживанию Витебской области. Здесь были сосредоточены две опытные станции (по животноводству и ветеринарии), опытная станция Академии наук БССР «Устье» и Витебский ветеринарный институт. Гродненская область располагала Гродненским сельскохозяйственным институтом и двумя опытными станциями (Беняконской сельско-

хозяйственной и Василишковской — по животноводству). В Могилевской области действовала Белорусская сельскохозяйственная академия, а в Минской области — Белорусская государственная селекционная станция, Белорусская плодовоовощная опытная станция, Русиновичская овощно-картофельная селекционная станция и Белорусская научно-исследовательская станция механизации сельского хозяйства. Непосредственно в Минске находились Институт социалистического сельского хозяйства, Институт животноводства, Институт мелиорации, водного и болотного хозяйства, Институт механизации и электрификации сельского хозяйства Академии наук БССР. Все эти учреждения в 1955 г. были в распоряжении четырех ведомств — Министерства сельского хозяйства, Министерства высшего образования, Министерства промышленности продовольственных товаров и Академии наук БССР [8, л. 603, 604].

В уже упомянутом постановлении были разработаны меры по укреплению материально-технической базы научно-исследовательских учреждений страны. В частности, по Белорусской ССР предусматривалось создать единую сеть научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству в системе Министерства сельского хозяйства БССР [7, л. 9, 10].

Во исполнение постановления № 253 ЦК КПСС и Совета Министров СССР 8 марта 1956 г. в Министерстве сельского хозяйства СССР обсуждался вопрос «О мерах по улучшению работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству», по итогам которого был издан приказ. В нем констатировалось, что Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, биологическое отделение Академии наук СССР и многие научно-исследовательские институты, сельскохозяйственные вузы и опытные станции еще не перестроили свою работу в соответствии с постановлениями сентябрьского (1953 г.) и последующих пленумов ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства. В этой связи было принято решение осуществить реорганизацию сети научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству, расширить их функции и передать МСХ СССР и министерствам сельского хозяйства республик из других министерств и ведомств научно-исследовательские учреждения. Министрам сельского хозяйства союзных республик предписывалось в двухмесячный срок внести в Советы Министров союзных республик проекты структуры, штатов, смет, численности работников и фонда заработной платы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству и доложить Министерству сельского хозяйства СССР о ходе выполнения настоящего приказа к 1 июля 1956 г. и к 1 января 1957 г. [9, л. 31, 32 об., 34, 38 об., 39, 41].

Вопрос о структуре, штатах и размещении белорусских НИИ и опытных станций рассматривался на заседаниях Коллегии МСХ БССР 29 марта, 4 мая, 11 июня, 2 августа, 25 октября 1956 г., в ЦК КПБ — 5 апреля 1956 г., в Совете Министров БССР — 20 июня 1956 г. [7, л. 2, 4—13, 32; 10, л. 406—469; 11, л. 227—239, 362, 365—367, 378, 379; 12, л. 111, 115, 117; 13, л. 165, 169—172, 212—214; 14, л. 169, 175].

Реорганизация сети научно-исследовательских институтов сельскохозяйственного профиля проводилась в БССР, главным образом, в мае—июле 1956 г. О ее результатах можно судить по следующим фактам:

1. Принятый от Академии наук БССР в ведение Министерства сельского хозяйства БССР по акту от 10 мая 1956 г. Институт социалистического сельского хозяйства с 8 июня того же года стал **Белорусским научно-исследовательским институтом земледелия** (БелНИИ земледелия). Директором данного учреждения в порядке перевода был назначен кандидат сельскохозяйственных наук, действительный член Академии наук БССР Виктор Иванович Шемпель. Приказом по МСХ БССР от 27 июля 1956 г. № 204-к в связи с организацией БелНИИ земледелия с 1 августа 1956 г. прекратили свою деятельность Белорусская государственная селекционная станция МСХ БССР и опытная станция «Устье» Института социалистического сельского хозяйства АН БССР. В составе БелНИИ земледелия были организованы: центральная экспериментальная база «Зазерье» с отделением «Токарня» и еще три экспериментальные базы («Анополь», «Самуэлево», «Устье»). Экспериментальные базы «Анополь» и «Самуэлево» были подчинены центральной экспериментальной базе «Зазерье». Кроме того, БелНИИ земледелия были переданы в подчинение две сельскохозяйственные опытные станции — Ганусовская (Несвижский район Минской области) и Полесская (Василевичский район Гомельской области), а также опытное поле «Боровляны». Для размещения центра указанного института ему была передана Минская средняя школа по подготовке председателей колхозов в Курасовщине (Минский район). Земельная территория экспериментальных баз и опытных станций, переданных в распоряжение БелНИИ земледелия, составляла 5669 га, в том числе пашни — 3744 га [8, л. 606; 11, л. 240, 251].

2. На базе Белорусской плодовоовощной опытной станции МСХ БССР и опытной станции «Русиновичи» Министерства промышленности продовольственных товаров БССР, расположенных в Лошице и Русиновичах Минского района, был организован **Белорусский научно-исследовательский институт плодоводства, овощеводства и картофеля** (БелНИИ плодоводства, овощеводства и картофеля). Ему были подчинены 8 опорных пунктов, организованных в различных почвенно-климатических условиях республики. Экспериментальные базы института располагали земельной площадью 1155 га. Приказом по МСХ БССР от 27 июля 1956 г. № 203-к в состав БелНИИ плодоводства, овощеводства и картофеля был передан отдел картофеля бывшего Института социалистического сельского хозяйства АН БССР и группа селекции и семеноводства картофеля бывшей Белорусской государственной селекционной станции, со всеми научными материалами и оборудованием. В связи с реорганизацией указанной станции ее директор Н. Д. Мухин был освобожден от обязанностей и назначен в порядке перевода с 1 августа 1956 г. заведующим отделом зерновых культур БелНИИ земледелия. Директором указанного

института был назначен кандидат сельскохозяйственных наук Леонид Авраамович Скрипниченко [8, л. 606; 11, л. 241; 15, л. 27, 30].

3. Приказом по МСХ БССР от 21 июля 1956 г. № 187-к Белорусский научно-исследовательский институт лесного хозяйства МСХ БССР был объединен с Институтом леса АН БССР, переданным Академией наук БССР в систему Министерства сельского хозяйства БССР. С этого времени объединенный институт стал **Белорусским научно-исследовательским институтом лесного хозяйства** (БелНИИ лесного хозяйства). Институт располагался в Гомеле. Ему была подчинена Жорновская лесная опытная станция (Осиповичский район Могилевской области) и экспериментальная база «Щомыслица» (Минский район Минской области). Директором БелНИИ лесного хозяйства был назначен кандидат сельскохозяйственных наук Александр Ильич Савченко [8, л. 607; 11, л. 249].

4. Приказом по МСХ БССР от 21 июля 1956 г. № 188-к на базе Белорусской научно-исследовательской ветеринарной станции МСХ БССР и отдела ветеринарии бывшего Института животноводства Академии наук БССР был организован **Белорусский научно-исследовательский ветеринарный институт** (БелНИВИ). Его директором в порядке перевода был назначен профессор, доктор ветеринарных наук, действительный член Академии наук БССР Моисей Калинин Юсковец. В связи с организацией БелНИВИ с 1 августа 1956 г. Белорусская научно-исследовательская ветеринарная станция МСХ БССР прекратила свою деятельность. БелНИВИ располагался в Минске в помещении бывшего Института животноводства АН БССР [8, л. 607; 11, л. 248; 16, л. 1, 9].

5. Приказом по МСХ БССР от 21 июля 1956 г. № 189-к Институт животноводства, принятый от Академии наук БССР в ведение Министерства сельского хозяйства БССР по акту от 10 мая 1956 г., был переименован в **Белорусский научно-исследовательский институт животноводства** (БелНИИ животноводства). В ведение института была передана Василишковская опытная станция животноводства и экспериментальная база «Заречье», организованная на базе совхоза «Заречье», переданного Министерству сельского хозяйства БССР Министерством совхозов БССР. При передаче совхоза институту к нему были присоединены три колхоза. Экспериментальная база института и опытная станция в совокупности располагали земельной площадью около 10 тыс. га. Директором БелНИИ животноводства в порядке перевода был назначен доктор экономических наук, профессор Михаил Фёдорович Габышев [8, л. 606, 607; 11, л. 247].

16 июня 1956 г. ЦК КПСС признал необходимым организовать в БССР научно-исследовательский институт экономики и организации сельскохозяйственного производства. В скором времени последовал приказ МСХ БССР от 25 октября 1956 г. № 309-к о создании **Белорусского научно-исследовательского института экономики и организации сельскохозяйственного производства** (БелНИИЭОСХ). В этот же день Коллегия МСХ БССР, рассмотрев

вопрос о штатном расписании новообразованного НИИ, просила Совет Министров БССР и ЦК КПБ утвердить штаты этого научного учреждения и передачу ему работников из других институтов. Однако до конца года на официальном уровне этот вопрос решен не был. Институт располагался в Минске. Его директором был назначен кандидат сельскохозяйственных наук, член-корреспондент Академии наук БССР Иван Михайлович Качуро [8, л. 607; 13, л. 165, 169, 170; 17, л. 3, 3 об., 5, 5 об., 8, 8 об., 10, 15, 16, 18, 20, 20 об., 21, 23, 25, 26, 48].

Таким образом, в 1956 г. под контроль Министерства сельского хозяйства БССР перешло 5 сельскохозяйственных научно-исследовательских институтов. Для их усиления на базе совхозов с присоединенными к ним колхозами были организованы экспериментальные базы. Предполагалось, что они станут образцовыми передовыми хозяйствами. На конец года общая земельная площадь экспериментальных баз составляла 28565 га [8, л. 609].

Помимо указанных учреждений, в состав МСХ БССР в июле—августе 1956 г. вошло 6 областных государственных сельскохозяйственных опытных станций:

1. **Брестская областная сельскохозяйственная опытная станция** — на базе совхоза «Белоусовщина» Министерства совхозов БССР. Станция располагала земельной площадью 939 га, в том числе пашни — 609 га [8, л. 607, 608].

2. **Витебская областная государственная сельскохозяйственная опытная станция** — на базе Белорусской опытной станции животноводства МСХ БССР в поселке Бигосово Дриссенского района. Согласно приказу по МСХ БССР от 27 июля 1956 г. № 202-к директором станции был назначен кандидат сельскохозяйственных наук Владимир Моисеевич Левин. Станция располагала земельной площадью 815 га, в том числе пашни — 350 га [8, л. 608; 11, л. 244].

3. **Гомельская областная государственная сельскохозяйственная опытная станция** — на базе Турской сельскохозяйственной опытной станции МСХ БССР в Рогачевском районе. Согласно приказу по МСХ БССР от 27 июля 1956 г. № 203-к ее директором в порядке перевода был назначен кандидат сельскохозяйственных наук Яков Кириллович Михалев. Станция располагала общей земельной площадью 1007 га, в том числе пашни — 530 га [8, л. 608; 11, л. 243].

4. **Гродненская областная государственная сельскохозяйственная опытная станция** — на базе Беляконской сельскохозяйственной опытной станции МСХ БССР в Вороновском районе. Согласно приказу по МСХ БССР от 27 июля 1956 г. № 201-к директором станции в порядке перевода был назначен Алексей Михайлович Богомолов. Станция располагала земельной площадью 440 га, в том числе пашни — 360 га [8, л. 608; 11, л. 245].

5. **Молодечненская областная государственная сельскохозяйственная опытная станция** — на базе совхоза «Любань» Министерства совхозов БССР, переданного Министерству сельского хозяйства БССР для организации этой станции на основании постановления Совета Министров Белорус-

ской ССР от 23 июля 1956 г. № 409. При передаче совхоза к нему были присоединены два колхоза. Общая земельная площадь станции составила 5816 га, в том числе пашни — 2793 га [8, л. 608].

6. Могилевская областная государственная сельскохозяйственная опытная станция — на базе конезавода № 95 (Дашковка). При передаче к станции был присоединен один колхоз. В результате земельная площадь станции составила 3013 гектаров, в том числе пашни — 1572 га [8, л. 609].

Идея создания в республике собственной Академии сельскохозяйственных наук возникла в недрах Министерства сельского хозяйства БССР. Первое упоминание об этом зафиксировано в стенограмме заседания Коллегии МСХ БССР, проходившем 29 марта 1956 г. [10, л. 406, 407, 408]. О том, что подобные академии существовали в то время не только в СССР, но и за рубежом, свидетельствует реплика директора Белорусской государственной селекционной станции Н. Д. Мухина. Во время дискуссии по вопросу о размещении сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений в республике в своем выступлении он сослался на зарубежный опыт: «Мы с тов. Сергееenko были в ГДР. И вот интересно, мы видели, в Берлине нет ни одного института, все институты сельскохозяйственной Академии наук расположены по территории ГДР» [10, л. 434].

Предложение о создании в республике Академии сельскохозяйственных наук внес лично министр сельского хозяйства БССР С. С. Костюк:

«...Мы должны сегодня и подготовить вопрос, чтобы поставить его в Союзном правительстве и ЦК КПСС, о сельскохозяйственной Академии, возглавляющей и объединяющей всю научную работу, мы должны сегодня подготовить записку. Есть предложение поручить подготовку вопроса тт. Молочко и Амбросову. В нашем руководстве, ЦК и Совете Министров имеется договоренность по этому делу и полная поддержка.

Есть у нас управление науки. Сегодня мы должны принять решение о Главном управлении и принять штаты, одновременно ставить вопрос о создании при МСХ Академии, обобщающей всю науку» [10, л. 409, 438, 447].

На то время И. С. Молочко являлся первым заместителем министра сельского хозяйства БССР, а А. Л. Амбросов — начальником Главного управления сельскохозяйственной науки МСХ БССР.

Не всех членов Коллегии МСХ БССР устраивала идея создания республиканской Академии сельскохозяйственных наук. Сомнение на этот счет, в частности, высказал один из заместителей министра — С. М. Гласов. «Я вообще считаю, — говорил он, — что нецелесообразно создавать вторую Академию, другое дело укрепить Главк науки» [10, л. 409, 447]. Как видим, среди членов Коллегии МСХ БССР не было единого мнения по вопросу о создании республиканской АСХН. Одни были сторонниками создания при МСХ БССР самостоятельной Академии сельскохозяйственных наук, другие же оставались приверженцами

действующего Главного управления сельскохозяйственной науки МСХ БССР, которое необходимо было усилить только научными кадрами.

Пока в Министерстве сельского хозяйства БССР размышляли о том, какой орган должен возглавить реформированную сельскохозяйственную науку, в стране произошли события, внесшие коррективы в решение данного вопроса. Архивные документы свидетельствуют, что в 1956 г. реорганизация затронула не только МСХ СССР, но и ВАСХНИЛ. Начало было положено кадровыми перестановками. 11 апреля 1956 г. министр сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевич подписал приказ № 136 «О Президенте Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина»:

«Объявляю, что Совет Министров СССР Постановлением № 443 от 9 апреля 1956 года:

1. Удовлетворил просьбу тов. ЛЫСЕНКО Т. Д. об освобождении его от обязанностей Президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина.

2. Утвердил Президентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина и членом Коллегии Министерства сельского хозяйства СССР т. ЛОБАНОВА П. П.» [17, л. 84].

Затем последовал приказ МСХ СССР от 16 апреля 1956 г. № 140. В его преамбуле было записано: «В целях улучшения работы Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, повышения ее роли в руководстве развитием сельскохозяйственной науки в стране и объединения сил научных работников для успешного осуществления задач, поставленных перед сельским хозяйством, Совет Министров СССР принял постановление № 454 «О мерах по улучшению работы Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина» [17, л. 86].

Совет Министров СССР возложил на ВАСХНИЛ координацию научных исследований по сельскому хозяйству, проводимых в стране всеми научно-исследовательскими институтами и опытными станциями и предложил министру сельского хозяйства СССР утвердить перечень научно-исследовательских учреждений, передаваемых в непосредственное подчинение ВАСХНИЛ. Признанным было также учредить во Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина Президиум в составе: президента, трех вице-президентов, академика-секретаря Президиума Академии и семи членов Президиума из числа академиков-секретарей отделений. В составе ВАСХНИЛ предполагалось образовать отделения: а) земледелия; б) животноводства; в) механизации и электрификации сельского хозяйства; г) гидротехники и мелиорации; д) лесоводства и агролесомелиорации; е) экономики и организации сельскохозяйственного производства. Кроме того, Совет Министров СССР обязал МСХ СССР и ВАСХНИЛ подготовить и провести в июне 1956 г. выборы в состав указанной Академии 75 действительных членов-академиков и 75 членов-корреспондентов. Также МСХ СССР должен был представить к 1 сентября 1956 г. на рассмотрение

Совета Министров СССР проект Устава Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина [17, л. 86 об., 87, 87 об.].

Руководствуясь данным постановлением, министр сельского хозяйства СССР В. В. Мащевич предписал ВАСХНИЛ разработать проект нового Устава Академии и представить его в МСХ СССР не позднее 1 августа 1956 г. Главному управлению сельскохозяйственной науки МСХ СССР предлагалось в месячный срок передать в непосредственное подчинение ВАСХНИЛ все научно-исследовательские институты и опытные станции, находящиеся в непосредственном подчинении Главка. Кроме того, Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина предписывалось подготовить и представить до 15 мая 1956 г. на утверждение порядок проведения выборов действительных членов-академиков и членов-корреспондентов ВАСХНИЛ [17, л. 85, 86, 86 об., 87, 87 об., 88, 88 об.].

С приказами союзного министерства (№ 136 и № 140) министр сельского хозяйства БССР С. С. Костюк был ознакомлен соответственно 16 апреля и 3 мая 1956 г. [17, л. 84 об., 85]. Вопрос о выдвижении кандидатов в действительные члены-академики и члены-корреспонденты ВАСХНИЛ рассматривался на заседании Коллегии МСХ БССР 14 мая 1956 г. и согласовывался в ЦК КПБ [11, л. 257—273]. После урегулирования спорных моментов 23 мая 1956 г. на адрес Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина было отправлено письмо за подписью заместителя министра сельского хозяйства БССР Ф. П. Аксёнова:

«Министерство сельского хозяйства Белорусской ССР направляет выписки из протокола заседания Коллегии о выдвижении кандидатов в действительные члены-академики и члены корреспонденты Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина на товарищей:

а) в действительные члены-академики ВАСХНИЛ

ЛУПИНОВИЧА Ивана Степановича,

ШЕМПЕЛЯ Виктора Ивановича,

ЛАГПО Аркадия Ивановича,

ДОРОЖКИНА Николая Афанасьевича,

РОГОВОГО Павла Прокофьевича,

ЮСКОВЕЦ Моисея Калиновича,

ГАРКУША Ивана Федосеевича,

ГОРЕГЛЯДА Харитона Степановича,

ОРЛОВСКОГО Кирилла Прокофьевича,

ГАБЫШЕВА Михаила Фёдоровича,

ЗАМЯТИНА Николая Митрофановича.

б) кандидатами в члены-корреспонденты:

СУСЛОВА Виктора Павловича,

МОЙСЕЕВА Ивана Григорьевича,

ПУШКАРЁВА Ивана Игнатьевича,

ЛЕМЕША Владимира Филипповича» [11, л. 274].

Процесс реорганизации сельскохозяйственной науки в республике шел своим чередом. После того как в мае—августе 1956 г. сельскохозяйственные научно-исследовательские учреждения оказались в системе Министерства сельского хозяйства БССР, возник вопрос: кого поставить во главе новообразованного научного сообщества? В то время вопрос о назначении и перемещении номенклатурных работников был в компетенции директивных органов. 22 августа 1956 г. ЦК КПБ постановил:

«В целях усиления руководства работой научно-исследовательских институтов и опытных станций по сельскому хозяйству республики:

утвердить Вице-президента Белорусской Академии наук т. Лупиновича Ивана Степановича членом коллегии Министерства сельского хозяйства БССР, возложив на него руководство вопросами научно-методической работы научно-исследовательских институтов, опытных станций и научно-техническим Советом Министерства сельского хозяйства БССР:

действительного члена Белорусской Академии наук т. Лаппо Аркадия Ивановича утвердить начальником Главного управления сельскохозяйственной науки и членом коллегии Министерства сельского хозяйства БССР.

Совету Министров БССР решить вопрос о структуре и штатах управления сельскохозяйственной науки Министерства сельского хозяйства БССР.

Секретарь ЦК КП Белоруссии (К. Мазуров)» [18, л. 37].

Выбор на И. С. Лупиновича пал неслучайно. Иван Степанович, будучи одним из ведущих ученых по сельскому хозяйству, вместе с тем занимал высокий ранг в номенклатурной лестнице. Его партийный стаж исчислялся с марта 1941 г. В 1943 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора сельскохозяйственных наук, а в ноябре 1947 г. был избран действительным членом и вице-президентом Академии наук БССР. С января 1956 г. И. С. Лупинович являлся членом ЦК КПБ. Это позволило ему участвовать 3 марта и 5 апреля 1956 г. в заседаниях Бюро ЦК КПБ по вопросу улучшения работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству. Как представитель Академии наук БССР он принимал активное участие в работе Коллегии МСХ БССР по утверждению структуры и штатов научно-исследовательских учреждений 4 мая 1956 г. [7, л. 2—4; 11, л. 227, 228, 230, 234—236; 19, л. 1, 1 об., 2, 2 об., 5, 6, 10, 12 об.; 20, л. 111; 21, л. 4, 5, 29, 43].

27 сентября 1956 г. на заседании Коллегии МСХ БССР заместитель министра С. М. Гласов предложил утвердить заместителем начальника Главного управления сельскохозяйственной науки МСХ БССР А. Л. Амбросова. В отношении выдвинутой кандидатуры возражений не последовало. Затем был обсужден вопрос «О структуре и штатах Главного управления сельхознауки». По этому вопросу взяли слово С. М. Гласов, Ф. П. Аксёнов и А. И. Лаппо. Последний, в частности, заявил: «Если создается Главное управление науки при МСХ БССР, надо, чтобы оно могло обеспечивать методическую помощь всем

научным учреждениям, помощь и контроль экспериментальным базам, которых уже двадцать. Нам нужно два основных отдела: отдел научных учреждений, второй отдел — экспериментальных баз». В конечном итоге было решено утвердить штаты Главного управления сельскохозяйственной науки МСХ БССР в количестве 20 человек, из которых 12 предполагалось выделить из штатов министерства и еще 8 за счет научно-исследовательских институтов. Комплектования людей намеревались осуществить в декадный срок [14, л. 516, 539, 540].

Как видим, линия сторонников усиления Главка начала одерживать верх. В этой связи важно отметить, что в плане работы Коллегии МСХ БССР на IV квартал 1956 г., подписанном С. С. Костюком, предположительно в сентябре указанного года, не предусматривалось рассмотрение вопроса о создании Академии сельскохозяйственных наук [13, л. 1—5].

Иначе обстояло дело в высших эшелонах власти БССР. В начале осени 1956 г. аппарат ЦК КПБ подготовил для ЦК КПСС докладную записку по вопросу подъема сельского хозяйства Белорусской ССР. В ней также затрагивалась тема о создании нового координационного центра аграрной науки в республике:

«...Для успешного выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 февраля 1956 г. «О мерах по улучшению работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству» ЦК КПБ просит организовать в Белорусской ССР филиал Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, подчинив ему все сельскохозяйственные научно-исследовательские институты Белоруссии. Дополнительно организовать в Белоруссии Институт почвоведения и агрохимии и Институт защиты растений. Предусмотреть на 1957—1960 годы строительство в научно-исследовательских учреждениях Белоруссии лабораторий, жилых и хозяйственных помещений и их материально-техническое оснащение.

ЦК КП Белоруссии просит ЦК КПСС рассмотреть и положительно решить поставленные в этой записке вопросы.

Проект конкретных предложений прилагается» [22, л. 431, 432]. Следующий документ начинался так:

«Проект

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КПСС и СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР
ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от « » _____ 1956 г. № _____
Москва, Кремль

О мерах подъема сельского хозяйства Белорусской ССР» [22, л. 433]

Пункт 45 упомянутого проекта гласил:

«Для успешного выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 февраля 1956 года «О мерах по улучшению работы научно-исследовательских учреждений по сельскому хозяйству» организовать в Белорусской ССР филиал Всесоюзной Академии сельскохозяйственных

наук им. В. И. Ленина, подчинив ему все сельскохозяйственные научно-исследовательские институты Белоруссии.

Дополнительно организовать в Белоруссии научно-исследовательский Институт почвоведения и агрохимии и Институт защиты растений.

В целях создания необходимых условий для проведения научно-исследовательских работ, обязать Госэкономкомиссию СССР и Министерство сельского хозяйства СССР предусмотреть на 1957—1960 гг. строительство в научно-исследовательских учреждениях Белорусской ССР лабораторий, жилых и хозяйственных помещений, а также выделить необходимое материально-техническое их оснащение» [22, л. 444, 445].

Предполагалось, что официальный документ подпишут Секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущёв и Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин [22, л. 446].

Докладную записку и проект союзного нормативного акта Секретарь ЦК КПБ К. Т. Мазуров лично отвез в Москву и передал в ЦК КПСС не позднее 30 сентября 1956 г. [22, л. 421].

После этого активизировался и аппарат Совета Министров БССР. В октябре, предположительно, в начале месяца в Москву были направлены следующие документы:

«Президенту Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина товарищу Лобанову П. П.

Направляю Вам проект организации Белорусского филиала Академии — структуру и штаты.

С просьбой об организации Белорусского филиала, объединяющего научно-исследовательские институты сельхозпрофиля, ЦК КП Белоруссии и Совета Министров БССР вошли в ЦК КПСС и Совет Министров СССР.

Зам. Председателя

Совета Министров Белорусской ССР /Климов/

« » X. 1956 г.» [23, л. 65].

«Проект

СТРУКТУРА

Белорусского филиала Всесоюзной сельскохозяйственной Академии им. В. И. Ленина

<u>Руководство</u>		Месячный фонд заработной платы
1. Председатель Президиума	1	15000
2. Заместитель председателя	2	20000
3. Ученый секретарь	1	6000
4. Заместитель председателя по административно-хозяйственной части	1	3000
5. Члены Президиума (без оплаты)	— директора институтов	
6. Референты Президиума	3	3000

	8	47000
<u>Канцелярия</u>		
1. Начальник канцелярии — заведующий протокольной частью и секретной частью	1	1000
2. Делопроизводитель	1	690
3. Старшая машинистка	1	410
4. Машинистки-стенографистки	3	1350
5. Курьер	1	360
	7	3810
<u>Отдел кадров и подготовки аспирантов</u>		
1. Начальник отдела	1	880
2. Инспектор по кадрам	1	690
3. Инспектор-методист по аспирантуре	1	790
	3	2360
<u>Отдел капитального строительства</u>		
1. Начальник отдела	1	1000
2. Старший инженер	1	880
3. Инженер-сметчик	1	690
4. Инженер-контролер	1	880
	4	3450
<u>Планово-финансовый отдел</u>		
1. Начальник отдела	1	1200
2. Экономист по труду и финансам	1	890
3. Экономист-плановик-агроном	1	790
4. Экономист-плановик-зоотехник	1	790
	4	3670
<u>Центральная бухгалтерия</u>		
1. Главный бухгалтер	1	1200
2. Заместитель главного бухгалтера	1	1000
3. Старший бухгалтер по бюджету аппарата	1	890
4. Бухгалтер	1	600
5. Бухгалтер-ревизор	1	790
6. Счетовод-кассир	1	500
	6	4980
<u>Управление делами</u>		
1. Управляющий делами	1	1500
2. Заместитель управляющего делами — он же начальник отдела материально-технического снабжения	1	1000
3. Товаровед	1	790
4. Экспедитор	1	690
5. Заведующий гаражом — механик	1	790
6. Комендант	1	500
7. Шофер легковых автомашин	5 по 790	3950
8. Обслуживающий персонал	4 по 360	1440

		15	9160
1. Ученый секретарь РИСО [редакционно-издательский совет — авт.]	1	1000	
	Всего:	47	75430

[23, л. 66—69].

Анализируя события, связанные с вышеупомянутыми документами, отметим следующее. На сделанный запрос о создании в БССР филиала ВАСХНИЛ ни по линии ЦК КПСС, ни по линии союзного правительства официального ответа не последовало. Вероятно, он был сделан в устной форме с рекомендацией создать в республике самостоятельную сельскохозяйственную академию наук. Это можно объяснить тем, что в стране в то время наметилась тенденция к децентрализации и расширению прав республиканских министерств и ведомств. Косвенным подтверждением этому могут служить дальнейшие события, происходившие в Белорусской ССР в тот период.

25 октября 1956 г. на заседании Коллегии МСХ БССР было заслушано два вопроса: «Рассмотрение штатного расписания Белорусской сельскохозяйственной академии наук при МСХ БССР» и «О дополнительном выдвижении кандидатур в члены академии и члены-корреспонденты Белорусской с/х академии наук» [13, л. 165, 170]. Стенограмма обсуждения этих вопросов дает наглядное представление, как вырабатывались решения на министерском уровне:

«Костюк: Вопрос об Академии наук готовим, тут гг. Лупинович и Лаппо подготовили структуру и штаты, с которыми я не согласен. Из каких отделов состоит Академия наук? (зачитывает) Все канцелярия, нет научных работников. Мне кажется, что надо ввести из нашего управления.

Лаппо: В этой структуре предполагается, что штаб, который будет руководить научно-исследовательской работой — это президиум как во всех академиях. Поскольку это конкретная Академия сельского хозяйства, никаких Бюро не надо. Никаких методистов не надо, а будет президиум в составе каких-то лиц, наиболее высококвалифицированных. Это будет штаб научно-методический, научно-координационный и т. д., армия его — это все его институты, также как в любой академии. Другое дело, нужен ли такой большой административный штаб? Об этом я не буду спорить. Управление науки поглощается академией.

Костюк: Может быть, следовало бы сделать таких два отдела — отдел научно-исследовательских учреждений и отдел экспериментальный за счет резкого сокращения административного аппарата. Это — по штатам.

Теперь, на Коллегии нужно посоветоваться по академикам. Есть предложение, чтобы академиков Жебрака, Кедрова-Зихмана и Алексеева, которые не работают в республике, не хотят переезжать в Белоруссию, не хотят работать, их в состав академиков не вводить и академика Вишеловского тоже, может быть, не вводить в состав академиков.

Лаппо: Кедров-Зихман принимает участие в работе не меньше, чем Алексеев. Есть такое постановление, чтобы не выплачивать заработной платы академикам, не живущим на территории республики.

Костюк: Нам важно уложиться в лимиты, которые нам отпущены. Прежде всего, мы решим в отношении академиков. Есть предложение ввести в число членов академии тт. Гаркуша, Альсмик, Качуро и Лемеш.

Теперь по части членов-корреспондентов. Есть предложение, чтобы число членов-корреспондентов несколько увеличить и ввести следующих товарищей в члены-корреспонденты: тт. Медведева, Скрипниченко, Амбросова, затем есть предложение первого заместителя министра сделать членом-корреспондентом т. Молочко.

Лаппо: Есть предложение ввести т. Ковальчука членом-корреспондентом.

Костюк: Я не возражаю и т. Ковальчука сделать членом-корреспондентом.

Теперь по вопросу руководства: президентом намечается т. Лупинович, вице-президентами — тт. Лаппо и Лемеш; ученый секретарь — тов. Амбросов.

Теперь, члены президиума (это уже без оплаты) тт. Шемпель, Скоропанов, Гаркуша, Юсковец, Качуро, Скрипниченко, Молочко.

Вопрос о т. Габышеве остался открытым, его вводить в члены президиума нельзя.

Вот, мне кажется, такой состав нужно принять. Какие у кого будут замечания по этому вопросу?

Замечаний нет. Будем считать принятым» [13, л. 172, 214, 215, 216].

В результате постановили: «Поручить тт. Лаппо и Амбросову в связи с замечаниями внести поправки в штатное расписание; выдвинуть в члены академии тт. Гаркушу, Альсмика, Качуро и Лемеш. В члены-корреспонденты тт. Медведева, Скрипниченко, Молочко И. С., Ковальчука П. П., Амбросова» [13, л. 165, 170].

1 ноября 1956 г. под председательством министра сельского хозяйства БССР С. С. Костюка состоялось очередное заседание Коллегии МСХ БССР. На нем также присутствовали члены Коллегии МСХ БССР И. С. Молочко, С. М. Гласов, И. С. Былинский, М. М. Бабосов, Я. К. Дубовский, А. А. Завьялов, А. И. Лаппо, С. А. Сергеев, секретарь парторганизации МСХ БССР Н. В. Григорьев, начальник Управления руководящих кадров МСХ БССР С. И. Красовский, заместитель начальника Управления сельскохозяйственной науки МСХ БССР А. Л. Амбросов и другие. Всего 18 человек. По третьему пункту повестки дня заслушали доклад начальника Управления сельскохозяйственной науки МСХ БССР А. И. Лаппо [13, л. 329, 330]. Он огласил значительно обновленный проект штатного расписания уже не филиала ВАСХНИЛ, а самостоятельной Белорусской Академии сельскохозяйственных наук:

«СТРУКТУРА И ШТАТЫ
Белорусской Академии сельскохозяйственных наук

<u>Руководство Академии</u>		<u>Отделение земледелия и лесоводства</u>	
Президент	1	Зав. отделением — член президиума	
Вице-президенты	2	Старшие научные сотрудники — методисты по научно-исследовательской работе	3
Главный ученый секретарь	1	Старшие научные сотрудники — методисты по учебной работе	2
Члены президиума — зав. отделениями	4		
Секретарь-референт президента	1		
Секретари вице-президентов и ученого секретаря	3		
Итого:	12	Итого:	5
<u>Отделение животноводства</u>		<u>Отделение механизации и мелиорации</u>	
Зав. отделением — член президиума		Зав. отделением — член президиума	
Старшие научные сотрудники — методисты по научно-исследовательской работе	2	Старшие научные сотрудники — методисты по научно-исследовательской работе	2
Старший научный сотрудник — методист по учебной работе	1	Старший научный сотрудник — методист по учебной работе	1
Итого:	3	Итого:	3
<u>Отделение экономики и организации с/х производства</u>		<u>Редакционно-издательский отдел</u>	
Зав. отделением — член президиума		Начальник отдела	1
Старший научный сотрудник — методист по научно-исследовательской работе	1	Главный редактор	1
Старший научный сотрудник — методист по учебной работе	1	Редактор	1
		Литературный редактор	1
Итого:	2	Итого:	4
<u>Отдел экспериментальных баз и учебных хозяйств</u>		<u>Отдел руководящих и научных кадров</u>	
Начальник отдела — главный агроном	1	Начальник отдела — старший инспектор по научным кадрам	1
Старший зоотехник	1	Старший инспектор по преподавательским кадрам	1
Экономист-плановик	1	Старший инспектор по аспирантуре	1
Главный инженер по строительству	1		

Инспектор-инженер по материально-техническому снабжению	1		
Итого:	5	Итого:	3
Планово-финансовый отдел		Центральная бухгалтерия	
Начальник отдела — экономист-плановик агроном	1	Главный бухгалтер	1
Экономист по труду и финансам	1	Бухгалтер	1
Экономист — плановик зоотехник	1	Счетовод-кассир	1
Итого:	3	Итого:	3
Канцелярия		Управление делами	
Заведующий канцелярией	1	Управляющий делами	1
Заведующий специальной и протокольной частью	1	Старший инженер — инспектор по научно-лабораторному снабжению	1
Делопроизводитель	1	Экспедитор	1
Старшая машинистка	1	Завхоз, он же заведующий гаражом	1
Машинистки	3	Шоферы легковых автомашин	4
Стенографистки	2	Шофер грузовой автомашины	1
Курьер	1	Комендант зданий	1
		Уборщицы	3
		Швейцар	1
		Слесарь-водопроводчик	1
		Техник-электрик	1
		Пожарно-сторожевая охрана	3
		Заведующий складом	1
Итого:	10	Итого:	20
		Всего:	73

[13, л. 350—353]

После выступления А. И. Лапю члены Коллегии МСХ БССР высказали свои замечания. Приведем наиболее интересные их суждения (по стенограмме):

«Амбросов: Нет смысла увеличивать. Заведующий отделением будет ведать вопросами механизации, методист будет заниматься мелиорацией и электрификацией.

Лапю: С экономистами у нас туго. Будет один экономист такого профиля. В перспективе будет какая-то сеть и будем расти.

Костюк: Давайте оставим.

Лапю: Остальные отделы остались, как были. Редакционно-издательский отдел в составе четырех человек. Эта группа будет довольно сильная, и затем отдел экспериментальной базы из пяти человек.

Костюк: Есть предложение принять.

Лапю: Итого 73 единицы за счет следующих: Академии наук — 24 единицы, от Министерства сельского хозяйства — 29 единиц, от Минис-

терства совхозов — 4 единицы, от Министерства мелиорации — 4 единицы, от Министерства промышленности мясных и молочных продуктов — 3 единицы, от Министерства промышленных товаров — 3 единицы, от Министерства легкой промышленности — 3 единицы.

Костюк: Пуск на первое время будет так.

Лаппо: Два вице-президента, один по научно-исследовательской работе и один по учебной...» [13, л. 332, 345, 346].

По итогам обсуждения рассматриваемого вопроса Коллегия МСХ БССР приняла постановление: «Штатное расписание Белорусской с/х Академии наук утвердить и представить на утверждение ЦК КПБ и Совета Министров БССР» [13, л. 330].

На проработку материалов в высших инстанциях ушел весь остаток 1956 г. Попутно решались организационные вопросы. Еще до того, как постановление ЦК КПБ о назначении И. С. Лупиновича и А. И. Лаппо членами Коллегии МСХ БССР стало официальным документом, его проект в копиях разослали для ознакомления в Академию наук БССР, Совет Министров БССР и Министерство сельского хозяйства БССР. Замечание поступило только от министра сельского хозяйства БССР С. С. Костюка, который 21 августа 1956 г. под текстом будущего документа сделал короткую запись: «Должность Вице-президента по с-хоз. наукам подлежит упразднению на очередном общем собрании Академии. В остальном с проектом согласен» [18, л. 37, 37 об.]. Принимая во внимание данное замечание, 27 ноября 1956 г. ЦК КПБ постановил: «Считать целесообразным иметь в составе Президиума Академии наук БССР президента, двух вице-президентов (вместо трех избывавшихся ранее), главного ученого секретаря Президиума, трех академиков-секретарей отделений и двух членов Президиума» [24, л. 47; 25, л. 1, 4]. На общем собрании Академии наук БССР, состоявшемся 22 декабря 1956 г., после тайного голосования И. С. Лупинович был переизбран в члены Президиума АН БССР, но освобожден от обязанностей вице-президента. В тот же день А. И. Лаппо был освобожден от обязанностей академика-секретаря отделения биологических наук Президиума АН БССР [26, л. 251, 253—255, 255 об., 262, 263, 263 об.].

В декабре 1956 г. завершилась реорганизация ВАСХНИЛ. Под ее началом объединилось более 30 научно-исследовательских институтов. К тому времени в ее составе насчитывалось 73 академика и 74 члена-корреспондента. Ни один из заявленных в мае кандидатов из Белорусской ССР не получил ученого звания ВАСХНИЛ, так как актуальность в этом отпала вследствие изменения реалий. Почти полностью был укомплектован аппарат Академии. Однако имелись и трудности. Выделенных ВАСХНИЛ ассигнований явно не хватало: из запрашиваемых на 1956 год 44 млн рублей было отпущено только 18 млн рублей [13, л. 539, 561, 562].

Примечательно, что 30 декабря 1956 г. Совет Министров Украинской ССР принял постановление № 1566 «Об организации Украинской акаде-

мии сельскохозяйственных наук при Министерстве сельского хозяйства УССР». Украинская АСХН объединила 18 научно-исследовательских учреждений [13, л. 562; 27, л. 22; 28, с. 451, 453]. Данное событие, возможно, ускорило принятие аналогичного решения в Белорусской ССР.

* * *

При достижении цели исследования путем решения соответствующих задач были сделаны следующие выводы:

1. До весны 1956 г. научно-исследовательские учреждения по сельскому хозяйству в БССР находились в составе различных ведомств, а именно: в Министерстве сельского хозяйства, Министерстве промышленности продовольственных товаров, Министерстве высшего образования и Академии наук БССР.

2. В течение мая—октября 1956 г. в целях объединения сил научных работников сельскохозяйственного профиля и усиления связи сельскохозяйственной науки с аграрным производством Министерству сельского хозяйства БССР были переданы под управление 5 научно-исследовательских институтов по сельскому хозяйству с придатком ряда отраслевых опытных станций и экспериментальных баз, а также 6 областных государственных сельскохозяйственных опытных станций.

3. Взгляды членов Коллегии МСХ БССР разделились в вопросе о том, какой орган должен осуществлять руководство сельскохозяйственной наукой. В конце марта 1956 г. была высказана идея о создании при Министерстве сельского хозяйства БССР самостоятельной Белорусской Академии сельскохозяйственных наук. Однако в августе—сентябре того же года верх стала брать линия сторонников, предпочитающих поручить научное руководство Главному управлению сельскохозяйственной науки МСХ БССР. В целях усиления руководящих кадров была достигнута договоренность о переводе из Академии наук БССР в Министерство сельского хозяйства БССР двух авторитетных ученых в области сельского хозяйства — И. С. Лупиневича и А. И. Лаппо. Они должны были возглавить научное сообщество министерства как члены Коллегии, а второй к тому же и как новоутвержденный начальник соответствующего Главка.

На завершающем этапе реорганизации Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина республиканские органы власти в лице ЦК КПБ и Совета Министров БССР не позднее сентября 1956 г. решили создать Белорусский филиал ВАСХНИЛ, который по аналогии с этой организацией должен был возглавить сеть НИИ по сельскому хозяйству в республике. Этому, однако, воспротивились вышестоящие инстанции. И на то были свои причины. Во-первых, к тому времени в стране наметилась тенденция к децентрализации управления экономикой и расширению прав республиканских министерств, дающим им большую самостоятельность. Во-вторых, бюджетное финансирование ВАСХНИЛ в 1956 г. было настолько ограниченным, что содержать кадры союзных республик не было никакой возможности. И в-третьих, Всесоюзная Академия не предусматривала в своей структуре Белорусский филиал.

Вследствие неактуальности создания Белорусского филиала ВАСХНИЛ идея о создании Белорусской АСХН становится приоритетной. Последовательным инициатором этого намерения был министр сельского хозяйства БССР С. С. Костюк. Им же была предложена кандидатура И. С. Лупиновича на должность президента Белорусской АСХН.

В заключение отметим, что идея создания Белорусской Академии сельскохозяйственных наук формировалась поэтапно в тесной увязке с проводимой в 1956 г. реорганизацией Министерства сельского хозяйства БССР и Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина. Коллегией МСХ БССР с 25 октября 1956 г. велась подготовка документов для официального оформления Белорусской АСХН как высшего научно-методического центра республики по сельскому хозяйству. К концу года этот процесс вступил в завершающую стадию.

Литература и источники

1. Смяховіч, М. У. Сельская гаспадарка Беларусі ў 1943—1991 гадах: этапы развіцця, дзясяцінні, вопыт / М. У. Смяховіч. — Мінск : Беларуская навука, 2017. — 439 с.
2. Жук, В. Н. История и деятельность Белорусской сельскохозяйственной библиотеки. Кн. 1. Предыстория и годы становления (1957—1974) / В. Н. Жук, В. Б. Бабарико-Омельченко ; редкол.: В. Б. Бабарико-Омельченко [и др.]. — Минск : Ковчег, 2020. — 228 с.
3. Жук, В. Н. Академики Академии сельскохозяйственных наук БССР (1957—1961 гг.) / В. Н. Жук // Сельское хозяйство Беларуси сквозь призму научных исследований (XIX — начало XXI в.) : докт. Междунар. науч. конф., Минск, 23 сент. 2021 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Бел. с.-х. б-ка им. И. С. Лупиновича, Ин-т истории ; редкол.: Ю. О. Каракулько (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2021. — С. 320—333.
4. Жук, В. Н. Академия сельскохозяйственных наук БССР: организационное оформление / В. Н. Жук // Сельское хозяйство Беларуси сквозь призму научных исследований : докт. II Междунар. науч. конф., приуроч. к 95-летию Нац. акад. наук Беларуси, Минск, 29 сент. 2023 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Белорус. с.-х. б-ка им. И. С. Лупиновича, Ин-т истории, Науч. совет по кн. культуре, книгоизданию и б-кам Междунар. ассоц. акад. наук ; редкол.: Ю. О. Каракулько (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2023. — С. 169—191.
5. Жук, В. Н. Академия сельскохозяйственных наук БССР: обзор белорусской историографии // Актуальные проблемы истории и культуры: сб. науч. ст. Вып. 5. Академическая наука: история и люди / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. — Минск, 2024. — С. 160—169.
6. Жук, В. Н. О датировке служебного письма министра сельского хозяйства БССР С. С. Костюка (из истории создания Академии сельскохозяйственных наук БССР) / В. Н. Жук // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск : БелНДДАС, 2024. Вып. 25. — С. 37—52.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Оп. 81. Д. 1096.
8. НАРБ. — Ф. 48. Оп. 9. Д. 3244.
9. НАРБ. — Ф. 48. Оп. 9. Д. 3507.
10. НАРБ. — Ф. 48. Оп. 9. Д. 3237.
11. НАРБ. — Ф. 48. Оп. 9. Д. 3238.
12. НАРБ. — Ф. 7. Оп. 4. Д. 601.

13. НАРБ. — Ф. 48. Оп. 9. Д. 3240.
14. НАРБ. — Ф. 48. Оп. 9. Д. 3239.
15. НАРБ. — Ф. 4-п. Оп. 159. Д. 2075.
16. НАРБ. — Ф. 4-п. Оп. 106. Д. 2337.
17. НАРБ. — Ф. 48. Оп. 9. Д. 3222.
18. НАРБ. — Ф. 4-п. Оп. 81. Д. 1135.
19. НАРБ. — Ф. 4-п. Оп. 113. Д. 1241.
20. НАРБ. — Ф. 4-п. Оп. 81. Д. 1085.
21. НАРБ. — Ф. 4-п. Оп. 81. Д. 1086.
22. НАРБ. — Ф. 4-п. Оп. 62. Д. 444.
23. НАРБ. — Ф. 7. Оп. 4. Д. 724.
24. НАРБ. — Ф. 4-п. Оп. 81. Д. 1165.
25. НАРБ. — Ф. 4-п. Оп. 81. Д. 1166.
26. НАРБ. — Ф. 4-п. Оп. 81. Д. 1188.
27. Белорусский государственный архив научно-технической документации. — Ф. 133. Оп. 1уд. Д. 82.
28. Вергунов, В. А. Історія сільськогосподарської дослідної справи в Україні. У трьох частинах / НААН, Нац. наук. с.-г. б-ка. — Київ: Аграр. наука, 2018. — Ч. II: Науково-організаційні засади функціонування сільськогосподарської дослідної справи на територіях України (друга половина XIX — початок XXI ст.). — 620 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 27.01.2025.

У. Д. Русецкая,

*стажор малодшага навуковага супрацоўніка
аддзела археаграфіі Беларускага навукова-даследчага інстытута
дакументазнаўства і архіўнай справы,
магістрант кафедры гісторыі Беларусі новага і наваейшага часу
гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта;
e-mail: vladislavrusackaa12@mail.ru*

СУЧАСНАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЯ БЕЛАРУСКАГА НАЦЫЯГЕНЕЗУ НА РУБЯЖЫ XIX—XX стст.

Гісторыя фарміравання нацыі сучаснага тыпу і нацыянальнага руху з'яўляецца важнейшай састаўляючай нацыянальных гістарыяграфій. У той жа час з моманту гістарычнага ўзнікнення нацый тэарэтычнае абгрунтаванне нацыягенных працэсаў набыло вялікую папулярнасць у гуманітарных навуках. У апошнія дзесяцігоддзі склаўся асобны напрамак нацыялогіі, які мае міждyscyплінарны характар і аб'ядноўвае даследаванні ў галіне развіцця такіх катэгорый, як нацыя, нацыяналізм, нацыянальная ідэнтычнасць і інш. Метадалагічная праблема гэтай навуковай галіны складаецца ў фактычнай немагчымасці стварэння адзінай парадыгмы, у рамках якой можна было б вывучаць асобныя кейсы. Таму актуальным з'яўляецца паралельнае даследаванне агульнатэарэтычных аспектаў нацыягенезу і яго асобных праяўленняў.

Увасабленнем праблемы нацыялогіі з'яўляецца і адсутнасць больш-менш агульнапрызнанага вызначэння асноўных паняццяў. Мэтай артыкула не з'яўляецца аналіз існуючых дэфініцый, таму абазначым, што пад нацыяй мы разумеем супольнасць, якая фарміруецца праз уяўленне яе членаў аб культурнай, гістарычнай, генетычнай, палітычнай, эканамічнай і іншай агульнасці. Нацыягенез — гэта працэс канструявання, спосаб «уяўлення» нацыі.

У беларускай гістарыяграфіі асобны даследчы напрамак у галіне нацыялогіі яшчэ не склаўся, хаця існуе шмат публікацый і даследаванняў. Большасць з іх разглядаюць або асобныя праблемы нацыянальнага дыскурсу, або ахопліваюць праблемае поле больш шырэйшае за храналагічныя рамкі пачатку фарміравання нацыі. Мэтай дадзенай работы з'яўляецца вызначэнне дасягненняў сучаснай гістарыяграфіі, пераважна айчынных, па праблеме беларускага нацыягенезу на рубяжы XIX—XX стст. Храналагічныя рамкі абумоўлены тым, што большасць даследчыкаў вызначае менавіта гэты перыяд у якасці часу станаўлення беларускай нацыі. Характэрнай рысай дынамічнага развіцця беларускага нацыянальнага праекта ў гэты час з'яўляецца ўзнікненне беларускага руху. Гэта азначае пераход да палітычнай фазы (фаза С паводле М. Гроха), у якой адбываецца актыўная артыкуляцыя нацыянальнай ідэнтычнасці.

Сучасны этап гістарыяграфічнага асэнсавання беларускага нацыягенезу ўмоўна адлічваецца з 1990-х гг. Да гэтага часу пануючыя металагічныя і ідэалагічныя пастулаты не давалі магчымасці даследаваць нацыягенез у тым сэнсе, які надае гэтаму паняццю аўтар і сучасная нацыялогія. Надавалася ўвага

вывучэнню палітычных чыннікаў (у савецкай гістарыяграфіі акцэнт рабіўся на рэвалюцыйнай барацьбе [1; 2], у дыяспарнай — на фарміраванні нацыянальнай дыскарымінацыі і руху пасля рэвалюцыі). Сама нацыялагічная навуковая галіна выкрышталізавалася толькі ў другой палове мінулага стагоддзя (работы Э. Гелнера, Б. Андэрсана, Э. Сміта і інш. [3—5]).

Вывучэнне гісторыі фарміравання беларускай нацыі на сучасным этапе адрозніваецца як па сваёй лакалізацыі (у Беларусі і за яе межамі), так і па метадалогіі і ідэалагічных канструктах. Большасць вучоных на сённяшні дзень выкарыстоўваюць трактоўку нацыі як прадукту мадэрнага часу, і таму даследаванне нацыягенных працэсаў, часцей за ўсё, не закранае гістарычнага развіцця беларускіх зямель да XIX ст. Аднак у айчынай гістарыяграфіі ўсё яшчэ сустракаецца і такі падыход, пры якім фарміраванне беларускага народа (нацыі) адлічваецца з часоў узнікнення племянных аб'яднанняў, Полацкага княства ці ВКЛ. Такі падыход мы называем пераніялісцізм. Таксама часта выкарыстоўваецца канцэпцыя «Адраджэння» ў дачыненні да нацыянальных працэсаў [6].

У гістарыяграфіі нацыябудаўніцтва на беларускіх землях на мяжы XIX—XX стст. адсутнічае канцэптуальная і метадалагічная цэласнасць. Пэўныя дасягненні ў гэтай галіне ёсць, аднак у поле зроку даследчыкаў у асноўным трапілі толькі асобныя аспекты гэтай шырокай праблематыкі. У прыватнасці, падрабязна вывучаны культурныя працэсы, фарміраванне беларускай гістарыяграфіі ў перыяд «Адраджэння» (Гродзенская школа — Д. Караў, В. Белаза-ровіч [7; 8]), развіццё беларускага пытання ў перыядычным друку (А. Унучак, А. Харашэў [9; 10]). Найбольш важкай у гэтай сувязі з'яўляецца манаграфія А. Унучака «“Наша Ніва” і беларускі нацыянальны рух (1906—1915 гг.)», у якой праз прызму ацэнкі дзейнасці ключавога беларускага выдання прадстаўлена аналітыка як беларускага руху ў гэты перыяд, так і нацыятворчых працэсаў наогул. Аўтар вылікую ўвагу надаў фарміраванню беларускай нацыянальнай свядомасці і нават зрабіў спробу выйсці на больш глыбокі аналітычны ўзровень у разуменні нацыянальных працэсаў на беларускіх землях у пачатку мінулага стагоддзя. Так, А. Унучак растлумачыў, чаму нашаніўцы зрабілі выбар на карысць этналінгвістычнай канцэпцыі беларускай нацыі, а не палітычнай (ідэя «краёвасці») [10, с. 138].

Вылікую цікавасць выклікаюць даследаванні гістарычна-сацыялагічнага характару. На сённяшні дзень у айчынай гістарыяграфіі існуе толькі адна грунтоўная праца П. Церашковіча «Этнічная гісторыя Беларусі XIX — пачатку XX ст. у кантэксце Цэнтральна-Усходняй Еўропы» (2004 г.) [11], у якой дадзена разгорнутае даследаванне з апорай на тэарэтычныя дасягненні сучаснай нацыялогіі і сацыялагічныя метады. У яго працы вялікая ўвага надаецца аналізу такіх фактараў нацыягенезу, як узровень мадэрнізацыі і сацыяльная мабільнасць. Акрамя таго, каштоўнасць даследавання заключаецца і ў шырокім ужыванні параўнальнага аналізу. Даследчык разглядае фарміраванне беларускай нацыі ў кантэксце нацыянальных працэсаў у Цэнтральна-Усходняй Еўропе.

Аўтар прыйшоў да важных тэарэтычных высноў аб магчымасці выкарыстання мадэрнісцкіх канцэпцый нацыягенезу для рэгіёна. Ён адзначаў, што «беларусы сталі адным з апошніх народаў у Еўропе, які паўстаў на шлях нацыянальнай кансалідацыі» [11, с. 192], пры гэтым падкрэсліў, што «запазненне ... беларусаў ... насіла аб'ектыўна абумоўлены характар» [11, с. 198]. Найбольш важным фактарам такой сітуацыі быў вылучаны нізкі ўзровень мадэрнізацыі беларускіх губерняў у складзе Расійскай імперыі.

Работа П. Церашковіча накіравана на выяўленне «аб'ектыўна абумоўленых» прычын запозненага нацыягенезу беларусаў з пазіцыі мадэрнісцкай тэорыі. Аднак параўноўваючы беларускі кейс з літоўскім, аўтар прыходзіць таксама да высновы, што фактычна аднолькавы ўзровень мадэрнізацыі беларускіх і літоўскіх зямель пры высокім дынамізме літоўскага руху ўказвае на неабходнасць больш падрабязнага разгляду іншых фактараў, у прыватнасці — гістарычнай памяці і этнапсіхалогіі.

У працы «На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя дасягненні і праблемы» (2011 г.) [12] зроблена грунтоўная спроба як прааналізаваць агульнатэарэтычныя дасягненні ў галіне нацыялогіі, так і даць характарыстыку і ацэнку гістарыяграфіі па пытанні беларускага нацыягенезу. Так, аўтары прыходзяць да высновы, што большасць работ у дадзенай галіне прысвечана толькі асобным аспектам, у той час як цэласнае, сістэматычнае і канцэптуальнае даследаванне ў айчынай навуцы яшчэ толькі трэба будзе здзейсніць. Былі вылучаны найбольш важныя перспектывыя напрамкі даследаванняў, якія застаюцца актуальнымі і на сённяшні дзень.

Адным з цэнтральных стала комплекснае даследаванне праблемы фарміравання беларускай дзяржаўнасці на аснове міждысцыплінарнага падыходу. «Стала відавочна, што без вызначэння канцэпцыі, якая працавала б «на беларускім матэрыяле», немагчыма даць адказы на пытанні: чаму не ўдалося стварыць незалежную беларускую дзяржаву ў пачатку XX ст.; якія дзяржаўныя ўтварэнні, што існавалі на тэрыторыі сучаснай Беларусі, лічыць беларускімі ў кантэксце існавання канкурэнтных нацыянальных гістарыяграфій і звязаных нацыянальных гісторый; з якога часу пачынаць гісторыю беларускай дзяржаўнасці?» [12, с. 45].

Асабліва значным з'яўляецца вывучэнне нацыянальных катэгорый, у прыватнасці — рэгіянальных паняццяў (напрыклад, нацыянальная тэрыторыя). Аўтары манаграфіі прыйшлі да высновы, што «праблема вызначэння этнічнай тэрыторыі, меж памежжа і рэгіёнаў... распрацавана даволі слаба» [12, с. 77].

Важнейшыя фактары фарміравання беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці — русіфікацыя і паланізацыя — таксама не знайшлі месца ў комплексным даследаванні. Больш за тое, «у беларускай сучаснай гістарыяграфіі праблема генезісу палітыкі русіфікацыі ў дачыненні да беларускіх зямель набыла хутчэй ідэалагічныя адценні, чым навуковыя» [12, с. 85] і, у рэшце рэшт, сучасная бела-

руская навука не прапанавала «адзінага канцэптуальнага падыходу да разгляду дадзенай праблемы [русіфікацыі і паланізацыі. — Р. В.]» [12, с. 103].

Таксама ў працы падкрэсліваецца аднабаковасць у вывучэнні культурных аспектаў у беларускім нацыягенезе, у той час як палітычныя аспекты нацыятворчых працэсаў амаль не закраналіся ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі. Пры гэтым ацэнка палітычных фактараў набыла характар рэзкага канцэптуальнага проціборства, гэта значыць палярнасці даследчых поглядаў, што ярка выявілася ў пытаннях вызначэння ролі найбольш значных падзей імперскага перыяду ў фарміраванні беларускага нацыянальнага дыскурсу (паўстанні 1830—1831 гг., 1863—1863 гг., рэвалюцыя 1905—1907 гг. і інш.). Аўтары тлумачаць гэтую акалічнасць у айчынным навуцы тым, што канцэптуальная дыскусія «грунтуецца не на глыбокіх навуковых даследаваннях, а на ўяўленнях, якія фарміруюцца кан'юктурнай запатрабаванасцю і залежаць ад змены палітычных рэалій» [12, с. 121].

Цікавым і наватарскім у вызначэнні фактараў беларускага нацыягенезу стаў падыход «цывілізацыйнага Памежжа», прапанаваны ў калектыўнай манаграфіі «Беларусы: нацыя Памежжа» (2011 г.) [13]. Пад паняццем Памежжа разумеецца рэгіён перакрывавання цывілізацыйных прастор, што выклікае дыкурс шматлікасці і разнастайнасці ідэнтычнасцей, у тым ліку нацыянальных. «Часам гэта стварае для індывіда складаную, часам проста пакутлівую праблему выбару ўласнай этнічнасці, і такі выбар з'яўляецца найцікавейшай праблемай для мікрадаследаванняў» [13, с. 97].

Вартасцю працы з'яўляецца прапанова новага погляду на беларускі нацыягенез не з пазіцыі «чаму?», а з пазіцыі «як?» фарміравалася беларуская нацыя ў дыскурсе Памежжа і шматлікасці ідэнтычнасцей. Аднак манаграфія ахоплівае не ўсю гісторыю Беларусі і таму не можа прэтэндаваць на вычарпальнасць па праблеме даследавання менавіта нацыягенезу, але падштурхоўвае даследчыкаў на развіццё новага напрамку ў беларускай гістарыяграфіі.

У апошняе дзесяцігоддзе айчынная гістарыяграфія мала ўвагі надавала нацыянальнай тэматыцы. Верагодна, цікавасць да праблемы фарміравання беларускай нацыі на сённяшні дзень істотна знізілася. Пры гэтым лідарства ў беларускіх нацыялагічных даследаваннях занялі замежныя спецыялісты і навуковыя цэнтры.

Асабліваць замежнай гістарыяграфіі складаецца ў спробе ўжываць міжцысцыплінарны падыход, напрацоўкі заходніх нацыёлагаў і параўнальны аналіз беларускага нацыягенезу з нацыягенезамі іншых народаў. Асабліва важнай задачай стала высвятленне таго, наколькі існуючыя канцэпцыі і класіфікацыі нацый і нацыянальных рухаў прыдатныя для беларускага кейса.

Значны ўнёсак зроблены польскімі і дыяспарнымі беларускімі навукоўцамі. Польскі даследчык П. Вандыч вылучаў у Цэнтральна-Усходняй Еўропе тры асноўныя мадэлі працэсаў нацыяўтварэння — польскую, венгерскую і чэшскую. Харвацкі, літоўскі, украінскі, славацкі і беларускі нацыянальныя рухі

ён лічыў блізімі да чэшскай мадэлі, для якой характэрнымі, на яго думку, з'яўляюцца наступныя рысы: аддаленая і перапынёная традыцыя сваёй дзяржаўнасці або тып дзяржаўнасці, звязаны з іншым народам; вельмі высокая ступень міфалагізацыі мінулага; нарэшце, факт, што нацыянальнае адраджэнне часта з'яўлялася «абуджэннем» толькі патэнцыяльна існуючай народнасці, для якой працэс фарміравання цэласнай нацыянальнай самасвядомасці часам так і не быў завершаны ў XX ст. [14, s. 159].

Вядомы чэшскі даследчык М. Грох таксама аналізаваў асаблівасці беларускага нацыягенезу. Адною з прычын слабасці беларускага руху ён называў не паспяховасць гістарычных міфаў, а менавіта спробу прывязаць пераемнасць беларускай дзяржаўнасці да ВКЛ. Таксама на неінтэнсіўнасць нацыянальных працэсаў паўплывала і тое, што сістэма сацыяльных сувязей у Беларусі XIX — пачатку XX ст. практычна знаходзілася яшчэ на сярэднявечнай ступені, а таму нацыянальная агітацыя з вялікімі цяжкасцямі дасягала беларускага селяніна (у той час, як правіла, непісьменнага) і, акрамя таго, была для яго зусім незразумелай [15, s. 89].

Найбольш грунтоўнымі ў пытанні фарміравання беларускай нацыянальнай ідэнтычнасці з'яўляюцца працы польскага сацыёлага Р. Радзика [16]. Ён таксама аналізаваў прычыны слабасці беларускага руху ў кантэксце нацыябудаўніцтва ў Цэнтральна-Усходняй Еўропе. Ём былі глыбока прааналізаваны польскі і расійскі ўплывы. Р. Радзік зрабіў выснову, што важнейшым стрымлівальным фактарам усё ж стала менавіта русіфікацыя: «развіццё беларусаў затрымалася на ўзроўні этнасу, бо ў выніку расійскага ўплыву ўся іх грамадская актыўнасць выпівалася ў этнічна-рэлігійную, класавую і цывілізацыйную канфрантацыю, што перашкоджала ўтварэнню магутнага беларускага нацыянальнага руху» [16, с. 43].

Пасля 2011 г. распрацоўка нацыялагічнай праблематыкі, як і тэмы беларускага нацыягенезу і руху, фактычна прыпынілася, асабліва ўласна ў Беларусі. У асноўным выходзіць толькі адзінкавыя работы (у большасці — артыкулы) у замежным асяроддзі. Аднак замежныя (заходнія, дыяспарныя) працы адрозніваюцца залішняй аналітычнасцю і апорай на еўропацэнтрчныя (цэнтральнаеўропацэнтрчныя) мадэлі нацыі і нацыянальных рухаў. Яны спрабуюць параўнаць беларускі прыклад у асноўным толькі з польскім, чэшскім і ўкраінскім, аднак становіцца відавочным, што фарміраванне беларускай нацыі і руху ўсё ж моцна адрозніваецца, асабліва ад польскага і чэшскага кейсаў. Таксама ўвага даследчыкаў у большай ступені засяроджваецца на аналізе беларускага пытання з пазіцыі яго слабасці. Для многіх так і застаецца незразумелым, чаму слабы беларускі праект, які меў такія нізкія «старты» ў нацыябудаўніцтве, стаў пераможным ужо пасля Першай сусветнай вайны.

Такім чынам, застаецца нявырашанай праблема айчынных гістарыяграфіі ў галіне нацыялогіі і па праблеме фарміравання беларускай нацыі, якая распрацавана толькі па асобных аспектах. Асобнай праблемай з'яўляецца нераспрацаванасць агульнатэарэтычных асноў нацыялогіі, асабліва нацыянальных катэгорый.

Слаба прадстаўлены даследаванні палітычных аспектаў беларускага нацыягенезу. Найважнейшым стрымліваючым фактарам з'яўляецца праходжанне дыскусіі па нацыянальным пытанні ў рэчышчы грамадска-палітычнай публіцыстыкі.

На наш погляд, перспектыўным напрамкам даследавання можа стаць вывучэнне праблемы «Памежока» і вылучэнне асобнага тыпу нацыягенезаў памежока, з прычымненнем да параўнальнага аналізу падобных кейсаў (не толькі з Цэнтральна-Усходняй Еўропы). Таксама неабходна засяродзіцца на пытанні, як канструявалася беларуская нацыя, замест скрупулёзнага аналізу прычын з'яўлення і слабасці беларускага руху. Для гэтага рэlevantна звярнуць увагу на такія аспекты нацыягенезу, як гістарычная памяць, нацыянальныя сімвалы, этнапсіхалогія. Адным з найбольш плённых можа стаць даследаванне па праблеме фарміравання нацыянальных катэгорый, асабліва рэгіянальных.

Літаратура і крыніцы

1. Турук, Ф. Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф. Ф. Турук. — М.: Госиздат, 1921. — 144 с.
2. Незабезпеченае банкруцтва: з гісторыі палітычнага краху нацыяналістычных партый у Беларусі 1917—1925 гг. — Мінск: Голас Радзімы, 1974. — 141 с.
3. Гелтнер, Э. Нации и национализм / Э. Гелтнер. — М.: Прогресс, 1991. — 319 с.
4. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.
5. Смит, Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили [и др.]. — М.: Практикс, 2004. — 464 с.
6. Біч, М. В. Беларускае адраджэнне ў XIX — пачатку XX ст. Гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі / М. В. Біч. — Мінск, 1993. — 30 с.
7. Карев, Д. В. Белорусская и украинская историография конца XVIII — начала 20-х гг. XX в. в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев. — Вильнюс: ЕГУ, 2007. — 312 с.
8. Белозорович, В. А. Формирование и развитие концепции истории Беларуси в отечественной историографии (вторая половина XIX — начало XXI века): монография / В. А. Белозорович, Грод. госуд. университет им. Янки Купалы. — Гродно: ГрГУ, 2020. — 335 с.
9. Унучак, А. У. «Напівніва» і беларускі нацыянальны рух (1906—1915 гг.) / А. У. Унучак. — Мінск: Беларуская навука, 2008. — 186 с.
10. Хорошее, А. С. Публикации российских исторических журналов второй половины XIX — начала XX века как источники по белорусской истории / А. С. Хорошее // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. ст. / отв. ред. С. Ф. Шимкович. — СПб.: Алетейя, 2022. — С. 24—44.
11. Терешкович, П. В. Этническая история Беларуси XIX — начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы / П. В. Терешкович. — Минск: БГУ, 2004. — 223 с.
12. На шляху станаўлення беларускай нацыі: гістарыяграфічныя здабыткі і праблемы / [В. В. Яноўская і інш.; навук. рэд. В. В. Яноўская]; Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі. — Мінск: Беларуская навука, 2011. — 309 с.

13. Кравцевич, А. Белорусы: нация Пограничья / А. Кравцевич, А. Смоленчук, С. Токць. — Вильнюс : ЕГУ, 2011. — 212 с.
14. Wandycz, P. Odrodzenie narodowe i nacjonalizm (XIX—XX ww.) / P. Wandycz // Historia Europy Srodkowo-Wschodniej. — Lublin, 2000. — T. 2. — S. 150—164.
15. Hroch, M. Male narody Europy: perspektywa historyczna / M. Hroch. — Wrocław etc.: Ossolineum, 2003. — 168 s.
16. Радзiк, Р. Выгокі сучаснай беларускасці. Беларусы на фоне нацыятворчых працэсаў у Цэнтральна-Усходняй Еўропе ХІХ ст. / Р. Радзiк, пер. з польск. мовы Н. Дзенісюк, навук. рэд.: С. Рудовіч, С. Токць. — Мінск : Медысон, 2012. — 376 с.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 09.09.2025.

М. Ф. Шумейка,
 ведущий научный сотрудник отдела археографии
 Белорусского научно-исследовательского института
 документоведения и архивного дела,
 кандидат исторических наук, доцент;
 e-mail: jesti@inbox.ru

РОЛЬ МОНАСТЫРЕЙ В СОЗДАНИИ И СОХРАНЕНИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА*

Дуптой стамяўшыся ў жыццёвых цяжкіх бурях,
 Свой век канчае ён у манастырскіх мурах.
 Тут ціша, тут спакой, — ні шуму, ні клячот.
 Ён пілыга летагіс чацвёрты піша год.

М. Багдановіч. Летапісец

Монастыри во все времена, начиная с их появления, играли не только роль военных форпостов и крупных землевладельцев, но и служили средоточием духовной культуры, центрами создания и сохранения документального и книжного наследия. Это подтверждают многие источники, в том числе и составленное еще в XII в. «Житие святой Евфросинии, княжны Полоцкой», в котором говорилось, что св. Евфросиния, пребывая в «каменном голбце» при церкви св. Софии, «нача книги писати своими руками», т. е. переписывала богослужебные книги, раздавая затем полученную за них плату бедным [13, с. 20—22; 15, с. 30—33].

До нашего времени дошли сведения о нахождении архива Полоцкого княжества в Бельчицком Борисоглебском монастыре. В нем хранились древние грамоты, в том числе и «какого-то Ярослава Изяславича», т. е. внука Ярослава Мудрого и дяди жены Глеба Минского. Крупные рукописные собрания имелись у киевского митрополита Иллариона (ум. 1051 г.), монаха Киево-Печерского монастыря Нестора (1056—1114), Кирилла Туровского (ум. 1182), Владимира Мономаха (1053—1125), игумена Кирилло-Белозерского монастыря Кирилла Белозерского (1337—1427) и др. [21, с. 58]. Во многом благодаря им Нестором была составлена около 1113 г. знаменитая «Повесть временных лет», дополненная затем монахом уже другого Киевского монастыря — Выдубицкого — Сильвестром (ум. 1123).

Как отмечает современный российский историк: «... соборы монастырей и городов на своих галереях и хорах хранили библиотеки, архивы, ризницы. О значении подобных хранилищ говорит тот факт, что Лаврентьевская,

* В основе статьи доклад автора на Международной научно-практической конференции «V Чтения памяти протоиерея Иоанна Григоровича (1792—1852): историка, филолога, археографа», состоявшейся 20 февраля 2025 г. в Минской духовной академии имени святителя Кирилла Туровского и приуроченной к 900-летию Спасо-Евфросиниевского женского монастыря в Полоцке, 800-летию Свято-Елисеевского Лавришевского мужского монастыря и 555-летию явления Жировичской иконы Божией Матери.

Ипатьевская и многие другие летописи, «Русская Правда», «Слово о полку Игореве», старопечатные книги XVI—XVII вв. и множество других важнейших источников, относящихся к X—XVI вв. нашей истории, дошли до нас именно в составе монастырских библиотек и архивов» [9, с. 90]. Другой российский историк-архивовед пишет: «Памятники письменности постепенно собирались духовенством в церковных соборах, при монастырях и монастырских школах. Наряду с книгами в надежных монастырских хранилищах накапливались жалованные грамоты, купчие, записи лиц, которые получали в пользование земельные угодья, записи разных вкладов и т. д.» [44, с. 84].

Об этом же говорил и один из руководителей архивной службы России В. В. Максак (1886—1964), выступая на Первом съезде архивных деятелей РСФСР в марте 1925 г. и особо подчеркивая роль монастырских архивов в деле изучения социально-экономической истории: «Ведь что такое монастырский архив? В них в большинстве случаев отразилась история крепостного хозяйства. Историю народного хозяйства нам нельзя изучать и исследовать, не имея под рукой того материала, который хранится в монастырских архивах, потому что монастыри были владельцами огромного количества поместий с огромным количеством прикрепленных к ним крестьян и изучать историю народного хозяйства без этого материала нельзя» [35, с. 116].

Монастырские архивы были одним из важных источников пополнения светских архивов, музеев, библиотек, что отмечал член комиссии по устройству Виленской публичной библиотеки Ф. Н. Добрянский (1848—1919) в предисловии к составленному им описанию рукописей этой библиотеки. В нем он так оценивал вклад монастырей в дело создания и сохранения документальных памятников: «В древности, при частых всенародных бедствиях, каковы были нашествия иноплемеников, огнем и мечом истреблявших все попадавшееся на пути, при частых тревогах и внутренних смутах и мятежах, одни монастыри представляли удобное и покойное место для мирных умственных занятий. В тишине монастырских келий работали скромные труженики на ниве духовного просвещения, не гоняясь за суетною житейскою славою современных писателей, не ища похвал, напротив того, смотря на свое дело как на подвиг, имеющий значение не только для спасения души самого «списателя», но и для других лиц. Великая заслуга в этом отношении таких обителей как Лавры: Киево-Печерская, Троице-Сергиева и другие обители...

И наши рукописи почти все написаны в обителях здешнего края. Супрасльская Лавра, Жировицкий монастырь, Витебский Марковский монастырь и др. — вот места, откуда вышла большая часть рукописей Виленской публичной библиотеки, вошедших в настоящее Описание. Настоятели этих обителей, до перехода их в руки униатов, считали своею священною обязанностью увеличивать всеми средствами количество рукописей в монастырских книгохранилищах. Они заводили целые канцелярии для переписки рукописей, причем переписыванием занимались по преимуществу диаконы и послушники

ки, под руководством, конечно, самого о. настоятеля или поставленного им опытного отца из братии монастыря» [17, с. 23—24].

Ему вторил исследователь белорусской рукописной и старопечатной книги А. И. Миловидов (1864—1935), выступая 30 марта 1903 г. в 1-й Виленской гимназии на юбилейных торжествах, посвященных 300-летию русской периодической печати [25; 26], а также два десятилетия спустя на вышеупомянутом съезде архивных деятелей РСФСР [35, с. 92—93].

История монастырей привлекала и продолжает привлекать к себе внимание как историков, так и писателей, поэтов, художников, кинорежиссеров. Достаточно вспомнить пушкинского Пимена, «Летописца» Максима Богдановича, «Братьев Карамазовых» Федора Достоевского, картины Исаака Левитана «Тихая обитель», «Над вечным покоем», художественный фильм Павла Лунгина «Остров» и др.

Отметим также, что монастырям и их обитателям историческая наука обязана зарождением критического метода в исторических исследованиях. Как известно, с французского монаха-бенедиктинца Ж. Мабильона (1632—1707) начинается разработка дипломатики как источниковедческой дисциплины [10, с. 47—48; 36, с. 58]. И недаром «нашим неутомимым бенедиктинцем» называл известный русский историк и коллекционер М. П. Погодин (1800—1875) Киевского митрополита Евгения (Болховитинова) (1767—1837), по его словам, одного из величайших собирателей, которые когда-либо существовали (цит. по: [1, с. 190]). Из библейской экзегетики выросла герменевтика — важный сегмент исторического источниковедения.

Образцом источниковедческой критики может служить и соборное определение 1677 г. по поводу расхождений жития благоверной княгини Анны Кашинской, вдовы убитого в Орде тверского князя Михаила Ярославича, якобы обнаруженного в Соловецком монастыре, с Троицкой летописью (подр. об этом см.: [16, с. 53—67; 38, с. 572—576; 40, с. 531—536]). Перечень подобного рода примеров может быть значительно расширен.

К сожалению, роль монастырей в деле создания, накопления и сохранения документальных памятников остается недостаточно изученной в современной белорусской историографии* в отличие от российской и украинской, где имеются отдельные монографические работы, не говоря уже о многочисленных статьях, диссертациях по истории монастырских архивов (см., напр.: [5; 18; 19; 29; 45])**. Документы монастырских архивов стали основой для подготовки многих археографических изданий в России, Украине, Польше, других европейских странах [2; 3; 4].

* Исключение здесь составляют работы Н. В. Николаева о Лавришевском монастыре, рукописной книге в Беларуси [30, с. 163—164; 31].

** Крупнейшими коммеморативными центрами называют монастыри современный российский исследователь [46, с. 70].

Правда, в последнее время и в Беларуси наблюдается некоторое изменение ситуации в лучшую сторону. Так, по аналогии с Историко-архивным институтом Российского государственного гуманитарного университета (далее — РГГУ), образовавшем в 1995 г. при Российском обществе историков-архивистов секцию «Архивы Русской Православной Церкви» (председатель профессор ИАИ Е. В. Старостин)* и убедившем руководство РГГУ открыть историко-церковную специализацию в Институте, на историческом факультете Белорусского государственного университета разработан и читается для студентов историко-архивного отделения курс «Конфессиональные архивы», в котором значительное место занимает история монастырских архивов; издано авторское учебное пособие под одноименным названием [6]. Студентами факультета подготовлен и защищен ряд дипломных сочинений, объектом исследования которых выступают монастыри (Т. С. Постанкевич, 2014 г., научный руководитель М. Ф. Шумейко) или изучавшие их исследователи, как, например, А. И. Миловидов (А. С. Хотеев, 2016 г., научный руководитель М. Ф. Шумейко), а также церковные историко-археологические комитеты, занимавшиеся собиранием и сохранением документальных памятников церковной старины (Е. В. Холодова, 2003 г., научный руководитель М. Ф. Шумейко) и др. Да и в Минской духовной академии, как нам известно, защищаются подобного рода диссертации, например, о Березвечском монастыре (А. М. Якубовский, 2005 г., научный руководитель В. А. Теплова), о хранящемся в Жировичском монастыре архиве Лидского благочиния (О. Кунцевич, 2009 г., научный руководитель В. А. Теплова), о Виленском Свято-Духовом монастыре (Г. Черепенников, 2010 г., научный руководитель Ф. Кривонос) и др. Все это говорит об актуальности изучения проблемы, заявленной в названии настоящей статьи.

Рассматривая монастыри как центры хранения документальных памятников, Петр I издал в 1720 и 1722 гг. указы Сенату и Синоду, согласно которым предписывалось во всех епархиях, монастырях и соборах осмотреть и скопировать хранившиеся там рукописные и печатные книги и выслать их в Сенат и Синод [34, № 3693, с. 277; № 3908, с. 511—512].

Ровно через 100 лет после этого «ученая дружина» известного российского государственного деятеля и мецената графа Н. П. Румянцева (1754—1826), в состав которой входил и гомельский протоиерей И. И. Григорович (1792—1852), обследуя архивы и библиотеки подмосковных монастырей, сделала ряд интересных находок. Так, в Воскресенском монастыре был выявлен

* 20—21 ноября 2003 г. секция совместно с Патриархией провела первую Международную конференцию, посвященную архивам духовного ведомства. На ней наряду с докладом об организации монастырских архивов и библиотек в Византии были представлены и доклады об архивах московских Симонова, Стасо-Андроникова, а также Валаамского и других монастырей. Беларусь на этой конференции представлял Г. Щеглов, выступивший с докладом «Архив западнорусских униатских митрополий и история его описания». Материалы конференции изданы [7].

Изборник Святослава 1073 г., в Волоколамском — Судебник Ивана III 1497 г. и летопись, получившая название Софийского временника (издана П. М. Строевым (1796—1876) в 1820—1821 гг. в двух частях).

Проведенная по инициативе и под руководством того же П. М. Строева в 1829—1834 гг. археографическая экспедиция, в ходе которой было осмотрено более 200 актохранилищ, включая и монастырские, выявлено и скопировано до 3 тыс. документов допетровского периода, дала ему основание сделать вывод о большей сохранности церковных и монастырских архивов по сравнению со светскими. В опубликованном по итогам работы экспедиции четырехтомном издании «Актów, собранных в библиотеках и архивах Российской империи Археοграфическою экспедициею императорской Академии наук» (СПб., 1836) значительную часть составляли документы, выявленные как раз таки в монастырских хранилищах. Отметим, что в 1-м томе «Актów» под № 289 была впервые опубликована Опись царского архива, составленная в 1570 г. и дававшая представление о составе архива, многие из документов которого были впоследствии утрачены.

Рискнем предположить, что именно публикация этой описи могла натолкнуть И. Григоровича, занявшего через год после учреждения в 1837 г. в Санкт-Петербурге Археοграфической комиссии должность главного редактора издаваемых ею актов, на мысль включить в 1-й том «Актów Западной России» (1846 г.) аналогичный документ под № 115 — Опись Слуцкого Троицкого монастыря, составленную в 1494/5 г. и включавшую наряду с прочим монастырским имуществом и 20 богослужебных и священных книг, к которым присоединялись такие, как Правила, Измарагд, Дорофей, Ефром [25, с. 349]. По авторитетному мнению профессора Московского историко-архивного института И. Л. Маяковского (1878—1954) это был едва ли не первый опыт архивно-библиотечной описи, содержащей не только названия рукописей, но в некоторых случаях и сведения об их формате (например, «псалтирь в десть») [23, с. 68]*.

Преемник Маяковского, указывая на преимущественно копийный характер документов описи, в то же время подчеркивал присущую ей детализацию. Он, в частности, писал: «Распространение письменной культуры в религиозной массе народа затронуло западные русские территории, пожалуй, глубже, чем восточные. Однако вслед за митрополитом Макарием признаем, что «не находим тогда в литовской митрополии никаких следов оригинальной духовной литературы, если не относить к ней местных летописей» (Макарий. С. 57). Многие церковные памятники, судя по описи Слуцкого Троицкого монастыря, являлись копийным материалом, который можно было встретить

* Опись Слуцкого Свято-Троицкого монастыря, конечно же, не отличалась такой библиοграфической техникой, как составленная примерно в это же время иосифлянином Германом опись архива Кирилло-Белозерского монастыря. Последняя в своем втором разделе представляла обстоятельное описание рукописей, чего не было в описи Слуцкого монастыря (подр. об этом см. [44, с. 97]).

и в архивах восточных церквей. Перечислим основные памятники церковной литературы Слуцкого монастыря: Апокалипсис; писания отцов и учителей Церкви, носящих преимущественно аскетический характер (Ефрема Сирина, Саввы Дорофея, Феодора Студита, Григория Синаита, Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова); Соборники или сборники (Измарагд, Соборник годовой, постный, жития Святых, два Пролога, Патерик Печерский); книги канонического содержания (Правила великия или Кормчая, Никон, т. е. известные сборники Никона черногорца); книги богослужебные и читавшиеся при богослужении (два Евангелия тетры, Апостол тетр и другой апракос, три Служебника, два Требника, Две Псалтыри, Часослов, два Устава, две Триоди, двенадцать месячных Миней, Евангелие толковое). Лишь очень немногие памятники дошли до наших дней» [43, с. 219—220].

Ситуация существенным образом меняется, по мнению Е. В. Старостина, в XVII в.: «Монастырские описи XVII в. — явление достаточно распространенное. В «отписных списках», т. е. описях монастырских ценностей, перечислялись не только культовые предметы, но и старые книги, дела, грамоты. В связи с намерением провести исправление культовых текстов Патриарх Никон в 1653 г. распорядился составить опись книг и рукописей 39 крупнейших монастырей. На следующий год он послал на далекий Афон иеромонаха Московского Богоявленского монастыря Арсения (Суханова) (1600—1668), который доставил из «монашеской республики» 498 рукописей» [8; 11, с. 104—106; 42, с. 23].

Возвращаясь к архиву Слуцкого Свято-Троицкого (Тройчанского) монастыря, отметим, что ему повезло более других аналогичных собраний. В 1870 г. архив вместе с монахами был переведен в Минский Свято-Духов монастырь, откуда с созданием в 1908 г. Минского церковного историко-археологического комитета* передан сюда в количестве 165 дел (книг) за 1796—1869 гг. В его состав входили синодальные и консисторские указы, переписка, инвентари, описи, приходно-расходные, амбарные книги и др.

Что касается наиболее древних документов архива за XVI—XVIII вв., то они несколько позже поступили в комитет от неизвестного лица** в качестве

* Идея создания комитета принадлежала редактору «Минских епархиальных ведомостей» Д. В. Скрынченко, который стал хранителем его музея. В апреле 1909 г. вместо умершего 2 января 1909 г. первого председателя комитета, директора народных училищ Минской губернии М. Н. Былова, председателем был избран А. К. Снитко. Целью комитета наряду с исследованием церковно-религиозной и общественной жизни региона являлось и «приведение в известность и описание всякого рода памятников древности и архивов церквей, монастырей, епархиальных и других учреждений; наблюдение за сохранностью храмов и других церковных сооружений, кладбищ, надгробных и др., как вещественных, так и письменных памятников, собирание и хранение в своем музее церковно-религиозных и др. памятников старины» [20, с. 109—110; 27, с. 4; 28; 41].

** Через 100 лет после этого снова неким неизвестным прихожанином было передано священнослужителю, а тем — митрополиту Минскому и Слуцкому, Патриаршему Экзарху всея Беларуси Филарету Слуцкое Евангелие, переписанное в 1581 г. слуцким

депозита. Документы были переплетены в две книги большого формата. В 1913 г. их краткое описание опубликовал в 4-м выпуске сборника документов «Минская старина», издававшегося Минским церковным историко-археологическим комитетом, его руководитель, историк, археолог, краевед А. К. Снитко (1866—1920). После 1917 г. книги поступили в Белорусский государственный музей, откуда вместе с другим имуществом музея были вывезены немецкими оккупантами в годы Великой Отечественной войны на Запад. В 1964 г. они возвратились в Минск в восстановленный Госмузей БССР. В 2004—2016 гг. книги, ныне хранящиеся в Национальном историческом музее Республики Беларусь, были описаны научным сотрудником музея Л. А. Линской совместно с главным архивистом (ведущим научным сотрудником) Национального исторического архива Беларуси Г. М. Брегером в 5—9 (2004—2008 гг.) и 13—17 (2012—2016 гг.) выпусках «Беларускага археаграфічнага штогодніка». Описание документов 1-й книги сделано в 5—14 выпусках, 2-й книги — в 14—17 выпусках.

Объясняя причины, по которым предпринято повторное описание документов архива, составители отмечали: «Дадзеная публікацыя выклікана цікавасцю даследчыкаў да гісторыі Слуцка і яго храмаў. Да таго ж выданне “Минской старины” з’яўляецца бібліяграфічнай рэдкасцю. А самае галоўнае, што А. Снітка рабіў апісанне дакументаў на недастаткова высокім археаграфічным узроўні: шмат недакладнасцей у загалоўках і вызначэнні тыпаў дакументаў, памылкі ў геаграфічных назвах, прозвішчах, датах, падача толькі прозвішч асоб без імён і вызначэння тытулаў» [12, с. 48].

Как явствует из современного описания, кроме документов собственно Слуцкого Свято-Троицкого монастыря и капитулы Слуцкой архимандрии в книгах имелись документы Преображенской и Успенской церквей и братств при них, Слуцкого Ильинского и Грозовского Иоанна-Богословского монастырей, документы Омельковичей, Радзивиллов, слущких и тройчанских мещан и др.

Представляет научный интерес и документальное собрание одного из первых по времени возникновения монастырей в белорусском крае — Пинского Лещинского. В предисловии к опубликованному известным историком-архивистом и археографом Д. И. Довгялло в 1-м выпуске «Минской старины» инвентарю монастыря за 1588 г., выявленному в актовой книге Пинского городского суда, хранившейся в Виленском центральном архиве древних актов, он относил его создание едва ли не к X в. [33]. Особое внимание Д. И. Довгялло обращал на характеристику имевшихся в монастыре богослужебных книг, отмечая, что среди них не было ни одной «битой», т. е. печатной.

Однако еще за 9 лет до Д. И. Довгялло членом-соревнователем старейшего русского научно-исторического Общества истории и древностей российских при Московском университете вышеупоминавшимся А. И. Миловидовым в авторитетном издании Общества было опубликовано несколько доку-

князем Юрием Омельковичем и исчезающее как и Крест преподобной Евфросинии Полоцкой в 1941 г. (об этом см. [22, с. 5—7]).

ментов из архива уже упраздненного к этому времени монастыря [24]*. В предисловии к публикации составитель со ссылками на носившие полуполюгендарный характер работы польских историков Т. Нарбута, М. Стрыйковского отмечал древнее происхождение монастыря, указывал на распыление его архива и, опираясь на имевшуюся в его распоряжении старую опись, проводил систематизацию документов, выделяя среди них три группы.

«Судя по старой описи, — указывал он, — наиболее древним документом в Лещинском архиве была жалованная грамота монастырю пинского князя Юрия Наримунтовича. В настоящее время этой грамоты нет и древнейшие документы начинаются с XVI в. жалованными грамотами (в копиях) князя Федора Ивановича Ярославича и его супруги Елены» [24, с. 5]. Среди опубликованных А. И. Миловидовым пяти документов архива наибольший интерес представляет первый — «Сдаточный инвентарь Пинского Лещинского монастыря дворянину Александру Плетенешкому по смерти епископа Пинского Леонтия Пельчицкого» 1595 г. В нем, в отличие от столетием ранее составленного и выше уже упоминавшегося инвентаря Слуцкого Свято-Троицкого монастыря, перечислялись не только богослужебные книги, но и многочисленные документы: привилеи на владение монастырем дворищами, озерами, сеножатями, листы заручные и увязчие, квиты поборовые и др.

Большую роль в деле накопления и сохранения документальных памятников сыграл созданный в 1498 г. Ходкевичами Супрасльский монастырь. Уже через 59 лет после его основания в библиотеке монастыря числилось 129 книг. В составленной в 1557 г. настоятелем монастыря архимандритом Сергием Кимбарем описи его имущества был помещен и список книг, часть которых с созданием Виленской публичной библиотеки поступила в ее рукописное отделение и вошла в составленное Ф. Н. Добрянским вышеупоминавшееся Описание [17]. Однако многие рукописи древние, и потому наиболее ценные, разошлись по разным библиотекам и частным рукам, о чем писал в предисловии к Описанию Ф. Н. Добрянский. В качестве примера он ссылался на открытую и обнародованную профессором Виленского университета М. К. Бобровским Супрасльскую рукопись, основная часть которой оказалась за границей**. «Было ли это умышленное отчуждение рукописи от монастыря, или произошло это вследствие како-

* А. И. Миловидов собирался опубликовать и старую опись архива упраздненного монастыря, о чем идет речь в письме М. К. Любавского к нему 5 мая 1899 г. Последний не рекомендовал Миловидову публиковать опись ввиду невысокого уровня ее археографической подготовки. Он советовал адресату обратиться в Варшавский архив древних актов, исследованиям польских историков для уточнения имевшихся у него вопросов по описи. Но, вероятно, Миловидов отказался от своего первоначального намерения и опись не публиковалась (подр. об этом см. [32]).

** В 2007 г. Супрасльская рукопись включена в существующий с 1992 г. реестр ЮНЕСКО «Память мира». Туда она была номинирована Польшей, Россией и Словенией, в архивохранилищах которых находятся фрагменты рукописи.

го-нибудь недоразумения — судить не беремся», — дипломатично констатировал составитель Описания [17, с. XXXV].

Такой же непроясненной остается и история с отчуждением в первой четверти XIX в. находившегося в Лавришевском монастыре Евангелия XIV в., названного по месту его хранения Лавришевским [39]. По традиции считается, что его в 1822 г. монахи подарили куратору Виленского учебного округа князю Адаму Чарторыйскому, который затем передал его в свою библиотеку в Пулавах. Вскоре Евангелие оказалось в Публичной библиотеке в Санкт-Петербурге, а оттуда попало в Музей Чарторыйских в Кракове, где ныне и хранится. На недобровольную передачу Евангелия Чарторыйскому намекали многие исследователи, в том числе А. И. Миловидов, ссылавшийся при этом на опубликованные в «Северном архиве» записки И. Онацевича, ездившего в 1822 г. вместе с А. Чарторыйским в Лавришевский монастырь, а также воспоминания И. Лобойко. И. Онацевич, в частности, писал: «В Лавришове (мы нашли) много книг XVI и XVII вв. Куратор (А. Чарторыйский) взял из них несколько десятков, а я под расписку взял только 4-е издание Литовского Статута 1693 г.» [37, с. 474]. И. Лобойко же прямо указывал на использование А. Чарторыйским своего служебного положения, при этом, правда, весьма сомнительно трактуя поведение хранителей исторических документов: «Князь А. А. Чарторижский, будучи попечителем Виленского учебного округа, *обобрал все литовские монастыри и архивы* [здесь и далее выделено мною. — М. Ш.] *которые охотно отдавали ему эти рукописи, не имевшие для них никакой важности*, а князь обогащал ими свою библиотеку в Пулавах» [14, с. 126].

Кстати говоря, не только Лавришевское, но и другие древнейшие Евангелия, хранившиеся в белорусских церквях и монастырях, например: Туровское, Полоцкое, Оршанское, Мстисжское, Жировичское и другие, ныне пребывают за пределами Беларуси.

Подобная Лавришевскому монастырню участь постигла и библиотеку Жировичского монастыря, основанного в XV в. православными Солтанами и отданного в 1613 г. в руки базилиан. Часть библиотеки, включая несколько десятков рукописей, была перевезена в 1845 г. в Вильну, в Троицкий монастырь, куда по распоряжению высшего церковного начальства перевели и епархиальную духовную семинарию. В 1878 г. 40 церковно-славянских рукописей были переданы в Виленскую публичную библиотеку и вошли в Описание Ф. Добрянского. Документы из Жировичского монастыря публиковались в издававшемся в 1867—1904 гг. управлением Виленского учебного округа 14-томном «Археографическом сборнике документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси». А в 10-м томе сборника был опубликован дневник Полоцкого Софийского монастыря.

Отсутствие в XIX — начале XX в. на территории белорусских губерний значительных исторических архивов*, библиотек и музеев, подобных Краковскому музею Чарторийских, виленским Центральному архиву древних актов книг, Публичной библиотеке, Санкт-Петербургской Румянцевской библиотеке, Московскому историческому музею им. Александра III и другим приводило к перемещению многих документальных памятников за пределы их происхождения (хранения). Однако, несмотря ни на что и во многом благодаря монастырям и церквям, они сохранились и ныне составляют значимый сегмент белорусского характера в мировом документальном наследии.

Литература и источники

1. Абрамович, Дм. Памяти митрополита Евгения (Болховитинова). К 150-летию со дня его рождения / Дм. Абрамович // Исторический архив. — Пг. : 2-я Государств. типография, 1919. — Кн. 1. — С. 190—223.
2. Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV — нач. XVII вв. — М., 1998. (Богоявленский монастырь. С. 105—111; Новодевичий монастырь. С. 283—288).
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М., 1952, 1958. — Т. 1, 2.
4. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. — М., 1956. — Ч. 2.
5. Амосов, А. А. Архивы Двинских монастырей: Очерки по истории организации и складывания архивов духовных корпораций: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Амосов Александр Александрович. — М., 1975. — 36 с.
6. Антановіч, З. В. Канфесіянальныя архівы Беларусі XVIII — пач. XX ст. Дапаможнік / З. В. Антановіч. — Мінск : БДУ, 2016. — 167 с.
7. Архивы Русской Православной Церкви. — М. : Рос. гос. гуманит. ун-т., 2005. — 381 с. (Труды Историко-архивного института. Т. 36).
8. Белокуров, С. А. Арсений Суханов / С. А. Белокуров. — М., 1891, 1894. — Ч. 1, 2.
9. Белявский, М. Т. Работа в музеях и с историческими памятниками при изучении истории СССР (с древнейших времен до 1917 г.): Учеб. пособие / М. Т. Белявский. — М. : Высш. школа, 1978.
10. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. — М., 1973. — 230 с.
11. Боть, В. И. Создатель патриаршей библиотеки, или Труды и дни Арсения Суханова / В. И. Боть // Вестник Тульской православной классической гимназии. — 2000. — № 3. — С. 104—106.
12. Брэгер, Г. М. Фрагмент архіва Слуцкага Трайчанскага Свята-Траецкага манастыра ў фондах НМІ ТКБ / Г. М. Брэгер, Л. А. Лінская // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск : БелНДДАС, 2004. — Вып. 5.
13. Васильченко, В. Е. Очерк истории библиотечного дела в России XI—XVIII века / В. Е. Васильченко. — М., 1948.
14. Вильна 1823—1824. Перекрестки памяти / сост. А. И. Федута; вступ. ст., коммент. П. М. Лавринец, А. И. Рейтблат, А. И. Федута. — Минск : Лимариус, 2008.

* Начавшы функцыянаваць з сямгябры 1862 г. Віцебскі цэнтральны архіў дрэвніх актвых кнйг в 1903 г. па рэшэнню Государственного совета Российской империи был інтэграваны в аналагічны Віленскі архіў с перемещением его в Вільну.

15. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Спроба паясыніцельнай кнігапісі ад канца X да пачатку XIX стагоддзя / апрац. В. Ластоўскі. Выд. коштам Беларускага цэнтру ў Літве. — Коўна : Друкарня Сакалоўскага і Лана, 1926.
16. Город Кашин. Материалы для его истории, собранные И. Я. Кункиным. Выпуск второй, 1665—1667 гг. С предисловием члена-соревнователя К. А. Стратонитского // Чтения в импер. Обществе истории и древностей российских при Московском ун-те. — М., 1905. — Кн. 3. — С. III—V, 53—67.
17. Добрянский, Ф. Н. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских / Ф. Н. Добрянский. — Вильна, 1882.
18. Ивина, Л. И. Копийная книга актов Симонова монастыря XVII в. / Л. И. Ивина // Проблемы источниковедения. — М., 1962. — Вып. 10. — С. 235—254.
19. Каппанов, С. М. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVI в. С. М. Каппанов // Записки Отдела рукописей ГБЛ. — М., 1956. — Вып. 18. — С. 3—47.
20. Клепиков, Н. Е. Культурно-историческое наследие Беларуси периода Российской империи / Н. Е. Клепиков. — Минск : Издательский центр БГУ, 2008.
21. Кононов, Ю. Ф. Частные коллекции рукописных материалов в России до XIX в. / Ю. Ф. Кононов. — М., 1961.
22. Мальдис, А. И. Явление Слуцкого Евангелия / А. И. Мальдис // Белорусские сокровища за рубежом / А. И. Мальдис. — Минск : Літаратура і Мастацтва, 2009.
23. Маяковский, И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. (Опыт систематического руководства). Часть первая. История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции / И. Л. Маяковский. — М. : ГАУ НКВД СССР, Историко-архивный институт, 1941.
24. Миловидов, А. И. Архив упраздненного Пинского Лепчинского монастыря / А. И. Миловидов // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. — М., 1900. — Кн. 2. — С. 1—33.
25. Миловидов, А. И. Судьба русской книги в Северо-Западном крае в связи с его культурной историей / А. И. Миловидов // Христианское чтение. — 1903. — № 3. — С. 348—361.
26. Миловидов, А. И. Судьба русской книги в Северо-Западном крае в связи с его культурной историей / А. И. Миловидов // Христианское чтение. — 1903. — № 10. — С. 486—506.
27. Минская старина. Труды Минского церковного историко-археологического комитета / под ред. хранителя музея Д. Скрынченко. — Минск, 1909. — Вып. 1.
28. Михаил Николаевич Былов: к 150-летию со дня рождения: биобиблиографический указ. лит. (1888—2009) / сост. Л. Ю. Акиньшина, Г. М. Зверев; ред. и автор вступит. ст. А. Н. Акиньшин. — Воронеж : Изд. Дом Алейниковых, 2012.
29. Назаров, В. Д. Акты XV века из архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря / В. Д. Назаров // Русский дипломатарий. — М., 1998. — Вып. 4. — С. 3—21.
30. Нікалаеў, М. Лаўрышпаўскі манастыр як цэнтр беларускай культуры / М. Нікалаеў // Życie monastyczne w Rzeczypospolitej. — Białystok, 2001. — S. 163—164.
31. Нікалаеў, М. Палата кнігапісная: Рукапісная кніга на Беларусі ў X—XVIII стагоддзях / М. Нікалаеў. — Мінск, 1993.
32. Отдел рукописей Библиотеки Вильнюсского университета. — Ф. 36. Оп. 1. Д. 38. Л. 1.
33. Пинский Лепчинский монастырь в 1588 г. / сообщ. Д. И. Довятло // Минская старина. — Минск, 1909. — Вып. 1. — С. 97—124.
34. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. — СПб., 1830.

35. Протоколы Первого съезда архивных деятелей РСФСР. 14—19 марта 1925 г. / под ред. Н. Ф. Бельчикова и В. В. Максакова. — М.; Л. : Издат-во Центрархива РСФСР и Гос. издат-во, 1926.
36. Рубинштейн, Н. Л. Русская историография / Н. Л. Рубинштейн. — М., 1941.
37. Северный архив. — 1822. — № 4.
38. Семенченко-Басин, И. Вскрытие святых мощей советского времени в зеркале научных исследований / И. Семенченко-Басин // Страницы. Богословие. Культура. Образование. — 2004. — Т. 9. — Вып. 4. — С. 572—576.
39. Семянчук, А. Лаўрышпаўскае Евангелле / А. Семянчук // *Silva rerum nova: Штудыі ў гонар 70-годдзя Георгія Я. Галенчанкі* / уклад. А. Дзярновіч [і інш.]. — Вільня, Мінск, 2009. — С. 236—243. (Athenaeum, Т. XII).
40. Семячко, С. А. Круг агиографических памятников, посвященных Анне Капшинской. Сказание об обретении и перенесении мощей / С. А. Семячко // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. — СПб., 1997. — Т. 50. — С. 531—536.
41. Скрынченко, Д. В. Минувшее и настоящее. Избр. публицистика / Д. В. Скрынченко / под ред. А. Ю. Минакова. — Воронеж, 2009. — 260 с.
42. Старостин, Е. В. Архивы Русской Православной Церкви X—XX века (Исторический очерк) / Е. В. Старостин // Архивы Русской Православной Церкви. — М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2005 (Труды Историко-архивного института. Т. 36).
43. Старостин, Е. В. Архивы Русской Православной Церкви в период становления и развития Московского государства (XIV—XVII века) / Е. В. Старостин // Вестник РГГУ. — 2008. — № 8.
44. Хорхордина, Т. И. Архивы личного происхождения в России / Т. И. Хорхордина. — М. : Издат-во «Весь Мир», 2024.
45. Шибаев, М. А. Историко-кодикологическое исследование рукописей Кирилло-Белозерского монастыря XV в. : дис. ... докт. ист. наук / Шибаев Михаил Алексеевич. — СПб., 2017.
46. Шокарев, С. Ю. «А дачы яго образы, і кнігі, і міласціныя дэнгі... і імяню всего не іспісаць»: аб'ём і дынаміка дзенжных ўкладаў Івана Грознага ў манастыры / С. Ю. Шокарев // Одиссей. Человек в истории. — 2023. — № 2.

Артыкул напісаны ў рэдакцыю 10.03.2025.

А. А. Сашко,

*младший научный сотрудник отдела документоведения
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела,
аспирант кафедры источниковедения исторического факультета
Белорусского государственного университета;
e-mail: nedaschko@bk.ru*

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И ЗАДАЧИ ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ: ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Повсеместная автоматизация управленческой деятельности, сопровождающаяся внедрением новых информационно-коммуникационных технологий, а также трансформация общества в направлении информатизации обусловили необходимость переосмысления документоведения как самостоятельной научной дисциплины. В условиях стремительного развития электронного документооборота, цифровых архивных систем и нормативной регламентации процессов документирования в научной среде очевидным становится кризис прежней парадигмы документоведения, о чем свидетельствуют как отечественные, так и зарубежные исследования [1; 2; 3]. Данный кризис выражается не только в смещении акцентов с теоретико-методологических оснований на прикладные задачи, но и в угрозе утраты философской и концептуальной глубины дисциплины, которая рискует раствориться в функциональных практиках делопроизводства и управления документами.

Актуальность обращения к проблемному полю документоведения определяется не столько его прикладной востребованностью, сколько необходимостью научного переосмысления его сущностных характеристик, методологических оснований и институционального статуса. В Республике Беларусь документы традиционно являются не только инструментом управления, но и носителем культурной, правовой и исторической информации, особое значение приобретает разработка национальной модели науки о документе [4]. При этом важно подчеркнуть, что объектом изучения документоведения выступает не только документ как таковой, но и системы документации, их структура, функционирование и нормативное обеспечение, что требует расширенного взгляда на предметную область дисциплины.

Целью настоящей статьи является определение ключевых проблем и задач документоведения в контексте его институционализации как научной дисциплины в Республике Беларусь. Автор стремится продемонстрировать, что документы, как феномен, выходят за рамки исключительно управленческого подхода и требуют междисциплинарного осмысления. В этом контексте особое внимание уделяется белорусской специфике развития документоведения, характеризующейся преемственностью советской научной традиции, фрагментацией

академической и вузовской исследовательской деятельности, а также доминированием прикладных исследований над теоретическими разработками.

Методологическая рамка статьи строится на междисциплинарном подходе, предполагающем интеграцию теорий и методов из смежных научных областей с целью формирования целостного представления о документационном обеспечении жизнедеятельности общества [5]. Статья направлена на теоретическое обоснование и институциональное укрепление документоведения как полноценной научной дисциплины, способной адаптироваться к современным вызовам и формировать собственную исследовательскую школу.

Переосмысление документоведения в условиях цифровой трансформации невозможно без обращения к его историко-теоретическим основаниям, которые формировали дисциплину как самостоятельную область научного знания. В советском научном пространстве становление документоведения началось в середине 1950-х гг., когда были заложены первые методологические принципы анализа документа как социального феномена [6; 7]. В белорусском контексте ключевыми вехами институционального оформления дисциплины стали: создание в 1991 г. независимого профильного научного учреждения — Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (БелНИИДАД) [8], начало подготовки специалистов по специальности «Документоведение и информационное обеспечение управления» в Белорусском государственном университете с 2001 г. [9], а также принятие Закона Республики Беларусь от 25 ноября 2011 г. № 323-З «Об архивном деле и делопроизводстве» [10], закрепившего нормативные основания функционирования документационных систем. В последние годы особую значимость приобретают процессы цифровизации, включая внедрение электронного документооборота, развитие нормативных стандартов и пересмотр понятийного аппарата дисциплины.

Аргументация в пользу научной автономности документоведения базируется на наличии устойчивого объекта и предмета исследования, сформированного проблемного поля, собственной методологии, а также институциональной инфраструктуры, включающей профильные научные учреждения, образовательные программы, публикационные площадки и профессиональные сообщества. Объектом документоведения выступают документ и системы документации, тогда как предметом — закономерности их создания, функционирования и трансформации в контексте жизнедеятельности общества, как в историческом, так и в современном измерении [11]. При этом важно подчеркнуть, что системная природа документации зачастую оказывается недооцененной, несмотря на ее ключевую роль в обеспечении управленческих, правовых и культурных процессов. Именно включение систем документации в предметную область позволяет дисциплине выйти за рамки прикладного делопроизводства и обрести теоретическую глубину.

Несмотря на наличие признаков институциональной зрелости, таких как профильные НИИ, магистратура и аспирантура, специализированные

научные издания, в том числе «Беларускі археаграфічны штогоднік», «Архівы і справядства» [12; 13], а также активное участие белорусских исследователей в международных конференциях, документоведение в Республике Беларусь сталкивается с рядом вызовов. Среди них — фрагментация научных усилий, доминирование прикладного уклона над теоретическими разработками, а также отсутствие единой национальной школы, способной консолидировать исследовательские подходы и обеспечить преемственность знаний. В этом контексте особую роль играет деятельность отечественных ученых, чьи работы способствуют формированию методологических оснований и расширению понятийного поля дисциплины [3—5; 8; 9; 14].

Обсуждение рисков «растворения» документоведения в других дисциплинах, таких как управление, архивоведение, источниковедение или информатика, не должно восприниматься исключительно как угроза [1]. Напротив, междисциплинарная интеграция может стать источником методологического обогащения и институционального укрепления. Документоведение, обладая потенциалом метадисциплины, способно координировать знания, заимствуя продуктивные подходы из смежных областей и формируя собственную интегративную модель развития [15]. Такая модель предполагает не отказ от дисциплинарной идентичности, а ее усиление через рефлексивное взаимодействие с другими научными направлениями, что особенно актуально в условиях цифровизации и нормативной трансформации документационного пространства.

Итак, признание документоведения как самостоятельной научной дисциплины требует не только теоретического обоснования, но и институционального действия, направленного на консолидацию исследовательских усилий, развитие образовательных программ и формирование национальной школы, способной адаптироваться к современным вызовам и вырабатывать устойчивые научные ориентиры.

Рассмотрение проблемного поля документоведения неразрывно связано с обращением к методологическим и терминологическим основаниям, которые, несмотря на наличие определенной исследовательской традиции, остаются фрагментарными и недостаточно артикулированными. Методология документоведения, будучи ядром дисциплины, в настоящее время характеризуется междисциплинарной размытостью, что, с одной стороны, позволяет интегрировать методы документной лингвистики, статистического анализа, источниковедения и управления, а с другой — затрудняет формирование устойчивой исследовательской рамки, необходимой для институционализации науки [16]. В белорусском контексте отсутствует единая методологическая модель, однако существует потребность в выработке общей картины методов, применимых к изучению документа и систем документации, особенно в условиях цифровизации и нормативной трансформации.

Сложность методологического самоопределения усугубляется терминологической перегруженностью дисциплины, в которой до сих пор продол-

жаются дискуссии о базовых понятиях, включая определение самого термина «документ». Различия в трактовках между прикладными специалистами, склонными к юридико-административному пониманию документа, и теоретиками, акцентирующими его философско-информационную природу, приводят к отсутствию единой парадигмы и затрудняют развитие национальной школы документоведения [17; 18]. Пока научное сообщество продолжает спорить о сущности документа, реальные проблемы документооборота, архивного хранения и цифровой трансформации остаются недостаточно осмысленными, что снижает прикладную и теоретическую эффективность дисциплины.

В Республике Беларусь предпринимаются шаги по терминологической унификации, в частности, через обновление национальных стандартов, в том числе отраслевого терминологического государственного стандарта Республики Беларусь СТБ 2059-2013 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», содержащего согласованные определения ключевых понятий документоведения [19]. Однако даже при наличии нормативных оснований, включая Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2011 г. № 323-З «Об архивном деле и делопроизводстве» [20], новый Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 010-2023 «Унифицированные документы» (ОКУД) [21] и ряд иных документов, сохраняется дисбаланс между прикладной нормативной моделью документооборота и теоретическими разработками дисциплины. Нормативные правовые акты преимущественно ориентированы на делопроизводственные задачи, в то время как научное осмысление документа как феномена остается в стороне, что затрудняет формирование целостной методологической и понятийной базы.

Несмотря на то что большинство нормативных правовых актов проходит экспертную оценку в профильных учреждениях, взаимодействие с университетским научным сообществом остается ограниченным. Это создает ситуацию, при которой нормативная и академическая терминология развиваются параллельно, не вступая в продуктивный диалог. Между тем, наличие единой терминологической и методологической платформы является необходимым условием для институционализации документоведения как научной дисциплины, способной не только описывать, но и объяснять процессы документирования в их историческом, социальном и технологическом контексте.

Следует подчеркнуть, что в Республике Беларусь уже сложилась собственная терминологическая традиция, отражающая специфику национального документоведения [22; 23]. Ее развитие и согласование с международными подходами может стать основой для формирования устойчивой исследовательской школы, способной интегрировать нормативные, теоретические и прикладные компоненты дисциплины в единую научную модель.

Рассмотрение задач документоведения в контексте его институционализации требует дифференцированного подхода, учитывающего специфику научной, образовательной и прикладной сфер. В научном измерении приори-

тетной задачей остается развитие теории документа, которая, несмотря на наличие информационных и правовых трактовок, нуждается в философском и социокультурном переосмыслении. Размытость границ между понятиями «документ» и «данные» порождает методологическую неопределенность и вызывает опасения относительно утраты дисциплинарной идентичности [2; 3]. В условиях цифровизации и стремительного роста объемов электронных информационных потоков особенно важно сохранить теоретическую глубину документоведения, способную объяснять не только технические аспекты документооборота, но и его влияние на социальную организацию, культурную память и управленческие практики.

Разработка методологического аппарата документоведения, а также унификация подходов к дисциплине на уровне Республики Беларусь представляются необходимыми шагами для консолидации научного сообщества. При этом важно учитывать, что методологическая работа должна опираться не на изолированную белорусскую модель, а на интеграцию с международными теоретическими разработками, адаптированными к национальному нормативному и институциональному контексту. Только при наличии согласованной методологической платформы возможно формирование устойчивой исследовательской школы, способной воспроизводить знания и задавать векторы развития дисциплины.

В образовательной сфере документоведение сталкивается с рядом системных ограничений. Несмотря на наличие профильных программ подготовки специалистов, включая магистратуру и аспирантуру, количество диссертационных защит остается крайне низким, что свидетельствует о недостаточной институциональной поддержке научного роста [24]. Отсутствие постоянного специализированного совета по защите диссертаций по специальности «05.25.02 Документалистика, документоведение, архивоведение» затрудняет формирование устойчивой академической традиции, а тематическая размытость работ, зачастую смещающихся в сторону источниковедения или истории, препятствует развитию собственно документоведческой проблематики. В данной ситуации особенно важно стимулировать публикационную активность, направленную на разработку теоретических и прикладных аспектов документоведения, а также обеспечить кадровую преемственность, способную поддерживать и развивать национальную школу.

Прикладная сфера, напротив, демонстрирует активность, особенно в контексте оптимизации документооборота и внедрения электронных решений. Например, в августе 2025 г. были утверждены Методические рекомендации по оптимизации документообразования и документооборота в государственных органах, разработанные БелНИИДАД, что также свидетельствует о нормативной активности и стремлении к упорядочению процессов управления документами [25]. В комплексе проблематика документооборота находит свою реализацию как в современных методических документах, так и в нормотворчестве на общегосударственном уровне. Однако такие разработки требуют качественного

методологического обеспечения с целью оптимального соотношения практического аспекта документоведения с его теоретическими основаниями.

Таким образом, решение задач документоведения в прикладной сфере не только способствует повышению эффективности процессов документирования, но и создает предпосылки для институционального укрепления дисциплины. При наличии согласованной терминологии, методологии и нормативной базы документоведение способно занять устойчивое место в системе наук, обеспечивая как теоретическое осмысление, так и практическое сопровождение процессов документирования в условиях цифровой трансформации.

Проблемное поле документоведения в Республике Беларусь непосредственно соотносится с нормативными и институциональными особенностями, формирующими национальную модель дисциплины [26]. Постсоветская преемственность, сохранившаяся в белорусской практике, проявляется прежде всего в стандартизационном и унификационном подходе к документообороту, а также в устойчивом управленческом восприятии документа как инструмента административного контроля. Превалирование прикладного аспекта, закрепленного в нормативных правовых актах и образовательных программах, продолжает служить своего рода путеводной звездой для практиков, при этом ограничивая теоретическое развитие дисциплины.

Нормативная инфраструктура документоведения в Беларуси представлена рядом ключевых актов, среди которых особое место занимает Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2011 г. № 323-З «Об архивном деле и делопроизводстве», задающий базовые определения и регламентирующий общие принципы функционирования делопроизводственной среды [20]. Важным дополнением выступает Инструкция по делопроизводству в государственных органах, иных организациях, утвержденная постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 29 августа 2025 г. № 65, обеспечивающая практическую реализацию положений закона и содержащая терминологические и процедурные ориентиры [27]. Национальные стандарты, а именно упомянутый терминологический государственный стандарт Республики Беларусь СТБ 2059-2013 [19], а также государственный стандарт Республики Беларусь по оформлению документов — СТБ 6.38-2016 «Унифицированные системы документации Республики Беларусь. Система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов» [28], несмотря на различную степень актуальности, продолжают играть роль методологических опор: первый — в части терминологической унификации, особенно после недавнего обновления [29], второй — как основа для классификации и описания управленческих документов, хотя и требует пересмотра с учетом электронных реалий.

Классификаторы, такие как ОКУД, формально обеспечивают систематизацию документационных массивов, однако их практическая применимость остается ограниченной [21]. Несмотря на комплексный характер разработки,

включающий всеобъемлющий анализ видов документов, классификатор зачастую воспринимается как формальный инструмент, не интегрированный в реальные процессы документообразования. Во многом делопроизводственная традиция в Республике Беларусь проявляет себя как сохраняющая советские подходы к структурированию управленческих документов, что, с одной стороны, обеспечивает стабильность, а с другой — затрудняет внедрение инновационных решений.

Институциональная структура документоведения в Беларуси включает устойчивые элементы, обеспечивающие функционирование дисциплины на разных уровнях — от научно-исследовательских институтов до университетских кафедр. При этом взаимодействие между академической и вузовской наукой остается точечным и требует дальнейшего укрепления. Научные учреждения обладают значительным опытом в нормативной и прикладной разработке, тогда как университетская среда формирует теоретические и образовательные основания дисциплины. Несмотря на наличие соглашений о сотрудничестве и кадровых пересечениях, потенциал для более тесной интеграции остается высоким — особенно в части совместных исследований, методологических разработок и участия в нормативной экспертизе.

Тем не менее, существующая институциональная инфраструктура — научные учреждения, образовательные программы, нормативные правовые акты и профильные публикации — обеспечивает базовую устойчивость дисциплины. Для ее дальнейшего развития необходимо выработать согласованность между нормативной и теоретической составляющими, а также активизировать совместные мероприятия, объединяющие усилия вузов и научных учреждений. Только при наличии межинституционального диалога и кадровой преемственности возможно формирование национальной школы документоведения, способной не только адаптироваться к современным вызовам, но и задавать собственные исследовательские ориентиры.

Обозначение перспектив развития документоведения в Республике Беларусь может быть представлено в рамках комплексного подхода, сочетающего институциональные, методологические и научно-популяризационные усилия [4]. В условиях сохраняющейся фрагментации дисциплины особую значимость приобретает интеграция научных школ, прежде всего БелНИИДАД и кафедры источниковедения Белорусского государственного университета, которые на протяжении последних десятилетий формируют ядро национального документоведческого знания. Укрепление связей между исследовательскими и образовательными структурами возможно через регулярное проведение конференций, круглых столов, совместное рецензирование научных работ и развитие публикационной активности, что позволит не только консолидировать профессиональное сообщество, но и задать устойчивые ориентиры для формирования белорусской школы документоведения.

Одним из ключевых направлений институционализации дисциплины является стимулирование диссертационной активности. На сегодняшний день в Республике Беларусь отсутствуют защиты, посвященные исключительно теоретическому документоведению, что создает лауну в развитии методологических оснований. Перспективными темами для исследований могут стать природа документа, его электронные и аудиовизуальные формы, экспертиза ценности, документная систематика, а также историография и методология документоведения как такового. Разработка этих направлений способна не только расширить понятийное поле дисциплины, но и укрепить ее статус в системе гуманитарных и социально-коммуникационных наук.

Не менее важным аспектом является развитие учебно-методической базы, ориентированной именно на документоведческую проблематику. В настоящее время в Беларуси существует лишь одно профильное пособие по документоведению, изданное в 2013 г., которое, несмотря на свою значимость, требует обновления и дополнения с учетом современных вызовов [30]. Курсы, реализуемые в магистратуре, такие как «Управление документами и архивами», демонстрируют потенциал для сочетания практико-ориентированного и теоретического подходов, однако нуждаются в расширении, в том числе их количества [31]. Формирование устойчивой методологической платформы, согласованной терминологии не только в государственных стандартах, но и в научной среде, а также выработка базового ядра дисциплины, то есть общепринятого понимания ее объекта, предмета и задач, представляются необходимыми условиями для популяризации документоведения и повышения его научной репрезентативности.

Кадровая перспектива также сохраняет потенциал: в стране существуют коллективы, проводящие научно-исследовательские работы, выпускники аспирантуры, профессиональное сообщество архивистов и документоведов, которыми на страницах специализированных изданий поднимаются актуальные вопросы документоведения [4; 8; 9; 10; 16; 18; 23; 24; 32]. Однако для полноценного становления национальной школы необходимо расширение тематического поля исследований, активизация научной коммуникации и более широкое представление документоведческих результатов в публичном и академическом пространстве. Международное сотрудничество, особенно в рамках Содружества Независимых Государств, может служить дополнительным ресурсом для обмена методологическими подходами и институциональными моделями [33].

В то же время следует признать, что документоведение в Беларуси сталкивается с риском утраты научной автономности, когда исследования все чаще сводятся к прикладным задачам и техническим аспектам электронного документооборота. Угасание теоретического интереса и смещение акцентов в сторону нормативной регламентации без должного методологического сопровождения могут привести к ослаблению дисциплинарной идентичности. В этой связи особенно важно не только поддерживать существующие институ-

циональные формы, но и инициировать новые, направленные на выработку собственных методов, согласование терминологии, расширение научной дискуссии и формирование устойчивой исследовательской среды, способной обеспечить воспроизводство знаний и развитие документоведения как полноценной научной дисциплины.

В целом рассмотрение проблемного поля и задач документоведения в Республике Беларусь показало, что дисциплина находится в состоянии поиска новых теоретических и методологических опор, способных обеспечить ее устойчивое развитие в условиях цифровизации и трансформации нормативного пространства. Постсоветская преемственность, сохраняя стабильность и управленческую логику, одновременно предъявляет вызовы, требующие адаптации к электронным формам документа и переосмысления ключевых понятий. Сложившаяся нормативная база и институциональная инфраструктура позволяют поддерживать функционирование дисциплины, однако для ее полноценной институционализации необходимы согласованная методология, терминологическое единство и расширение исследовательской активности.

Перспективы развития документоведения напрямую связаны с интеграцией научных школ, активизацией диссертационной работы, обновлением учебно-методической литературы и популяризацией дисциплины в научном и профессиональном сообществе. Разработка собственных методов, укрепление связи теории с практикой, расширение международного сотрудничества и более широкое представление результатов исследований в публичном пространстве способны стать основой для формирования национальной школы, способной задавать стратегические ориентиры и влиять на нормативно-управленческие процессы.

Таким образом, документоведение в Республике Беларусь должно рассматриваться как самостоятельная научная дисциплина с высоким институциональным потенциалом, способная не только адаптироваться к современным вызовам, но и формировать собственную повестку развития. Его институционализация предполагает целенаправленное укрепление научных, образовательных и нормативных оснований, что позволит превратить существующую совокупность практик, идей и исследований в устойчивую и признанную систему научного знания, определяющую будущее документной сферы страны.

Литература и источники

1. Кюнг, П. А. Нужна ли документоведению новая научная парадигма? (Продолжение дискуссии) / П. А. Кюнг // Отечественные архивы. — 2024. — № 6. — С. 38—44.
2. Ларин, М. В. Документоведение нуждается в новой научной парадигме / М. В. Ларин // Отечественные архивы. — 2024. — № 4. — С. 40—47.
3. Рыбаков, А. Е. О новой научной парадигме в документоведении / А. Е. Рыбаков // Отечественные архивы. — 2024. — № 5. — С. 48—55.
4. Недапковская, А. А. Перспективы и инновационные подходы к развитию документоведения как научной дисциплины / А. А. Недапковская // Пичетовские чтения — 2024. История: наука, образование, память : материалы Мжхнар. навук-прак. канф.,

- прывесч. 90-годдзю гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, 25 кастр. 2024 г. — Мінск : БДУ, 2024. — С. 453—458.
5. Нестерович, Ю. В. О трактовке документа как информации: документ в парадигме междисциплинарного подхода / Ю. В. Нестерович // Материалы Второй Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. проф. О. А. Харуса. — Томск, 2006. — С. 31—34.
6. Митяев, К. Г. История и организация делопроизводства в СССР : учеб. пособие / К. Г. Митяев; ред. А. В. Чернов; МГИИИ. — М., 1959. — 359 с.
7. Митяев, К. Г. Документоведение, его задачи и перспективы развития / К. Г. Митяев // Вопросы архивоведения. — 1964. — № 2.
8. Рыбаков, А. Е. «Институт нашел свое место в архивной системе. Институт нужен отрасли» (к 25-летию Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела) / А. Е. Рыбаков // Беларускі археографічны штогоднік. — Вып. 17. — Мінск : БелНДДАС, 2016. — С. 5—18.
9. Шумейко, М. О подготовке кадров историков-архивистов и документоведов на историческом факультете Белгосуниверситета / М. Шумейко // Архивы и делопроизводство. — 2014. — № 4. — С. 126—130.
10. Адамшкі, В. І., Бебенін Н. В. О Законе Республики Беларусь «Об архивном деле и делопроизводстве в Республике Беларусь» / В. І. Адамшкі, Н. В. Бебенін // Беларускі археографічны штогоднік. — Вып. 13. — Мінск : БелНДДАС, 2012. — С. 5—9.
11. Суровцева, Н. Г. Электронный документ как объект документоведения: историографический обзор / Н. Г. Суровцева // Самар. науч. вестн. — 2018. — Т. 7, № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnyy-dokument-kak-obekt-dokumentovedeniya-istoriograficheskiy-obzor>. (дата обращения: 02.08.2025).
12. Журнал «Архивы и делопроизводство» // Архивы Беларуси : [сайт]. — Минск, 2006—2025. — URL: <https://archives.gov.by/home/zhumal-arhivy-i-deloproizvodstvo/zhumal-arhivy-i-deloproizvodstvo-istoricheskaya-spravka>. — (дата обращения: 05.08.2025).
13. Беларускі археографічны штогоднік // Учрежд. «Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела» : [сайт]. — URL: <https://belniidat.by/belaruski-arkheografichny-shtogodnik/istoriya>. (дата звароту: 06.08.2025).
14. Рыбаков, А. Е. Формирование системы управления документами в Республике Беларусь: проблемы внедрения положений международных стандартов в национальное законодательство / А. Е. Рыбаков // Документация в информационном обществе: международный опыт управления документами : материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 25—26 ноября 2010 г. / ВНИИДАД ; редкол.: М. В. Ларин [и др.]. — М., 2011. — С. 31—44.
15. Двоеносова, Г. А. Теория документа в парадигме междисциплинарного знания / Г. А. Двоеносова — М. : РГГУ, 2022. — 454 с.
16. Недашковская, А. А. Методология документоведения как инструмент развития архивной науки в современной Беларуси / А. А. Недашковская. — Архіварыус: зб. навук. паведамл. і арт. — Вып. 22. — Мінск : НГАБ, 2024. — С. 29—40.
17. Нестерович, Ю. В. Документологический подход к соотношению понятий книги, документа, издания и произведения / Ю. В. Нестерович // Берковские чтения: книжная культура в контексте международных контактов : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 25—26 мая 2011 г. — Минск, 2011. — С. 249—254.
18. Рыбаков, А. Происхождение и эволюция термина «документ» / А. Рыбаков // Архивы и делопроизводство. — 2013. — № 5. — С. 68—75; № 6. — С. 70—81.

19. СТБ 2059-2013. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения : СТБ 2059-2013. — Взамен СТБ П 2059-2010 ; введ. 01.09.2013. — Минск : Госстандарт, 2013. — 28 с.
20. Об архивном деле и делопроизводстве : Закон Респ. Беларусь от 25 нояб. 2011 г. № 323-З. — Принят Палатой представителей 20 окт. 2011 г.; одобрен Советом Республики 8 нояб. 2011 г.
21. Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 010-2023 «Унифицированные документы» (ОКУД) : утв. и введ. постановлением Минюста Респ. Беларусь от 6 дек. 2023 г. № 75. — (ОКРБ 010-2023). — Минск, 2023.
22. Делопроизводство и документоведение : Краткий словарь современной терминологии / Гос. ком. по арх. и делопроизводству Респ. Беларусь ; БелНИИДАД ; авт.-разраб.: С. В. Жумарь, П. А. Левчик, Е. К. Прыгунова, Е. А. Сеченова (рук. авт. коллек.); пер. с рус. яз. и сост. бел. ч. В. А. Сорока. — Минск : БелНИИДАД, 2001. — 76 с.
23. Сукач, А. Н. СТБ 2059-2013: продолжая отечественные традиции терминологии в сфере делопроизводства и архивного дела / А. Н. Сукач // Архивы и делопроизводство. — 2013. — № 4. — С. 48—52.
24. Туркевич, А. С. История создания и развития специальности «Документоведение» в Белорусском государственном университете / А. С. Туркевич // Пичетовские чтения — 2020 : войны в истории человечества. К 75-летию Победы над фашизмом : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21 окт. 2020 / Белорус. гос. ун-т. — Минск : БГУ, 2020. — С. 27—32.
25. Методические рекомендации по оптимизации документообразования и документооборота в государственных органах, иных организациях : утв. приказом дир. Деп. по архивам и делопроизводству Мин. юстиции Респ. Беларусь от 06.08.2025 № 32 : [сайт]. — URL: https://archives.gov.by/wp-content/uploads/files/normdok/mr_optimizaciya-32-20250806.pdf. (дата обращения: 06.08.2025).
26. Недапковская, А. А. Белорусская документоведческая мысль: история и современные тенденции развития / А. А. Недапковская // Формирование отечественной научной школы документоведения: имена и идеи : сб. стат. по матер. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. — М., 2025. — С. 144—151.
27. Об утверждении Инструкции по делопроизводству в государственных органах, иных организациях : постановление Мин. юстиции Респ. Беларусь от 29 авг. 2025 г. № 65 // ЭТАЛОН-online. — URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=w22543773>. (дата обращения: 28.09.2025).
28. СТБ 6.38-2016. Унифицированные системы документации Республики Беларусь. Система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов : СТБ 6.38-2016. — Взамен СТБ 6.38-2004 ; введ. 01.06.2017. — Минск : Госстандарт, 2016. — 30 с.
29. В БелНИИДАД подготовлен проект новой редакции государственного стандарта Республики Беларусь СТБ 2059 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» // Учрежд. «Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела» : [сайт]. — URL: <https://belniidad.by/novosti/ob-yavleniya/item/3924-v-belniidad-podgotovlen-proekt-novoj-redaktsii-gosudarstvennogo-standarta-stb-2059> (дата обращения: 28.07.2025).
30. Документоведение : пособие / А. Е. Рыбаков, А. М. Назаренко. — Минск : БГУ, 2013. — 267 с.
31. Рыбаков, А. Е. Управление документами и архивами. № УД7297/уч. — 2019.

32. Посредников, О. А. Вид документа как классификационное понятие в документоведении / О. А. Посредников // *Архіви і справоводства*. — 2021. — № 5. — С. 138—145.
33. Масштабные мероприятия архивистов стран СНГ в г. Москве // Учрежд. «Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела»: [сайт]. — URL: <https://www.belniid.by/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/item/4019-masshtabnye-meropriyatiya-arkhivistov-stran-sng-v-g-moskve> (дата обращения: 01.08.2025).

Артикул наступит у редакцію 29.09.2025.

Ю. В. Нестерович,*старший научный сотрудник**Центра исследований белорусской культуры, языка
и литературы Национальной академии наук Беларуси,**кандидат исторических наук;**e-mail: nesterov.com@yandex.by*

К ЭКСПЛИКАЦИИ ПОНЯТИЯ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ПАМЯТНИКА

Проблема документальных памятников — комплексная, она охватывает уточнение состава документальных памятников, разработку критериев их выделения, отбора, использования соответствующего терминологического и понятийного аппарата. Разрешение данной проблемы предполагает непротиворечивую корреляцию понятий уникального документа, особо ценного документа (ОЦД) и документального памятника. При ее разработке сопрягаются, как минимум, аппарат и знания архивного дела, области охраны (сохранения) историко-культурного наследия, архивоведения, документоведения, исторического источниковедения, музееведения, памятниковедения. Впервые она была поставлена в советской науке еще в период разработки Закона СССР 1976 г. «Об охране и использовании памятников истории и культуры», с четким и рельефным выделением ее аспектов в 1980-е гг. Второй этап разработки проблемы связан с выходом в постсоветских странах в первой половине 1990-х гг. архивных законов, в том числе Закона Республики Беларусь 1994 г. «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь». Третий этап разработки такой проблемы инициировал выход Кодекса Республики Беларусь «О культуре» 2016 г. (www.kultura.by), в котором в ст. 93 документальные памятники выделены первым разрядом «материальных историко-культурных ценностей».

Дискуссия по трактовке документального памятника развернулась в советской науке еще до возникновения памятниковедения в середине 1980-х гг. Для уточнения понятия, терминируемого «документальный памятник», считалось необходимым привлекать знания архивоведения, археографии, документоведения, кодикологии, книговедения, музееведения, библиотековедения [1]. В ходе дискуссии было выработано два понятия (разграничивающие «документальный памятник в узком и широком смысле»), обозначение которых образовывало терминемы терминоединицы, причем само по себе такое обозначение несоразмерно, с точки зрения знаний терминоведения является изъятием (в соответствии с ним получалось, что «документальный памятник» — гипероним, меронимами к которому выступали две лексически идентично терминируемые единицы).

В узком смысле «документальный памятник» наделяли значением «отдельного ОЦД» при невыясненности соотношения понятий документа и издания (в [2]), была выработана позиция отнесения к «документальным памятникам» именно ОЦД, но без акцентированного выделения именно отдельных

ОЦД). В широком смысле его наделяли значением «комплекса документов, содержащих ОЦД», включая архивные фонды и коллекции, их части, весь комплекс документов определенного архива и даже в [3] «Государственный архивный фонд СССР в целом» (последнее допущение абсурдно в прагматическом плане, а в таксономо-мереологическом плане идентификация документальным памятником «архива» (а его образуют и продукты деятельности с зафиксированной информацией (ПДЗИ), не имеющие между собой исторические/логические связи), а тем более Государственного архивного фонда (т. е. объектов, относительно которого формируется именно и только собирательное понятие) является нарушением таксономии). Очевидно, что лексически идентичными терминами обозначались таксономически различные единицы. Такое первоначально взятое семантическое «расчленение» термина «документальный памятник» в архивоведении на узкое и широкое значения несоразмерно принятому в памятниковедении и законодательстве по охране историко-культурного наследия (ИКН) «документальных памятников» в виде отдельных объектов ИКН и в виде их коллекций (в ст. 68 Кодекса Республики Беларусь «О культуре» — в виде отдельной «культурной ценности» и их коллекций). Особенно учитывая, что в качестве отдельного «документального памятника» следует выделить хранящееся в архивном учреждении документационное дело, составленное из совокупности архивных документов, часть которых либо даже все отнесены к ОЦД.

Сегодня в постсоветском дискурсе распространена обоснованная Б. С. Илизаровым трактовка «документального памятника», связанная с прошлым «знаковым объектом, который в настоящее время высвечен общественным вниманием и стал публичным достоянием, информация которого извлекается из долговременной социальной памяти и вновь включена (актуализируется) в текущем общественном сознании» [4; 5]. В соответствии с этой трактовкой предполагается необходимость опубликования текста/изображений объекта документального наследия, результатов его исследования, экспонирования и т. д. Приемлемо усматривать идейную связь данной трактовки с построениями дореволюционного российского источниковедения, в которых развивалась концепция трансформации «памятника» (ценного исторического источника) в «критически проверенный исторический источник» [7, с. 12—13]. В. А. Савин подверг резонансной дискредитирующей критике трактовку Б. С. Илизарова. Выдвигая, в частности, аргумент: «Документ может быть памятником сразу после возникновения, не находясь в долговременной социальной памяти» [6] (следует иметь в виду, что здесь «памятник» не является обозначением юридического статуса объекта культуры, а имеет значение ценного объекта культуры, потенциально заслуживающего отнесения к памятникам истории и культуры (ПИК)). К этому следует добавить маргинальность онтологической идентификации «документального памятника» «знаковым объектом». Также В. Н. Автократов, в частности, отмечает, что опубликованность архивного документа не придает ему статус ПИК, не повышает его историко-культурную ценность (ИКЦ) [1]. Такой аргу-

мент резонен в том плане, что терминологический элемент «памятник» в термине «документальный памятник» не имеет значения исторического остатка, противопоставляемого в источниковедении понятию исторической традиции.

Нерешенность в построениях архивоведения проблемы установления референта (выработки оптимума) термина «документальный памятник», взятия им «всех документов» Национального архивного фонда (НАФ) либо только ОЦД, либо иного установления, отмечалась и в советском, и в постсоветском научном дискурсе [8, с. 73]. Изложение об отнесении к документальным памятникам *всех* документов НАФ не просто маргинально («самонадеянно» вследствие не выверения аксиологического аспекта), но и неточно, учитывая, что к ним следует относить и отдельные архивные документы в составе НАФ, и комплексы архивных документов, которые могут выступать частью архивных фондов, и комплексы архивных документов масштабом в «архив» (синонимия терминов «комплекс архивных документов» и «архив» имеет место в законодательстве, например, в ст. 12 Закона Республики Беларусь «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь» 1994 г.). Изложение об отнесении к документальным памятникам *именно* ОЦД недостаточно обоснованно из-за аксиологической невыверенности, поскольку критериология единиц ИКН — прерогатива памятниковедения. А категория «ОЦД» охватывает инфоединицы архивного дела. К тому же, если пополнение документальных памятников прямо коррелятивно присвоению архивоведческого статуса ОЦД, то целесообразность выделения категории (архивоведческого статуса) «уникальные документы» становится сомнительной.

Б. С. Илизаров и В. Н. Автократов разрабатывали архивоведческий подход к документальным памятникам (т. е. на основе аппарата архивоведения, с акцентированием внимания к инфоединицам архивного дела). В его рамках имело место обоснование редукции понятия документального памятника к понятию документа (в [13]). В данном случае имел место «стихийный» (т. е. не целенаправленный) «документоцентризм». Тем не менее, против такой редукции резко выступил С. О. Шмидт, хотя он и сам употреблял термины «документ» и «документальный памятник» иной раз синонимично (напр., [11, с. 136]). Ученый разрабатывал иной — источниковедческий подход к документальным памятникам, т. е. на основе аппарата источниковедения. Отметим, что в эпистемологическом плане построения Б. С. Илизарова соответствуют созданию основы (охватывающей онтологические, теоретические и метатеоретические знания) теории документального памятника, в отличие от построений С. О. Шмидта, оставшихся на стадии пролегомен к данной теории. Следующим уровнем разработки онтологии документальных памятников выделим построения теории трансформации документа в исторический источник, основывающийся на междисциплинарном подходе.

Построения С. О. Шмидта деформированы интерференцией понятий. Он ссылается на исследования Э. И. Ханпиры, в [13] и излагает, что в них «тер-

мин «документальный памятник» — подкласс термина «ПИК», имеющий (видовой) признак, отличающий его от других видов ПИК, т. е. обладающий видовым, а не ценностным, временным отличием от других подклассов более широкого понятия». Тем самым, интерферируя понятия логики, теории множеств, терминоведения, обозначаемые «класс, термин, понятие». То обстоятельство, что терминируемое «документальные памятники» подмножество множества «ПИК», конституируемое состоящим из документов, никак не отменяет востребованность и необходимость различения ценностно-параметрального состава собрания элементов, входящих в данные подмножество и множество.

С. О. Шмидт исходит из того, что в науке принята трактовка документа, соответствующая дефиниции ГОСТ 16487-83 (хотя такая трактовка принималась в рамках первоначальной стандартизации документационной деятельности и унификации терминологии делопроизводства и архивного дела, которая дала от построения терминосистемы и отражает теоретические основы документоведения в ситуации отсутствия построения даже основ общей теории документа). А историки, работники архивных и музейных учреждений «понимают под документом материальный носитель информации ... зафиксированной словом, изображением, звуком и т. п.». Заметим, что такие трактовки и иные определения, наличествующие в нормативно-техническом, нормативно-методическом дискурсе, приняты в практической деятельности, максимум, в теоретических основах наук. С. О. Шмидт считал терминологический элемент «документальный» в термине «документальный памятник» безальтернативно мотивированным для обозначения ПДЗИ, относимых к ПИК [9]. Хотя в источниковедении принята более узкая его трактовка. Оставление данного терминологического элемента в таком значении (соответствующем региональному масштабу употребления терминоединицы) для памятниковедения не снимает необходимости для его экспликации (позволяющей преодолеть внешнюю противоречивость систем теоретических знаний — классификаций документальных памятников и классификации исторических источников) междисциплинарной проекции его корреляции со «смежными» терминологическими элементами.

С. О. Шмидт приводит два «общеупотребительных значения» термина «памятник»: «1. Предметный результат человеческой деятельности (объект), составляющий культурное достояние. 2. Произведение, созданное для увековечивания людей или исторических событий (мемориал)». Он полагает, что возникновением памятниковедения в качестве «специфической отрасли знаний и сферы науки, и культурно-просветительской деятельности, и расширения работы в области теории музееведения и архивоведения» (тем самым подвергая смешению минимум науковедческие понятия области практической деятельности и отрасли науки) усиливается внимание к соотносению понятия документального памятника с понятиями исторического источниковедения, к экспликации понятия, обозначаемого как «памятник истории» ([17]). Ученый формулирует широкую трактовку понятия «памятники прошлого» в источниковедении: «всякие

источники исторического происхождения, т. е. результаты деятельности человека, сохраняющие память о его материальной и духовной культуре и являются свидетельством развития этой культуры» [10]. Такое понятие, не обращая внимания на такое обозначение его перед термином, предстает экстраполяцией понятий, обозначаемых «документальный памятник, объект документального наследия» на предметную область источниковедения. «Памятники прошлого» предстают не сугубо «памятниками истории», т. е. ценными источниками исторической информации, а также и «памятниками культуры», т. е. ПДЗИ, имеющими эстетическую, этическую, социально-духовную ценность.

С. О. Шмидт выделяет основополагающий аспект проблемы документальных памятников — обоснование логического рода для понятия документального памятника (без нее не только недостижима экспликация данного понятия, но и неполновесная концептуализация о документальных памятниках). Он доводит, что в общетеоретическом плане (при условии сохранения понятий теоретических основ в общей теории, что не только проблематично, но и заведомо несохранимо) доминирует «ультраширокая» трактовка документа — с отнесением к документам археологических объектов и иных вещественных продуктов деятельности (т. е. трактовки, отождествляющей документ и исторический источник. А в архивном и музейном деле «широкая» трактовка его, исключая отнесение таких объектов к документам (добавим, что такое взятие несоразмерно и в таксономо-мереологическом плане [12], поскольку документ принято моделировать единичным объектом, а ПДЗИ, типологизируемые В. И. Тихоновым четырех- и пятиранговыми электронными документами, документалистически оптимально идентифицировать инфоресурсами). Поэтому для историков, архивистов, музейных работников неприемлемо взятие логическим родом по отношению к понятию, терминируемому «документальный памятник», понятия, терминируемого «документ». Термин «претензия» С. О. Шмидта сторонникам «ценностной» трактовки документального памятника заключается в том, что не приложена замена термина «документальный памятник» в общей системе памятниковедения, и «шире» — культурологии [14]. Хотя и ему приемлемо предъявлять аналогичную претензию: им не предложена замена для термина «документ» в значении, соответствующем «ультраширокой» трактовке документа. Вместе с тем он обосновывает (используя лексику обыденного познания), что к документальным памятникам следует относить все документы, «достойные сохранения» в государственных хранилищах, а не только «особо ценные документы» [14].

Тем самым, на первый взгляд, С. О. Шмидт предложил концептуализацию, нивелирующую в определенной мере две трактовки документального памятника (1. Документы НАФ и 2. ОЦД), оптимизирующие метатеоретическое знание (и в методологическом, и в прагматически ориентирующем теоретическом аспекте) [13, с. 203]. Обращаем внимание, что сам по себе маркер «достойные сохранения» выражает оценочное понятие, использование кото-

рого в прагматическом плане допускает весьма широкий аспект трактовки, далеко выходящий за раскрытие содержания данного маркера С. О. Шмидтом. Хотя, безусловно, маркирование нередко не выражает суть результатов исследования. Так, В. П. Козлов достаточно расплывчато относит к документальным памятникам продукты *духовной сферы* человеческой жизнедеятельности, в том числе «рукописные и печатные книги, фотографии, киносюжеты» [16] и др. Хотя предметно-онтологическая идентификация документальных памятников продуктами *духовной сферы* деятельности нерелевантна и несоразмерна отнесению их в законодательстве по ИКН к *материальным* ПИК.

Уточнение термина «документального памятника» выступает одним из сегментов разработки теории трансформации документа в исторический источник. Данная теория противостоит концепции исторических источников как функции документа, соответствующей тезису: «функция документа как исторического источника практически не может быть исчерпана», напр., [18] (кстати, функтор «практически» придает тезису неопределенность). Теория трансформации документа в исторический источник не вполне соответствует принятой в классическом архивоведении схеме распространения информации, при которой выделяется «большой круг»: «информация—запись—документ—исторический источник—информация». И вовсе не соответствует выделяемому сегодня «малому кругу»: «информация—запись—информация» ([19, с. 21]). В [20, с. 44—45] мы показываем эпистемологическую несоразмерность данной теории, проявляющуюся в изложении о *документах и архивных документах как об исторических источниках и исторических документах*. Она обусловлена тем, что понятия документа и архивного документа формируются относительно эмпирического (максимум реального теоретического), а понятия исторического источника и археографического материала — относительно абстрактного теоретического объекта.

Обосновываются различные точки зрения на фазу трансформации. М. П. Илюшенко полагает, что «документ становится историческим источником с момента его возникновения, а не тогда лишь, когда он поступил на архивное хранение» [21, с. 16—17]. В. А. Савин обосновывает тезис, что «документ проявляет качества исторического источника, когда он востребован обществом и введен в сферу научных, культурных и художественных изысканий» (при этом не каждый архивный документ выступает в роли исторического источника) [6]. Денотат термина «(трансформируемый) исторический источник» предстает «широким», а модель исторического источника утрированной. В соответствии с приведенным высказыванием к историческим источникам приемлемо относить элементы кича. В. А. Савин оценивает имеющееся в [5] «представление о том, что документальный памятник — такой связанный с прошлым знаковый объект, который в настоящий момент высвечен общественным мнением и является публичным достоянием, информация которого извлекается из долговременной социопамяти и вновь включается (актуализируется) в текущем общественном

сознаний», «трудно приемлемым». Поскольку «документ способен быть памятником сразу после возникновения, не находясь в долговременной социопамяти» (курсив наш. — Ю. Н.). Последнее утверждение само по себе тавтологично: документ — документальный памятник. Метафоричен распространенный в постсоветском дискурсе конструкт документа «материального носителя долговременной социальной памяти». По существу данного отнесения заметим: оно неадекватно, если придерживаться трактовки ПИК юридическим статусом ПДЗИ. Если не придерживаться, употребляя «памятник» в значении уникально ценного продукта, то абсурдно обосновывать ПДЗИ, при создании имеющим историческую либо ИКЦ, но адекватно имеющим культурную ценность. Тем не менее, и в этом случае культурная ценность служебных документов не очевидна, и ее следует увязывать с отнесением к ОИКН. В. А. Савин же употребляет «памятник» именно в качестве усечения «ПИК», семантически полиморфно поясняет, что условие дистанции времени способствует отмиранию свойства оперативности и проявления сущностной характеристики документа «ПИК» более очевидно. Функциру «очевидно» соответствует конструкт наличия у документа латентного свойства — быть ПИК при возникновении, что несоразмерно. Даже на интуитивном уровне и обыденном познании абсолютно ясно, что «исторический» означает: отдаленный от современных событий.

С. О. Шмидт пришел к выводу: «получается, что все документы, не выделенные в разряд «особо ценных» (т. е. подавляющее число архивных материалов (! — Ю. Н.)) не относятся к документальным памятникам (истории и культуры)» [10]. Из такого вывода имплицитно следует при сопряжении понятий архивистики с понятиями памятниковедения, что необходимо отличать (в юридическом/аксиологическом плане) документальные ПИК в составе документального наследия от всех прочих элементов его. Другой важный вывод, сделанный С. О. Шмидтом — «документальный памятник — полифункционален» [10]. Это инициирует к корреляции понятий, терминируемых «документальный памятник, памятник письменности, литературный памятник». Учитывая, что в конце советского времени не устоялась доминанта идентификации «памятниками» объектов сугубо материального ИКН. Непридерживание С. О. Шмидтом четко взятого денотата термина «документальный памятник» и при этом полаганием им продуктивности взятия в качестве всяких архивных документов и документальных музейных предметов привело его к выводу, что «документальные памятники являются основным фондом культурного наследия и передатчиком его от поколения к поколению, от одной социокультурной среды в иную, от одного региона в другой» [10]. Обоснование их «основным фондом культурного наследия» радикально противоречит отнесению к ним лишь ОЦД.

С. О. Шмидт указывает также и на затруднение перехода от теоретических знаний, формируемых в рамках классификации ПИК, к общетеоретическим знаниям о документальных и иных ПИК. Он обращает внимание на неоднозначность идентификации относимых к ПИК объектов: «памятники градострои-

тельства воспринимаются как памятники и материальной культуры (искусства — прежде всего архитектуры, инженерной мысли и т. д.). Монеты являются в равной мере вещественными и изобразительными, и письменными источниками» (в отношении последнего примера и в целом следует иметь в виду, что ценность объекта в качестве исторического источника служит предпосылкой, но не основанием для отнесения его к ПИК). В [15] «документальный памятник» оценивается «недостаточно ориентирующим» термином вследствие того, что терминологический элемент «памятник» «не поддается однозначному пониманию». Соединение терминологических элементов «документальный» и «памятник» ведет к противоречиям вследствие у последнего (минимум в историческом источниковедении) коннотации отдаленности от настоящей эпохи. Данная коннотация при обоих наиболее распространенных (в документоведении — в равной мере) значениях терминологического элемента «документальный» (закрепленности данных на их носителе) удерживает преимущественно непосредственно, первоначально отображающие события (явления) данных, «препятствует» отнесению к документальным ПДЗИ результатов документирования, выполняющих *оперативные* функции в социальности. Она исключает такое отнесение. Такая коннотация имплицитно выводима из доминирующей в постсоветском архивистическом дискурсе характеристики «документального памятника» «уникальным или особо ценным архивным документом» (не обращая внимания на немотивированность терминологирования). При этом не следует упускать из виду, что «памятник» в данном дискурсе — формально усечение от терминологической единицы памятниковедения «ПИК», а она в качестве термина и терминологического элемента этой коннотации не имеет (в частности, некоторые художественные произведения выдающегося мастера признаются ценными по факту введения в публичный оборот, а попав в музейный фонд, сразу же выступают претендентом на получение статуса ПИК). *Фактически* оно выступает усечением термина «памятник истории», выступающего гиперонимом и к термину «памятник истории и культуры». Референциальная точность интерпретации автологического смысла термина «документальный памятник» выдающийся своей ценностью объект культуры в форме документа — затруднена полисемией термина «документ» и терминологического элемента «памятник».

При формировании понятия документального памятника на общетеоретическом уровне и экспликации его первостепенно выверение аксиологического аспекта, включая семантику аксиологических единиц. Отличая документальные ПИК от объектов документального наследия в качестве подмножества ПДЗИ, имеющих непреходящую ИКЦ, целесообразно и соразмерно дифференцировать понятие документального памятника. Выверив специфику параметрального состава документальных памятников, приемлемо сформировать дефиницию, сопрягающую понятийный аппарат документоведения и памятниковедения: *Документальный памятник* — объект культуры в форме ПДЗИ в виде записи данных на движимом изделии, пригодном для их хранения, ряде записей на одном изделии либо ряде их (памятниковедческая оценка охваты-

вает и семантическое содержание записи, и особенности изделия), имеющих выдающуюся ИКЦ для освещения происхождения, развития, самобытности определенного этноса, жизнедеятельности его знаменитых представителей, функционирования наиболее значимых организаций на его территории. Соответственно данной дефиниции востребовано различать потенциальные, актуальные и легализированные документальные памятники. Потенциальный документальный памятник может перейти на уровень актуального при определенных общественных условиях — изменении государственной идеологии, системе ценностей определенного государства и т. п.

Литература

1. Автократов, В. Н. «Документальный памятник» (опыт анализа понятия) / В. Н. Автократов // Советские архивы. — 1987. — № 3. — С. 47—59.
2. Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников, истории и культуры: [Сб. ст. : в 2 ч.]. Ч. 1: Памятники нового времени и советской эпохи. — М.: Наука, 1982. — 186 с.
3. Рудельсон, К. И. Документальные памятники: понятие, проблемы, перспектива исследований / К. И. Рудельсон // Материалы Всесоюзной научно-практ. конф. «Актуальные вопросы совершенствования архивного дела в условиях развитого социалистического общества». — М., 1985. — Вып. 3. — С. 20.
4. Илизаров, Б. С. О социальных функциях архивов / Б. С. Илизаров // Материалы Всесоюзной научно-практ. конф. «Актуальные вопросы совершенствования архивного дела в условиях развитого социалистического общества». — М., 1985. — Вып. 2. — С. 64.
5. Илизаров, Б. С. Роль документальных памятников в общественном развитии. Теоретические вопросы использования архивных документов: Учеб. пособие / Б. С. Илизаров. — М.: МГИАИ, 1987. — 88 с.
6. Савин, В. А. Документ — архивный документ — исторический источник — памятник истории и культуры: проблемы проявления сущностных характеристик // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Докл. и тезисы выступлений на второй Всероссийской конф. / В. А. Савин. — М., 1997.
7. Добрушкин, Е. М. Основы археографии: Учеб. пособие / Е. М. Добрушкин. — М.: РГТУ, 1992. — 172 с.
8. Савин, В. А. Феноменология документа: постановка проблемы / В. А. Савин // Вестник архивиста. — 2001. — № 1. — С. 168—174.
9. Шмидт, С. О. Памятники письменности в культуре познания истории России / С. О. Шмидт. Т. 2. — М.: Языки славянских народов, 2009. — 576 с.
10. Шмидт, С. О. Документальные памятники в системе памятниковедения / С. О. Шмидт // История СССР. — 1989. — № 5. — С. 111—119.
11. Шмидт, С. О. Некоторые вопросы развития советской археографии / С. О. Шмидт // Археографический ежегодник за 1976 год. — М.: Наука, 1977. — 336 с.
12. Витязь, С. П., Нестерович, Ю. В. Проблемы терминологии, мерееологии и таксономии документального памятниковедения и оптимизация понятий в рамках междисциплинарной проекции, коррелятивных термину «документальный памятник» //

- Традыцый і сучасны стан культуры і мастацтваў: зб. навук. арт. — Мінск, 2022. — Вып. 3. — С. 579—583.
13. Шмидт, С. О. Документальные памятники в системе памятниковедения / С. О. Шмидт // Археогрфия. Архивоведение. Памятниковедение: Сб. статей. — М.: РГТУ, 1997. — 362 с.
 14. Шмидт, С. О. Документальные памятники в свете развития культуры // С. О. Шмидт. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. — М.: РГТУ, 1997. — 612 с.
 15. Ханпира, Э. И. Что такое документальный памятник (К постановке вопроса) / Э. И. Ханпира // История СССР. — 1988. — № 2. — С. 79—89.
 16. Казлоў, У. П. Некаторыя пытанні археаграфіі як навуковай дысцыпліны / У. П. Казлоў, А. М. Міхальчанка // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Вып. 2. — Мінск: БелНДДАС, 2001. — С. 5—42.
 17. Егоров, В. Л. Развитие и становление понятия «памятник истории» / В. Л. Егоров // История СССР. — 1988. — № 1. — С. 100—106.
 18. Тартаковский, А. Г. Социальные функции источников как методологическая проблема источниковедения / А. Г. Тартаковский // История СССР. — 1983. — № 3.
 19. Жигунов, М. П. Некоторые аспекты развития современного архивоведения / М. П. Жигунов // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Докл. и сообщ. на Пятой Всероссийской конф., 4—5 апреля 2005. — М.: ВНИИДАД, 2005.
 20. Нестерович, Ю. В. Проблема экспликации понятия архивного документа (логико-эпистемологический аспект) / Ю. В. Нестерович // Сучасныя праблемы дакументазнаўства, архівазнаўства і археаграфіі. Матэрыялы навук.-практ. канф., прысв. 85-годдзю Дзяржаўнай архіўнай службы і 80-годдзю НАРБ. — Мінск: БелНДДАС, 2007. — С. 41—48.
 21. Илюшенко, М. П. К вопросу о функциях документа / М. П. Илюшенко // Советские архивы. — 1973. — № 5. — С. 10—17.
 22. Олевская, В. В. Проблема соответствия французской и русской историко-архивной терминологии в свете подготовки международных толковых словарей / В. В. Олевская, М. П. Олевская // Вестник ПСТГУ. Сер. III. Филология. — 2008. — Вып. 2. — С. 112—120.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 26.02.2025.

И. А. Гончарова,
*ведущий научный сотрудник отдела архивоведения
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела,
кандидат биологических наук;
e-mail: gontcharova.mould@gmail.com*

ПРОБЛЕМА КОНТАМИНАЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ ПЛЕСНЕВЫМИ ГРИБАМИ

Работники и пользователи архивов хорошо знают, что, листая пожелтевшие страницы старых документов, при ярком свете можно даже невооруженным глазом увидеть поднимающиеся в воздух частички пыли. Архивные документы практически всегда содержат пылевые частицы, которые зачастую незаметны. Кроме фрагментов целлюлозных волокон бумаги и пигментов текста и иллюстраций, архивная пыль, как правило, содержит значительное количество спор микроскопических грибов (микромикетов) [1; 2]. При вдыхании архивная пыль легко проникает в дыхательную систему человека, работающего с документами, а содержащиеся в ней в высоких концентрациях микроскопические грибы могут оказать негативное влияние на здоровье людей [3].

Споры микромикетов всегда присутствуют в воздухе помещений в большем или меньшем количестве в составе витающей пыли. Зачастую они принадлежат к разным видам, обладают различными свойствами и не оказывают значительного воздействия на людей с нормальным иммунным статусом. Положение коренным образом меняется, если грибная спора попадает в благоприятные для развития гриба условия, которые определяют, прежде всего, повышенная влажность и источник питания. Бумага является для грибов легкодоступным источником питания и быстро впитывает влагу из воздушной среды [4]. Проросшая спора образует нитевидный мицелий, который распространяется по поверхности материалов, формируя колонию и обильно производя новые споры. Колонизацию различных объектов микроскопическими грибами называют плесневением, а грибы-колонизаторы — плесневыми [5].

Плесневые грибы представляют особую опасность для здоровья, так как организму человека сложно противостоять массивному поступлению спор с одинаковым характером негативного воздействия. Чаще всего возникают аллергические реакции, начинающиеся с того, что у человека появляется зуд в носу, чихание, насморк, красные пятна по коже, в некоторых случаях удушье — бронхальная астма. Если человек не прекращает контактировать с аллергеном, симптомы постепенно будут усиливаться и переходить в более тяжелые формы. Аллергические болезни развиваются у лиц с иммунной системой, особенностью которой является повышенное реагирование на генетически чужеродные для организма компоненты грибной клетки [6].

Серьезную опасность для здоровья человека представляют условно патогенные (оппортунистические) грибы, способные вызывать поражение

(микозы) внутренних органов. Их называют условно патогенными, так как часто они развиваются за счет расщепления природных и искусственных материалов, а для возникновения заболевания у людей должны сформироваться определенные условия, основным из которых является снижение защитных механизмов организма человека (иммунодефицит). Специалисты часто называют микозы болезнями прогресса медицины и цивилизации. Их тяжелое проявление произошло после того, как в медицинскую практику были внедрены антибиотики, которые, подавляя бактерии, благоприятствуют росту грибов, а затем сильнодействующие препараты гормонального ряда и противораковые средства, подавляющие иммунитет [7].

Особая опасность вдыхания спор и фрагментов мицелия микромицетов, колонизовавших архивные документы, связана со способностью грибов аккумулировать токсичные вещества, например, содержащиеся в старинных чернилах железо, медь, ртуть, свинец. Даже при низкой концентрации тяжелых металлов плесневые грибы могут накапливать их в клеточных стенках в очень больших количествах [8; 9]. После высыхания фрагменты мицелия и грибные споры, насыщенные токсикантами, легко переходят в состав витающей пыли. Учитывая тот факт, что многие микромицеты характеризуются способностью выделять в окружающую среду органические кислоты, воздействие которых повышает подвижность тяжелых металлов, даже кратковременное развитие плесневых грибов на документах может представлять серьезную опасность здоровью пользователей и работников архивов [10].

В архивах систематически проводятся проверка наличия, обследование состояния и выдача дел пользователям, подбор дел для реставрации и другая работа с документами, во время которой и должны выявляться объекты, пораженные плесневыми грибами. Однако с помощью простого осмотра плесневое поражение можно выявить только на поздних стадиях, когда сохранности документов уже нанесен существенный урон. Замечают очаги плесневого поражения, как правило, после появления пигментных пятен различных оттенков, крупных скоплений темноокрашенных спор, участков разрушения бумаги (фото 1).

Характер контаминации (загрязнения) документов плесневыми грибами сильно варьирует в зависимости от видов плесневых грибов и степени поражения. Большинство грибов, колонизирующих бумагу, имеет светлый мицелий, визуально не отличимый от целлюлозных волокон, которые он оплетает. Микроскопические споры образуют малозаметные на старой потемневшей бумаге пылевидные налеты, которым при беглом осмотре зачастую не уделяется особого внимания.

Диагностировать начальную стадию плесневого поражения можно по результатам лабораторных исследований. При подозрении на контаминацию плесневыми грибами или выявлении признаков намокания бумаги (разводы, коробление, размывание текста) документы временно изолируют, заворачивая в пленку или плотную бумагу, и берут пробы пылевидных налетов для мико-

логического анализа. Для взятия проб архивы могут пригласить специалистов или сделать это самостоятельно, взяв образцы пыли с помощью чистых тампонов (гигиенических ватных палочек). Тампоны помещают в герметично закрывающиеся полиэтиленовые пакеты со струнным замком и передают в микробиологическую лабораторию (фото 2).

Лабораторный анализ включает выделение микроскопических грибов из проб, количественную оценку степени контаминированности материала, качественный анализ микобиоты путем сравнения внешнего вида грибных колоний и микроскопирования органов спороношения с типовыми видами. При выделении (изоляция) микромицетов традиционно используют рассев проб в чашки Петри на плотные (агаризованные) питательные среды. Для очагов плесневого поражения характерна высокая степень обсемененности колониеобразующими единицами (КОЕ) грибов (споры, фрагменты мицелия) с доминированием 1—2 видов. Разнообразие внешнего вида грибных колоний свидетельствует о пылевых скоплениях, в которых грибные КОЕ принесены извне [11].

Высев проб пыли непосредственно с ватных тампонов диаметральными штрихами обеспечивает простоту работы по диагностике характера контаминации архивных документов и однозначность интерпретации результатов. Появление по штрихам высева четких полос, образованных множеством колоний одного размера и цвета, однозначно свидетельствует о наличии очага плесневого поражения (фото 3).

Возможностью проводить аппаратный микологический анализ располагают многие учебные, научные и санитарно-гигиенические учреждения, однако число специалистов по плесневым грибам в нашей республике весьма ограничено. Кроме того, архивная отрасль имеет свою специфику, игнорирование которой может иметь негативные последствия для сохранности архивных документов. Например, в сборнике «Архіварыус» (выпуск 7) опубликована статья сотрудника лаборатории микологии Института экспериментальной ботаники НАН Беларуси Т. В. Купревич о результатах микологического обследования хранилищ Национального исторического архива Беларуси. Была проделана большая работа, выделено 114 микроскопических грибов, из которых у 82 определили принадлежность к 39 видам. Широкое видовое разнообразие изолятов свидетельствовало о микологическом благополучии архивохранилищ, однако автор статьи сделала противоположные выводы, которые для убедительности сопроводила фотографиями обросшей плесневыми грибами бумаги после 30 суток (!) нахождения в пробирках с водой. Не ограничиваясь этим, автор статьи дает ничем не обоснованные рекомендации [12]. Через год в следующем номере данного издания сотрудником БелНИИДАД С. В. Жумарем была опубликована статья о негативных последствиях для сохранности архивных документов рекомендаций Т. В. Купревич [13], которая показала необходимость повышения уровня компетенций в вопросах защиты от плесневых грибов (микологическая безопасность).

Учитывая все сложности данной проблемы, в БелНИИДАД были начаты работы по методическому обеспечению становления в Беларуси современной системы микологической безопасности архивов. С целью повышения грамотности работников архивов и специалистов разных отраслей, способных оказать помощь в ликвидации очагов плесневого поражения и профилактике их возникновения, базовые знания по данному вопросу, основанные на современных научных знаниях и экспериментальных исследованиях, были изложены в иллюстрированных изданиях «Научно-практические рекомендации по защите архивных документов на бумажных носителях от плесневых грибов» [14], «Методы лабораторных исследований при решении проблем обеспечения микологической безопасности архивов» [15], «Технология фазовой консервации архивных документов с учетом качественных характеристик материалов средств архивного хранения» [16].

Важным этапом создания системы микобезопасности архивного фонда Республики Беларусь было создание экспериментальной базы для микробиологических исследований в Центральной лаборатории сохранности документов Национального архивного фонда Республики Беларусь (далее — ЦЛСД НАФ). Одним из основных направлений деятельности ЦЛСД НАФ является реставрация. Выявление и ликвидация очагов плесневого поражения, профилактика их возникновения, очистка архивных документов от микробных загрязнителей — задача многоплановая, затрагивающая архивы всех уровней. Для ее решения в республике необходимо создать сеть подобных лабораторий, взаимосвязанных с ЦЛСД НАФ и между собой.

Профилактика возникновения плесневого поражения должна сочетать в себе мероприятия по применению наиболее экологически безопасных методов удаления возможных загрязнителей грибной природы с объектов хранения и регулярного микологического анализа не только при возникновении признаков биоповреждения (пигментные пятна, деформация бумаги), но возможных пылевых скоплений. При нахождении в составе пылевых скоплений споры грибов могут получать необходимые для формирования первичного мицелия питательные вещества, используя частицы пыли. Запыленность объектов хранения, даже в случае хорошего воздухообмена в помещениях со временем увеличивается. При проведении уборки и очистки объектов хранения и архивных коробок некоторая часть пылевых налетов сохраняется. Для минимизации риска для здоровья сотрудников и посетителей архивов необходимо систематически проводить обеспыливание документов, предпочтительно с использованием механических и физических методов очистки. Очистка документов выполняется при соблюдении требований техники безопасности в вытяжном шкафу вручную или с помощью специального оборудования для обеспыливания (фото 4).

Особую опасность для архивов представляет контаминация документов и первичных средств архивного хранения (конверты, папки, коробки) микроскопическими грибами, способными активно развиваться в условиях низкой влаж-

ности (ксерофилы) [17]. Многие из наиболее опасных для здоровья оппортунистических грибов рода *Aspergillus* являются ксерофилами. Выживать в неблагоприятных для организма условиях аспергиллам помогает способность выделять в окружающую среду пигменты, которые портят внешний вид документов. Пигментирующая способность этих грибов усиливается при обработке антисептиками, вызывающими торможение (ингибирование) роста без полного подавления жизнеспособности. Необоснованное или неправильное применение антисептиков приводит к селекции устойчивых (резистентных) штаммов грибов с высоким уровнем синтеза «агрессивных» продуктов обмена веществ (органические кислоты, ферменты, пигменты) [18]. Эффективность коммерческих составов в значительной степени зависит от кислотности, пористости и других свойств обрабатываемого материала, поэтому нередки случаи, когда после антисептической обработки рост плесневых грибов значительно усиливался [19]. Кроме того, даже после гибели плесневые грибы сохраняют аллергенные свойства, связанные не с жизнеспособностью, а с их химическим составом [7].

Мероприятия по разработке и внедрению в практику эффективных и экологических средств обеспечения микологической безопасности архивных документов будут продолжены. При этом пользователи архивов также должны проявлять заботу о своем здоровье. В последнее время все больше людей используют одноразовые или многоразовые медицинские маски для защиты органов дыхания от инфекций в периоды эпидемий. Плесневые грибы относят к очаговым инфекциям, поэтому использование медицинских масок при длительной работе с архивными документами является мерой профилактики микологически обусловленных заболеваний.

Литература

1. Попихина, Е. А. Распространение микроскопических грибов и заселенность ими бумаги / Е. А. Попихина // На века. — 2005. — № 7. — С. 74—77.
2. Fungi involved in biodeterioration of documents in paper and effect on substrate / S. Borrego [et al.] // Acta Microscopica. — 2018. — Vol. 27. — № 1. — P. 37—44.
3. Кузикова, И. Л. Изучение факторов потенциальной патогенности грибов-контаминантов фондов библиотеки Академии наук / И. Л. Кузикова, Н. Г. Медведева, В. И. Сухаревич // Труды лаборатории консервации и реставрации документов ЦИП АРАН. — 2011. — № 2. — С. 237—245.
4. Nitterus, M. Fungi in archives and libraries, a literary survey / M. Nitterus // Restaurator. — 2000. — Vol. 21. — P. 25—40.
5. Гончарова, И. А. Проблемы обеспечения экологической безопасности архивных документов / И. А. Гончарова // Белорусский исторический обзор. — 2022. — № 2 (7). — С. 133—140.
6. Потенциальная патогенность микромицетов контаминантов библиотечных фондов / И. Л. Кузикова [и др.] // Микология и фитопатология. — 2012. — Т. 46, № 5. — С. 329—333.
7. Кузикова, И. Л. Оппортунистические грибы — контаминанты среды обитания человека и их потенциальная патогенность / И. Л. Кузикова, Н. Г. Медведева // Экология человека. — 2021. — № 3. — С. 4—14.

8. Матвейко, Н. П. Миграция тяжелых металлов из издательской продукции для детей / Н. П. Матвейко, А. М. Брайкова, В. В. Садовский // Вестник ВГТУ. — 2018. — № 1 (34). — С. 88—95.
9. Скуторева, С. Г. Биосорбция тяжелых металлов микромицетами: особенности процесса, механизмы, кинетика / С. Г. Скуторева, Г. Я. Кантор, Л. И. Домрачева // Теоретическая и прикладная экология. — 2019. — № 2. — С. 14—31.
10. Влияние биоцидной обработки на сорбцию токсичных металлов ксеро- и психро-терантными микромицетами архивной пыли / А. М. Тригубович [и др.] // Микробные биотехнологии: фундаментальные и прикладные аспекты: сб. науч. тр. — Минск: Беларуская навука, 2023. — Т. 15. — С. 480—490.
11. Тригубович, А. М. Микологический анализ пылевидных налетов на архивных документах и средствах архивного хранения / А. М. Тригубович, И. А. Гончарова // Современная микология в России. — 2022. — Т. 9, вып. 5. — С. 364—366.
12. Купцевич, Т. К. Повреждение архивных документов микроскопическими грибами / Т. К. Купцевич // Архиварыус: зб. навук. паведамл. і арт. — Мінск: НГАБ, 2009. — Вып. 7. — С. 288—301.
13. Жумарь, С. В. О вреде некоторых «полезных советов» (замечания к статье Т. В. Купцевич «Повреждение архивных документов микроскопическими грибами» / С. В. Жумарь // Архиварыус: зб. навук. паведамл. і арт. — Мінск: НГАБ, 2010. — Вып. 8. — С. 295—298.
14. Научно-практические рекомендации по защите архивных документов на бумажных носителях от плесневых грибов / сост. И. А. Гончарова. — Минск: БелНИИДАД, 2020. — 64 с.
15. Методы лабораторных исследований при решении проблем обеспечения микологической безопасности архивов / сост. И. А. Гончарова. — Минск: БелНИИДАД, 2023. — 56 с.
16. Технология фазовой консервации архивных документов с учетом качественных характеристик материалов средств архивного хранения: практическое пособие / сост. И. А. Гончарова. — Минск: БелНИИДАД, 2025. — 36 с.
17. The extreme environment of a library: xerophilic fungi inhabiting indoor niches / A. Micheluz [et al.] // International Biodeterioration and Biodegradation. — 2015. — Vol. 99. — P. 1—7.
18. Ребрикова, Н. Л. Экстремально ксерофильные грибы, обнаруженные в музейных фондах / Н. Л. Ребрикова, В. Б. Понизовская // Современная микология в России. — 2015. — Т. 4. — С. 298—300.
19. Гончарова, И. А. Пигментация бумаги под действием меланинсинтезирующего гриба *Aspergillus carbonarius* / И. А. Гончарова, Н. В. Черная, А. И. Ламоткин // Микробиология и биотехнология XXI столетия: материалы Междунар. конф., Минск, 22—24 мая 2002 г. — Минск: ОДЮ «НоваГринт». — 2002. — С. 212—214.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 07.04.2025.

Е. П. Дернович,
*ведущий научный сотрудник отдела документоведения
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела,
кандидат исторических наук;
e-mail: katty@tut.by*

УЧЕТ ДОКУМЕНТОВ В ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ (ГОРОДСКИХ ИЛИ РАЙОННЫХ) АРХИВАХ

Учет является одной из основных функций, выполняемых архивами. Как отмечают специалисты, «в организации использования и особенно в обеспечении сохранности документальных материалов очень важна роль их учета» [1, с. 137], «основной задачей архивов любого уровня является обеспечение сохранности документов, а учет документов помогает осуществлять контроль за их наличием и поиском» [2]. Вопросы учета документов в архивах начали разрабатываться с 1930-х гг. в работах Н. А. Фомина [3], М. Фрадкина [4], К. Г. Митяева [5], К. И. Рудельсон [6], О. Е. Карноуховой [7], В. Н. Автократова [8] и др. Н. И. Химина указывала, что «именно в предвоенный период разработаны основные формы учетных документов, действующих в настоящее время» [9]. Первый документ, закрепляющий требования к учету документов в государственных архивах, был принят в 1936 г. [10]. В последующем требования к учету документов в государственных архивах были отражены в Основных правилах работы государственных архивов СССР 1962 г. [11] и 1983 г. [12]. В Республике Беларусь впервые вопросы учета документов нашли нормативное закрепление для архивов организаций в Основных правилах работы архивов центральных и местных органов государственной власти и управления, учреждений, организаций и предприятий Республики Беларусь, утвержденных Комитетом по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь от 30 апреля 1997 г. № 5 [13], затем для государственных архивов в Правилах работы государственных архивов Республики Беларусь, утвержденных постановлением Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь от 25 ноября 2005 г. № 7 [14].

В настоящее время вопросам учета документов в архивах посвящены работы Ю. Ю. Юмашевой [15], Е. Макаренко [16], Т. Якушик [17] и др. В 2014 г. государственным учреждением «Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела» был подготовлен аналитический обзор по типологии и эволюции исторических форм архивной учетной документации и возможности их представления в электронной среде [18].

Вместе с тем в историографии отсутствуют работы по учету документов в территориальных (городских или районных) архивах (далее — территориальных архивах), особенностью которых с 2022 г. является временное, а не постоянное хранение документов. Попытка отразить особенности учета документов в территориальных архивах была предпринята в Методических реко-

мендациях по комплектованию, фондированию и учету документов в районных и городских архивах, согласованных протоколом Центральной экспертно-методической комиссии от 02.07.2003 № 3 [19], тем не менее они разрабатывались, когда территориальные архивы осуществляли хранение документов Национального архивного фонда Республики Беларусь. Иными словами, специфика комплектования территориальных архивов, связанная со сроками хранения поступающих в них документов, должна быть отражена в системе их учета, которая на сегодняшний день для них не разработана.

Учет документов — это определение их количества и состава в установленных единицах учета и отражение этого количества и состава в учетных документах. Единый учет документов рассматривается и как метод архивоведения, который позволяет получить точные сведения о количественном составе архивного фонда и всех его составляющих, обеспечить осуществление главных функций архивного дела. Данный подход обосновывался В. Н. Автократовым [20, с. 90].

Учет документов обеспечивает организационную упорядоченность архивных фондов, возможность адресного поиска документов, контроль за их наличием и состоянием [21, с. 67].

Нормативными правовыми актами закреплено, что учету подлежат все хранящиеся документы как в государственном архиве (пункт 131 Правил № 119), так и в архиве организации (часть первая пункта 205 Правил № 143). Вместе с тем степень детализации учетных сведений о документах может быть различной в зависимости от их вида и срока хранения.

Учет документов в архиве основывается на трех принципах:

централизации, что предполагает ведение и хранение учетных документов в специализированном подразделении архива или у специально назначенного лица, ответственного за ведение этого учета;

преемственности учетных документов, что означает регламентацию и унификацию системы учетной документации и требований к ее ведению на всех стадиях работы с документами;

динамичности — своевременное составление учетных документов и оперативное внесение в них изменений.

Наименьшей единицей учета в архиве является дело, которое еще называют единицей хранения.

Учет документов в государственных архивах и архивах организаций ведется по основным и вспомогательным учетным документам, в которых фиксируются поступление, выбытие, количество, состав и состояние архивных документов (пункт 135 Правил работы государственных архивов, утвержденных постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 31 августа 2022 г. № 119; часть первая пункта 211 Правил работы архивов государственных органов и иных организаций, утвержденных постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 24 мая 2012 г. № 143).

Комплекс таких учетных документов называют вторичной архивной документацией. Данный перечень позволяет проследить динамику применяемых учетных документов, их видовое разнообразие, перемещение из категории основных к вспомогательным и наоборот.

Поэтому основой разработки учетных документов в территориальных архивах должны являться требования к учету документов в государственных архивах и архивах организаций, которые необходимо адаптировать к особенностям учета документов в территориальных архивах, принимая во внимание сложившуюся практику учета документов в них. Практика учета документов в территориальных архивах была изучена путем анкетирования. Обработка представленных результатов показала, что в территориальных архивах ведется различный состав видов учетных документов, начиная от одной учетной формы — списка фондов (государственное учреждение «Минский городской архив») и заканчивая их большим количеством, включающим паспорт архивохранилища (государственное учреждение «Кобринский районный архив»), список индивидуальных предпринимателей (государственное учреждение «Пинский городской архив»), книгу поступления документальных материалов (государственное учреждение «Молодечненский районный архив»), книгу движения фондов (государственное учреждение «Осиповичский районный архив») и др. Наиболее распространенными видами учетных документов, которые ведутся в территориальных архивах, являются книга учета поступления и выбытия документов, список фондов, лист фонда.

Изучение зарубежного опыта ведения учетных документов показало, что, например, в бывших трудовых архивах Украины, называемых в настоящее время архивными учреждениями сельского, поселкового, городского совета, совета объединенного территориального общества, ведутся следующие основные учетные документы: книга учета поступления документов, список фондов, лист фонда, опись дел, паспорт архива, книга учета выдачи дел во временное пользование [22].

В территориальном архиве учет поступивших на хранение документов организаций, а также их выбытие должны осуществляться в книге учета поступления и выбытия документов. В книгу учета поступления и выбытия документов в хронологической последовательности вносятся все поступления документов временного (свыше 10 лет) хранения, в том числе по личному составу, временного (до 10 лет) хранения, а также их выбытия при последующем выбытии при проведении в территориальном архиве экспертизы ценности документов.

При этом форма книги учета поступления и выбытия документов будет отличаться от формы такой книги в государственном архиве и формы книги в архиве организации.

В книге учета поступления и выбытия документов в территориальном архиве, в отличие от такой книги в государственном архиве, целесообразно учитывать количество дел по категориям в зависимости от сроков хранения

(временного (свыше 10 лет) хранения, временного (до 10 лет) хранения, по личному составу), так как в него поступают на хранение документы не одной категории, как в государственный архив (постоянного хранения), а нескольких. Вместе с тем в книге учета поступления и выбытия документов в территориальном архиве, в отличие от такой книги в архиве организации, не будет учитываться количество дел постоянного хранения, так как такая категория документов в территориальный архив на хранение не поступает*. Также целесообразно в книге учета поступления и выбытия документов отразить описи дел, по которым документы поступают на хранение. Особенно это актуально, если не ведутся листы фонда, в которых учитываются описи дел фонда. Например, описи дел можно указать в графе «Название и номер фонда, описи дел».

Важно, что каждое поступление или выбытие документов получает самостоятельный порядковый номер по каждому акту приема-передачи документов и дел на хранение.

Вместе с тем отсутствует необходимость внесения в книгу учета поступления и выбытия документов данных о состоянии поступивших на хранение документов, так как они подлежат временному хранению, а не постоянному. Если есть потребность в отражении таких сведений, они могут быть указаны в графе «Примечания».

Таким образом, графы книги учета поступления и выбытия документов в территориальном архиве могут быть следующими:

№ п/п;

Дата поступления или выбытия документов;

Наименование организации;

Название, дата и номер документа, по которому поступили (выбыли) документы;

Номер фонда, название и номер описи дел, номенклатуры дел;

Крайние даты документов;

Поступление описанных документов (количество дел временного (свыше 10 лет) хранения, временного (до 10 лет) хранения, по личному составу);

Выбытие описанных документов (количество дел временного (свыше 10 лет) хранения, временного (до 10 лет) хранения, по личному составу);

Неописанных документов, дел (поступило, выбыло);

Примечание.

Фондовый состав территориального архива необходимо учитывать по списку фондов. Форма списка может соответствовать форме списка фондов, установленной для архивов организаций, и включать следующие графы:

Номер фонда;

Дата первого поступления документов фонда;

* В отдельных случаях в территориальный архив могут поступать дела постоянного хранения (см. статью Е. П. Дерюжич [24]). В таком случае соответствующая отметка проставляется в графе «Примечание» книги учета поступления и выбытия документов.

Название фонда (коллекции);

Отметка о выбытии (дата и место выбытия, название, номер и дата документа, по которому выбыли документы);

Примечание.

В итоговой записи на 1 января каждого года к списку фондов должно быть указано общее количество поступивших за год фондов, которое будет отражено в разделе 2 «Состав и объем документов» паспорта территориального архива и в последующем — в сводных учетных сведениях о движении фондов и дел территориальных (городских и районных) архивов за год.

Учетным документом в рамках одного фонда является лист фонда, в котором содержатся номер и название фонда (с указанием всех названий и дат существования фондообразователя), количество дел, состав и крайние даты документов по каждой описи дел и фонду в целом. С учетом большого количества небольших по объему фондов в территориальных архивах представляется возможным не вести листы фондов при условии, что необходимая информация по каждой описи дел фонда будет отражена в книге учета поступления и выбытия документов. При этом обязательно лист фонда должен составляться на объединенный архивный фонд и архивную коллекцию.

В отличие от формы листа фонда как для государственных архивов, так и архивов организаций, в форме листа фонда территориальных архивов будут свои особенности. Во-первых, это касается отсутствия в листе фонда записей о приеме на хранение документов постоянного хранения и включения дополнительной графы о приеме на хранение документов временного (до 10 лет) хранения. Во-вторых, необходимы изменения в графах 11 и 12 раздела «Учет описанных документов» листа фонда. В отличие от описей дел постоянного хранения, которые утверждаются экспертно-методической комиссией государственного архива или экспертно-проверочной комиссией структурного подразделения по архивам и делопроизводству областного (Минского городского) исполнительного комитета, описи дел могут согласовываться протоколом заседания ликвидационной комиссии ликвидируемой организации или не согласовываться с экспертной комиссией.

Учет описанных документов ведется раздельно по описям дел (номенклатурам дел организации) и содержит не только количественные данные о документах, но и характеристику содержания (аннотацию) документов.

В конце раздела «Учет описанных документов» целесообразно заполнять строку «Всего», в которой будет указано наличие дел по всем описям дел (номенклатурам дел организации) по каждой категории дел (временного (свыше 10 лет) хранения, временного (до 10 лет) хранения, по личному составу) и по фонду в целом. Указанные сведения в данной строке будут являться основанием для заполнения раздела 2 «Состав и объем документов» паспорта территориального архива.

Реестр описей дел ведется в территориальном архиве для их поединичного и суммарного учета. Форма реестра описей дел может соответствовать форме реестра описей дел государственных архивов или архивов организаций, за исключением графы «Количество листов в описи дел».

Учетным документом, учитывающим сведения о документах в целом по территориальному архиву, является паспорт территориального архива. Необходимость его заполнения неоднозначна, так как отсутствует обязанность территориальных архивов предоставлять их в структурные подразделения по архивам и делопроизводству областного (Минского городского) исполнительного комитета. Однако, как сводный учетный документ, он может заполняться в территориальном архиве. При этом сведения, указываемые в паспорте территориального архива, будут отличаться от сведений, указываемых в паспорте государственного архива или паспорте архива организации.

Целесообразно в паспорте территориального архива предусмотреть 4 раздела: условия хранения документов; состав и объем документов; состав и объем научно-справочного аппарата; использование документов.

Территориальные архивы являются источниками формирования Государственного фондового каталога Национального архивного фонда (далее — НАФ) Республики Беларусь. В территориальном архиве составляются сводные учетные сведения о движении фондов и дел в территориальном архиве, которые предоставляются в структурное подразделение по архивам и делопроизводству областного (Минского городского) исполнительного комитета по состоянию на 1 января каждого года. Структурные подразделения по архивам и делопроизводству областного (Минского городского) исполнительного комитета обобщают предоставленные сведения по области и направляют их в Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь в срок до 5 мая.

Сводные учетные сведения о движении фондов и дел в территориальном архиве оформляются в соответствии с приложением 3 к Инструкции о порядке предоставления сведений о документах НАФ Республики Беларусь, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 17 мая 2012 г. № 125, для включения их в Государственный фондовый каталог НАФ Республики Беларусь. Единицами учета сводных учетных сведений являются фонд и единица хранения.

Для хранения учетных документов может заводиться дело фонда на каждый фонд, хранящийся в территориальном архиве. Как отмечают специалисты, документы дела фонда раскрывают источники поступления документов в архив, причины их утраты, объемы и причины изменений фонда [23, с. 66]. В дело фонда включаются документы, отражающие историю фондообразователя и историю самого фонда (предисловие к описи дел, акты проверки наличия и состояния дел, акты о выделении к уничтожению документов и дел, не подлежащих хранению, акты приема-передачи документов и дел и др.). Включаемые в дела фонда

документы являются основанием для внесения записей в учетные документы. Однако формирование дел фондов в территориальных архивах не является обязательным.

Схематично система учетных документов в территориальных архивах представлена на рисунке 1.

Учетные документы заполняются на основании первичных учетных документов, к которым относятся описи дел и номенклатуры дел организаций.

Вместе с тем в дальнейшем возможна разработка новых учетных форм или специализированного программного обеспечения для ведения автоматизированного учета. Представляется, что это может быть и форма одного учетного документа, в котором будут отражены сведения по всем вышеописанным параметрам.

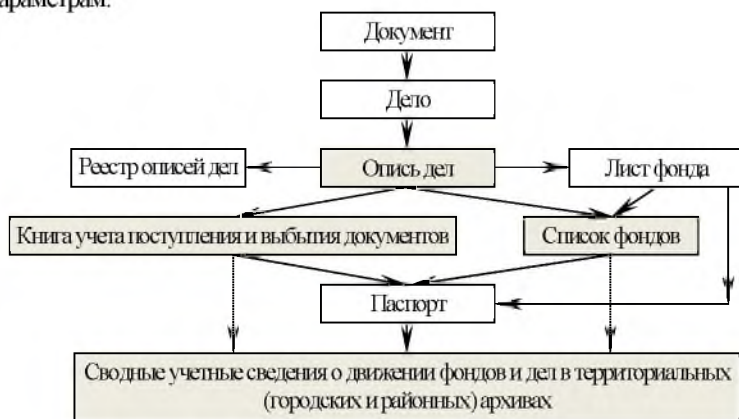

Рис. 1. Система учетных документов в территориальных архивах

Таким образом, учетная функция территориальных архивов реализуется путем ведения комплекса учетных документов. Первичными учетными документами территориальных архивов являются опись дел и номенклатура дел организаций. К последующим учетным документам территориального архива предлагается отнести следующие документы: книга учета поступления и выбытия документов, список фондов, лист фонда, реестр описей дел, паспорт территориального (городского или районного) архива, сводные учетные сведения о движении фондов и дел в территориальных (городских и районных) архивах.

При этом книга учета поступления и выбытия документов и список фондов должны быть обязательными для ведения, а остальные могут вноситься по решению территориального архива при необходимости. В случае создания объединенного архивного фонда или коллекции обязательным для ведения становится и лист фонда.

В общем виде методика учета документов территориального архива выглядит следующим образом: после подписания акта приема-передачи дел на

хранение производится запись в книге учета поступления и выбытия документов по каждому акту приема-передачи документов и дел на хранение с указанием описей дел, фонду присваивается номер фонда по списку фондов, в случае необходимости на фонд заполняется лист фонда; для учета всех описей дел в целом по территориальному архиву — вносятся сведения об описях дел в реестр описей дел; на 1 января заполняются паспорт и сводные учетные сведения о движении фондов и дел в территориальных (городских и районных) архивах. В случае уничтожения документов дел сведения вносятся в книгу учета поступления и выбытия документов, лист фонда, реестр описей дел.

Литература и источники

1. Теория и практика архивного дела в СССР / под ред. Л. Н. Никифорова и Г. А. Белова. — М. : Высшая школа, 1966. — 468 с.
2. Марышева, В. Учет документов в номенклатуре дел, описях и архиве организации / В. Марышева // Делопроизводство и документооборот на предприятии. — 2023. — № 12. — Делопресс : [сайт]. — URL: <https://delo-press.ru/journals/documents/arkhivnoe-delo/65411-uchet-dokumentov-v-nomenklature-del-opisyakh-i-arkhive-organizatsii-chast-1/> (дата обращения: 20.05.2024).
3. Фомин, Н. А. К вопросу об описании архивных материалов / Н. А. Фомин // Архивное дело. — 1935. — № 4 (37). — С. 14—51.
4. Фрадкин, М. Учет архивных материалов / М. Фрадкин // Архивное дело. — 1936. — № 4. — С. 1—30.
5. Митяев, К. Г. Теория и практика архивного дела: учеб. пособие / К. Г. Митяев. — М. : Главархив СССР, ИАИ, 1946. — 248 с.
6. Рудельсон, К. И. Классификация документной информации Государственного архивного фонда СССР: (Историография. Совр. проблемы): Автореф. дис. ... д-р ист. наук / Рудельсон Клавдия Ивановна. — М., 1968. — 38 с.
7. Карноухова, О. Е. Учет документальных материалов государственного архивного фонда СССР / О. Е. Карноухова. — М., 1964. — 82 с.
8. Автократов, В. Н. Фондирование и учет документов: (О двух частных теориях архивоведения) / В. Н. Автократов // Труды ВНИИДАД. — М., 1978. — Т. 7, ч. 1. — С. 8—70.
9. Хими́на, Н. И. Создание нормативно-методической базы основных направлений деятельности архивных учреждений в 1930—1940-е гг. / Н. И. Хими́на // История и архивы, 2020. — № 3. — С. 99—111.
10. Правила учета архивных материалов в государственных архивах СССР (кроме районных). — М. : ЦАУ СССР, 1936. — 35 с.
11. Основные правила работы государственных архивов. — М. : Главное архивное управление при Совете Министров СССР, 1962. — 191 с.
12. Основные правила работы государственных архивов СССР / под общ. ред. д. и н. Ф. М. Ваганова, к. и н. А. В. Елпатьевского, к. и н. Ю. Г. Туришцева, В. В. Цаплина. — М. : Главное архивное управление при Совете Министров СССР, 1984. — 240 с.
13. Правила Государственного комитета по архивам и делопроизводству Республики Беларусь от 30 апреля 1997 г. № 5 «Основные правила работы архивов центральных и местных органов государственной власти и управления, учреждений, организаций и предприятий Республики Беларусь».

14. Постановление Комитета по архивам и детопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь от 25 ноября 2005 г. № 7 «Об утверждении Правил работы государственных архивов Республики Беларусь».
15. Юмашева, Ю. Ю. Вторичная документация и ее роль в информационном обеспечении исторической науки / Ю. Ю. Юмашева // Исторический журнал: научные исследования. — 2017. — № 3. — С. 52—80.
16. Макаренко, Е. Из опыта работы по организации и ведению государственного учета документов в Национальном архиве Республики Беларусь / Е. Макаренко // Архіви і справаводства. — 2020. — № 4. — С. 80—89.
17. Якушник, Т. Учет, хранение, содержание и использование особо ценных документов: кобрынский опыт / Т. Якушник // Архіви і справаводства. — 2021. — № 6. — С. 45—49.
18. Изучение типологии и эволюции исторических форм архивной учетной документации и возможности их представления в электронной среде. Аналитический обзор. — М.: ВНИИДАД, 2014. — 386 с., 22 прил.
19. Методические рекомендации по комплектованию, фондированию и учету документов в районных и городских архивах, согласованные протоколом Центральной экспертно-методической комиссии от 02.07.2003 № 3.
20. Автократов, В. Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения / В. Н. Автократов. — М.: РГГУ, 2001. — 396 с.
21. Методичні рекомендації з організації роботи трудового архіву: облік документів, оформлення планово — звітної документації, Схвалено Протокол ЕПК Державного архіву Закарпатської області від 14.06.2007 № 8.
22. Методические рекомендации «Документы по личному составу: общая классификация, экспертиза ценности, научное описание, особенности передачи на государственное хранение», одобренные протоколом заседания ЦЭПМК Архивного комитета Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 23.12.2005 № 12 Архивный комитет Санкт-Петербурга: [сайт]. — URL: https://spbarchives.ru/guidelines_1/-/asset_publisher/6SOm/content/id/17896 (дата обращения: 24.05.2024).
23. Леонтьева, О. Г. Дело фонда как источник информации о фондообразователе / О. Г. Леонтьева // Отечественные архивы. — 2004. — № 2. — С. 66—69.
24. Дернович, Е. П. Особенности комплектования территориальных (городских или районных) архивов / Е. П. Дернович // Архіви і справаводства. — 2024. — № 5. — С. 43—51.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 03.06.2025.

*А. В. Тананов,**младший научный сотрудник отдела архивоведения
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела;
e-mail: tananov02@mail.ru*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ПУБЛИКАЦИЙ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

В век информационных технологий архивные документы приобретают новый смысл и значение. С распространением сети Интернет и развитием цифровых технологий доступ к ретроспективной документной информации может стать более быстрым и удобным. Это в свою очередь может способствовать привлечению большего внимания общества к архивным документам.

В настоящее время архивистами разных стран все больше внимания уделяется проблеме электронных публикаций документов. Исследователи справедливо отмечают, что «переход на безбумажный документооборот с последующим архивным хранением части создаваемой документальной продукции создаст в ближайшем будущем значительную источниковую базу, выступающую в качестве потенциального объекта публикации» [1, с. 4]. В то же время, на данный момент отсутствуют нормативные и методические разработки в этой сфере. В настоящее время еще только разрабатываются теоретические аспекты, охватывающие вопросы терминологии, востребованности электронных публикаций, их научного описания. В ряде статей прослеживаются попытки определения авторами преимуществ и недостатков, из которых складывается такое впечатление, что, хотя электронные публикации и имеют ряд преимуществ, но предпочтение все же отдается традиционным.

В работах исследователей выделяются несколько комплексов взаимосвязанных проблем: юридических, технических, финансовых [2, с. 61—62; 3, с. 227].

Юридический комплекс охватывает широкий спектр вопросов: прав собственности на цифровые публикации (например, кому принадлежат права на отсканированный или обработанный архивный документ), аутентичности цифровой копии подлиннику, защиты от незаконного распространения электронных публикаций документов, информации ограниченного распространения, в том числе персональных данных и информации, относящейся к личной тайне граждан, и др. [2, с. 61—62].

Терминологические проблемы имеют особое значение для правового регулирования, поскольку корректное определение и единообразное использование терминов, применяемых в юридическом поле, непосредственно влияют на правоприменительную практику и могут предотвратить множество споров, возникающих из-за неопределенности формулировок и их трактовок [4, с. 152].

На данный момент термин «электронная публикация документов» или схожие с ним определения отсутствуют в нормативных правовых актах Республики Беларусь. Отсутствуют они и в стандарте СТБ 2059-2013 «Делопро-

изводство и архивное дело. Термины и определения». Более того, на это, по мнению М. Ф. Шумейко, «нет однозначного и четкого ответа» [1, с. 6] и у исследователей, что указывает на необходимость дальнейшего развития терминологии в этой сфере. Только после разработки и внедрения унифицированных терминов следует разрабатывать нормативные правовые акты и методические документы по вопросам электронных публикаций документов.

Вопрос авторских прав в сфере цифровых публикаций привлекает внимание множества исследователей и специалистов [2; 6]. Особенно остро он встает при обработке цифровых копий документов, поскольку такая работа порождает ряд не только правовых, но и источниковедческих дилемм. Редактирование и изменение документа в ходе графической обработки можно трактовать как акт творческой деятельности, в результате которого формируется уникальный продукт. Во-вторых, данный процесс также ставит вопрос о принадлежности авторских прав на конечный результат — должны ли они сохраняться за исходным создателем документа либо переходить к специалисту, занимавшемуся обработкой изображения?

Кроме того, обработанная копия приобретает самостоятельную ценность и может рассматриваться как новый исторический артефакт, обладающий отличными по сравнению с оригиналом характеристиками. В этом контексте возникает широкий спектр вопросов, связанных не только с юридической защитой интеллектуальной собственности, но и с научным анализом достоверности и сохранения информации при цифровой трансформации, а также с научным описанием подобных документов [7, с. 100].

К юридическим вопросам также относится проблема аутентичности цифровой копии по отношению к подлинному документу. Несмотря на распространенное мнение, что цифровые копии документов представляют собой точные факсимильные копии оригинала [5, с. 99], процесс их создания сопровождается рядом сложностей (создание цифровой копии документа, ее обработка, описание и т. д.), которые могут существенно повлиять на достоверность и точность передаваемой информации.

Сложности вызывает передача всех физических характеристик оригинала, таких как оттенок чернил, возможные повреждения, следы использования и другие элементы, которые несут значимую историческую информацию. В ряде случаев цифровая обработка сглаживает эти детали, снижая ценность копии с точки зрения источниковедческого анализа. Автор этой статьи столкнулся с подобной проблемой при работе над Декларацией о провозглашении независимости ССРБ от 31 июля 1920 г. Полученная цифровая копия документа была выполнена в черно-белом цвете, лишая некоторой визуальной информации. В оригинале были различимы цвета чернил, которыми вносились исправления в документ. Сопоставляя их с цветами подписей в конце документа, удалось предположить, кем были внесены исправления. Таким образом, если исследование основывалось бы исключительно на имеющейся цифровой

копии документа, такая информация осталась бы скрытой. Этот случай наглядно демонстрирует, насколько важно точное воспроизведение оригинала. Кроме того, подобные случаи вызывают некоторое недоверие и к остальным цифровым копиям, что вынуждает исследователя проводить дополнительную работу по сравнению копии и оригинала.

Это налагает на архивистов дополнительную ответственность за созданные ими и публикуемые цифровые копии документов. На данный момент нередко пользователям в читальных залах предоставляются цифровые копии документов в качестве альтернативы работы с подлинником. Из-за этого современные исследователи сосредотачивают внимание исключительно на цифровых копиях. Исследователь, опираясь только на цифровую копию, может не учесть возможные неточности или искажения, возникшие в процессе оцифровки. В результате такие ошибки могут повлиять на достоверность научных выводов, а ответственность за их наличие в большинстве случаев будет возложена на архивистов, отвечающих за подготовку и сохранность цифровых копий. Таким образом, юридические проблемы рассматриваемой темы фокусируются вокруг использования электронных публикаций документов.

От юридического комплекса проблем, в частности, аутентичности цифровой копии документа подлиннику и защиты информации возникает технический комплекс проблем, связанный в первую очередь с созданием цифровых копий документов для последующей публикации, а также созданием информационных ресурсов для их публикации [4, с. 165—167]. Как уже было отмечено, качество оцифровки играет большую роль в точности передачи информации. Недостаточное разрешение копий, потеря цветовых оттенков или мелких деталей могут привести к искажениям, влияющим на последующую работу исследователей. Особенно критично это в случае с рукописными или поврежденными документами, где каждое смещение пикселя может исказить смысл текста.

Повышение качества оцифровки документов достигается путем применения специализированного оборудования и программного обеспечения. В 2007 г. приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь были утверждены Методические рекомендации по унификации процесса оцифровывания архивных документов и идентификации их цифровых копий [8]. Они содержат рекомендации по выбору форматов для цифровых копий документов и требования к техническим средствам и обработке цифровых изображений. Однако с момента их утверждения прошло 17 лет. За это время появились новые технические средства и программные продукты, поэтому на современном этапе развития оцифровки документов, методическое обеспечение в данной сфере требует существенной доработки, в том числе в рамках актуализации уже имеющихся рекомендаций.

После создания цифровых копий документов они подвергаются дальнейшей обработке, и уже на этом этапе возникают проблемы, находящиеся на стыке программного обеспечения и археографии (в части описания источни-

ков) [9, с. 117]. Несоблюдение правил подготовки электронной археографической публикации приводит к ряду серьезных последствий, значительно влияющих на качество представляемых материалов.

В первую очередь отсутствие проверки подлинности оригинала допускает подмену целей публикации: вместо полноценного археографического исследования используется иллюстративный подход или текстологический анализ. Такие методологические ошибки влекут за собой риск искажения данных и утраты научной ценности работы.

Далее следует проблема недостаточного описания всех элементов подлинника. Отсутствие подробных характеристик носителя, способа фиксации информации, легенды, а также некорректное описание методов преобразования оригинала в цифровой формат (метаданных) создает почву для публикации подделок, выдаваемых за электронные копии подлинных документов или объектов.

Одной из них является быстрое устаревание программных средств, с помощью которых выполнена цифровая копия документа. Попытки открытия таких документов с помощью других программных продуктов приводят к искажению документа, а зачастую и частичной потере информации. Однако наличие бумажной копии цифровой копии документа также не гарантирует полноценного использования цифровой копии, сохранившейся только в устаревшем формате, так как информация на бумажном носителе только частично воспроизводит информацию, отображенную на цифровой копии.

После создания цифровых копий документов начинается этап их обработки, где возникают проблемы, находящиеся на пересечении программного обеспечения и традиционной археографической практики. Особенно остро этот вопрос стоит в части описания источников, когда требуется передать все нюансы оригинала. Ключевая задача заключается в разработке и внедрении единых стандартов для цифровых версий документов, что позволит создать универсальные методики и форматы представления данных, способных обеспечить максимально точную и достоверную передачу информации, заложенной в источниках. Кроме того, подробная унификация не только повысит качество обработки цифровых копий, но и укрепит их научную и юридическую достоверность, делая цифровые архивы более доступными и надежными для исследователей.

Вместе с тем при создании информационного ресурса для размещения электронных публикаций документов возникают проблемы в создании цифровых копий документов, определении требований к информационному ресурсу и его разработке, размещении в сети Интернет, а также дальнейшем сопровождении. Такое сопровождение включает мониторинг работоспособности, регулярные обновления программного обеспечения, а также обеспечение соответствия современным стандартам безопасности. Помимо этого, важным аспектом является возможность конвертации и миграции ресурса на новые платформы без изменения его содержания и функциональности. Это позволяет

сохранить доступность информации в условиях технологического прогресса и обеспечивает долговечность ресурса.

Частью технического комплекса является проблема сохранности электронных публикаций. Об этой проблеме в одной из своих статей указывал М. Ф. Шумейко. В подтверждение своей точки зрения автор приводил слова западноевропейских архивистов (Ш. Кечкемети, Л. Кёренди и др.), а также примеры безвозвратной утраты электронных публикаций. [1, с. 6]. Опасения об утрате электронных публикаций небезосновательны. Однако связаны они с технической стороной вопроса. В современных условиях представить полную утрату электронной публикации сложно, особенно учитывая тот факт, что в процессе ее подготовки, вероятнее всего, будет создано несколько копий, сохраненных как на материальных носителях, так и в облачных хранилищах. Таким образом, при технических срывах публикации не будет потеряна безвозвратно и ее можно будет восстановить. Кроме того, из года в год совершенствуются как технические средства архивов, так и практика подготовки электронных публикаций.

Отметим и такие проблемы, как нестабильность формата электронных публикаций, устаревание программного обеспечения и «гниение» гиперссылок, затрудняющие сохранность и доступность информации. Информационные ресурсы остаются уязвимыми перед внешним вмешательством, что приводит к несанкционированному изменению или исчезновению важных данных. Форматы файлов, используемые для представления цифровых копий, часто разрабатываются без долгосрочного учета динамики технологического развития. В результате формат, который был широко распространен и поддерживался на момент создания публикации, впоследствии может оказаться несовместимым с новыми программными платформами или операционными системами. Это создает риск того, что доступ к информации может быть утрачен, а документы — искажены при попытках их воспроизведения в устаревшем формате. Со временем обновления прекращаются, а компании-производители могут утратить поддержку определенных программных продуктов. Как следствие, автоматизированные системы, предназначенные для управления цифровыми архивами, перестают корректно функционировать или становятся уязвимыми перед киберугрозами. Гиперссылки могут «гнить» — становиться неактуальными или недоступными из-за изменения структуры сайтов, удаления или перемещения контента. Это приводит к разобщенности информационного поля и затрудняет проверку достоверности данных, так как исследователи не могут получить доступ к исходным материалам или дополнительным ресурсам.

Как мы видим, технические проблемы носят достаточно разнообразный характер. Приобретение специализированного оборудования и лицензионного программного обеспечения, создание информационного ресурса для размещения электронных публикаций документов налагают на архивы финансовые расходы. Поскольку в Республике Беларусь архивы являются государственными учреждениями, финансируемыми из государственного бюджета, перед ними в

первую очередь стоит задача обоснования приобретения определенного оборудования. Для этого архивистам необходимо подобрать наиболее оптимальные характеристики будущего оборудования, т. е. предусмотреть, чтобы они не были недостаточными для выполнения своей задачи, но и не чрезмерно избыточными. Поддержкой в решении данного вопроса могло бы стать создание методических рекомендаций, которые содержали бы необходимые требования к оборудованию для создания электронных публикаций документов. Сюда же входит и создание информационного ресурса. Причем, как отмечает Ю. Ю. Юмашева, практический опыт показывает, что долгосрочное функционирование ресурса зачастую требует гораздо больших финансовых вложений, чем его первоначальная разработка. Это связано с регулярными затратами на техническое обслуживание системы, периодическое обновление и актуализацию контента, модернизацию аппаратных и программных решений для соответствия современным требованиям. Кроме того, требуются ресурсы на обеспечение защиты представленной архивом информации и данных о пользователях [2, с. 61].

В условиях стремительного развития цифровых технологий растет и значимость подготовки специалистов, способных объединять традиционные археографические методы с современными цифровыми компетенциями. Создание качественных электронных публикаций возможно лишь с привлечением кадров, владеющих не только классическими методами исследования, но и способных адаптировать документы под форматы цифровой среды. Для устранения данного пробела необходимо пересмотреть образовательные программы и интегрировать в них междисциплинарные курсы, где традиционная археография дополняется знаниями в области информационных технологий, цифровой обработки данных и правового обеспечения электронных публикаций. Самым быстрым решением проблемы подготовки археографов в современных реалиях является проведение курсов повышения квалификации либо семинаров для сотрудников архивных учреждений.

Преодоление юридических, технических, финансовых и образовательных проблем требует комплексного подхода. Требуется создание единой концепции об электронных публикациях, единых требований к специализированному оборудованию и информационному ресурсу для размещения публикаций, а также единой методики их научного описания. На данный момент указанное могло бы найти отражение в соответствующих методических рекомендациях. После решения рассматриваемых вопросов можно будет перейти непосредственно к практическим попыткам публикаций документов. Преодоление препятствий в цифровизации архивных документов позволит повысить качество научных исследований, предоставляя специалистам возможность получать более быстрый доступ к ретроспективной информации и различным средствам для изучения исторических источников, а также ознакомить с ними более широкий круг пользователей. Таким образом, решение обозначенных

проблем позволит археографии в полной мере выполнять свою задачу перед исследователями в информационную эпоху.

Литература и источники

1. Шумейко, М. Ф. Типы, виды и формы электронных публикаций документов / М. Ф. Шумейко // Беларускі археографічны штогоднік. — Мінск : БелНДДАС, 2023. — Вып. 24. — С. 4—26.
2. Юмапева, Ю. Ю. Возможности использования архивных информационных ресурсов в качестве электронных изданий (публикаций) / Ю. Ю. Юмапева // Беларускі археографічны штогоднік. — Мінск : БелНДДАС, 2022. — Вып. 23. — С. 57—69.
3. Вакал, Т. С. Электронные библиотеки: проблемы создания и перспективы развития / Т. С. Вакал // Молодой ученый. — Казань : издат-во «Молодой ученый», 2022. — № 9. — С. 226—228.
4. Юмапева, Ю. Ю. Электронные копии документов архивного фонда РФ: источниковедческие проблемы / Ю. Ю. Юмапева // Вестник Московского университета. — М. : МГУ, 2012. — № 5. — С. 150—175.
5. Юмапева, Ю. Ю. Проблемы публикации исторических источников в электронной среде / Ю. Ю. Юмапева // Беларускі археографічны штогоднік. — Мінск : БелНДДАС, 2024. — Вып. 25. — С. 114—118.
6. Караваев, В. С. Электронные публикации архивных документов: проблемы терминологии и авторского права / В. С. Караваев // Архивы России и Польши: история, проблемы и перспективы развития: сб. науч. тр. / под общ. ред. Л. Мазур и Я. Лосовски. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2013. — С. 280—287.
7. Юмапева, Ю. Ю. Проблемы электронной археографии / Ю. Ю. Юмапева // Вестник московского университета. Серия 8: история. — М.: МГУ, 2017. — № 2. — С. 97—105.
8. Методические рекомендации по унификации процесса оцифровывания архивных документов и идентификации их цифровых копий. — Минск : БелНИЦЭД, 2007. — 32 с.
9. Аносов, Д. В. О некоторых проблемах археографии в XXI в. На примере электронных документов или цифровых копий документов / Д. В. Аносов // История и архивы. — М. : РГТУ, 2019. — № 3. — С. 112—124.
10. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения: СТБ 2059-2013. — Взамен СТБ П 2059-2010; введ. 01.09.2013. — Минск : БелНИИДАД, 2013. — 28 с.
11. Андрейчева, М. Ю. Проблемы и перспективы электронной научной публикации «Повесть временных лет» / М. Ю. Андрейчева // Историческая информатика. — М. : НБ-медиа, 2024. — № 1. — С. 88—106.

Артыкул надрукаваны ў рэдакцыю 15.05.2025.

Н. А. Касяк,

*младший научный сотрудник отдела археографии
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела;
e-mail: nik.kosyak.1998@gmail.com*

НАГРАДНАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

(на примере системы орденов республики)

Начало формирования наградной системы Республики Узбекистан (далее — Узбекистан) было положено Законом Республики Узбекистан «О государственных наградах», принятым 22 декабря 1995 г. В соответствии с законодательным актом государственными наградами могут быть награждены граждане республики, иностранные граждане, лица без гражданства. В отдельных случаях могут награждаться административно-территориальные единицы, органы государственного и хозяйственного управления, воинские подразделения, негосударственные некоммерческие организации, творческие коллективы и иные юридические лица республики [1, ст. 3].

Государственные награды учреждаются законами Узбекистана. Официальное название государственных наград устанавливается на государственном языке [1, ст. 4]. Награждение государственными наградами осуществляется Президентом Узбекистана и иницируется и производится палатами Олий Мажлиса (Парламента) Узбекистана. Награждение может быть произведено посмертно [1, ст. 13]. Контролирующим органом по вопросам награждения государственными наградами и присвоения почетных званий является Комиссия по государственным наградам и геральдике при Президенте Республики Узбекистан [1, ст. 11].

Систему государственных наград Узбекистана составляют: звание «Ўзбекистон Қаҳрамони» («Герой Узбекистана»), ордена, медали, почетные звания и Почетная грамота Республики Узбекистан [1, ст. 5].

Высшей степенью отличия Узбекистана является звание «Ўзбекистон Қаҳрамони», которое присваивается гражданам за заслуги перед государством и народом. Соответствующий Закон об учреждении звания «Герой Узбекистана» был принят 5 мая 1994 г. [2]. В исключительных случаях звание может быть присвоено и иностранным гражданам.

Лицу, удостоенному звания «Герой Узбекистана», вручается медаль «Олтин Юлдуз» («Золотая Звезда») и документ о присвоении звания [2, ст. 4]. Медаль носится на левой стороне груди над иными наградами. Медаль представляет собой восьмиконечную звезду с двугранными лучами на лицевой стороне. На оборотной стороне в центре расположен государственный герб республики (см. иллюстрации).

Следующей высшей государственной наградой Узбекистана является орден «Мустақиллик» («Независимость»), учрежденный 5 мая 1994 г. [3]. Орденом награждаются граждане республики (в исключительных случаях

иностранные граждане) за выдающийся вклад в построение и укрепление правового государства, обеспечение прогресса и мира в республике [3, ст. 1]. Орден носится на правой стороне груди.

В центре данного ордена изображена мифологическая птица Хумо — символ независимости. Фон за птицей выполнен из цветной эмали и символизирует богатство и красоту республики. Вверху ободка, обрамляющего Хумо, изображен символ государственного герба страны — голубой мусамман с полумесяцем и звездой. В нижней части ободка на белом фоне размещена надпись на государственном языке «*MUSTAQILLIK*», выполненная красной эмалью (см. иллюстрации).

Следующим по значимости является орден «*Амир Темур*»*, учрежденный 26 апреля 1996 г. [4]. Орденом награждаются как граждане республики, так и иностранные представители за выдающиеся заслуги в укреплении государственности, значительный вклад в развитие науки, литературы и искусства, в том числе военного искусства. Помимо того, орденом могут награждаться за вклад в дело укрепления межгосударственного сотрудничества, мира и согласия между народами [4, ст. 1]. Орден носится на правой стороне груди после ордена «Мустакиллик».

В центре ордена изображена серебряная фигура Амира Темура верхом на коне. Фон позади фигуры выполнен из цветной эмали голубого цвета. Вверху ободка, обрамляющего фигуру Амира Темура, изображен символ государственного герба республики — голубой мусамман с полумесяцем и звездой. В верхней части ободка на белом фоне расположена надпись «*AMIR TEMUR*», покрытая эмалью красного цвета. В нижней части ободка на белом фоне размещена надпись «*KUCH ADOLATDA*» («Сила в справедливости»), выполненная голубой эмалью (см. иллюстрации).

Далее в системе следует орден «*Джалолиддин Мангуберди*»**, учрежденный 29 августа 2000 г. и являющийся высшей воинской наградой республики [5]. Орденом награждаются военнослужащие, проявившие героизм и отвагу при защите Родины, а также внесшие большой вклад в укрепление оборонной мощи государства [5, ст. 1]. Орден носится на правой стороне груди.

В центре ордена расположено золотистое изображение Джалолиддина Мангуберди на фоне расходящихся лучей. Фон за фигурой заполнен небесно-голубым цветом. Вверху ободка по кругу расположена надпись «*JALOLIDDIN MANGUBERDI*». В нижней части ободка размещены две лавровые ветви, покрытые зеленой эмалью, а между листьями расположены кристаллы фианитов (см. иллюстрации).

* *Амир Темур* (1336—1405 гг.) — полководец, основатель империи Тимуридов, включившей современные территории Афганистана, Ирана и Ирака.

** *Джалолиддин Мангуберди* (1198—1231 гг.) — общественный и политический деятель, последний правитель Государства Хорезмшахов.

Далее по значимости следует орден «*Буюк хизматлари учун*» («За выдающиеся заслуги»), учрежденный 29 августа 1996 г. [6]. Орденом награждаются как граждане республики, так и представители иностранных государств за заслуги в развитии науки и техники, экономики и культуры, а также за вклад в развитие межгосударственного сотрудничества и повышения международного авторитета Узбекистана на мировой арене [6, ст. 1]. Орден прикрепляется к муаровой ленте и носится на груди.

В центре ордена расположены две окружности. Во внутренней окружности на фоне земного шара голубого цвета изображена карта Узбекистана золотого цвета. Между внешней и внутренней окружностями на белом фоне размещена серебристая надпись «*BUYUK XIZMATLARI UCHUN*». В нижней части окружности размещены две скрещивающиеся лавровые ветви зеленого цвета.

Орден с помощью колодки и колец прикреплен к муаровой ленте. Промежуточная колодка имеет золотистый цвет с мифической птицей Хумо на фоне восходящего солнца. Муаровая лента состоит из полос красного, голубого, зеленого и белого цветов. На оборотной стороне ордена изображен государственный герб Узбекистана (см. иллюстрации).

Далее следует орден «*Эл-юрт хурмати*» («Уважаемому народом и Родиной»), учрежденный 28 августа 1998 г. [7]. Орденом награждаются как граждане государства, так и иностранные граждане за вклад в укрепление независимости страны, ее экономической мощи, роста национальной духовности и культуры [7, ст. 1]. Орден носится на левой стороне груди.

В центре ордена изображен архитектурный ансамбль Регистан*, окаймленный полоской красного цвета. Позади ансамбля изображены горы и долины, покрытые цветной эмалью, а над ними фон голубого неба и восходящего солнца. Изображение обрамлено окружностью, в верхней части которой расположена надпись «*EL-YURT HURMATI*» на белом фоне, в нижней части — лавровые ветви, покрытые эмалью зеленого цвета (см. иллюстрации).

Далее в очередности следует орден «*Фидокорона хизматлари учун*» («За бескорыстную службу»), учрежденный 29 августа 2003 г. [8]. Орденом награждаются гражданские лица и военнослужащие Узбекистана, внесшие вклад в экономическое и культурное развитие республики, укрепление ее обороноспособности и национальной безопасности, сохранения в обществе мира, стабильности и межнационального согласия. Помимо того, орденом могут награждаться граждане иностранных держав [8, ст. 1]. Орден носится на левой стороне груди.

В центре ордена на голубом фоне изображена мифическая птица Хумо золотого цвета. Над птицей изображена карта республики золотистого цвета. Вокруг изображения расположен ободок с надписью «*FIDOKORONA XIZMATLARI UCHUN*», покрытый белой эмалью. В нижней части изображены коробочки хлопчатника белого цвета и золотистые колосья пшеницы (см. иллюстрации).

* В Средние века в странах Центральной Азии Регистаном называли центральную площадь города. Изображение ордена включает центральную площадь г. Самарканда.

Следующим в наградной системе является орден «*Мехнат шухрати*» («Трудовая слава»), учрежденный 30 августа 1995 г. [9]. Орденом награждаются как граждане республики, так и иностранные граждане за трудовые заслуги, способствующие подъему экономики и культуры, росту благосостояния народа, сохранению мира и стабильности в стране [9, ст. 1]. Орден носится на левой стороне груди.

В центре ордена внутри круга серебристого цвета на фоне солнца расположен Дворец дружбы народов в г. Ташкенте, имеющий серебристый оттенок. В верхней части ордена изображен развевающийся Государственный флаг Узбекистана. В нижней части ордена расположены лавровые ветви зеленого цвета с исходящими из центральной части лучами (см. иллюстрации).

Орден «*Фахрий мураббий*» («Почетный наставник»), учрежден 9 июня 2020 г. [10]. Орденом награждаются граждане республики, внесшие вклад в патриотическое воспитание молодежи, формирование у молодого поколения активной гражданской позиции, инициативности, самоотверженности и нравственных качеств. Орден носится на левой стороне груди [10, ст. 1].

Орден состоит из двух накладных медальонов. Задний медальон представляет собой восьмиконечную звезду, которая символизирует солнце. К ней примыкает восьмиконечная звезда, грани которой покрыты фиолетовой эмалью. В центре верхнего медальона, находящегося в центре ордена и представляющего собой круг, на голубом фоне изображены золотистые лучи восходящего солнца, символ раскрытых ладоней почетного наставника, поддерживающих молодое поколение. Немного выше изображена золотая карта Узбекистана.

С правой и левой стороны расположены раскрытые позолоченные ворота, украшенные красной эмалью. Центральная композиция обрамлена белой окружностью. Нижняя часть композиции украшена пятью золотыми звездами, а верхняя часть — золотым орнаментом. По верхней окружности верхнего медальона нанесена надпись «*FAXRIY*» на зеленом фоне, а по нижней части — «*MURABBIY*». По правой и левой сторонам симметрично изображены две оливковые ветви. На оборотной стороне ордена изображен Государственный герб республики (см. иллюстрации).

Далее значится орден «*Соғлом авлод учун*» («За здоровое поколение»), учрежденный 4 марта 1993 г. [11]. Орден имеет две степени (I и II степени). Высшей степенью является I степень. Орден носится на левой стороне груди.

Орденом I степени награждаются как граждане Узбекистана, так и иностранные граждане за выдающиеся заслуги перед государством в охране детства и материнства, улучшении экологии человека, воспитании физически и нравственно здорового поколения, патриотизма. Орденом II степени награждаются как граждане республики, так и иностранные граждане, внесшие вклад в развитие здоровых поколений, проявляющие заботу о материнстве и детстве, попечители детей с инвалидностью и сирот [11, ст. 1].

На лицевой стороне ордена I степени расположено изображение матери с ребенком на фоне лучей солнца. На оборотной стороне запечатлен Государственный герб Узбекистана и надпись в нижней части по окружности «*Соғлом авлод учун*». Орден при помощи ушка и кольца соединен с серебряной колодкой. Внутренняя часть колодки покрыта муаровой лентой зеленого цвета. В середине муаровой ленты изображены цветущие ветви урюка золотого цвета. Орден II степени изготавливается из посеребренного металла и имеет эскиз, идентичный с орденом I степени (см. иллюстрации).

Следующим по значимости является орден «*Шон-Шараф*» («Честь и слава»), учрежденный 30 августа 1995 г. [12]. Орден имеет две степени (I и II степени). Высшей степенью является I степень. Награждение осуществляется с интервалом не менее трех лет последовательно: орден II степен и орден I степени. Орден носится на левой стороне груди.

Орденом награждаются граждане республики (в исключительном случае иностранные граждане) за самоотверженность и мужество, проявленные при защите Родины, за заслуги в деле укрепления обороноспособности и национальной безопасности [12, ст. 1].

Орден I степени изготавливается из серебра, покрытого золотом. В центре ордена изображен щит, покрытый эмалью изумрудного цвета с серебристым окаймлением. Щит окаймлен ивовыми ветвями. Основание ордена имеет форму выпуклой восьмиконечной звезды. В левой и правой частях ордена расположена симметрично выходящая лента цвета флага республики. В нижней части ордена под щитом на красно-рубиновом фоне надпись «*SHON-SHARAF*» и окаймление серебристого цвета. Орден II степени изготавливается из серебра и имеет эскиз, идентичный с орденом I степени (см. иллюстрации).

Далее следует орден «*Дустлик*» («Дружба»), учрежденный 5 мая 1994 г. [13]. Орденом награждаются как граждане республики, так и иностранные граждане за достижения в деле укрепления дружбы и согласия между представителями всех наций и народностей, населяющих Узбекистан [13, ст. 1]. Орден носится на левой стороне груди.

В центре ордена на белом серебристом круге изображено позолоченное символическое пожатие рук. На фоне, выполненном голубой эмалью, располагаются 12 серебристых звезд, символизирующих 12 человеческих добродетелей. Вокруг изображения располагается ободок, верху которого красной эмалью нанесена надпись «*DO'STLIK*», а в нижней части — золотые лавровые ветви. Орден соединяется с колодкой, которая покрыта муаровой лентой голубого, зеленого, желтого и красного цветов (см. иллюстрации).

Следующим в системе является орден «*Саломатлик*» («Здоровье»), учрежденный 26 мая 2020 г. [14]. Орден имеет две степени (I и II степени). Высшей степенью является I степень. Награждение осуществляется с интервалом не менее трех лет последовательно: орденом II степен и орденом I степени.

Орден носится на левой стороне груди. Награждаются как граждане республики, так и иностранные граждане.

Орденом I степени награждаются за заслуги в развитии системы здравоохранения и ее совершенствование; организацию деятельности государственных и негосударственных медицинских учреждений в соответствии с мировыми стандартами; заслуги в подготовке квалифицированных медицинских кадров; систематическое проведение пропагандистской работы по повышению медицинской культуры населения [14, ст. 3].

Орденом II степени награждаются за заслуги в деле охраны здоровья населения; активное участие в реализации государственных программ по сохранению здоровой и безопасной окружающей среды; вклад в формирование системы медицинской стандартизации [14, ст. 4].

Орден I степени изготавливается из серебра, покрытого золотом. В центре ордена изображена змея (символ медицины), обвивающая чашу, и раскрытые ладони, поддерживающие сердце. Вдоль окружности в верхней части на фоне зеленого цвета нанесена надпись «*SALOMATLIK*» позолоченного цвета. В нижней части — две лавровые ветви, скрепленные восьмиконечной звездой.

На оборотной стороне изображен государственный герб Узбекистана. Орден при помощи кольца соединяется с колодкой, обтянутой шелковой нитью зеленого цвета. В центре колодки расположена позолоченная лавровая ветвь. Орден II степени изготавливается из серебра. Эскиз ордена идентичен ордену I степени, за исключением колодки, где в центре расположена серебряная лавровая ветвь (см. иллюстрации).

Орден «*Мардлик*» («Храбрость») учрежден 11 сентября 2012 г. [15]. Орденом награждаются граждане республики (в исключительных случаях иностранные граждане), посвятившие себя защите Отечества, проявившие при этом мужество и отвагу. Орден носится на левой стороне груди [15, ст. 1].

Основание ордена представляет собой геральдический щит с ободком из синей эмали с золотыми заклепками, на который крепится золотистая восьмиконечная звезда, символизирующая единство республики. На звезду крепится накладной медальон в виде щита с заклепками. По обеим сторонам щита присутствует обрамление из золотых лавровых ветвей в виде венка — символа победы и славы. Внизу венка на фоне белой эмали с золотой окантовкой размещена надпись «*MARDLIK*».

Выше щита изображен мусамман из голубой эмали с позолоченным месяцем и звездой. По бокам мусаммана изображены симметрично эфесы (восточные сабли), а снизу — концы их изогнутых клинков, символизирующих национальную честь и достоинство. В центре ордена изображен воин — защитник Родины в полевой форме одежды на фоне белой эмали с расходящимися золотистыми лучами — символом жизненной силы.

На оборотной стороне изображен Государственный герб республики. Орден при помощи кольца и ушка соединен с колодкой, обтянутой муаровой

лентой с четырехцветными полосами (голубого, зеленого и белого цвета и красной окантовкой) (см. иллюстрации).

В марте 2020 г. дополнительно учрежден орден «*Олий Даражали Дўстлик*» («Дружба на высшем уровне») [16]. Орденом награждаются главы иностранных государств и правительств; представители парламентов зарубежных держав; руководители и представители международных организаций, дипломатических ведомств; видные государственные и общественные деятели. Орденом могут награждаться граждане республики, иностранные граждане и лица без гражданства, для которых он является высшей государственной наградой [16, ст. 1].

Орден вручается за высокую политическую волю в устойчивом развитии отношений дружбы и всестороннего стратегического партнерства с республикой, решении актуальных вопросов регионального и международного сотрудничества. Орден носится на правой стороне груди или на орденской цепи.

Орден состоит из четырех накладных медальонов. Первый и второй медальоны ордена представляют собой шестнадцатиконечную звезду, символизирующую солнце. Грани первой восьмиконечной звезды состоят из трех лучей. Вторая звезда состоит из лучей, окаймленных позолоченным кантом. Поверх лучей наложены золотистые фигурные листья.

Третий медальон представляет собой позолоченную восьмиконечную звезду с двугранными лучами, поверх которой расположена восьмиконечная звезда с четырехгранными лучами, выполненная из серебра и инкрустированная камнями. Четвертый медальон расположен в центре ордена, представляет собой круг, покрытый синей эмалью и окантованный позолоченным ободком. В верхней части медальона нанесена позолоченная надпись «*OLIIY DARAJALI DO 'STLIK*».

В центре медальона позолоченное изображение раскрытых ладоней и голубя, держащего в клюве оливковую ветвь (символ мира и дружбы), окаймленное позолоченной окружностью. Орден имеет два крепления: винтовое и съемный карабин, который крепится к орденской цепи. Центральное звено орденской цепи образуют два восьмигранника с вписанным кругом, покрытым синей эмалью. На фоне восходящего солнца изображена птица Хумо (см. иллюстрации).

В августе 2022 г. был учрежден орден «*Имом Бухорий*» («Имам Бухари»)* [17]. Орден имеет две степени: орден «*Олий Даражали Имом Бухорий*» (Высокопоставленный Имам Бухари) — высшая степень, и орден «*Имом Бухорий*». Орден «Олий Даражали Имом Бухорий» носится на правой стороне груди или на орденской цепи [17, ст. 11]. Орден «Имом Бухорий» носится на левой стороне груди или на шейной шелковой ленте [17, ст. 12].

Орденом «Олий Даражали Имом Бухорий» награждаются представители иностранных держав, международных организаций и дипломатических

* *Мухаммад аль-Бухари* (810—870 гг.) — исламский хадисовед, мыслитель и богослов.

миссий. Орден вручается за высокие результаты, достигнутые в изучении и широкой пропаганде на международной арене жизни и научного наследия ученых (мыслителей), внесших вклад в развитие науки и техники [17, ст. 2].

Орден состоит из двух медальонов. Первый медальон имеет восьмиконечную звезду. Между углами звезды расположены пучками расходящиеся лучи, окончания которых закруглены. Во внутренней части звезды расположены декоративные формы в виде листьев, покрытых зеленой эмалью. Восьмиконечная звезда инкрустирована бриллиантами.

Второй медальон, расположенный в центре ордена, окаймлен веревочным узором. В центре, на фоне синей эмали, изображена раскрытая книга в открытом виде и над ней — солнце с расходящимися лучами. В нижней части размещена надпись «*ILM — NUR*». Вдоль окружности второго медальона на белом фоне расположена надпись «*MUHAMMAD IBN ISMOIL IMOM BUXORIIY*», которая разделена двумя бриллиантами.

Орден имеет два крепления: винтовое и съемный карабин, крепящийся к орденской цепи. Цепь состоит из звеньев двух типов. Звенья первого типа имеют изображение второго медальона. Звенья второго типа имеют форму восьмиконечных звезд. В нижней части цепи расположены звенья в форме восьмигранной звезды, покрытой цветной эмалью, и Государственного герба Узбекистана.

Орденом «Имом Бухорий» награждаются работники государственных и общественных организаций, науки, образования и воспитания; религиозные деятели и ученые. Орден вручается за заслуги в исследовании и пропаганде научного и религиозного наследия мыслителей, доведении до населения страны общечеловеческих ценностей [17, ст. 4].

Орден состоит из двух накладных медальонов. Орден полностью копирует эскиз ордена высшей степени. Отличие заключается в отсутствии двух видов крепления. Вместо этого орден соединяется с колодкой, обтянутой шелковой лентой. Посередине ленты проходит зеленая продольная полоса, по краям которой имеются белые полосы. По краям ленты располагается полоса синего цвета (см. иллюстрации).

Таким образом, система государственных наград, представленная орденами Республики Узбекистан, позволяет сделать вывод о стремлении государства укреплять патриотизм, поощрять выдающиеся достижения граждан в различных сферах общественной жизни и формировать образцовые ориентиры через признание заслуг. Орденская система не только отражает важные для республики ценности, но и служит символом уважения к труду, доблести и преданности Родине.

Источники и литература

1. О государственных наградах: Закон Республики Узбекистан от 11 апреля 2018 г., № ЗРУ-473 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/3676252> (дата обращения: 13.07.2025).

2. Об установлении звания «Узбекистон қаҳрамони» и учреждении высшего знака отличия — медали «Олтин юлдуз»: Закон Республики Узбекистан от 05 мая 1994 г., № 1038-XII // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/106049> (дата обращения: 13.07.2025).
3. Об учреждении ордена «Мустақиллик»: Закон Республики Узбекистан от 05 мая 1994 г., № 1040-XII // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/107579> (дата обращения: 13.07.2025).
4. Об учреждении ордена «Амир Темур»: Закон Республики Узбекистан от 26 апреля 1996 г., № 225-I // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/14687> (дата обращения: 13.07.2025).
5. Об учреждении ордена «Джалолиддин Мангуберди»: Указ Президента Республики Узбекистан от 29 августа 2000 г., УП-2708 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/docs/235826> (дата обращения: 13.07.2025).
6. Об учреждении ордена «Буюк хизматлари учун»: Закон Республики Узбекистан от 29 августа 1996 г., № 254-I // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/90711> (дата обращения: 13.07.2025).
7. Об учреждении ордена «Эл-норг хурмати»: Закон Республики Узбекистан от 28 августа 1998 г., № 664-I // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/24709> (дата обращения: 13.07.2025).
8. Об учреждении ордена «Фидокорона хизматлари учун»: Закон Республики Узбекистан от 29 августа 2003 г., № 526-II // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/73912> (дата обращения: 13.07.2025).
9. Об учреждении ордена «Меҳнат шухрати»: Закон Республики Узбекистан от 30 августа 1995 г., № 115-I // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/119934> (дата обращения: 13.07.2025).
10. Об учреждении ордена «Фахрий мураббий»: Закон Республики Узбекистан от 09 июня 2020 г., № ЗРУ-622 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/4850455> (дата обращения: 13.07.2025).
11. Об учреждении ордена Республики Узбекистан «Соғлом авлод учун» («За здоровое поколение»): Указ Президента Республики Узбекистан от 04 марта 1993 г., № УП-575 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/docs/189639> (дата обращения: 14.07.2025).
12. Об учреждении ордена «Пон-шараф»: Закон Республики Узбекистан от 30 августа 1995 г., № 116-I // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/120080> (дата обращения: 14.07.2025).
13. Об учреждении ордена «Дустлик»: Закон Республики Узбекистан от 05 мая 1994 г., № 1042-XII // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/111247> (дата обращения: 14.07.2025).
14. Об учреждении ордена «Саломатлик»: Закон Республики Узбекистан от 26 мая 2020 г., № ЗРУ-620 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/4828695> (дата обращения: 14.07.2025).
15. Об учреждении ордена «Мардлик»: Закон Республики Узбекистан от 11 сентября 2012 г., № ЗРУ-332 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/ru/docs/2050565> (дата обращения: 14.07.2025).

16. Об учреждении ордена «Олий Даражали Дўстлико»: Закон Республики Узбекистан от 11 марта 2020 г., № ЗРУ-609 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/docs/4760850> (дата обращения: 14.07.2025).
17. Об учреждении ордена «Имом Бухорий»: Закон Республики Узбекистан от 15 августа 2022 г., № ЗРУ-789 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: [сайт]. — URL: <https://lex.uz/docs/6158052> (дата обращения: 14.07.2025).

Артикул настулӣ у редакция 29.07.2025.

Да артыкула: **И. А. Гончарова.** Проблема контаминации архивных документов плесневыми грибами

Признаки очагов плесневого поражения

локальное изменение
окраски

крупные скопления
темноокрашенных спор

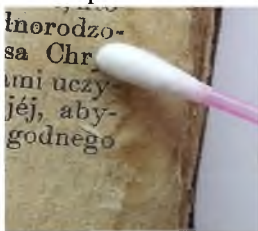
участки разрушения бумаги

Фото 1. Визуальные признаки наличия очагов плесневого поражения архивных документов.

Этапы подготовки к микробиологическому обследованию

изоляция документа
с помощью упаковки

взятие проб
работниками архива

передача проб
в лабораторию

Фото 2. Взятие проб пылевых налетов на архивных документах для микологического обследования.

Характер контаминации

естественный фон пыли

повышенная запыленность

плесневое поражение

Фото 3. Диагностика контаминации архивных документов по результатам микологического анализа пылевидных налетов.

Способы обеспыливания

вручную
подручными средствами

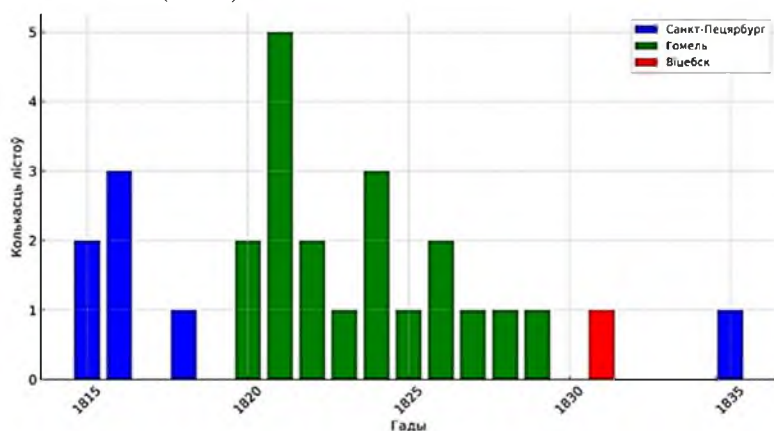
реставрационным
пылесосом

автоматическими
комплексами

Фото 4. Удаление спор плесневых грибов при обеспыливании.

Да артыкула: **О. С. Иванова.** Письма И. Григоровича из фондов Российской государственной библиотеки (часть 1)

Мат. 1. Колькасць лістоў І. Грыгаровіча, якія захоўваюцца ў Расійскай нацыянальнай бібліятэцы, па гадах і гарадах

Дар'явук: Н. А. Косяк. Наградная система Республики Узбекистан (на примере системы орденов республики)

Ордена Республики Узбекистан

Звание
Ўзбекистон
Қаҳрамони»
Медаль
«Олтин Юлдуз»

Орден
«Мустақиллик»

Орден
«Амир Темур»

Орден
«Джалолиддин
Мангуберди»

Орден
«Фидокорона
хизматлари учун»

Орден
«Шон-шараф»

Орден
«Буюк хизматлари
учун»

Орден
«Саламатлик»
I степени

Орден
«Саламатлик»
II степени

Орден
«Фахрий мураббӣ»

Орден
«Шон-шараф»
II степени

Орден
«Эл-юрт хурмати»

Орден
«Меchnат и диxрат»

Орден
«Соzгом авлод
учун»
I степени

Орден
«Соzгом авлод
учун»
II степени

Орден «Мардлик»

Орден «Дустлик»

Орден «Оltи Даргажалл Дустлик»

Орден «Оltи Даргажалл Имом Бухорий»

Орден «Имом Бухорий»

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТА**О. С. Иванова,***доцент кафедры источниковедения исторического факультета**Белорусского государственного университета,**кандидат исторических наук, доцент;**e-mail: ivanova.volga.s@gmail.com***ПИСЬМА И. ГРИГОРОВИЧА ИЗ ФОНДОВ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ (ЧАСТЬ 1)**

В Российской государственной библиотеке (далее — РГБ) в Москве хранится 38 неопубликованных писем из семейного архива первого белорусского археографа Ивана Ивановича Григоровича. Подавляющее большинство из них (35 писем) — собственноручные письма И. Григоровича брату Николаю. Также здесь хранится 1 письмо жены Веры Ивановны Григорович Василию Григоровичу, 1 письмо Михаила Григоровича Николаю Григоровичу, отрывок из письма Ивана Лобойко. Некоторые из этих писем цитировались в работе В. П. Козлова «Колумбы российских древностей» и частично были опубликованы в «Беларускім археографічным штогодніку» за 2007 г. Данная публикация затрагивала только вопросы научной деятельности И. Григоровича и частности процесса подготовки «Белорусского архива древних актов». Но поскольку это семейная переписка, то она в первую очередь касается внутрисемейных отношений и событий, быта, родственных связей, характера личности И. Григоровича, его самосознания и жизненных приоритетов. Комплексная публикация данной переписки станет значимым источником по истории повседневности Беларуси первой трети XIX в.

Письма охватывают 1815—1835 гг., большая их часть относится к 1820-м гг. Предполагается публикация писем в трех частях:

1. 1815—1818 гг. Письма И. Григоровича брату Николаю из Петербурга в период обучения в Академии (№ 1—6).

2. 1820—1825 гг. Письма И. Григоровича брату Николаю из Гомеля в период служения протоиереем до смерти графа Н. П. Румянцева (№ 7—20).

3. 1826—1830 гг., 1831 г., 1835 г. Письма И. Григоровича брату Николаю из Гомеля и Витебска после смерти графа Н. П. Румянцева (№ 21—38).

Письма публикуются на языке оригинала в современной орфографии. Например, в оригинале писем присутствует «ъ», слова «Братец», «Батюшка», «Граф» писались с большой буквы. В публикуемом тексте эти особенности языка того времени не отмечены. Дается перевод латинских и французских оборотов, а также необходимые примечания по тексту писем. Сокращения и неясности в написании раскрыты в квадратных скобках.

1.

Получ. Окт. 19 1815-го года

Сентябрь 30-го дня

1815 года

С. Петербург

Любезный братец Николай Иванович!

Письмо ваше от 10-го сентября, приложенное при письме батюшкином, я имел удовольствие получить 25 числа. Оно еще первое: тем более я обрадован. Благодарю вас, любезный Братец, что вздумали с'ездон* со мной поразогнать несколько грусть, невольно иногда окрадающую в сердце мое. Продолжением такого хорошего начала вы без сомнения не позволите ей усилиться во мне, и таким образом заставите меня быть всегда веселым. Вот что я хотел сказать вам вместо приступа! Теперь поступим далее.

Вы пишете, любезный братец, что письмо мое к батюшке представляли его сиятельству. Я совсем не ожидал этого и об этом совсем не думал. По сей-то причине и написано оно, как бы выразить, только что написано. За то в последствии, по уроку вами мне поданному, постараюсь быть и осторожнее, и разборчивее. Доказательство сего и теперь нетрудно вам приметить. Слава Богу, что известные вам мои сомнения, так долго продолжавшиеся, все окончились с таким хорошим и даже удивительным успехом. Я совершенно, после справедливых уверений ваших от его сиятельства слышанных, совершенно теперь обеспечен в будущем своем, хоть неизвестна мне довольная причина благоволения ко мне и благоденствия Е. С.**, к устройству счастья моего, столь явственно способствующего. Благодарите, любезный братец, вместе со мною Бога, если вы, как я надеюсь, любите меня столько сколько я не перестану платить за любовь пламенною сию любовью. Более увидите из письма моего к батюшке.

Завидую Г. Ст-дичу***: он теперь великий человек, каковым я перестал быть... только жаль будет очень, ежели счастье его продолжится, ибо оно обыкновенно любит баловать нас... Однажды так рано гордиться (сказав ученым языком) не из чего не следует. Коли так, присылайте его сюда; здесь прекрасно умеют выжимать мокрые крылья****... Да думаю увидеться с ним без вашего посредства: теперь, кажется, время благоприятно пригласить в столицу с его сиятельством и осуществить Альянасаровы мечтания*****.

* Именно так (*фр.*).

** Его сиятельство.

*** Гавриил Степанович Ст-дич, вероятно, занимал должность секретаря в Гомельском имении графа Н. П. Румянцева. Упоминается в переписке несколько раз, но фамилия не раскрыта полностью ни в одном из писем.

**** Образное выражение, означающее физическую или психологическую усталость.

***** Главный герой арабской сказки Альянасар из сборника «Тысяча и одна ночь». Это бедный гонимый, который мечтает о том, как станет богатым и влиятельным чело-

Конечно, вы не думали растрогать и опечалить меня известием о состоянии бедного нашего училища; но признаюсь, оно очень меня опечалило: ибо я поставляю себя причиною, хотя, впрочем, и невинною в том, что оно приходит в некоторое несовершенство. Беда с людскою ленью! Зачем бы, кажется, лезть в воду, если не уметь плавать, если не хотеть грести руками? Для прибыли и чести — это все пустошь, как вы после от меня узнаете; иногда ни того ни другого не получив, что-нибудь третье потеряем. Впрочем, если он, т. е. мой о. преемник находится и в качестве инспектора, [имеет] власть принудить, во что бы то ни стало. Здесь в подобных обстоятельствах такая учтивость, такая благосклонность, что кажется нам ровня; но при случае без малейшего нарушения того, такая субординация, такая строгость. Не худо бы право и вам принять нашу систему. Пишите в Могилев, извещайте и требуйте объяснений; а в успехе нечего сомневаться. Между тем, любезный братец, прошу вас участвовать в общей пользе: это послужит и к пользе вашей. Если же не надеетесь удачи, посоветуйте решиться на новую перемену... Даже можно оба [шестналетия] заменить новолетием, вы меня понимаете. Остается на что-нибудь решиться, чтобы решительнее потом действовать. А я буду посему наипаче предмету ожидать обстоятельнейших и интереснейших сведений почаше.

Прошу поцеловать руку у почтеннейших родителей и донести им, что я благодаря Бога — здоров и спокоен. Прошу также свидетельствовать мое искреннее почтение Елене Степановне и Александре Устиновне пренизкий поклон. Право я совсем не воображал, чтобы меня доселе помнила, да и есть ли за что? А в письме остановок не будет: первой досуг посвящен будет им. Спасибо, что нашим студенчеством не все брезгают.

Посылаю при сем рецепт на составление превосходнейшей ваксы. Нельзя ли как-нибудь переслать рукописной истории и географии? Только спросите наперед, не нужны ли они для Миши. Прощайте, любезный братец! Писать более негде. Еще раз — прощайте! Будте здоровы и веселы; а я всегда пребуду усерднейшим вашим слугою. И. Григорович.

РГБ. Ф. 178. Карт. 1346. Ед. хр. 18, л. 1—2.

2.

Декабря 27 дня

1815 года

С. Петербург

Любезный братец Николай Иванович!

Вместо того, чтобы желать вам весело провести праздники, которые чаятельно вы проводите в кругу родных и друзей, я лучше пожелаю вам, любезный брат, еще весело вступить в новое счастье и наслаждаться им с невозмущенным и спокойным духом. Сие одно, может быть, для нас оплотом

веком. Однако, погрузившись в мечты, он случайно разбивает свою единственную посудину, и все его планы рушатся.

жизни и для любезнейших наших родителей зрелищем радостным и награждающим их заботливостью, их о нас попечения.

В письме к батюшке я изобразил, кажется довольно краткую беседу, которую удостоил меня Е. С. в первый раз по своему приезду сюда; но в удовольствие ваше, постановляю приятною обязанностью рассказать вам то, что особенно до вас касается. Извольте слушать:

Е. С. благодарил вас за тот труд, который вы на себя приняли по предмету сокращения Никоновых летописей. Сим вы ему угодили не так как Гавр. Ст. своим секретарствованием, которое сему последнему так пристало, как не попу по пословице ризы. Но чужой грех за плечи — далее. Далее Е. С. рассказывал о вашей способности и охоте в военной службе, присовокупить, что он намерен поместить в оную вас. Я благодарил Е. С. за сие новое к нам благодеяние и — только.

Вам известно, любезный братец, моя мнительность, которую я часто сам в себе ненавижу. Но что мне делать? Видно, с нею и долго еще не расстаться, а пока не расстанусь позвольте обременить вас некоторыми допросами, коих разрешение в последствии времени вам самим будет бесполезно. Вот они! Как думаете вы начать увольнение, не говоря от должности — это последнее дело — из духовного звания, и надеетесь ли вы успеть в сем без Синода, разумеется, только епархиальным образом, и еще без посредства Е. С. который почтет сие для себя, может быть, обременительным? Увольнение, по-моему мнению, лучше сделать епархиальною консисториею, ибо, не сделавши этого там, пуститься сюда не ловко. А уволившись и приехавши в П-бург думаете ли вы ограничиться гвардиею или отселе перейти в полевой полк? Этот вопрос для того, чтобы сказать вам нечто о жизни гвардейской. Еще живучи в Могилеве, вы видели, что в гвардию поступают всегда отборнейшие и из знатнейших фамилий дети. Блестящие мундиры, блестящий образ жизни требует много того, что блестит и сияет. После сего подумайте, первое у вас должно быть, а последнего быть не может. Что ж до Е. С-ва, то он, по-видимому, обещает поместить, а не давать жалованье. Думайте, братец, да решайтесь, чтобы после не жалеть. Опытность и любовь родителей могут вам сказать более о сем, нежели моя любовь, опытностью еще небогатая. Наконец же хотелось бы знать о том, берет ли на свой суд граф приезд ваш в столицу; или заранее начинайте копить деньги: они здесь пригодятся.

Сверх всего, не оставьте меня уведомить равно и том, что батюшка, о. Венедикт и вы предпринимаете для вознаграждения того недостатка и лишения, которому домашние обстоятельства не минуя подвергнуться с осуществлением переворота вашей судьбы; и надеетесь ли вы, что хоть особливо батюшкиных дел не нарушится чрез это? Я пишу об этом и к родителям. Оба ответа чаятельно совсем удовлетворить моему любопытству; тем лучше можно действовать в соединении.

Нет сомнения, что праздники у вас текут весело. Ярмарка и гости, конечно, доставляют удовольствие и скуке и рассеянности. Но и мы не уступа-

ем вам. Хоть у нас нет ярмарки в собственном смысле этого слова; но зато на каждой улице более, нежели ярмарка. Зеваем на катающихся по улицам, утешаемся, смотря на бегающих по замерзшей Неве; иногда рукоплещем победителю-иноходцу, победителю-ездок (в этом случае нельзя не вообразить Александра Семеновича, который и здесь, кажется одержал бы верх своими лихими...) или чаще удивляемся талантами г. Яковлева, первого здешнего актера, и осматриваем ученые богатства столицы. Так проводим мы время покоя, которое у нас совершенно бывает противоположно времени деятельности. Признаться сердце студенческое не слишком участвует в удовольствиях, которые, подобно воздушным метеорам, являются и исчезают; оно часто говорит с Мароном*, что *fumus patriae dulcis*** : но по нужде подвергается встречам, ибо знает, что встреча весьма различна от бытия постоянного.

Новостей, кроме тех, о которых я упомянул в письме к батюшке, других теперь в виду не имею. Прибавьте к ним только то, что Давид Данилович не может настроить своей супруги на манер жизни столичной. Она непременно хочет жить в Гомеле (так ваш климат благо[дарственен]!), и может быть в продолжение настоящей зимы переселиться к вам. Поздравьте с этою новостью Гавр. Ст., для которого, чаю, старое знакомство, после разлуки столь долговременной, еще приятнейшим сделается.

Сообщил бы я вам продолжение описания нашей столицы, но будучи уверен, что чрез короткое время вы сами будете самовидцем ее, охотно это оставляю. Лучше соглашаюсь сделаться вашим путеводителем тогда, как вы приездом своим доставите мне удовольствие обнять вас в Невской лавре, в уютном номере; и потом целый август звать по обширным улицам. Наперед радуюсь.

Капитан Семенович свидетельствует вам поклон. Прошу вас не упустить ему чести — рассказать мне все гомельские новости. Но следующее засим поважнее. *Monsieur Louis* что-то сказал мне о письме (просто) Львовского***, присланном к графу. Я имел причину и худо понять его, и худо выслушать. Но некоторые слова глубоко врезались в мою память. Любопытно узнать о сем обстоятельно. Чур уведомить тому наперед, кто наперед об этом узнает. С своей стороны я успеть надеюсь; может быть, и сам граф что-нибудь скажет.

Прощайте, любезный братец! Батюшка, шутя, конечно, упоминает о моем золоте и серебре. Не знаю, что ему на это отвечать. Со временем я также попрошу шутя заменить и то и другое банковыми билетами. Прощайте! Утешайте родителей помощью, а меня письмами. Ваш усерднейший слуга И. Григорович.

РГБ. Ф. 178. *Карт.* 1346. Ед. хр. 18, л. 3—4.

* Вероятно, имеется в виду Вергилий Публий Марон — известный римский поэт.

** Сладкий дым отечества (*лат.*).

*** О. И. Львовский — преподаватель словесности Гомельского поветового училища.

3.

Любезный братец Николай Иванович!

Письма ваши я получил исправно, хотя последнее прежде, нежели первое дошло в мои руки. Причиною сему была посылка, которая будучи получена 26-го января еще, пролежала в здешнем почтамте до 6-го Марта. Не говорю о трудностях, с каковыми сопряжено было получение оной. Довольно, что она выдана мне после того, как обстоятельства принудили меня хлопотать о подарке родителей до четырех раз. И сим единственно успел я отметить, что посылка не отправлена назад. Разрешение сей, по-видимому, загадки состоит в том, что по определению начальства, ежели не будет отыскан тот пакет или что-нибудь подобное, полученное, по истечении одного месяца, долженствует быть обратно отослано. Теперь все дело кончено; перестанем говорить об нем.

Из письма моего к батюшке вы можете видеть, что я очень редко бываю у графа. Поэтому мне нет возможности и средств известить вас об успехе, который получил ваш опыт сокращения Никоновой летописи. Предоставьте разрешение любопытства времени. Может быть, в течение Св[ятой] недели удастся мне разговориться с Е. С. Тогда и о сем, и о письме Львовского получите от меня обстоятельное уведомление.

Признаюсь, я с удовольствием воспоминаю о том времени, которое и вас приблизит к Северу; но признаюсь и в том, что сомневаюсь о совершенстве и полноте осуществления ваших предположений. Не заключайте из сего о моем недоброжелательстве, которое более, нежели невозможно. Это основывается на той холодности, которую я приметил в словах Е. С., когда он разговор мой, относительно намерения вашего заключил тем, будто он, на основе только желания вашего, обещал принять исполнение одного исключительно на себя, и перестроить судьбу вашу к лучшему. Не удивляйтесь сему, помня изречение одного мудрого, что их вельможам надобно приближаться подобно, как к жертвеннику, т. е. чтобы, ощущая благоволение фимиама, не быть опаленну жертвенным огнем. Наконец не заключайте и из сего, чтобы обещание Е. С. осталось неисполненным. Дело в том, что он может забыть вас, как забыл меня. В предупреждение сего, остается вам действовать; а это легко сделать через Ив. Юрьевича, если батюшка примет на себя сей труд. Думаю, вы более выиграете, нежели я: но я не перестану молиться, чтобы всеблагий промысел устроил ваше счастье, без нарушения спокойствия любезнейших наших родителей.

Осмелюсь поставить в письме своем к батюшке одну смелую черту в рассуждении теперешнего моего состояния, остается мне просить вас, любезный братец, о дополнении моей просьбы, которая состоит в том, чтобы вы приняли на себя труд переслать мне вырученные деньги за книги мои. Поверьте, что прибегнуть к сему заставляет меня крайняя нужда. Множество дел и пустой желудок не то откажутся сказать; но, щастие, что я не умею говорить много... Впрочем прошу вас не все открывать родителям: от сего будет зависеть их покой, который для меня драгоценен. Поспешите только с своего посылкою к концу поста.

Новостей, сверх тех, которые я изобразил в письме к батюшке, в виду не имею. Но в дополнение к ним прибавить можно, что в феврале месяце, по случаю бракосочетания в. княжны А. П. с Оранским принцем и мне удалось быть свидетелем великолепнейшего фейерверка у Таврического дворца*. Заметьте, что двум нашему студентам позволено было идти на эту церемонию. У нас и эта милость велика! Далее пошли слухи, что последовало определение о назначении различного покроя платьев для различных состояний, не включающих и женского пола; что полиция получила повеление наблюдать за благочинием в церквях и подвергать истязанию неуважающих религию, хотя бы сие было в самой малости.

Будучи в почтамте, мне случилось узнать, что князь А. М. Кантакужен** живет в столице. Я бы за долги поставил отдать ему мое почтение; но поелику здесь трудно отыскивать дома не только приезжающих, но и самых жителей, то я доселе принужден оставаться без исполнения моего намерения. Ежели будете иметь случай достать адрес Е. С., не оставьте мне переслать его. Думаю, князь, по дружбе к батюшке, примет и меня ласково. В столице необходимы знакомства, тем более с важными особами и еще для нашего брата.

Поздравьте Вас. Ив.*** со вступлением в брак. Желательно знать, что предпримет он после сего и где будет священствовать, ежели это имеет ввиду. Гавр. Ст. также не забудьте поклониться. Напрасно он медлит: и в священном звании теперь не так то выгодно, особенно для новоопределяющихся. Без сомнения он удивится, когда узнает, что для непринимających никакого чина определено все казенное содержание с жалованием в год 80 рублей только.

Прощайте, любезный братец! Будьте здоровы, веселы, благополучны, и не оставляйте меня своими письмами. Оне одни доставляют мне удовольствие в нынешней философской моей жизни. Не поверите с каким нетерпением ожидаю я всегда ваших писем, и, кажется ожидаю, читая и перечитывая их. Жаль только, что О. Венедикт забыл на меня, и в течение семи месяцев подарил меня двумя только письмами. Может быть он обременен делами; это знаю, но написать письмо стоит невеликого труда и продолжительного времени? Я стараюсь сыскать другие причины, чтобы оправдать его молчание, и не нахожу их. Если оно продолжится еще далее, мне скучно станет. И братец Михайла Ив. также гарпократствует; но рано: Гарпократ**** по праву молчал, будучи философом, а он,

* Принц Оранский (Виллем, будущий король Нидерландов Виллем II) женился на великой княгине Анне Павловне, дочери императора Павла I, в Санкт-Петербурге 21 февраля (5 марта) 1816 г.

** Александр Матвеевич Кантакужен (1787—1841), из греческого дворянского рода. На российской службе с 1820 г. имел звание камер-юнкера.

*** У Ивана Григоровича был брат Василий Иванович (архиепископ Венедикт). Он принадлежал к черному духовенству и не мог жениться. Далее в письме И. Григорович называет его О. Венедиктом.

**** Гарпократ (Harpoocrates) — древнеегипетский бог типины, покоя и детства.

кажется еще не он, а Цицерон, потому даже надлежало бы написать целые тома писем. Так ли он экономен и к вам? Если нет, я против воли сердиться стану.

Прошу кланяться О. И. Львовскому, П. Н. Мاستинскому и всем, и всем, кто еще не забыл меня. Есть ли у вас новости? Хороши ли они? Сообщайте мне их, когда будете писать ко мне письма; радуйте меня заочно до того времени, пока судьба велит нам увидиться. Еще раз прощайте! С искренним желанием вам всех от Бога благ и совершенною братскою преданностию имею честь быть вашим навсегда усерднейшим слугою. И. Григорович.

Марта 7-го дня 1816 года

Санкт-Петербург. Лавра.

Р. S. Наши белорусцы: И. О. Стаинович, Л. В. Саульский, Я. Е. Бенарсвич и А. И. Чертинов поручили мне свидетельствовать вам их почтение.

Благодаря благости Божией, я здоров. Хотел бы быть весел, но нет ни случая, ни возможности. Философское уединение, погружающее обыкновенно в самого себя, отнимает и самое желание растению. За то со временем вы удивитесь и, может быть, устращитесь, когда в стенах наших увидите Кантов и Златоустых. Но пора перестать. Прощайте! Спешу в почтамт. 7 верст пути — уже пятый час, а к осьми часам надобно возвратиться к голодному ужину*.

РГБ. Ф. 178. Карт. 1346. Ед. хр. 18, л. 5—6.

4.

Любезный братец Николай Иванович!

Оба письма ваши: от 24-го и 28 марта я имел честь получить с особенным моим удовольствием. Первое я получил позже, нежели последнее; но это потому, что последнее летело, а первое ехало и не просто, но с грузом. Благодарю вас, любезный братец, за великодушный труд проявили? Вы в исполнение препоручения моего относительно продажи (и даже счастливой) книг. Благодарю также и случаю, пославшему охотников на покупку их. Это вспоможение, надеюсь обеспечит мои потребности надолго, и тем более для всех драгоценного, что я не слишком беспокоил почтеннейших родителей, которые и истощимый, так сказать, источник благоденствий своих не перестают изливать оных. Тут позвольте мне остановиться: слезы безмолвной благодарности одолевают слабость и не искусство выражений.

Спешу по требованию вашему, отправить поздравление. Извините, если оно покажется вашему вкусу неудачным. Знаю даже, что вы поздно и получили его, так как письмо ваше (от 24 марта), в котором вы о том пишете, получил я 19-го уже апреля. Но посылал к Е. С., для лучшего успеха, можно поставить число несколько заднее или 9 мая. Эта невинная хитрость покроеет медлительность обоих нас. А между тем я обещаю об успехе и выигрыше одного вас уведомить, если письмо ваше застанет графа в Петербурге, как узнаете из нижеследующих обстоятельств.

* Имеется в виду скромный ужин.

О поздравлении, принесенном от меня Е. С. в день светлого праздника, не почитаю за нужное распространяться, ибо нечего говорить. Предположения я не успел привести в исполнение. Да и не сожалею, приметив впоследствии, что конец предпринятого труда не соответствовал бы началу. Притом Е. С. из церкви спешил в императорский дворец. Надлежало бы спешить и мне, а вы знаете, что я старый тихход. Время летит, но впереди нас его еще довольно. Успею, коли Бог поможет. Впрочем тогда я узнал, что Е. С. только май намерен провести в столице. С наступлением следующего за ним месяца отправится в Москву, оттуда в Гомель, а отсель на Макарьевскую ярмарку (Нижегородской губернии) и наконец в Симбирск. Дорога очень долга! Но слушайте дальше.

Вчерашнего, т. е. 20-го числа Е. С. чрез нарочно присланного велел мне явиться к себе. Я принят самым ласковым образом. Мне обещано не забывать и помнить меня. Сверх того я получил приказание (на бумаге) составить жизнеописание Митрополита Суражского (в Крыму, или на острове Тамань бывшего) Стефана, жившего в VIII веке. Источники для составления сего указаны, и, по данным мне наставлениям, должны быть заимствованы из Академической и Лаврской библиотеки. Дело важное, более по своим последствиям! С одной стороны награда, с другой — негодование — плод недоброжелательства и зависти. Но это еще далеко. Близки экзамены, которые требуют не того, чтобы развлекаться занятиями. И для того-то я располагаюсь приняться за постороннее после окончания учебного времени, которое последует 26-го июня. Теперь довольно будет и того, если успею сделать, чтобы обе библиотеки были мне отворены. Завтра схожу доложить об этом о. ректору, и о последствии не премину вас уведомить.

Извините меня, любезный братец, пред почтеннейшими родителями, что теперь не пишу к ним особого письма. Едва успеваю, это кончить, чтобы приниматься за философскую историю, за эстетику за... за...: ничего не хочется упустить. Праздники у нас были веселы: некоторая свобода, мысль, что пережили пост, взор на народные увеселения, слишком шумные и буйные придавали цену и достойное семи дням раздолье. Я здоров, благодаря Бога и креплюсь надеждою, благодаря Е. С. Чего же более? За здоровье ваше теперь и полакомиться мне можно. Чего же более?

Вы спрашиваете пишет ли мне по крайней мере Михайло Иванович? Отвечаю утвердительно, и признаюсь, в этот месяц я столько счастлив, что (по суждению древних), опасаясь на будущее время гнева Фортуны и Немезы*. Представьте, любезный братец, сколько удовольствия получить подарок от родителей, письма от вас, от брата Мих. Ив. и о. Венедикта — и все это получить почти вместе, почти вдруг! Счастье несравненное, наипаче после того, как я научился оценивать его по надлежащему.

* Фортуна — древнеримская богиня удачи и непредсказуемости судьбы, Немеза (Немесис или Немесида) — в древнегреческой мифологии богиня возмездия.

Примите, любезный братец, благодарность мою за присылку адреса князя Ал. Матв. Избрав время, постараюсь побывать у него. По всему видно можно, что Е. С. живет в столице довольно скромно.

Кланяются вам гг. Каспар Иванович Пач, Александр Федорович, Домбровский и г. Плоский. Первый — в медицинской академии, во 2 классе и притом в числе еминентов. Второй здоров, и был у меня на сих днях — бравый кадет, надеяться надобно, будет и бравым офицером.

Я забыл сказать, что хоть не пишу теперь к родителям, но обещаю посвятить им первый будущий досуг. Попросите их не беспокоиться и уверьте, что спокойствие их для меня драгоценнее, нежели беспокойство о моем состоянии. Бог милостив!

О новостях нечего говорить. Скажу только, что тариф, разрешающий ввоз заморских товаров, [подписан], и богатые — в том числе может быть и бедные ожидают дешевины, которая, впрочем, становится, некоторым образом, приятна.

Прошу кланяться помнящим меня в Гомеле и вне его. Прощайте! Будьте здоровы, веселы. Пишите, каково гостил у вас братец? Каково намереваетесь и вы гостить в столице? Что у вас доброго? и проч. и проч. Пишите все, чем надеетесь меня обрадовать, повеселить, или, по крайней мере, поинтересоваться, все пишите. Но пора мне перестать писать — полночь — все вокруг меня спит — прощайте! С искренним желанием вам всех благ именно честь быть вашим усердным слугою и братом И. Григорович.

Апр. 22. 1816

С. Петербург. Н. Лавра.

РГБ. Ф. 178. Карт. 1346. Ед. хр. 18, л. 7—8

5.

Любезный братец, Николай Иванович!

Хотя в последнем своем письме вы дали мне заметить намерение отправиться в Могилев: однако полагая что сие мое письмо найдет вас возвратившимся уже домой, я спешу поздравить вас, любезный братец, с счастливым окончанием путешествия.

Желательно знать, начали ли вы свое дело, и надежен ли предполагаемый успех? С своей стороны, удалось мне собрать, в свободное от занятий моих время, некоторые черты, имеющие предметом ваше намерение. С охотою их вам сообщаю. Я узнал от некоторых, знающих и опытных особ, что желающие поступить в военный эскадрон с тем, чтобы быть выпущенным по кавалерийской службе, должны наперед объявить известное количество постоянного годового дохода, и, как говорит, не менее 3 тысяч р. Второе, что выпуск равно как в других корпусах, производится по старшинству; следовательно иногда чрез два и три года считая от вступления в эскадрон.

Для сих обстоятельства, по мнению моему, весьма немаловажные, я изображаю вам, любезных братец, для того чтобы, в первом случае, вы могли

запастись каким-нибудь ответом, а в последнем проявили бы свое терпение, ибо в противном ожидания нашему обстоятельству, без довольного терпения, мы всегда готовы бываем проклинать самих себя, будучи принуждены покориться несносным законам необходимости. В этом примером поставьте хоть меня и подивитесь заранее сих обстоятельствах, управляющих нами, и снять надежды, заводящей нас часто в распутия и дебри.

Почтеннейший родитель во письме своем подал мне новый лестный опыт любви и попечений своих желанием пособить моим нуждам. А вам любезный братец, по великодушию своему, угодно было принять обязанность посредника. Таким образом, и родитель, и вы привели меня в некоторую возможность действовать сообразно их желанию и воле. Я должен открыть вам без притворства мое состояние. Оно, особенно теперь, жалко. Уже целую неделю я не выхожу из комнаты. Голова, зубы, грудь, в которых боль, кажется, идет периодически, много меня расстроили. Вам известно, столь слабо мое здоровье. Присоедините к сему множество занятий, грубую пищу: тогда вы будете иметь некоторое понятие о моем состоянии. Сверх того, самое свойство здешнего климата заставляет меня переправить нечто в платье. Мне хочется из летней шинели сделать зимнюю, то есть, на бумаге, и переверотить сюртук. Вот сии нужды в совокупности взятых, принуждают меня прибегнуть, чрез ваше посредство, к любви родителей.

Чувствуя, что я прошу излишнего после столь многих опытов их великодушных благодеяний. Но не может ли извинить меня то состояние, которое допустило меня жить в совершенной зависимости от помощи посторонней? Позвольте мне наконец, любезный братец, надеяться на вас, что вы исполните мою просьбу пред лицом родителей, и потом великодушное их пожертвование мне перешлете.

Какое впечатление произвело у всех наших мое предположение — расстаться, по прошествии нынешнего года с Академией? В об этом ни слова. А мне хотелось бы знать и ваши мысли и посредством их, угадывать мысли других. Пишите без закрытия. Откровенность — черта доброго дела. Приехал к вам его сиятельство? Кажется, давно пора. Надеются ли у вас видеть государя? Здесь носят слухи, что его величество из Москвы отправится в Смоленск, а там в Могилев и Киев.

Прощайте, любезный братец! Будьте здоровы и веселы более нежели ваш Невский страдалец. Поцелуйте у почтеннейших родителей руку. Кланяйтесь меня помнящим. Еще раз: прощайте, и извините пожалуйста за краткость и разбросанность. Голова кружится, рука лениво ходит по бумаге. Со всем усердием и братского любовью пребываю вашим преданнейшим слугою. И. Григорович.

П. П. записку вашу, чрез Петербургского жителя посланную 8-го Июля, я получил сегодня. Сегодня у вас праздник, ярмарка, хлопоты, гости. Мысленно переселяюсь к вам и стараюсь себя развеселить. Не забывайте

писать ко мне, и радовать меня более письмами своими и кучами новостей всяких, всяких. Прощайте!

Марфа Ивановна и супруг ее Николай Андреевич поручили мне свидетельствовать родителям их почтение. Только.

Санкт-Петербург

Сентября 14 дня 1816 года.

Невская Лавра.

РГБ. Ф. 178. Карт. 1346. Ед. хр. 18, л. 9—10

6.

Mon chere frere!

Спешу известить тебя, что казначей Валаамова монастыря, отец Арсений, уже около месяца тому назад, как уехал обратно в свой монастырь. Говорят, что он часто бывает здесь, в Лавре; но полагают также, что по причине поспешной худой дороге, ему нельзя скоро сюда приехать: ибо известно, что сей монастырь находится на острове. Скажи об этом Григорию Даниловичу, и извини меня перед ним в том, что не ему, собственно, я отвечаю: право, крайний недосуг! В нынешнем деле надобно сочетать две задачи.

По сему предмету я буду ожидать дальнейших приказаний его сиятельства. Впрочем, не думаю, чтобы они последовали прежде 25-го числа. А там я об этом лично могу донести графу.

Я забыл было сказать, что валамовские монахи останавливаются всегда в Лавре. И так, если о. Арсений опять приедет сюда я могу предложить ему желание его сиятельства видеть его: но прежде хотелось бы знать: нужен ли он для графа будет тогда и хотите ли мое предложение?

Кажется только! Прощай, братец; будь весел в ожидании праздника.

*Jibi totus**

21 декабря

1818

Академия

Его благородию Николаю Ивановичу г. Григоровичу, милостивому моему государю.

На Невском проспекте, противу Малой морской, в доме Таля, спросить в особенной канцелярии Министерства юстиции.

РГБ. Ф. 178. Карт. 1346. Ед. хр. 18, л. 11—12.

Архивизл наступил у редакцию 12.06.2025.

* На этом всё! (*лат.*).

И. В. Семяненко-Басин,
независимый исследователь,
доктор исторических наук;
e-mail: vivere.est@gmail.com

ИОАНН ГРИГОРОВИЧ О ПРОСЛАВЛЕНИИ СВЯТЫХ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Эпистолярный священнослужитель, археограф, историк, филолог Иоанна Григоровича (1792—1852) не только приоткрывает обстоятельства его личных взаимоотношений, но также вводит в круг научных идей ученого. В этом ценность публикуемого ниже письма И. И. Григоровича к генерал-губернатору Витебской, Могилевской и Смоленской губерний Н. Н. Хованскому от 12 июля 1830 г. Письмо представлено рукописью с пометкой «Копия» [22, л. 21—22]; документ хранится в фондах Национального исторического архива Беларуси (далее — НИАБ) и впервые вводится в научный оборот. Данное письмо не учтено в специализированных архивных справочниках, содержащих описание рукописного наследия И. И. Григоровича [10, с. 196—197; 12, с. 201, 494—497; 26].

Поводом для написания письма послужил запрос генерал-губернатора Н. Хованского, связанный с «велижским делом» (1823—1835 гг.), расследованием убийства трехлетнего мальчика в г. Велиже Витебской губернии [1]. Завершая работу над уголовным делом и пытаясь усилить аргументы обвинения, генерал-губернатор собирал сведения о шестилетнем мальчике Гаврииле (1684—1690), жертве убийства, чьи мощи почитались в Слуцке, в Свято-Троицком монастыре; ныне мученик Гавриил именуется Белостокским, Заблудовским или Слуцким [2, ч. 6, с. 149; 25]. 11 июля 1830 г. Н. Хованский направил запрос протоиерею Иоанну Григоровичу, которого он знал еще со времен разбора сотрудниками мецената Н. П. Румянцева старинных рукописей в архиве Мстиславля [14, с. 74—75]. Н. Хованского интересовало, в чей юрисдикции находились православные епархии Великого Княжества Литовского (далее — ВКЛ) в те времена, когда белорусско-украинские земли входили в состав Речи Посполитой, а также от кого тогда зависело открытие мощей святых, т. е. прославление человека в лике святых (текст письма Н. Хованского: [22, л. 20]). Генерал-губернатор не указал причину запроса, не раскрыл обстоятельства «велижского дела», не назвал имя мученика Гавриила, так что историк-археограф, скорее всего, никогда не узнал, по какому поводу он консультировал генерал-губернатора.

Оказавшись перед необходимостью составить историко-канонический очерк в сжатые сроки, И. Григорович ограничился книгами из домашней библиотеки. В ответном письме Н. Хованскому от 12 июля 1830 г. И. Григорович цитирует «Историю российской иерархии», составленную архимандритом (позднее — епископом) Амвросием (Орнатским; 1778—1827) при участии епископа (позднее — митрополита) Евгения (Болховитинова; 1767—1837) [2]. «Описание Киевософийского собора и киевской иерархии» митрополита Евге-

ния (Болховитинова) [8], «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина (1766—1826) [11]. К 1830 г. еще не существовало исследований канонизации святых в православной традиции. И хотя в последующие годы тематика восточнославянской агиографии как исторического источника активно разрабатывалась в науке, монографическое исследование канонизации святого как церковно-юридического института, написанное Е. Е. Голубинским, появилось лишь в 1894 г. (2-е, допол. изд. — 1903 г. [7]).

В соответствии с вопросом, заданным генерал-губернатором, И. Григорович начал свое письмо с рассуждения о киевской митрополичьей кафедре и юрисдикции Константинопольского патриарха на древнерусских землях. Как и последующие авторы, писавшие об институте канонизации, включая Е. Е. Голубинского, И. Григорович решал вопрос о прославлении святых, находясь «под влиянием стереотипов Синодальной эпохи, которые предусматривали властную санкцию в области различных проявлений духовной жизни» [20, с. 160]. Впрочем, не только с этим связано повышенное внимание И. Григоровича к юридическим правам патриаршей кафедры Константинополя на русские земли; тема эта характерна для православной письменности ВКЛ. Она занимала центральное место в полемике между православными и греко-католиками (униатами), развернувшейся после Брестской церковной унии 1595—1596 гг.; в частности, права константинопольской кафедры на русские земли обстоятельно обосновывал Захария Копыстенский в «Палинодии, или Книге обороны» (1621—1622) [21].

В тексте письма И. Григорович называет историей киевской иерархии аннотированный каталог православных киевских митрополитов, помещенный Евгением (Болховитиновым) в «Описании Киевософийского собора...». Кроме того, И. Григорович пользовался аналогичным каталогом митрополитов из первой части «Истории российской иерархии». При всей открытости Евгения (Болховитинова) польской науке и образованности, доказанной в исследовании М. Домбровской [27], митрополит Евгений последовательно проводил линию на утверждение православия в противовес католичеству, полемизируя при этом с польскими историками. Исследователи научного наследия Болховитинова показали, что «Описание Киевософийского собора...» написано во многом ради опровержения прокатолических интерпретаций истории Русской церкви, данных римско-католическими и греко-католическими (униатскими) авторами [4; 24, с. 200—202, 214—230]. «Описание Киевософийского собора...» должно было быть близко И. Григоровичу своим полемическим и апологетическим пафосом.

История киевской иерархии и концепция прав Константинополя послужили И. Григоровичу отправной точкой для рассуждения о прославлении новых святых: данный вопрос, как справедливо считал историк-археограф, Киевская митрополия решала самостоятельно, без прямого участия патриаршей кафедры. Отметим, что сегодня повествование на эту тему не обходится без хрестоматийного письма патриарха Константинопольского Иоанна XIV

Калеки к митрополиту Киевскому Феогносту (1339 г.) о канонизации местночтимых святых [7, с. 382—383; 23, стб. 11—14 третьей пагинации], в котором патриарх подтвердил право митрополита самостоятельно прославлять новых святых [7, с. 67]. Содержание этого важнейшего для древнерусской традиции памятника могло бы стать центральным аргументом И. Григоровича, но историк не обмолвился о нем, судя по всему, просто не знал его. Поскольку славянский перевод письма Иоанна XIV Калеки включен в «Книгу степенную», следует предположить, что в 1830 г. И. Григорович не был знаком с первым изданием «Книги степенной», выполненным в 1775 г. Г. Ф. Миллером (текст письма Иоанна XIV см.: [13, с. 421—422]). Греческий оригинал письма Иоанна XIV издан значительно позднее, в 1860 г., а русский перевод памятника впервые был опубликован А. С. Павловым в 1880 г. [7, с. 382].

Иллюстрируя идею прославления национальных святых без санкции Константинопольского патриарха, И. Григорович обратился к опыту московской митрополии XVI в. Историк сослался на постановление Поместного собора 1547 г., созванного митрополитом Макарием в Москве для упорядочения почитания русских святых, опираясь при этом на текст соборной грамоты, обнаруженный Н. Карамзиным в примечаниях к «Истории государства Российского» [11, с. 49 первой паг., 26—27 второй паг.]. Надо полагать, обширные примечания Н. Карамзина, явившиеся для своей эпохи самостоятельной археографической публикацией, должны были особенно интересовать И. Григоровича.

В заключительной части письма И. Григорович отметил неравномерную представленность восточнославянских святых в агиографической книжности. Среди святых белорусско-украинского региона, чьи имена на тот момент не были внесены в общероссийские четьи-минеи и святцы, И. Григорович выделил двоих — преподобномученика Афанасия Брестского (ок. 1595—1648) и преподобномученика Макария Овручского, Каневского (ок. 1596—1678). Год смерти Афанасия Брестского, расстрелянного польскими солдатами, И. Григорович указал согласно «Истории российской иерархии» [2, ч. 3, с. 457]. Дата смерти Макария Каневского (1653 г.), восходящая к первоначальному житию святого, заимствована И. Григоровичем отсюда же [2, ч. 3, с. 595]; ныне эта дата признается ошибочной [9]. На момент составления публикуемого письма верная дата смерти Макария (1678 г.) появилась в «Географическом словаре Российского государства» Л. М. Максимовича и А. М. Щекатова [15, стб. 949], но это издание, судя по всему, И. Григоровичу было неизвестно. Окончательно факт смерти Макария в 1678 г., принятый ныне в историографии, доказал М. А. Максимович в статьях, опубликованных в период с 1849 по 1865 г. [16; 17, с. 38; 18, с. 761—765; 19, т. 1, с. 532—536, 772; 19, т. 2, С. 316—319].

И. Григорович сообщает, что Макарий Каневский был убит «католиками за веру», обозначив тем самым параллелизм истории мученичества Макария Каневского и Афанасия Брестского. В действительности смерть архимандрита Макария наступила во время русско-турецких войн, именуемых в исто-

риографии Чигиринскими походами. В 1678 г. настоятель Каневского монастыря погиб в ходе разорения Канева отрядами турок, татар и казаков под командованием П. Я. Яненко-Хмельницкого, действовавших согласно приказу Юрия Хмельницкого, вассала Османской империи. Жителей города истребили за непризнание власти Юрия Хмельницкого, получившего титул князя от османского султана. Очевидно, что трагедия Канева никак не связана с конфессиональным противостоянием, имевшим место в Речи Посполитой после Брестской церковной унии. Впрочем, И. Григорович мог быть не осведомлен во всех хитросплетениях политики на украинских землях во второй половине XVII в., так что созданная им интерпретация фактов объясняется следующим образом. В 1640—1650-х гг. Макарий был настоятелем православных монастырей на территории современных Брестчины и Пинщины, в 1660-х гг. — настоятелем Успенского Овручского монастыря на северо-востоке Волыни, и на протяжении десятилетий последовательно сопротивлялся переводу обителей в юрисдикцию греко-католической (униатской) церкви. И. Григорович ассоциативно связал мученичество Макария, имевшее место в 1678 г., с его продолжительным участием в конфессиональной борьбе.

Позднее историк-археограф включил пассаж о преподобномучениках Афанасии и Макарии в текст своего комментария к первой части собрания сочинений Георгия Конисского. В речи, произнесенной святителем Георгием 10 марта 1773 г. в присутствии Екатерины II по случаю первого раздела Речи Посполитой, оратор вспоминал пролитую кровь жертв конфессиональной розни в польско-литовском государстве. К словам о крови исповедников веры И. Григорович сделал примечание издателя: «Сочинитель указывает здесь на то, что православные во время непрерывных и долговременных гонений за веру, бывших в Литве и Польше, от католиков и униатов претерпевали страдания не менее тех, коим подвергаемы были христиане первых веков. И здесь весьма многие запечатлели веру отцов своих мученическою кончиною. Из множества сих новых исповедников довольно будет наименовать Макария, архимандрита Овручского, и Афанасия, игумена Брестского, кои оба убиты за православную веру католиками, в 1648 и 1653 г., и прославлены от Бога неглением тела. См. Ист[ория] рос[сийской] иерархии, III, [с.] 457 и 595» [5, с. 292].

Складывается впечатление, что в 1830 г. при написании письма И. Григорович использовал свои черновые заметки, готовившиеся для двухтомника Георгия Конисского, причем в двухтомнике 1835 г. в тексте комментария, по сравнению с письмом, имена Афанасия и Макария поменяли местами. В 1861 г. во втором издании собрания сочинений Конисского тот же комментарий повторен без изменений [6, с. 289]. Интересно, что этот комментарий И. Григоровича к речи Конисского охотно использовали в компилятивных сочинениях. В 1836 г. слова Григоровича о Макарии и Афанасии без указания источника Ф. С. Шимкевич (1802—1843) перенес в текст своего проекта описания живого или изустного наречия «литовской Руси» [3, с. 130].

В 1830 г., когда И. Григорович составлял ответ на запрос генерал-губернатора, невозможно было обратиться к какому-либо сочинению на латинском, польском или русском языке об институте канонизации святых в православной общине ВКЛ. Это не помешало Григоровичу практически на пустом месте создать набросок церковно-юридического сочинения по данной теме; ее дальнейшей разработкой довелось заниматься уже следующим поколениям историков. Отвечая Н. Н. Хованскому, И. Григорович создал своего рода микроисследование, занимающее, пусть, скромное, но достойное место в его научном наследии. Далее документ публикуется по современным правилам орфографии и пунктуации. В тексте письма употреблен глагол «иставити» — архаичная форма глагола «установить».

Приложение

1830 г., 12 июля — Письмо протоиерея Иоанна Григоровича генерал-губернатору Витебской, Могилевской и Смоленской губерний Н. Н. Хованскому.

Ваше Сиятельство,
Милостивый Государь!

В письме от 11-го июля за № 101-м, которым угодно было удостоить меня, предложены мне два вопроса: во время пребывания Киева под властью Польши, в чьем ведении находились церкви, существовавшие в сем королевстве, православной веры? и каким образом совершалось, и от кого зависело изыскание и признание мощей святых?

Вразрешение сих вопросов, важных и любопытных, честь имею донести Вашему Сиятельству, что после разделения Всероссийской митрополии с 1415 до 1621 года митрополия Киевская, по причине утеснений поляков и литовцев, не много имела первосвященителей православных, но чаще таких, кои преклонялись к унии. Уже с 1621 г. Цареградские патриархи, сожалея о таком лишении пастырей, стали посвящать на оную православных митрополитов, которые вместе с тем имели титул и екзархов их. Сие продолжалось до 1685 г., а с того времени, с согласия восточных патриархов, они снова присоединены к иерархии российской (см. Ист[ория] рос[сийской] иерар[архии], I, [с.] 17, к Ист[ории] киевск[ой] иерар[архии], стр. 197 и след.). Во время владычества польских королей над Киевом тамошние митрополиты по большей части избираемы были православным духовенством и дворянством и, с утверждения королей или без оного, посылались для посвящения в Константинополь, или оттуда получали благословение на сей сан, как потом сей обычай и грамотою короля Владыслава IV-го 1632 г. ноября 1-го утвержден (см. Ист[ория] киев[ской] иерар[архии], стр. 169). Но в 1686-м г. Гедзон, первый из Киевских митрополитов, посвящен был в Москве патриархом Иоакимом (см. там же, стр. 198). По сим обстоятельствам, во время польского владения, церкви Киевская и Литовская, состоя под верховною властью патриарха Цареградского и особого митрополита, конечно, должны были к ним относиться во всех важнейших случа-

ях. Но что касается до изыскания и признания мощей св. угодников, нельзя думать, чтобы в киевской иерархии производилось сие в тогдашнее время непременно с утверждения патриаршего. Без сомнения, митрополит и сам, по определению собора, мог совершить то и другое. Пример сего, но при том один только, находим в 1547 г., когда Московский митрополит Макарий иставил службы и празднества нескольким (21) новым Русским Чудотворцам (см. Ист[ория] Карамз[ина], IX, [с.] 49, прим. 187 по втор[ому] изданию).

К сим немногим сведениям нужным считаю добавить, что в числе русских святых мужей есть и такие, коих мощи хотя и нетленны более уже столетия, и почивают открыто, а не под спудом, но они не включены ни в Четьи-Минеи, ни в святцы. Сюда должно отнести некоторых, в Литве явившихся, Афанасия игумена Брестского и Макария архимандрита Овручского, убиенных католиками за веру в 1648 и 1653 г. (см. Ист[ория] росси[йской] иерарх[ии], III, [с.] 457 и 595) и других.

С чу[в]ствованиями отличного высокопочитания и преданности, имею счастье быть Вашего Сиятельства всепокорнейшим слугою и усердным Богомольцем. Подлинное подписал —

Протоиерей Иоанн Григорович

12 июля 1830, Витебск

НИАБ. — Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5108. Л. 21—22. Рукопись. На л. 21 по верхнему краю приписка: «№ 146. 12 июля 1830. Копия».

Источники и литература

1. Аврутин, Е. Велижское дело: Ритуальное убийство в одном русском городе / Е. Аврутин. — Пер. с англ. — Бостон, СПб.: Academic Studies Press, 2020. — 238 с. — (Серия «Современная западная русистика» / «Contemporary Western Rusistika»).
2. Амвросий [Ориатский], архим. История российской иерархии: в 6 ч. / Амвросий (Ориатский). — М.: Синодальная тип., 1807—1815. — 6 ч.
3. Аскоченский, В. История Киевской духовной академии, по преобразовании ее в 1819 году / В. Аскоченский. — СПб.: Тип. Э. Веймара, 1863. — 282 с.
4. Бойчур, М. Наукова полеміка митрополита Євгенія з католицькими істориками / М. Бойчур // Церква — наука — суспільство: питання взаємодії: матеріали пістнадцятої Міжнар. наук. конф. (29 травня — 2 червня 2018 р.) / ред. О. В. Рудик; Нац. Києво-Печерський іст.-культ. заповідник, Центр археології Києва Ін-ту археології НАН України, Центр пам'яткознавства НАН України, Центр. держ. іст. архів України. — Київ: НКПІКЗ, 2018. — С. 98—101.
5. Георгий Конисский, архиеп. Собрание сочинений: в 2 ч. / Георгий (Конисский). — СПб.: Тип. Имп. Росс. акад., 1835. — Ч. 1. — 294 с.
6. Георгий Конисский, архиеп. Собрание сочинений: в 2 ч. / Георгий (Конисский). — 2-е изд., доп. — СПб.: Тип. Э. Веймара, 1861. — Ч. 1. — 291 с.
7. Голубинский, Е. История канонизации святых в русской церкви / Е. Голубинский. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1903. — 600 с.
8. [Евгений (Болховитинов), митр.]. Описание Киевософийскаго собора и киевской иерархии: С присовокуплением разных граммат и выписок, объясняющих оное, так-

- же п'янов и фасадов константинопольской и киевской Софийской церкви и Ярославова надгробия / Евгений (Болховитинов). — Киев : Тип. Киево-Печерской лавры, 1825. — 291 с.
9. Злотникова, И. В. Макарий / И. В. Злотникова // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Кирилла. — М. : Православная энцикл., 2016. — Т. 42. — С. 476—479.
 10. Иванова, В. Асабістыя архівы Беларусі канца XVIII — пач. XXI ст. / В. Иванова. — Мінск : Зміцер Колас, 2014. — 404 с.
 11. Карамзин, Н. М. История государства Российского : в 12 т. / Н. М. Карамзин. — 2-е изд., испр. — СПб. : Тип. Н. Греча, 1821. — Т. 9. — 472, 298 с.
 12. Каталог личных архивных фондов отечественных историков : Вып. 2 (первая половина XIX века) / РАН, Археографическая комиссия ; сост.: Т. В. Медведова, М. П. Мироненко ; отв. ред. С. О. Шмидт. — М. : РОССПЭН, 2007. — 718 с.
 13. Книга степенная царского родословия, содержащая историю российскую с начала оных до времен государя царя и великого князя Иоанна Васильевича, сочиненная трудами преосвященных митрополитов Киприана и Макария / ред.: Г. Ф. Митлер. — М. : Ун-тская тип., 1775. — Ч. 1. — 580 с.
 14. Козлов, В. П. Колумбы российских древностей / В. П. Козлов. — М. : Наука, 1981. — 168 с. — (Серия «Страницы истории нашей Родины»).
 15. Максимович, Л. М. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем онаго виде : в 7 ч. / Л. М. Максимович, А. М. Щекатов. — М. : Ун-тская тип., 1801. — Ч. 1. — 1366 стб.
 16. Максимович, М. А. Биографическое примечание о преподобном архимандрите Макарии Токаревском / М. А. Максимович // Полтавские епархиальные ведомости. — 1865. — № 19. Часть неофициальная. — С. 211—216.
 17. Максимович, М. А. Бубновская сотня / М. А. Максимович // Журнал Министерства внутренних дел. — 1849. — Ч. 26. — С. 26—68.
 18. Максимович, М. А. Воспоминание о стародавнем монастыре Каневском / М. А. Максимович // Киевские епархиальные ведомости. — 1864. — № 24. — С. 757—765.
 19. Максимович, М. А. Собрание сочинений : в 2 т. / М. А. Максимович. — Киев : Тип. М. П. Фрица, 1876. — 2 т.
 20. Мусин, А. Соборы митрополита Макария 1547—1549 гг. и проблема авторитета в культуре XVI в. / А. Мусин // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век / РАН, Науч. совет по истории мировой культуры ; Гос. ин-т искусствоведения ; редкол.: А. Л. Баталов (отв. ред.) и др. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — С. 146—165.
 21. Неменский, О. Б. Русь и Константинополь в западнорусской полемической литературе после Брестской церковной унии 1596 г. / О. Б. Неменский // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. — 2010. — № 5. — С. 14—23.
 22. НИАБ. — Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5108.
 23. Памятники древнерусского канонического права : Ч. 1 (памятники XI—XV вв.) / ред. А. С. Павлов. — 2-е изд. — СПб. : тип. М. А. Александрова, 1908. — 1466 с. и стб. разд. паг. — (Русская историческая библиотека, изданная Императорского Археографического комиссией. Т. 6).
 24. Полетаев, Н. Труды митрополита Киевского Евгения Болховитинова по истории Русской церкви / Н. Полетаев. — Казань : Ун-тская тип., 1889. — 592 с.

25. Харкевич, Я. Гавриил / Я. Харкевич, В. Н. Черепица, А. В. Шепко // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Алексия II. — М. : Православная энцикл., 2005. — Т. 10. — С. 200—202.
26. Пчавінская, Л. Архіў беларускага вучонага ў маскоўскіх зборах / Л. Пчавінская // Вяртанне-2 : зб. арт. і дак. / Бел. фонд культуры ; Дзярж. інспекцыя Рэспублікі Беларусь па ахове гіст.-культ. спадчыны ; Камітэт па арх. і справ. ; склад.: А. Тоўсцік, М. Яніцкая. — Мінск, 1994. — С. 103—105.
27. Dąbrowska, M. Ze studiów nad rosyjsko-polskimi związkami naukowymi, kulturalnymi i literackimi początku XIX wieku (wokół korespondencji Jewfimija Bolchowitinowa z Wasilijem Anastasiewiczem) / M. Dąbrowska // W kręgu problemów antropologii literatury : antropologia codzienności : studia / red. W. Supy. — Białystok : Wyd-wo Uniwersytetu w Białymstoku, 2013. — S. 71—87.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 29.08.2025.

В. С. Пазднякоў,
загадчык аддзела археаграфіі
Беларускага навукова-даследчага інстытута
дакументазнаўства і архіўнай справы,
кандыдат гістарычных навук;
e-mail: vpmiensk@gmail.com

МАТЭРЫЯЛЫ ДА ГІСТОРЫІ АРХІВАЎ БЕЛАРУСІ

Ч. 3. ПІНСКІ ПАВЕТ (XVI — ПАЧАТАК XVII ст.)

Найбольш вестак аб архівах, што захоўваліся ў XVI — пачатку XVII ст. у Пінскім павеце, датычацца архіўных збораў экзарха, епіскапа луцкага і астрожскага Кірылы Тарлецака; гэтыя звесткі апублікаваны [1]. Безумоўна, архівамі валодалі цэрквы і манастыры Пінска, а таксама Пінскі кляштар францысканцаў. Як і ў іншых паветах, архівы збіраліся мясцовымі судовымі ўстановамі — судамі замкавым, земскім, гродскім. Аднак сам факт існавання такіх архіваў часта не суправаджаўся канкрэтнымі звесткамі аб іх. Тым не менш, некаторыя даныя захаваліся.

Архіў Пінскага Лешчанскага манастыра (дакументы № 1, 2)

Адным са старажытных манастыроў паўднёвай Беларусі быў Лешчанскі манастыр пад Пінскам. Час яго заснавання невядомы.

У канцы XIX ст. пры царкве манастыра (ужо зчыненага) захоўваўся архіў — 20 звязак, якія налічвалі да 800 дакументаў («на западно-руском, польском, латинском и русском имперском языках») [2, с. 5]. На той час злішчэ існаваў стары вопіс манастырскіх дакументаў пачатку XIX ст., у якім была адзначана грамата манастыру ад пінскага князя Юрыя Нарымунтавіча (памёр пасля 1398 г.). Аднак такая старажытная грамата адсутнічае ў рээстрах манастырскага архіва за 1588 г. і 1595 г. Відаць, гэта быў фальсіфікат XVII—XVIII стст. У канцы XIX ст. «грамата» Юрыя Нарымунтавіча ў манастырскім архіве адсутнічала, а самыя старажытныя граматы пачатку XVI ст. існавалі толькі ў копіях.

У 1909 г. Д. І. Даўгяля апублікаваў інвентар Лешчанскага манастыра 1588 г., які быў запісаны ў актавую кнігу Пінскага гродскага суда за 1650 г. (кніга № 13004 Віленскага цэнтральнага архіва старажытных актавых кніг; цяпер лічыцца страчанай) [3]. У інвентар быў уключаны пералік важных дакументаў, якія належалі манастыру. Відаць, гэта была галоўная частка манастырскага архіва. Публікуючы рээстр дакументаў з інвентара 1588 г., Д. І. Даўгяля раскрыў змест некаторых з іх з указаннем на ранейшыя публікацыі.

Першым у рээстры 1588 г. названы прывілей удавы князя Фёдара Іванавіча Яраславіча княгіні Алены Сямёнаўны Аделякаўны, якім яна запісала на манастыр зямлю ў Вольвічах. Тэкст ліста надрукаваны ў 1867 г. [4, с. 130—131, 296], дакумент датуецца 25 сакавіка 1518 г.

Другім у рээстры названы прывілей князя Ф. І. Яраславіча на востраў насупраць манастыра. Бліжэй гэты дакумент невядомы.

Трєцім названы прывілей князя Ф. І. Ярославіча манастыру на дрэва для будавання і дроў. Бліжэй дакумент невядомы.

Чацвёрты прывілей быў выдадзены князя Ф. І. Ярославічам і княгіняй Аленай на кожнага дзясятага асятра. Дакумент надрукаваны ў 1867 г. [4, с. 295], датуецца 21 красавіка 1503 г. Разам з тым у манастырскім архіве захоўвалася пацвярджэнне ад падскарбія земскага ВКЛ Лаўрына Войны. Бліжэй дакумент невядомы.

Пяты дакумент — прывілей князя Ф. І. Ярославіча на зямлю ў сяле Сухім і на права рыбнай лоўлі. Дакумент надрукаваны ў 1867 г. [4, с. 131—132], яго дата не захавалася.

Шосты дакумент — прывілей князя Ф. І. Ярославіча манастыру на пяць азёр. Дакумент надрукаваны ў 1867 г. [4, с. 129—130, 295], датуецца 25 сакавіка 1520 г.

Пад сёмым нумарам у рэестры значыцца судовая справа адносна сяла Аўсямерава (цяпер в. Аўсямірава ў Столінскім р-не Брэсцкай вобл.), 18 лістоў і запіс у Евангеллі. Апошні выраз сведчыць пра тое, што ў манастырскім архіве знаходзілася выписка з Евангелля, у якой быў запіс адносна Аўсямерава. Евангелле захавалася да нашага часу, запіс неаднойчы публікаваўся [5; 6]. Аўсямерава («Семерова») вядома з сярэдзіны XV ст., калі належала панам Веляціцкім [7]. У 1505/06 г. два дварышчы гэтага сяла Андрэй (Багдан) Васільеў Веляціцкі перадаў Лешчанскаму манастыру, аб чым быў зроблены запіс у Евангеллі. Пачынаючы з 1547 г. за гэтую зямлю вялі спрэчкі пінскія зямляне, а ў 1580 г. разгарэлася судовая спрэчка паміж лешчанскім архімандрытам Антоніем і нашчадкамі Багдана Веляціцкага, некаторыя матэрыялы якой захаваліся [5, с. 206—219].

Пад восьмым нумарам у рэестры значыцца судовая справа адносна сёл Любель і Сушыцк. Вядома, што ў 1560-я гг. манастырскія землі межавалі цараспалосна з землямі Любельскага маёнтка пана Войны Матфеевіча. Гэта параджала «немалые ростырки и незгоды». У 1569 г. бакі прыйшлі да згоды і абмянялі некаторыя памежныя землі. Пры гэтым землі сяла Сушыцк Любельскага маёнтка адышлі манастыру. Вялікі князь Жыгімонт Аўгуст зацвердзіў угоду 24 лістапада 1569 г. [8, арк. 348—349].

Дзявятай названа судовая справа з пані Полазавай адносна нівы. Бліжэй справа невядома.

Дзясятымі названы нейкія лісты на бор у сяле Сухім.

Адзінаццатым значыцца судовы пергамінавы ліст князя Ф. І. Ярославіча аб землях каля мястэчка Моталь.

Дванаццаты — судовы пергамінавы ліст князя Ф. І. Ярославіча, згодна з якім манастырскія людзі Патапаўцы мелі права араць зямлю ў Лешкавічах.

Трынаццаты — пергамінавы ліст князя Ф. І. Ярославіча і княгіні Алены манастыру на ворную зямлю паміж Лешчам і Сяльцом. Дакумент надрукаваны ў 1867 г. [4, с. 294], датуецца 29 мая 1514 г.

Чатырнаццатым значыцца пергамінавы ліст князя Ф. І. Яраславіча на востраў Глінак, бортнае дрэва і шэсць вёдраў мёду.

Далей адзначаны два лісты яечнінскія (змест іх у рээстры не раскрыты) і агулам — іншыя розныя патрэбныя справы. Аднак пасля гэтага складальнікі рээстра палічылі патрэбным асобна назваць гаспадарскі ліст на перавоз цераз р. Стыр у Вольвічах (цяпер в. Вуйвічы Пінскага р-на Брэсцкай вобл.).

У 1900 г. А. І. Мілавідаў апублікаваў некалькі дакументаў з архіва, які на той час захоўваўся ў царкве былога Лешчанскага манастыра. Там, між іншым, быў інвентар манастыра, складзены 17 кастрычніка 1595 г. каралеўскім дваранінам Міхаілам Шаставіцкім. Нагодай паслужыла перадача манастыра Аляксандру Плецянешкаму пасля смерці Лявонція Пятчышкага, епіскапа пінскага і архімандрыта лешчанскага. Апублікаваны А. Мілавідавым інвентар быў, відаць, арыгіналам. Дзе ён цяпер, невядома, як і іншыя дакументы з манастырскага архіва. Якасць публікацыі нізкая. А. Мілавідаў шмат слоў не зразумеў і сказіў тэкст пры друкаванні. Да таго ён пакінуў у шматлікіх месцах інвентара пазнакі «есть» і «нетъ». Відаць, у некаторым часе пасля складання інвентара нехта праводзіў зверку маёмасці і ставіў у рукапісе такія пазнакі адносна некаторых рэчаў. Пры выданні інвентара гэтыя словы трэба было неяк вылучаць. У нашай публікацыі яны ўзяты ў квадратныя дужкі. Відавочныя памылкі тэксту з публікацыі 1900 г. намі выпраўлены без дадатковых тлумачэнняў.

Інвентар 1595 г. утрымлівае пералік дакументаў з манастырскага архіва, але, як і рээстр 1588 г., не вельмі падрабязны.

На першым месцы ў рээстры 1595 г. знаходзіцца пергамінавы прывілей князя Ф. І. Яраславіча (у публікацыі — «Ярослава», як і ў іншых выпадках). Гэта, відаць, дакумент № 13 з рээстра 1588 г.

На другім месцы — пергамінавы прывілей на дворышча сяла Сухога. Адпаведны дакумент № 5 з рээстра 1588 г.

На трэцім месцы знаходзіцца прывілей на вольны вываз дроў (дакумент № 3 з рээстра 1588 г.).

Чацвёртым названы пергамінавы прывілей на землі пры Моталі (дакумент № 11 з рээстра 1588 г.).

Пяты — пергамінавы прывілей на Сушыцк (дакумент № 8 з рээстра 1588 г.).

Шосты — пергамінавы прывілей князя Ф. І. Яраславіча на дзясятага асятра (дакумент № 4 з рээстра 1588 г.).

Сёмы — пергамінавы прывілей на возера Мотальскае (дакумент № 6 з рээстра 1588 г.).

Восьмы — пергамінавы прывілей архімандрыта Антонія («Антонуя»). Магчыма, маецца на ўвазе прывілей вялікага князя і караля Жыгімонта Аўгуста ад 8 снежня 1557 г., якім Антонію дадзены Лешчанскі манастыр [5, с. 213].

Дзявяты — пергамінавы судовы ліст князя Ф. І. Яраславіча адносна астравоў пад манастыром (дакумент № 2 ці № 12 з рээстра 1588 г.).

Дзясяты — пергамінавы ліст на дворышча Вольвіцкае (дакумент № 1 з рээстра 1588 г.).

На гэтым заканчваецца пералік асобных прывілеяў і лістоў. Пасля гэтага рэстр 1595 г. пераходзіць да пераліку звязак дакументаў (фасцыкул).

Адзінаццатай значыцца фасцыкула з лістамі на розныя рэчы, азёры, бары, перавоз, рыбу. Пэўна, маецца на ўвазе перавоз цераз Стыр у Вольвічах (дакумент № 16 з рээстра 1588 г.).

Дванаццатая — фасцыкула з дакументамі адносна двара Ечанскага (дакументы № 15 з рээстра 1588 г.).

Трынаццатай была фасцыкула з судовай справай адносна Аўсямерава (дакументы № 7 з рээстра 1588 г.).

Наступныя фасцыкулы датычыліся розных судовых спраў, збору дзяржаўных падаткаў (сярэбшчыны).

Названы, між іншым, рэстр маёмасці манастыра (інвентар) пры яго перадачы «Буховіцу» (№ 17). Маецца на ўвазе зямлянін Ануфрый Паўлавіч Быхавец, які быў архімандрытам лешчанскім, прынамсі, у пачатку 1557 г. [9, с. 27].

Аналагічны інвентар (№ 26) быў складзены пры перадачы манастыра «отцу Леонтыю», гэта значыць, Лявонцію Пялчышкаму, епіскапу пінскаму. Кароль польскі і вялікі князь літоўскі Жыгімонт III выдаў яму прывілей на манастыр 5 снежня 1588 г. [10, с. 10—11]. Інвентар манастыра 1588 г. апублікаваў Д. І. Даўгяла ў 1908 г. [11].

Вопісы дакументаў Лешчанскага манастыра за XVII ст. не выяўлены. Тэксты некаторых захаваўшыхся дакументаў манастыра XVI і XVII стст. надрукаваны [2; 4; 5; 6].

Архіў Пінскага гродскага суда (дакументы № 3, 4)

Уночы з 14 на 15 ліпеня 1619 г. у Пінску адбыўся вялікі пажар. Ён пачаўся з дому Зраеля Еліяневіча на Жыдоўскай вуліцы, ахапіў суседнія дамы і цэрквы, а пасля перакінуўся на замак. У выніку Пінскі замак згарэў. Як паведамляў Раман Ельскі, войскі пінскі і пісар правентовы Пінскага замка, у польмі згарэлі амаль усе кнігі Пінскага гродскага суда. Таксама згарэлі чатыры рэвізорскія кнігі Яна Гарэцкага і Яна Духноўскага, кніга Лаўрына Войны, кнігі князя Яраславіча, Тышкевіча, Совіна і іншых пінскіх ураднікаў. Сярод загінутых дакументаў былі асабістыя дакументы князя (маецца на ўвазе пінскі стараста Юрый Збаражскі) і самога Рамана Ельскага. Разгледзім страты.

«Книги кгородские погорели», але, як адзначае Ельскі, «барзо их мало выраповат(ь) могли», гэта значыць, нешта ўрапавалі. Між тым, у 1632 г. адбылася цырымонія перадачы актавых кніг пінскага гродскага суда новаму пінскаму старасце — князю Альбрэхту Станіславу Радзівілу. Быў складзены рэстр кніг, дзе пазначаны амаль усе кнігі, пачынаючы з 1522 г. Не хапала кніг за

1523—1536, 1549—1557, 1564, 1567—1568, 1577, 1584—1585, 1587 гг. Пэўна, гэта тыя кнігі, што згарэлі ў 1619 г. (гл. дакумент № 4).

«Чатыры рэвізорскія кнігі Яна Гарэцкага і Яна Духноўскага» — гэта пінскі «Рэстр памеры зямель на валокі», складзены па загадзе пінскага старасты Станіслава Хвальчэўскага. Валочную памеру праводзілі Ян Гарэцкі і два мернікі — Ян Дубоўскі і Богущ Міхновіч у 1552—1555 гг. Адзін з некалькіх арыгіналаў «Рэстра» захоўваўся ў пінскім падкаморскім судзе і быў апублікаваны ў 1884 г. Віленскай археографічнай камісіяй [12]. Чаму Ельскі ўпамінае чатыры рэвізорскія кнігі? Відаць, той экзэмпляр «Рэстра», які згарэў у Пінскім замку, быў падзелены на чатыры часткі.

«Кніга Лаўрына Войны» — гэта наступны рэстр валочнай памеры, праведзенай на Піншчыне ў 1561—1566 гг. Адзін з захаваных экзэмпляраў паслужыў асновай для выдання ў 1874 г. [13; 14].

«Кнігі князя Яраславіча» пазначаюць, безумоўна, тыя судовыя кнігі, якія вяліся ў Пінскім замку падчас валадарання князя Івана Васілевіча Яраславіча ў 1501—1520/02 гг.

«Кнігі ... пана Тышкевіча, пана Совіны і іншых ураднікаў» — гэта судовыя кнігі пінскіх падстарастаў. Мацвей Іванавіч Тышковіч быў падстарастам у 1570 г. У 1560-х гг. у Пінскім старостве дзейнічалі два ўраднікі з прозвішчам Сава. Сямён Іванавіч Сава быў пінскім падстарастам у 1561—1562 гг., памёр у 1562 г. Яго брат Іван Іванавіч Сава пераняў пасаду пінскага падстарасты, якую займаў у 1562 г., 1564—1565 гг. [15, s. 275].

«Розныя справы на іменье Папіну, куплі яго княжацкай міласці» датычылі маёнтка Папіна князя Юрыя Збаражскага. Такая мясцовасць вядома на Піншчыне з 1552 г. [13, с. 272].

«Справы на маёнткі Цяцерынскія і Забярэзінскія» датычылі мястэчка Цяцерына ў Аршанскім павеце і мястэчка Забярэззе ў Ашмянскім павеце — уладанні князеў Збаражскіх.

«Справы камісійныя гарадзенскія і лагішынскія» датычылі зямельных меж мястэчак Пінскага павета — Гарадной (?) і Лагішына.

«Інвентар перадачы князю яго міласці староства Пінскага» быў складзены пры перадачы Пінскага староства князя Юрыя Збаражскаму ў 1590 г. Бліжэй інвентар невядомы.

Упамінаюцца таксама разнастайныя адміністрацыйныя, судовыя і фінансавыя дакументы, датычныя Пінскага староства.

Згарэлі таксама прыватныя дакументы Рамана Ельскага. Яны датычылі маёнтка Харошкаўскага (Харашэвічы) у Ваўкавыскім павеце, маёнткаў Муткавічы і Новы Двор у Пінскім павеце, якія ён купіў у пана харужага (прозвішча не названа). Ельскі ўпамінае і «прывілей на ўрад, войскаўства пінскае». Жыгімонт III выдаў прывілей Раману Ельскаму на ўрад войскага пінскага 26 студзеня 1616 г. [16, арк. 196 адв.—197]. Згарэў прывілей на Маладзільчыцы — вёску ў Пінскім старостве.

Сярод іншага згарэлі дакументы паноў Дастаеўскіх, датычныя маёнткаў Дастоева, Ляхавічы, Навошычы, Застружка. Згарэла вялікая звязка дакументаў («фастыкул немаль») пана Ляшнеўскага, старасты раціборскага, на маёнтак Адрыжын у Пінскім павеце, а таксама «запісы» яго сына пана Бурэмскага. Разабрацца ў такім дзіўным радаводзе дапамагаюць іншыя дакументы. У сярэдзіне XVI ст. сяло Адрыжын належала князям Дзмітрыю Бурэмскаму, Міхайлу Курцэвічу і іншым асобам [4, с. 96; 12, с. 132]. У пачатку XVII ст., як адзначае Ю. Вольф, адзін з сыноў ці ўнукаў князя Дзмітрыя Бурэмскага быў жанаты з Марыяй Лашчаўнай Абрацівораўнай, якая, стаўшы ўдавой, выйшла замуж за Мацея Ляснеўскага, старасту раціборскага, з якім мела сына «Андрэя пана на Бурэмлю» [17, с. 16].

Акрамя дакументаў, у час пажару ў Пінскім замку загінула шмат іншай маёмасці.

У 1632 г. быў складзены перадатачны рээстр захаваўшыхся актавых кніг Пінскага гродскага суда. У рээстры занатавана 68 актавых кніг за 1522—1631 гг. Ніводная з гэтых кніг не дайшла да нашага часу. Актавыя кнігі пачалі весці ў 1522 г., калі згас род мясцовых князёў Яраславічаў і замест Пінскага княства было ўтворана Пінскае староства. Для кожнай кнігі ўказаны гады, якія яна ахоплівае, які стараста і які пісар яе вялі. Першая кніга адносілася да 1522 г., калі пінскім старастам быў Іван Міхайлавіч Харэвіч (пісар не названы). Другая кніга ахоплівала 1537—1542 гг., стараста і пісар не названы. Шостая кніга ахоплівала 1560—1563 гг., старастам быў Станіслаў Фальчэўскі (Хвальчэўскі), пісарам — Іван Цыпля. Пачынаючы з гэтай кнігі, у рээстры сістэматычна названы пісары гродскага суда. Апошняя, 68-я кніга, адносілася да 1631 г., калі старастам быў князь Юрый Збаражскі, кашталян кракаўскі, а пісарам — Якуб Ялец.

Перадача актавых кніг адбылася 9 лютага 1632 г. З якой нагоды гэта адбылося, у рээстры не паведамляецца. Аднак вядома, што 4 ліпеня 1631 г. памёр пінскі стараста князь Юрый Збаражскі, а новым старастам 20 жніўня 1631 г. быў прызначаны князь Альбрэхт Станіслаў Радзівіл. 20 студзеня 1632 г. адбыўся ўрачысты ўезд Радзівіла на пасаду ў Пінск [18, с. 101]. Новы пінскі стараста прызначыў свайго пісара. 28 лютага 1632 г. ім стаў Мікалай Падолец [15, с. 254]. У ходзе гэтых транзакцый і аб'яўся складанне рээстра актавых кніг. Як вынікаяе з дакумента, кнігі аддаваў Якуб Ялец, на той момант былы пінскі гродскі пісар, і Бенядыкт Высоцкі, падпісак. Атрымальнікамі выступалі каралеўскі сакратар Якуб Агразінскі, пінскі падстараста (з намінацыі ад Радзівіла) Мікалай Кунцэвіч, пінскія шляхціцы Ян Гарайн і Ян Пласкавіцкі.

Значна пазней, а менавіта 18 студзеня 1652 г., рээстр 1632 г. быў унесены ў актавую кнігу Пінскага земскага суда. Пэўна, гэта сведчыць, што на той час пералічаныя ў рээстры актавыя кнігі ўжо не існавалі, а былі знішчаны ў ходзе вайны з казакамі ў 1648—1649 гг. і 1660 г.

Архіў магдэбургскага горада Пінска (дакумент № 5)

У 1635 г. на каралеўскім асэсарскім судзе ў Варшаве завяршылася працяглая спрэчка магдэбургскага горада Пінска са шляхціцам Рыгорам Гаўрылавічам Карповічам. Той набыў у Пінску пляц зямлі, засяліў яго сваімі мяшчанамі і забараніў ім выплочваць гарадскія падаткі на ратушу. Адстойваючы свае правы на падаткі з мяшчан шляхецкай юрыдыкі, магдэбургскія пінскія ўраднікі прадставілі ў судзе некаторыя дакументы. На гэтай падставе можна меркаваць пра тое, што захоўвалася ў гарадскім архіве.

Па-першае, гараджане паказалі ў судзе «розные права, привилея, одь продьковъ нашихъ светобливое памети королей ихъ м(и)л(о)сти пол(ь)скихъ и насъ смышъ месту Пиньскому на вольности права майдебургского наданые».

Па-другое, быў прад'яўлены экстракт з адной кнігі, што захоўвалася ў скарбе ВКЛ (пры гэтым упамянута метрыка скарбу ВКЛ). Кніга была складзена падчас рэвізіі Лаўрынам Войнам, старастам пінскім і падскарбіем ВКЛ, а выпіс датаваны 1594 г. Пэўна, гэта тая самая кніга рэвізіі 1561—1566 гг., што згарэла падчас пажару Пінскага замка 1619 г. Хоць кніга доўгі час захоўвалася ў Пінску, але была, відаць, не даступнай для мяшчан. Таму яны і звярнуліся за экстрактам у 1594 г. у скарб ВКЛ.

Па-трэцяе, асобна ўпамянуты «екстракту с книгъ метрикъ канцелярией бо(ль)шойей Великого Князьства Литовьского привилію светобливое памети короля его м(и)л(о)сти Стефана, продька нашего, месту Пиньскому на вольности, право майдебургское, в року тисеча пятьсотъ осмьдесятъ первомъ наданого, и одь светобливое памети короля его м(и)л(о)сти пана отьца нашего и отъ насъ имъ потверженого». Вялікі князь і кароль Стафан Баторый сапраўды выдаў у 1581 г. Пінску прывілей на магдэбургскія права. Сапраўды, Жыгімонт III і Уладзіслаў IV пацвярджалі яго (у 1589 і 1633 гг. адпаведна [19, арк. 617 адв.—619 адв.]). Але чаму пінскія мяшчане прад'явілі ў судзе не арыгінал прывілея 1633 г., а копію — выпіску з кнігі Вялікай канцелярыі ВКЛ?

Р. Г. Карповіч прад'явіў у судзе таксама шмат дакументаў. Увогуле гэта быў пінскі шляхціц з актыўнай жыццёвай пазіцыяй. У 1633 г. ён забяспечыў грашовымі сродкамі шпіталі, якія сам збудаваў: адзін пры французскім касцёле, тры шпіталі пры мосце св. Спаса, недалёка ад езуцкага касцёла, шпіталь пры мосце Св. Тройцы, ратушны шпіталь у канцы моста Траецкага (мост азначае вуліцу. — *В. П.*) [19, арк. 130 адв.—132 адв.]. У 1636 г. даў дзве валокі зямлі Пінскаму калегіуму езуітаў [20, арк. 101—101 адв.]. Падчас судовага разгляду 1635 г. Карповіч прад'явіў дакументы: прывілей Жыгімонта III ад 1606 і 1624 гг., Уладзіслава IV ад 1633 г., якімі быў вызвалены ад падаткаў. Прад'явіў таксама квіты ад земскіх паборцаў, якія сведчылі аб тым, што ён выплачваў падаткі, устаноўленыя соймамі.

Суд прыняў кампраміснае рашэнне, пры гэтым былі прыняты пад увагу дакументы абодвух бакоў.

Катастрафічным для гарадскога архіва Пінска стаў 1660 г. 14 ліпеня 1660 г. пінскі магістрат унёс у гродскі суд абвестку аб тым, што ў выніку нападу на горад 4 ліпеня 1660 г. маскоўскага войска і казакоў у пажары згарэлі скрыні з дакументамі, у тым ліку каралеўскія прывілеі на «гарадскія вольнасці» [20, арк. 289—290].

ДАКУМЕНТЫ

№ 1

1588 XII 26, Лешчанскі манастыр

Рээстр дакументаў Пінскага Лешчанскага манастыра (з інвентара манастыра).

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. Актавая кніга Пінскага гродскага суда 1650 г. (кніга № 13004 Віленскага цэнтральнага архіва старажытных актавых кніг, цяперашняе месцазнаходжанне невядома).

Публікацыі. *Довязлю Дм. Ів.* Инвентарь Лещинского монастыря 26 декабря 1588 г. // Минская старина. Выпуск первый. Труды Минского Церковного Историко-Археологического комитета. Минск, 1909. С. 121—124.

Привилія, фундушы и листы потребные, тому монастырю Лещеньскому надлежащие:

[1] Привилей княгини Федоровое Ивановича Ярославича княгини Олены Семеновича Олед(ь)ковича на имен(ь)е Вольвичы.

[2] Привилей князя Федора Ивановича Ярославича на остров против монастыра.

[3] Привилей князя Федора Ивановича Ярославича на вывоженье дерева ку будован(ь)ю и дровъ на потребу дворную монастырскую вол(ь)но за все волости монастырское.

[4] Привилей князя Федора Ивановича Ярославича и княгини Олены на десятеро осетра зо всехъ езов замковых, пры томъ привилею лист небошика п(ана) подскарбего земского п(а)на Лаврына Войны ест(ь) на осетры и на озера.

[5] Привилей князя Федора Ярославича на польдворища Сухомъ на имя Горловыщину, и на прылуки под монастыром, и на прыдухи.

[6] Привилей князя Федора Ярославича на пят(ь) озер и на прыдухи в Мотолю.

[7] Справа на село Овсемерово ос(ь)мнадцать листовъ и запис в Евангелии.

[8] Справа от Любел(ь) и Сушицко, тры листы.

[9] Справа з п(а)ни Полозовою о ниву.

[10] Листы на боръ в селе Сухомъ.

[11] Листъ на парктамяне кн(я)зя Федора Ярославича судовый о входы в острове на болоте при местечку Мотолы и о дерево бортное.

[12] Лист кн(я)зя Федора Ивановича Ярославича на паркгамене судовый, ижъ людем церковным монастырским всим Потаповцомъ вол(ь)но в Лешковичох пашню мети и пахати.

[13] Лист на паркгамени кн(я)зя Федора Ярославича и княгини его Олены на землю оромую межы Лещемъ и межы Сел(ь)цемъ подле перетока.

[14] Листъ кн(я)зя Федора Ярославича на паркгамене писанный на островъ Глинокъ, на дерево бортное, на шесть ведер меду.

[15] Листы два яечинский и иншихъ розныхъ справ потребныхъ немало.

[16] Листъ г(оспо)д(а)рский на перевоз у Вольвичох на Стыр.

№ 2

1595 X 17, Пінск

Рэстр дакументаў Пінскага Лешчанскага манастыра (з інвентара манастыра).

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. Невядомы.

Публікацыі. *Міловидов А. И.* Архив упраздненного Пинского Лещинского монастыря. М., 1900. С. 11—12.

Прывил(ь)я и листы:

[1] Прывилей на паркгамены князя Ярослава на ниву Селецкую.

[2] Прывилей на паркгамене на двoryща Сухого.

[3] Прывилей о вольное вожене дровъ.

[4] Прывилей на паркгамене на островъ, на вболоты и иншихъ входовъ боровыхъ при Мотолі.

[5] Прывилей на Сушыцко на паркгамине писании.

[6] Прывилей на паркгамене писаныи князя Ярослава о десятого осетра.

[7] Прывилей на паркгамене писаныи на озеро Мотольское о продуху.

[8] Прывилей на паркгамене писаныи Антониу архимандрыты.

[9] Судовый листъ на паркгамене князя Ярослава на острова подь манастыромъ.

[10] Листъ на паркгамине на двoryще Волвыцкое ку манастыру Лещынскому.

Справы у фастыкульхъ завыненые:

[11] Фастыкуль з листы на речы рожные [нетъ], на озера, боры и на иншыя речы и на перевозъ ва реце Стыру и межды улесь и на десятого осетра.

[12] Фастыкуль на дворъ Еченски и сеножатъ.

[13] Фастыкуль справы Овсемеровское.

[14] Фастыкуль о серебщице и листы заручные.

[15] Фастыкуль квитовъ поборовыхъ.

[16] Другій фастыкуль на домъ Еченски.

[17] Регестъ наданя Леща Буховцу.

[18] Фастыкуль на Сушыцко.

[19] Листъ увязчыи на манастыръ Лещынски.

[20] Фастыкуль листовъ з Полозовою и Ордою.

[21] Регестъ Лещински.

[22] Фастыкуль регестровъ и листовъ Лещинскихъ и сель того монастыра и аренды на озера.

[23] Фастыкуль о озера Мотольскіе и подъ монастыромъ у Орлице в обрубе.

[24] Фастыкуль листовъ розныхъ заручныхъ.

[25] Фастыкуль о прыдуху и Мотоле.

[26] Инвентаръ подан(ь)я пана Терлецкого отцу Леонтыю [есть] монастыру.

№ 3

1619 X 7, Пінск

Выпис з судовых книг Пінскаго градскаго суда заявы Рамана Ельскаго, войскаго пінскаго і писара правентоваго Пінскаго замка, пра тое, што ўначы з 14 на 15 ліпеня 1619 г. у Пінску абыўся пажар, у якім загінулі дакументы Пінскаго градскаго суда.

Арыгінал. У прыватнай калекцыі ў 2019 г.

Копіі. Невядомы.

Публікацыі. *Самкоў І.* Прыватнаўласніцкія дакументы шляхты ВКЛ як гістарычная крыніца // Герольд Litherland. 2019. № 21. С. 82—93.

Выпис [с] книг судовых земских повету Пинскоѡ(о).

Лета *от* нарожен(ь)я С(ы)на Бож(ь)его тисеча *шест(ь)сот девятнадцатого* м(есе)ца октября сегого дня.

На роках судовых земских, о светом Михале римском святе припалых и у Пинску судовне отправованых, перед нами, Михайлом Дол(ь)зским, суд(ь)ею; Яном Маскевичом, подсудком, а Владиславом Протасовичем, писаром, вradниками судовыми земскими повету Пинского, постановившисе очевисто, его милост(ь) пан Роман Ел(ь)ский, войский повету Пинскоѡ(о) и писар провентовый замку Пинскоѡ(о), оповедал и тое оповедал(ь)е свое на пис(ь)ме с подписом руки своее ку записан(ь)ю до книг дал тыми словы:

М(и)л(о)стивый п(а)не вrade земский пинский, в листе оповедамъ, *иже* за *от(ь)ехан(ь)ем* моим с Пинска а под бытност(ь) мою ве Кгданску на послузе его княжацкое м(и)л(о)сти п(а)на моего, в небытности моей в замку Пинском року тисеча *шест(ь)сот девятнадцатого* м(есе)ца июля з чотырнадцатого дня на *петнадцатый* ден(ь) в ночи, *нет* ведома яко пригодне або теж за чимъ сь запален(ь)ем, дом жида пинского Зраеля Еленевича в месте Пинском, на улицы Жидовской, огнем се запалил, и *от* того дому жидовских домов и шляхетских, местских, и кил(ь)ка церквей. А *от* так ктвалтовного огню и замок Пинский, и костел, в нем звонов три, и зо всеми аппаратами костел(ь)ными, дѣла, гаковницы, мушкеты, ручницы, порохи, кули и вся стрел(ь)ба, и рыштулки, до войны належачие, кони, и все схован(ь)е, яко княжати его милости, п(а)на нашѡ(о) м(и)л(о)стивого, и нас, слуг и вradников его княжацкое милости,

п(а)на Станислава Кграевского и мое, зо всим на все, штокол(ь)век в нем было, згорели. Ледво што живо, хто в нем был, выбегли и барзо мало речей ратоват(ь) и вынести зь замку могли, кгдажс от ветру великого напрод брама, ворота уездные замковые занелисе горет(ь).

Где и книги кгородские погорели, и барзо их мало выратоват(ь) могли. Также погорели книги ревизорские четверы п(а)на Яна Кгорецкого и п(а)на Яна Духновского; а другие пана Лаврина Войны, подскарбего Великоз(о) Князства Литовскоз(о), померы староства Пинскоз(о); и книги князя Ярославича, и п(а)на Тишкевичовы, п(а)на Совины и ииших врадниковъ; немало привилея тежс и розные sprawy на ймене Попиную, купли его княжацкое м(и)л(о)сти, sprawy на маестности Тетерынские и Забрзынские; sprawy комисыйные городенские и лагишинские; и декрета з розных судов; и ииших немало розных справ замковых; квитовъ поборовыхъ плачен(ь)я презе мне и иных особъ, донативъ, колектъ и иных податковъ, до скарбу Его Королевское Милости приходячихъ; || [1 адв.] реестра ревизорские бирчие, постановен(ь)я цыншов хлопских, и инвентар подан(ь)я княжати его милости староства Пинского; и ииших справ кн(я)жати ез(о) милости, при мне будучих, немало; квиты мое от княжати его милости аж до року тисеча шест(ь)сотъ шестнадцатого, квитуючи мене зо всего шафунку кгда(ь)ского и з провентов пинских и зо всего; такъ тежс реестра розные, выбран(ь)е цыншовъ, поборовъ и всих провентов, гдем што брал и штом выдават, реестра мое вин хлопских, хто кого выдават, и списан(ь)я домовых речей; и сумариуши приходов цыншов и ииших пожитков княжати его милости староства Пинского; и выдан(ь)е п(е)незей княжати его милости.

А маестности мое рухое погорело: делия оксамиту чирвоного, курта оксамиту чорного и иных шат, которыхъ про широкост(ь) писан(ь)я опушам, поставов фалендышовыхъ пят(ь), каразый по ста во в трирад оправный, чарокъ сребранныхъ три, лыжок дванадцат(ь), цын, мѣд(ь) и вес(ь) спрат домовый, которого спаметат(ь) и выпишат(ь) не може, рылштунку на дванадцать коней зо всимъ, и стрел(ь)бы розное немало, коней ездныхъ два, и иных немало речей.

А што на бол(ь)шая, sprawy мое на част(ь) имен(ь)я моего купноз(о) и отчистоз(о), в повете Волковыском лежачого, дворца Хорошковского; и выречен(ь)я сестръ моих п(а)ни Абрамовичовое, п(а)ни Ел(ь)шовое; такъ тежс оправы тым же сестрам моим, от мужов им записаные; sprawy мое на ймен(ь)е Мутковичи, Новый Двор, от пана хоружого купленье; инвентары подданных, ктрунтов; привилея на урад, войсковство пинское; привилей на Молодил(ь)чичи; sprawy, листы, орынал ез(о) м(и)л(о)сти п(а)на Петра Достоевскоз(о), маршалка повету Пинского, и п(а)ни малжонки его м(и)л(о)сти п(а)ни Богданы Овсяное, записан(ь)е вечност(ь)ю именей половицы двора Достоева, сел, до него належачих, такъ тежс двора Ляховичъ, Новошич и Заструж(ь)я с(ь)ну их м(и)л(о)сти п(а)ну Бенедикту Достоевскому и выпис кгородский пинский, признан(ь)е тоз(о) листу, и посесыя, выпис кгородский пинский, и пессыя от его м(и)л(о)сти п(а)на маршалка и п(а)ни малжонки его м(и)л(о)сти, пушел(ь)е

доживот(ь)я на дворе и селе Ляховичах с(ы)ну их м(и)л(о)сти п(а)ну Бенедыкту Достоевскому и п(а)ни малжонце его м(и)л(о)сти п(а)ни Галене Ел(ь)ской, сестре моей, даная, погорели теж. Справ фастыкул немалый от его м(и)л(о)сти п(а)на Лешневского, старосты ракиборского, на ймен(ь)е Одрижин и записы от его милости п(а)на Буремского, сынови его милости, а некоторые речи, маестност(ь) моя, яко ме слухи доходят(ь), же часу пожого покрадены. И штобы тых речей, у кого знайтисе, напотом мети, о то собе вол(ь)ное право zostавую. А иных теж речей и справ, которых бым тепер испаметат(ь) и меноват(ь) тут не могут(ь), теды и напотом о то протестоват(ь) не занехам и проше, абы тое оповедан(ь)е мое было до книг записано. Roman Ielsky, woisky.

Што ест(ь) записано и сес(ь) выпис с книг под нашими печат(ь)ми и с подписомь руки мене, писара, его милости п(а)ну Роману Ел(ь)скому, войскому повету Пинского, ест(ь) выдан.

Писан у Пинску.

Владислав Протасович, писар.

Корыктоваль Демянович.

№ 4

1632 II 9, Пінск

Рэстр актывых кніг Пінскага гродскага суда, якія перадалі Якуб Ялец, былы пінскі гродскі пісар, і Бенядыкт Высоцкі, падпісак, каралеўскаму сакратару Якубу Аградзінскаму, пінскаму падстарасту Мікалаю Кунцэвічу, пінскім шляхціцам Яну Гарайну і Яну Пласкавіцкаму (рэстр актыкаваны ў Пінскім земскім судзе 18 студзеня 1652 г.).

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. НГАБ. Ф. 1771. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 381—387 (Актавая кніга Пінскага земскага суда 1652—1653 гг.).

Публікацыі. Раманкевіч А. Ф. Адзін са старажытнейшых рэстраў беларускіх архіваў (Пінскі гродскі суд. 1522—1631 гг.) // *Архіварыус*: зб. навук. паведамл. і арт. Вып. 4. Мінск: НГАБ, 2006. С. 14—24.

№ 5

1635 III 20, Варшава

Дэкрэт каралеўскага асэсарскага суда па справе магдэбургскага горада Пінска супраць шляхціца Рыгора Гаўрылавіча Карповіча, якім устаноўлены парадак выплаты падаткаў мяшчанамі, што жылі на юрыдыцы Карповіча ў Пінску.

Арыгінал. Невядомы.

Копіі. НГАБ. Ф. КМФ-18. Воп. 1. Спр. 310. Арк. 316—318 адв. (Кніга судовых спраў Метрыкі ВКЛ 96).

Публікацыі. Невядомы.

Decret między mieszczany pinskiemi, actornimi, a Hrehorym Karpowiczem, pozwanyim, etc. etc.

Владыслаў Четвертый.

Ознаймуемъ симъ листомъ декретомъ нашимъ, ижъ кгда за позвомъ маньдатомъ передъ насъ и судъ || [316 *adv.*] нашъ асесорский приточилася справа межъ иньстыкгаторомъ Великого Князьства Литовского з деляции славетныхъ бурмистровъ, радець, лавниковъ и всихъ мешанъ места нашего Пиньского права майдебурского, акторьми, а урожонымъ Григор(ъ)емъ Гавриловичомъ Карьповичомъ, позванымъ позвомъ маньдатомъ нашимъ о то, ижъ онъ, мешкаючи в месте нашимъ Пиньскимъ на кгрунътахъ месцькихъ, з мешанъ подьданныхъ своихъ, которие праву мейскому майдебурскому належать, с тыхъ кгрунътовъ и мешанъ повинности, до ратуша належачое, не чинить, подачюкъ, складокъ приходячихъ не отдаеть, але якъ с тыхъ кгрунътовъ, такъ з мешанъ, на нихъ седячихъ, пожитокъ на себе оборочаетъ, такъже побори, меской юриздыще выбераѣти у тыхъ мешанъ належачие, самъ выбераеть, до ратуша не отдаеть и рожными способами на права, вольности меские наступуетъ ку кривде мешанъ, шго ширей в томъ позве маньдате доложено естъ.

На року теды нинешнемъ, с того позву маньдату припадлымъ, стороны обедве, поводовая одъ мешанъ пиньскихъ славетный Богъданъ Стояновичъ, райца, Хведор Михайловичъ, писар, меские пиньские мешане сами очевисто и презъ пленипотенъта своего шляхетного Яна Домагалича, а позванный урожоный Карьповичъ, тежъ очевисто || [317] и презъ умоцованого своего шляхетного Мартина Свежиньского постановившисе, росправы правное пильновали. Где умоцованый стороны поводовое, доведечи жалобы своее, в позве описаное, покладаль розные права, привилея, одъ продьковъ нашихъ светобливое памяти королей ихъ м(и)л(о)сти пол(ь)скихъ и насъ самыхъ месту Пиньскому на вольности права майдебурского наданые, такъже екстрактъ с книгъ метрикъ скарбу Великого Князьства Литовского, ревизией зошлого некгда урожоного Лавърина Войны, старосты пиньского, в року тисеча пятьсотъ деветьдесять четвертомъ выданое, в котормъ описуетъ кгрунъты, юриздыще меской належачие, аже и тые кгрунъты, на которихъ мешкаю(т) мешане урожоного Карповича, той же юриздыще належать. Которою ревизиею слушне доведыши, просить и домавалъсе, абыс(ь)мы заховуючи ихъ, мешанъ, при давныхъ правехъ, тыхъ мешанъ, которие на кгрунътахъ преречоного Карповича мешкають, до юриздыки меское привернули и спольне всякие повинности, складьки, побори, яко другие мешане отдають, до ратуша завжды отдавать наказали.

А умоцованый стороны позваное, на то отъпор чинечи, поведить, ижъ двор в месте и другие кгрунъты, о которие акторове чиняь, позваный яко шляхетичъ держить, а хотяжъ анытецесорове его за листомъ годное памяти Дмитра Сапеги и Лаврина Войны на чиншу мели, але потомъ шляхетный Карповичъ вызволен(ъ)е од плачен(ъ)я || [317 *adv.*] чиньшовъ и всякихъ повинностей одержать и водлугъ тыхъ привилейвъ заживаеть, на што привилея светобливое памяти короля его м(и)л(о)сти пана отьца нашего покладать, одинъ подъ датою року тисеча шестьсотного шосто(о), а другой подъ датою року тисеча шестьсотъ

двадцят(ь) четвертого, третій привилей на щасливой коронацїей нашої року тисеча шестьсотъ тридцать третего, конфирмацію фундацїи его, Карповича, на шпитали пиньские и водлугъ привилеевъ своихъ жадныхъ повинностей до ратуша с тыхъ ктуньтовъ и з мешанъ своихъ на тыхъ ктуньтахъ мешкаючихъ давать не повинень. А побори, кгда з сейму уфаленные бывають, теды оные выбравши одъ убогихъ мешанъ своихъ, до поборцовъ сполтна отъдасть, на чомъ юриздыка меская ниякое шкоды не поносить. Чого на доводъ и квити отъ даванья поборовъ отъ поборцовъ земьскихъ покладаль, оными се засланиячи, вольности одъ обьяжалованья акторовъ домавлять.

На што умоцованый стороны поводовое поведить, ижъ привилія его, Карповича, которыми се засланиять, такъже квити поборовые всперти не могутъ, бо суть последнейшие, зачимъ водлугъ привилеевъ, месту даныхъ, яко першою дапою тые ктуньты его увольнены быть не могутъ, але вси повинности кожъдый таковыи, которий предъ привилеем, наданымъ месту, не естъ вынятый, в чомъ право || [318] зостало, польнить и досытъ чинить до ратуша повинень, и повторе присуженья оныхъ жедаль.

Мы теды, корол(ь), през паны рады и врадники наши, на справы судовые заседающие, тое справы з очевистыхъ коньтroversый, з обоюхъ сторонъ вношюныхъ, выслухавши и оные добре вырозумевыши, а бачечи то с правъ, передъ нами покладаныхъ, екстракту с книгъ метрикъ каньцелярией бол(ь)шойей Великого Князьства Литовьского привилію светобливое памети короля его м(и)л(о)сти Стефана, продька нашего, месту Пиньскому на вольности, право майдебурское, в року тисеча пятьсотъ осмьдесятъ первомъ наданого, и одъ светобливое памети короля его м(и)л(о)сти пана отьца нашего и отъ насъ имъ потверженого, такъже з ревизией урожного некгды Лаврина Войны, старосты пиньского, ижъ мешане правами се своими, здавна надаными, защицають, а урожоный Григорей Карповичъ, же добре потомъ праве ихъ за стараньемъ своимъ ктуньтовъ мескихъ в Пиньску набывши, на нихъ подданныхъ поосажаль, которые ижъ ему водлугъ права его вечностью належать, з нихъ и польненье повинности, плаченье чинышовъ и розсудокъ только межи ними самыми чинить, ему самому, Карповичу, узнаваемъ. А поневажъ тотъ ктуньтъ, где подьяданые его, Карповича, мешкають, меские суть и они вшелякихъ вольности, ганьдлювъ в месте заровно з мешаны нашими заживають(ь), || [318 *adv.*] и заживати будуть, теды тежъ и подачьки вшелякие заровно з другими мешаны, яко тежъ и водлугъ ухвалы сеймовое, повинность вшелякую до ратуша нашего пиньского яко мешане майдебурские завше отъдавать и платить повинни будуть, и кожъдому передъ судом войтовьскимъ и бурмистровьскимъ в ратушу усправедливятися наказуемъ. И вжо по дате сего декрету нашего в той справе зайстья всякие, шкоды, з обудву сторонъ подьянтые, такъже процеса правные урошонные касуемъ и ниякого възновенья межи собою о жадную речъ мети не мають. А ижъ урожоный Григорей Карповичъ право особливое, привилей светобливое памети короля его

м(и)л(о)сти пана отьца нашего собе на домъ и чотыри моржки держачие оказать, при томъ праве его во всемъ мощью сего декрету нашего заховуемъ.

До которого на большую повагу печать Великого Князьства Литовско-го притиснуть розказалис(ь)мо.

Данъ у Варшаве, дня двадцатого м(е)с(е)ца марта лета Божого наро-женья тисеча шестьсотъ тридцат(ь) пято(о), панованья королевствъ нашихъ пол(ьского) трет(ь)еа(о), а швед(ского) четвртоа(о) году.

Альбрехт Станислав Радзивил, канцлер Велико(о) Княз(ьства) Лито-вско(о).

Літаратура і крыніцы

1. Пазднякоў, В. С. Матэрыялы да гісторыі архіваў Беларусі. Ч. 2. Архіў епіскапа Кірылы Тарлешкага ў Пінску (1596 г.) / В. С. Пазднякоў // Беларускі археаграфічны што-годнік. — Мінск: БелНДЦДАС, 2024. — Вып. 25. — С. 86—106.
2. Миловидов, А. И. Архив упраздненного Пинского Лепчинского монастыря / А. И. Миловидов. — М., 1900. — 33 с.
3. Довгятло, Д. И. Пинский Лепчинский Монастырь в 1588 г. / Д. И. Довгятло // Минская старина. — Минск, 1909. — Вып. 1. Труды Минского Церковного Историко-Археологического комитета. — С. 97—113.
4. Ревизия пущи переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском, с присо-вокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная Старос-тою Мстиславским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 году, с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священни-кам Пинского повета, составленной в 1554 году. — Вильна, 1867. — V, 382 с.
5. Мікульскі, Ю. М. Граматы з напастольнага Евангелія Лепчанскага манастыра ў Пінску пачатку XVI ст. / Ю. М. Мікульскі // Беларуская даўніна. — Мінск: Выд. А. М. Вараксін, 2016. — Вып. 3. — С. 199—219.
6. Корогодина, М. В. Евангелие Пинского Лепчинского монастыря 1506—1513 годов / М. В. Корогодина // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXVIII Междунар. науч. конф., Москва, 14—16 апреля 2016 г. — М.: Аквилон, 2016. — С. 292—295.
7. Пазднякоў, В. С. Пінская грамата XV ст.: дзелчы ліст братоў Юпкавічаў / В. С. Пазднякоў // Беларуская даўніна. — Мінск: Выд. А. М. Вараксін, 2016. — Вып. 3. — С. 77—82.
8. НГАБ. — Ф. КМФ-18. Вон. 1. Стр. 50.
9. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при Управлении Виленского Учебного Округа. — Вильна, 1870. — Т. 7. — XXIV, 375 с.
10. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографи-ческой Коммиссиею. — СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1848. — Т. 4. 1588—1632. — VIII, 529, 25, 20 с.
11. Довгятло Дм. Ив. Инвентарь Лепчинского монастыря 26 декабря 1588 г. / Дм. Ив. Дов-гятло // Минская старина. — Минск, 1909. — Вып. 1. Труды Минского Церковного Историко-Археологического комитета. — С. 114—124.
12. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная Пинским Старостою Станиславом Хвальчевским в 1552—1555 г. — Вильна, 1884. — XXXII, 714 с., ил.

13. Писцовая книга бывшего Пинского староства, составленная по повелению короля Сигизмунда Августа в 1561—1566 годах пинским и кобринским старостою Лаврином Войною : (с перев. на рус. язык). — Вильна, 1874. — Ч. I. — X, 421 с.
14. Писцовая книга бывшего Пинского староства, составленная по повелению короля Сигизмунда Августа в 1561—1566 годах пинским и кобринским старостою Лаврином Войною : (с перев. на рус. язык). — Вильна, 1874. — Ч. II. — 599, 140 с.
15. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: Spisy. — Warszawa : Instytut Historii PAN, 2020. — T. VIII. Ziemia brzeska i województwo brzeskie. XIV—XVIII wiek / Pod redakcją Andrzeja Rachuby opracowali Henryk Lulewicz, Tomasz Jaszczolt, Andrej Radaman, Andrzej Rachuba, Przemysław P. Romaniuk, Andrej Macuk, Adam Danilczyk, Andrzej Haratym. — 405 s.
16. НГАБ. — Ф. КМФ-18. Вод. 1. Стр. 92.
17. Wolff, J. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku / J. Wolff — Warszawa, 1895. — XXV, 698 s.
18. Radziwiłł, A. S. Pamiętnik o dziejach w Polsce / A. S. Radziwiłł / Przekład i opracowali A. Przyboś i R. Żelewski. — Warszawa : PIW, 1980. — T. 1. 1632—1636. — 570 s.
19. НГАБ. — Ф. КМФ-18. Вод. 1. Стр. 106.
20. НГАБ. — Ф. КМФ-18. Вод. 1. Стр. 112.
21. НГАБ. — Ф. 1733. Вод. 1. Стр. 1.

Артикул наступит у редакцію 27.06.2025.

ПОСТАЦІ

В. С. Іванова,

дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
e-mail: ivanova.volga.s@gmail.com

**ЖЫЦЦЁ І ДЗЕЙНАСЦЬ І. ГРЫГАРОВІЧА
Ў СВЯТЛЕ НЕАПUBLІКАВАНАГА ЛІСТАВАННЯ**

Ліставанне І. Грыгаровіча з графам М. П. Румянцавым, калегамі па румянцаўскім гуртку — вядомымі навукоўцамі першай паловы XIX ст. і членамі сям'і з'яўляецца грунтоўнай гістарычнай крыніцай, уведзенай у навуковы абарот яшчэ ў другой палове XIX ст. У 1862—1864 гг., праз дзесяць гадоў пасля смерці І. Грыгаровіча, яго сын Мікалай*, разам з біяграфічным нарысам аб жыцці і дзейнасці бацькі апублікаваў больш за 50 лістоў ад графа, кіраўніка справам Гомельскага маёнтка Д. Багацкага, І. Лабойкі, Я. Балхавіцінава і інш. [1; 2]. У заўвагах згадваецца, што гэтыя лісты знаходзіліся ў архіве Мікалая Грыгаровіча. Лістоў самога І. Грыгаровіча да графа Мікалая знайсці не давялося.

У 1893 г. М. Чэчулін знайшоў у адным з сямейных архіваў пераплецены сшытак у фармаце паштовага ліста з надпісам «Лісты дзяржаўнага канцлера М. П. Румянцава да протаіерэя І. Грыгаровіча». Сшытак уключаў 35 лістоў канцлера да І. Грыгаровіча, 2 лісты канцлера да Івана Конанавіча Грыгаровіча (бацькі), ліст І. Грыгаровіча да сакратара Віленскага ўніверсітэта Юргевіча, ліст да І. Грыгаровіча І. Вяльшанскага, запіску Вастокава, копіі 2 лістоў графа да Арцыбашава і інш. Усяго 50 дакументаў, большасць з якіх копіі і толькі некалькі арыгіналаў. 30 гэтых лістоў ужо былі апублікаваны Мікалаем Грыгаровічам, а 20 астатніх — М. Чэчуліным. Можна выказаць меркаванне, што Мікалай Грыгаровіч ажыццяўляў публікацыю па арыгіналах, а Чэчулін па копіях. Ці захаваліся гэтыя лісты (копіі) на сённяшні дзень, невядома. За выключэннем аднаго ліста І. Грыгаровіча да графа ад 5 чэрвеня 1822 г., які разам з румянцаўскімі зборамі ў 1872 г. трапіў на захоўванне ў Расійскую дзяржаўную бібліятэку (далей — РДБ) [3; 4]. Большасць з 43 лістоў па найбольш поўнай публікацыі М. Чэчуліна напісана ў 1824 г., а таксама ў 1822—1823 гг.

У РДБ захоўваецца 38 неапублікаваных лістоў з сямейнага архіва Грыгаровічаў (з іх 1 ліст жонкі Веры Іванаўны Грыгаровіч да Васілія Грыгаровіча, 1 ліст Міхаіла Грыгаровіча да Мікалая Грыгаровіча, выпіска з ліста І. Лабойкі, пераважная большасць — 35 лістоў — напісаны рукой І. Грыгаровіча да брата Мікалая) [5]. Яны цытаваліся ў працы У. П. Казлова [6, с. 17] і былі часткова

* Сучасны біёграф І. Грыгаровіча архімандрыт Афанасій Сакалоў падчас выступлення на V Чытаных памяці протаіерэя, што праходзілі ў Мінскай духоўнай акадэміі ў лютым 2025 г., выказаў меркаванне, што ліставанне і адпаведны біяграфічны нарыс былі апублікаваны не сынам, а братам І. Грыгаровіча.

апублікаваны ў «Беларускім археаграфічным штогодніку» ў 2007 г. [7]. Гэтае ліставанне найперш адлюстроўвае сямейныя ўзаемаадносіны і падзеі, штодзённае жыццё, роднасныя сувязі, характар асобы І. Грыгаровіча, яго ідэнтычнасць, жылцёвыя прыярытэты і інш. Ліставанне ахоплівае 1815—1835 гг., большасць лістоў напісана ў 1820-я гг., асабліва ў 1821 і 1826 гг. (Гл. малюнак на ўклейцы).

Комплексны аналіз ліставання, зроблены ў папярэдніх публікацыях, дазволіў разгледзець дзейнасць І. Грыгаровіча і яго калег па Румянцаўскім гуртку як адных з першых навукоўцаў-гісторыкаў, якія ў сваёй працы звярнуліся да беларускіх архіваў у пачатку XIX ст., калі гаворка не ішла аб іх добраўпарадкаванасці, сістэматызаванасці, цэнтралізаваным захоўванні і зручных умовах працы [8]. Некаторыя высновы можна ўдакладніць на падставе неапублікаванага ліставання.

Схільнасць да вывучэння гісторыі і даследавання дакументаў і архіваў І. Грыгаровічам была шмат у чым атрымана ў спадчыну ад Г. Каніскага. Хая архіепіскап памёр, калі І. Грыгаровічу было ўсяго 3 гады, і ведаць асабіста яго ён не мог, але памяць пра архіепіскапа перадавалася ў сям’і Грыгаровічаў. Гэта адбілася ў падыходах І. Грыгаровіча да працы з крыніцамі, даследаванняў архіваў, выбару тэм для даследаванняў, прынамсі, у кірунку царкоўнай гісторыі.

У неапублікаваным ліставанні з братам ёсць дадатковыя звесткі аб розных кірунках працы І. Грыгаровіча. З чаго вынікае, што перапісваннем летапісаў і грамад першапачаткова (па стане на 1815 г.) для графа займаўся не толькі Іван Грыгаровіч, але і яго брат Мікалай. Як вядома, І. Грыгаровіч скончыў акадэмію ў 1819 г., дарагавізна жыцця ў Пецярбургу, а таксама адчуванне сябе вечным даўжніком перад графам вымушалі студэнта задумвацца аб тым, каб пакінуць акадэмію яшчэ ў 1816 г. [5, л. 3—4].

Падчас навучання ў акадэміі І. Грыгаровічу перыядычна даваліся навуковыя заданні, якія з’яўляліся важным кірункам дзейнасці, акрамя самога навучання, і крыніцай прыбытку: «20-га чысла [1816] Я. С. праз спецыяльна дасланага прасіў мяне з’явіцца да сябе. Я быў прыняты самым ласкавым чынам. Мне было абяцана не забывацца і памятаць пра мяне. Звыш гэтага я атрымаў загад класіцы жывьцеспісанне мітрапаліта Суражскага... Стэфана, які жывь у VIII ст. Крыніцы для складання пазначаны, і па дадзеных мне настаўленнях, павінны быць запазычаны з акадэмічнай і лаўрскай бібліятэкі» [5, л. 7—8]. Канцлер выступаў як навуковы кіраўнік для Грыгаровіча: «Між тым канцлеру заўходна стала забяспечыць мяне новымі рукапісамі, да папайнення гэтага сачынення. Відаць, усяму канца не будзе. Але каб хутчэй скончыць, я ўзяўся за гэта шчыльна, і спадзяюся дні праз тры адкараскацца начыста» [5, л. 26—27]. У графа ён бываў нячаста, больш кантактаваў з яго сакратарамі ці кіраўніком маёнтка Р. Багашкім, часта хваляваўся, што канцлер не згадвае пра яго доўга.

І. Грыгаровіч быў часта незадаволены сваёй працай: «Так і быць, пушчы іх [пасаднікаў] [9] у свет, хоць цалкам упэўнены, што праца мая і нетрывалая, і

не придатна. І гэта я какжу не па адной толькі сціпласці, але пры ўсім аўтарскім самалюбстве» [5, л. 18]. Ганарар за выданне «Пасаднікаў» І. Грыгаровіч выкарыстаў на рамонт дома: «Я с. прадастаўляе на карысць маю ад выдання ўсяго дзесяць асобнікаў. Я маю намер саступіць іх, або што ўсё роўна адступіцца ад гэтай міласці з тым, каб у замену ўпарадкаваны быў мой дом» [5, л. 20—21]. «Пасаднікі мае ў Маскве. Маліноўскі зрабіў пра іх самы пахвальны водзук, і па карэктурай Калайдовіча там іх друкуе ў ліку 600 асобнікаў. Свой барыш за чатырохгадовую працу я атрымаў: на праўку дома 500 р.» [5, л. 30—31].

З 1820 г. асноўнай дзейнасцю І. Грыгаровіча стала святарскае служэнне, нягледзячы на тое што граф усяляк скіроўваў яго на навуковыя даследаванні. Святарскае служэнне давала больш сталы прыбытак на ўтрыманне сям'і, а навуковая дзейнасць была шляхам незразумелым і непракказальным. Дзякуючы ліставанню можна ўзнавіць паслядоўнасць падзей пасвячэння І. Грыгаровіча. Скончыўшы Духовную акадэмію ў Пецярбургу, ён ажаніўся там у 1819 г. з Верай Івананай і накіраваўся ў Гомель, у тым ліку, каб замяніць у справе служэння свайго бацьку — гомельскага протаіерэя Івана Конанавіча Грыгаровіча. У пачатку 1820 г. наступіў час пасвячэння. 20 студзеня ён піша: «Братка Васілііў Ів[анавіч] наведар нас мінулымі святамі... Пагасцяваўшы ў Гомелі пяць ці шэсць дзён, мы ўсе (у тым ліку і братка Міхаіл Ів[анавіч]) адправіліся абозам у Магілёў. Прывялебны зноў прыняў мяне ласкава; пагадзіўся на звальненне бацюшкі ад займаных ім пасадак, з правам прадаставлення іх мне; загадаў мне рытавацца да пасвячэння і нарэшце 13 чысла гэтага месяца пасвяціў мяне вяжанам. Цяпер чакаю далейшага. Маразы і слабое здароўе ўладыкі дагэтуль перашкаджалі яму служыць, але ў наступную суботу, ці нядзелю справа мая, напэўна, адбудзецца, а я вярнуся дадому» [5, л. 13—14]. Такім чынам, 13 студзеня І. Грыгаровіч стаў дыяканам, 28 студзеня — святаром, а 1 лютага — протаіерэем Гомельскай царквы. Пасвячэнне адбылося ў Магілёве архіепіскапам Даніілам. А праз нядоўгі час, у тым жа 1820 г., па накіраванні праўлення акадэміі І. Грыгаровіч стаў яшчэ і рэктарам гомельскіх павятовага і прыходскага вучылішчаў, якімі кіраваў да 1829 г., а таксама цэнзарам пропаведзяў (1822—1830 гг.). На апошній пасадзе ён глыбока, па-навуковаму займаўся аналізам пропаведзяў, што стала адным са значных і мала дасюль вывучаных кірункаў дзейнасці: «Прыступіў ужо да збору пропаведзяў а. Леванды, але знайшоў іх не больш за 15. І гэтага доволі пакуль. Недахоп з аповечным, можа быць, папоўніцца адрывістымі яго дулкамі, вянатымі з пропаведзяў» [5, л. 13—14]. Тут трэба адзначыць, што заканчэнне акадэміі сапраўды адкрыла вельмі шырокія перспектывы для працы на радзіме.

З іншага боку, святарскае служэнне меркавана павінна было пакласці канец служэнню навуковаму: «Новае маё званне, якое маю ічасце насіць, спярша аслабла, потым знішчыла цалкам усе мае надзеі на міласці, якімі я раней карыстаўся і карыстаюся... Яшчэ ў П-буржэ я с. адцягваў мяне ад расы, аднойчы прыгразіў, што будзе на мяне глядзець, як на ўсякага сельскага папа. І цяпер гэта споўніцца. Вось і доказ: раней ён багаты быў на абяцанні, а цяпер

перастаў і абяцаць» [5, л. 13—44]. Наконт гэтага выбару І. Грыгаровіч у адным з лістоў жартуе і завочна адказвае графу наступным чынам: *«лети быць сельскім папом, чым сталічным антыкварыем: першае прыносіць даход, які б ён малы ні быў; а інішае — выдаткі, так бы мовіць, на капрыз розуму»* [5, л. 13—14]; *«Наўгародскія пасаdnікі” не заплацілі мне за сваю неўміручасць столькі, колькі звычайны селянін плоціць за сваё пахаванне»* [5, л. 13—14].

Адной з галоўных тэм ліставання была сям’я. Па лістах можна рэканструяваць некаторыя біяграфічныя звесткі пра асобных яе членаў. У адпаведнасці з вядомым фармулярным спісам 1851 г. сям’я І. Грыгаровіча складалася з жонкі Веры Іванаўны 48 гадоў (1802 г. н.), дачкі Марыі 20 гадоў (1830 г. н.), сыноў: Івана (16 гадоў, 1833 г. н.), Мікалая (14 гадоў, 1835 г. н.), Васілія (11 гадоў, 1838 г. н.), Міхаіла (7 гадоў, 1842 г. н.). Але згодна з ліставаннем першынец І. Грыгаровіча і Веры Іванаўны нарадзіўся прыкладна у канцы 1820 — пачатку 1821 г., пра яго хваробы І. Грыгаровіч згадвае некалькі разоў, а Вера Іванаўна піша аб тым, як *«гуляла з Міколінькай на садзе»*. Мы ж ведаем, што сын І. Грыгаровіча Мікалай, дырэктар архіва і бібліятэкі Сінода, па ўсіх вядомых даных, нарадзіўся ў 1835 г. Даецца і дакладная дата нараджэння дачкі Марыі — 22 кастрычніка 1827 г. Розніца з фармулярным спісам складае 3 гады.

Як вядома, бацька Іван Конанавіч Грыгаровіч, які моцна хварэў з 1821 г., памёр у кастрычніку 1824 г. і быў пахаваны ў асвечаным улетку таго ж года Петраўлаўскім саборы г. Гомеля, які ж сам і будаваў (там жа двума гадамі пазней быў пахаваны і граф М. П. Румянцаў). Аб гэтай падзеі ў ліставанні не гаворыцца, таму што брат Мікалай у той час сам, магчыма, быў у Гомелі. А вось пра месца і час пахавання маці Марыі Іванаўны (у дзявоцтве Каніскай, 1768 г. н.) даныя прыведзены дакладна. Памерла яна 21 кастрычніка 1830 г. ва ўзросце 62 гадоў у Віцебску, дзе на той час жыла сям’я Грыгаровіча, і была пахавана ў Маркавым манастыры, куды любіла *«ездзіць на багамолле, і дзе сама выбрала сабе месца»*. У лісце нават масца замалёўка праекта помніка, зробленая яе сынам Міхаілам.

Малодшы брат І. Грыгаровіча Міхаіл быў выкладчыкам славеснасці, Мікалай быў на ваеннай службе ў Пецярбургу. Сям’я Грыгаровічаў была сапраўды беднай, таму Іван папярэджваў брата Мікалая аб магчымасях абранай ім гвардзейскай службы: *«у гвардыю паступаюць заўсёды выбранейшыя і з самых знакамітых фамілій дзеці. Бліскучыя мундзіры, бліскучы лад жывіцца патрабуе шмат таго, што блішчыць і ззяе. Пасля ўсяго падумайце, першае ў вас павінна быць, а апошняе быць не можа»* [5, л. 3—4]. *«Жадаючыя паступіць у ваенны эскадрон з тым, каб быць выпушчаным на кавалерыйскай службе, павінны наперад абясаціць вядомую колькасць пастаяннага гадавога даходу, і, як кажа, не менш 3 тысяч р.»* [5, л. 9—10].

Значную частку ліставання займаюць штодзённыя і побытавыя справы. З ужо прыведзеных урыўкаў бачна, што сям’я ўвесь час была абмежавана ў сродках і іх клопаты тычыліся матэрыяльных спраў.

Тым не менш, пішучы пра студэнцкае жыццё, І. Грыгаровіч, з аднаго боку, кажа пра сумную паўсядзённасць, а з іншага — пра святочныя дні і забавы студэнтаў: *«Не пакідайце мяне сваімі лістамі. Яны адны дастаўляюць мне задавальненне ў цяперашнім філасофскім маім жыцці... Я здаровы. Хацеў бы быць яшчэ і вясёлым, але няма ні выпадку, ні магчымасці. Філасофская адзінота, апускаячая звычайна ў самога сябе, адымае і самае жаданне росту»* [5, л. 5—6]. *«Паглядаем на тых, што катаюцца па вуліцах, суцяшаемся, глядзячы на тых, што бегаюць па замерзлай Няве... часцей дзівімся талентамі г. Якаўлева, першага тутэйшага акцёра, і аглядаем навуковыя багаціі сталіцы»* [5, л. 3—4]. *«у лютым месяцы, з нагоды шлюбу вялікай княжны з Аранскім прынцам і мне ўдалося быць сведкам цудоўнейшага фейерверка ля Таўрычаскага палаца... Двум нашым студэнтам дазволена было ісці на гэтую цырымонію»* [5, л. 5—6].

У красавіку—кастрычніку 1826 г. сям'я Грыгаровічаў займалася пабудовай новага дома і пераездам. Гэтай падзеі была прысвечана значная частка ліставання. *«Жыць некалькі гадоў у адным доме, і потым перабірацца ў іншы — гэта не жарст. Але, дзякуй Богу, цяпер усё ўладжана... Стары дом зяманы; месца ачышчана; і пасля светлага тыдня, непасрэдна прымемся за сапраўдную справу»* [5, л. 41—42]. *«Дом мой зусім ужо амаль гатовы. Пачаў уладжваць кухню. Праз месяц будзем жыць у новым доме. Калі будзеце ў гр. С[яргея] П[ятровіча] дакладна, ён вам яго пахваліць. І сапраўды, ён таго варты ва ўсіх адносінах»* [5, л. 45—46]. *«Пабудова дома ўвела мяне ў даўгі, больш за 800 р. Гэта моцна мяне турбуе, пры дасканалым недахопе, хутка пазбавіцца ад такога гора, няма спродкаў і магчымасці. Чаму я адважыўся прасіць вас, л. б. не турбавацца больш для мяне купляю ні мэблі, ні штор. Сяк-так і сёе-тое я ўжо ўладзіў, без лішніх задум, і хоць не пышина, але прыстойна»* [5, л. 46—47]. *«Вы цікавіцеся ведаць аб маім доме. Без хвальбы сказаць, ён лепшы ва ўсім Гомелі, прынамсі для мяне. Фасад яго прыгожы, як у графскіх палацаў. Унутрана размяшчэнне самае гаспадарчае; аздабленне майстэрскае»* [5, л. 46—47].

Эта-дакументы, да якіх адносіцца ліставанне, найбольш адлюстроўваюць асобу аўтара, значна больш, чым захаваныя дакументы яго дзейнасці ці апублікаваныя навуковыя працы. Мікалай Грыгаровіч у біяграфічным нарысе апісваў яго асобу як *«ціплую»*, *«задаволеную ціплым знешнім становішчам»*, *«цяплівую ў перанясенні нястач»*, *«ціплую ў адносінах да мінулага жыцця народа, а таксама блізкіх асоб»*. Гэта апісанне дапаўняе інфармацыяй з ліставання. Напрыклад, у сваім першым лісце да брата ад 30 верасня 1815 г., у самым пачатку свайго навучання ён вельмі шчыра кажа аб удзячнасці да графа за гэтую магчымасць і параўноўвае сябе з казачным героем — бедным ганчаром Альканасарам з *«Тысячы і адной ночы»*, які дарэмна марыць аб багаці і ўплывоўасці. Але для яго гэтыя мары ў пэўным сэнсе сталі рэальнасцю. І Грыгаровіч называў сябе недаверлівым, нешматслоўным. Ён крытычна ставіўся да сваіх навуковых дасягненняў, меў не вельмі добрае здароўе. *«Вам вядома якое слабое маё здароўе. Далучыце да гэтага мноства заняткаў, грубую ежу: тады*

вы будзеце мець некаторае паняцце аб маім стане» [5, л. 9—10]. «Яго светласць меў ласку... даць адплату няспынных маіх прац на старажытнасцях, знішчаючых на-пустому здароўе маё і без таго слабое» [5, л. 31—32].

Мова лістоў часта ўтрымлівала ідыёматычныя выразы, параўнанні з міфалагічнымі героямі, выразы на лацінскай і французскай мовах, характэрныя для прадстаўнікоў тагачаснага вышэйшага свету. Часам утрымліваліся і жыццёвыя мудрыя парады: «да вяльможаў трэба набліжацца падобна, як да ахвярніка, г. зн., каб, адчуваючы пах фіміяму, не быць апаленым ахвярным агнём» [5, л. 5—6].

У фармулярным спісе 1850 г. мелася пытанне аб ідэнтычнасці: «якой нацыі і якіх чыноў», на што быў дадзены адказ — «з беларускай нацыі, протаіерэйскі сын». Гэтая ж ідэнтыфікацыя прысутнічае і ў лістах. Найбольш выдмае выказванне з гэтага ліставання ўжо неаднойчы цытавалася: «хай жа і наша святая беларуская зямля не зусім знікне з твару зямлі: але хай ведае святло, што былі часы, калі яна была слаўнейшая і дабрадзейнейшая, чым цяпер» [6, с. 107; 5, л. 31—32]. Але ёсць і іншыя: «нашы беларусы: І. О. Стаціновіч, Л. В. Саульскі, Я. Е. Бенарсвіч і А. І. Чарцінаў даручылі мне сведчыць вам іх пашану» [5, л. 5—6]. Сустрэкаюцца і значна менш паэтычныя і пазітыўныя характарыстыкі, асабліва гэта тычыцца лістоў, напісаных з Віцебска: «якая д'ябальчына зрабілася на Белай Русі» [5, л. 31—32], «не паверыце, Беларусь, са сваімі хітрыкамі, тонкасцямі, езуітызмам, так мне надакучыла, што я не хачу цешыць сябе новымі некаторымі выгадамі, якія мне абяцаюць. Даволі нацярапеўся. Хай першае ў Беларусі месца дастаецца каму заўгодна: ахвотна саступаю пераможную пал'му шукальнікам сляпой фартуны» [5, л. 52—53]. У 1830 г. І. Грыгаровіч усялякімі сродкамі імкнуўся пакінуць «невыносную, жысдоўствуючую [не надта хрысціянскую] Беларусь» [10, л. 1—2].

У ліставанні так ці інакш згадваецца яшчэ цэлы шэраг тэм, такіх як вяселле Аранскага прынца (Вілема, будучага караля Нідэрландаў Вілема II) з вялікай князеўнай Ганнай Паўлаўнай, дачкой імператара Паўла I, у Санкт-Пецярбургу 21 лютага (5 сакавіка) 1816 г., пахаванне Аляксандра I, графа М. П. Румянцава, закрыццё Гомельскай ланкастарскай школы пасля смерці графа М. П. Румянцава ў 1826 г. і лёс былых яе настаўнікаў: пераход Лаўрэнцьева стараверскага манастыра пад Веткай каля Гомеля ў праваслаўе (1828), набыццё, продаж, змена ўласнікаў маёнткаў вакол Гомеля ў 1820-я гг., пераезд сям'і Грыгаровічаў з Віцебска ў Санкт-Пецярбург і інш.

Такім чынам, нягледзячы на тое што ліставанне тычыцца пераважна гісторыі штодзённасці першай паловы XIX ст., яно нясе ў сабе патэнцыяльную інфармацыю для аналізу спецыялістамі розных навуковых кірункаў і можа быць цікавым не толькі біёграфам І. Грыгаровіча. У ліставанні паўстае карціна паўсядзённага жыцця г. Гомеля 1820-х гг., якая можа быць пашырана за кошт даследаванняў біяграфій і лёсаў асоб, што згадваюцца ў ліставанні.

Літаратура і крыніцы

1. Странник. — 1861. — № 6. — С. 305—338.
2. Чтения в обществе истории и древностей российских. — Кн. 2. — СПб., 1864. — С. 4—92.
3. РДБ. — Ф. 178. Карт. 1348. Адз. зах. 19.
4. Чечулин, Н. Д. Из переписки канцлера графа Н. П. Румянцова: с прил. портр. и facsimile. — СПб., 1893. — 57 с.
5. РДБ. — Ф. 178. Карт. 1346. Адз. зах. 18. Л. 1—58.
6. Козлов, В. П. Колумбы российских древностей / В. П. Козлов. — М.: Наука, 1981. — 168 с.
7. Іванова, В. Лісты з асабістага архіва Івана Грыгаровіча / В. Іванова // Беларускі археаграфічны ппгогоднік. — Вып. 8. — Мінск: БелНДДАС, 2007. — С. 222—231.
8. Іванова, В. «Беларускі архіў старажытных грамаг» І. Грыгаровіча і даследаванне беларускіх архіваў у першай палове XIX ст. / В. Іванова // Беларускі археаграфічны ппгогоднік. — Вып. 25. — Мінск: БелНДДАС, 2024. — С. 141—152.
9. Григорович, И. Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. — М., 1821. — 310 с.
10. РГБ. — Ф. 178. Карт. 1346. Адз. зах. 20. Л. 1—2.

Артыкул напісаны ў рэдакцыю 12.06.2025.

А. М. Латушкін,
 закладчык кафедры этналогіі, музейлогіі і мастацтваў
 гістарычнага факультэта
 Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта,
 кандыдат гістарычных навук, дацэнт;
 e-mail: andrei.latushkin1@gmail.com

МАЦЕЙ ДОГЕЛЬ (1715—1760) І ЯГО МЕСЦА Ў АРХЕАГРАФІІ БЕЛАРУСІ

Сутнасць праблемы і актуальнасць тэмы даследавання, прадстаўленай у дадзеным артыкуле, абумоўлена 200-годдзем выхаду ў свет знакавай для айчынай археаграфіі кнігі — «Белорусский архив древних грамот» (далей — «Беларускі архіў <...>») І. І. Грыгаровіча (1792—1852) і юбілеем беларускай археаграфіі, што адзначаўся ў 2024 г. [2]*. Гэта падзея актуалізуе пытанне вытокаў самой археаграфіі гісторыі Беларусі (беларускай археаграфіі, археаграфіі Беларусі). Пашырэння ў айчынай навуцы ўяўленні аб яе ўзросце сапраўды не выходзяць за межы першай чвэрці XIX ст. Яны трывала прывязаны да названага выдання і асобы яго складальніка — гомельскага протаіерэя айца Іаана**.

Гістарыяграфія фіксуе і альтэрнатыўныя меркаванні, якія з'яўляюцца небеспадкавымі, але патрабуюць дадатковага вывучэння***. Разам з тым, прыведзены класічны

* Гл. матэрыялы круглага стала з міжнародным удзелам «200-годдзе беларускай археаграфіі», які адбыўся на базе гістарычнага факультэта БДУ 25 кастрычніка 2024 г. [16].

** «Первым археографическим изданием, в котором помещены материалы, касающиеся только Белоруссии, является «Белорусский архив древних грамот», составителем и редактором которого был И. И. Григорович» [20, с. 16]. «Однако только с первой четверти XIX в., когда на территории белорусских и литовских губерний сформировались архивно-археографические центры, начавшие вести планомерную работу в области полевой, камеральной и эдиционной археографии, можно, на наш взгляд, говорить о возникновении белорусской археографии» [24, с. 21]. «<...> Во втором разделе (курса лекций. — А. Л.) рассматривается почти двухвековая история белорусской археографии, ведущей свою родословную с «Белорусского архива древних грамот»» [23, с. 4]; «Четверть века спустя (к 200-летию белорусской археографии)» [25]; «Крыпачны падыход да гістарычнай крыніцы як прыкмета зараджэння крыніцазнаўства на беларускіх землях праглядаецца ўжо ў першай чвэрці XIX ст., што звязана з дзейнасцю гомельскага протаіерэя айца Іаана (І. І. Грыгаровіча). Ён па праве лічыцца першым беларускім археографам» [21, с. 33].

*** Напрыклад, знакаміты даследчык беларускай рукапіснай кнігі М. В. Нікалаеў у свой час узводзіў пачаткі эдыцыйнай археаграфіі ў Беларусі да 1745 г. [17, с. 161]. З ім ён звязваў двухтомнае выданне «Swada polska i lacińska albo miscellanea oratorskie <...> Яна Астроўскага-Данейкавіча, вядомае таксама як «Swada latina <...>» (Ліоўлін, 1745 г., 1747 г.) [50; 51]. Ян Астроўскі-Данейкавіч (Данейкавіч-Астроўскі, Ostrowski Danekowicz, часам у літаратуры — памылкова: «Данейкавіч») (? — 1751), сакратар вялікага канцлера ВКЛ Яна Фрыдэрыка Сапегі, асабісты сакратар караля польскага і вялікага князя літоўскага Аўгуста III (з 1750 г., магчыма, ужо на 1745 г.). Згодна з іншымі даны-

погляд, які не выключае з аналізу ўзоры эдыцыйнай дзейнасці, што паўсталі яшчэ ў перыяд Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага (далей —

мі — скарбнік пінскі (?), сакратар Пінскага дыстрыкта ордэна марыянаў. Праца выйшла ў двух тамах у друкарні ўзуніаў у Ліобліне ў 1745 г. і 1747 г. Том 1 — «Swada polska i lacińska albo miscellanea oratorskie sejnowe, weselne, kancelaryjne, kaznodziejskie, elegiatne, inskrypcyjne, u inne różne, w oboim języku prozą i wierszem» («Прывабная палыпчызна і лаціна або збор разнастайных араатарскіх прамой на сеймах, вяселлях, пры канцелярыях устаноў, маральна-рэлігійных павучанняў, разважанняў і ідрэй на тэму кіравання дзяржавай, становішча яе насельніцтва, палітыкі; панегірычных, хвалебных адрасаў на абедзвюх мовах у прозе і вершах»), том 2 — «Swada Latina, Seu Miscellanea Oratoria, Epistolaria, Statistica, Politica, Inscriptionalia Elogiana, Panegyrica, Poetica, & Historica». Выданне здзейснена па замове і пры падтрымцы Сапер. Найперш, Яна Фрыдэрыка Сапері (1680—1751), вялікага канцлера ВКЛ, графа на Кодані, а таксама, верагодна, Юзафа Станіслава Сапері (1708—1754), графа на Дуброўне, Заслаўі, Быхаве etc., біскуп-падвяргізыянага, каадытара Віленскага біскупства, вялікага рэфэрэндара (духоўнага) ВКЛ. Яно ўтрымлівае наступныя творы: прамовы сенатараў-прадстаўнікоў родаў Сапер (93 прамовы), Радзівілаў, Палаў, Сангушкаў і інш., паслоў-дэпутатаў ад паветаў ВКЛ, іншых дзяржаўных дзеячаў, прадстаўнікоў прывілежаванай часткі грамадства таго часу, агучання на сейме і ў іншых органах улады ВКЛ і Рэчы Паспалітай за XVI — сярэдзіну XVIII ст., у тым ліку, напрыклад — тэкст знакамітай прамовы Льва Сапері ў гонар друку Статута ВКЛ 1588 г.; канспіцыі сеймаў, акты элекцый, фармулёўкі прысяг, узоры тэкстаў судовых дэкрэтаў, актаў асобных відаў як прыватнага, так і агульнадзяржаўнага характару і інш.; карэспандэнцыя манархаў, сенатараў, рэлігійных дзеячаў, магнатаў; прамовы духавенства з рознай нагоды падчас палітычных і прыватных падзей; панегірычныя творы; творы розных аўтараў на тэму рэлігіі, генеалогіі, географіі, так або іначай звязаныя з родам Сапер, у тым ліку аб пудадзейным абразе Божай Маці ў Кодні, ордэне Белага Арла і ролі іншых рыцарскіх ордэнаў у хрысціянстве, гісторыі і генеалогіі роду Сапер аўтарства А. Міппаўта. Тэкст двухтомнай публікацыі быў перададзены на польскай і лацінскай мовах. Том першы ўтрымлівае 6, другі — 7 частак у адпаведнасці з пералічанымі жанрамі. Кожны такі раздзел утрымлівае прысвечанае таму або іншаму прадстаўніку роду Сапер. Акрамя названых вышэй, гэта: Пётр, ваявода смаленскі, граф на Равічу і Козьміне; Ян, сын ваяводы смаленскага Пятра, стараста здзітаўскі, граф на Равічу і Козьміне; Юрый (Ежы), ваявода мсціслаўскі, граф на Ляхавічах; Міхал (Міхал), вялікі лоўчы ВКЛ, граф на Быхаве; Казімір, стараста Ялоўскі; Ігнацій, падскарбі; Караль, пісар польны і іншыя [50; 51; 47; 17, с. 160; 38, с. 517—519]. На погляд К. Эстрайхера і С. Эстрайхера, прыпісванне аўтарства твора Яну Фрыдэрыку Саперу — памылковае. Як сенатар і заможная асоба, ён меў уласную канцыверую і пісараў, якія па яго заказу рыхтавалі тэксты прамой з той або іншай нагоды або выступалі ўстадаўлянікамі твораў, выданне якіх фінансавалася Саперам. Да перагу іх ён адносіць і Яна Астроўскага-Данейкавіча [38, с. 519]. Адметна, што адзін з біяграфіаў Яна Астроўскага-Данейкавіча, гісторык з беларускімі каранямі Р. Мяніцкі прапаноўваў адносяць яго працу менавіта ў кантэксце археаграфіі, а не гісторыі літаратуры. Яе ж складальніка гэты дзеяч характарызаваў як «выдаўца матэрыялаў, што адносяцца да гістарычных крыніц, зборам і апублікаваннем чаго ён добра паслужыў нашчадкам, а, разам з тым, здоліў задаволіць патрэбы сваёй сучаснасці» [47]. Яшчэ адным фактам у

ВКЛ). Гаворка ідзе аб шэрагу выданняў XVIII ст., сярод якіх можна назваць наступныя: «Swada polska i lacińska albo miscellanea oratorskie <...>» вядомая таксама як «Svada latina <...>» Яна Астроўскага-Данейкавіча (Люблін, 1745 г., 1747 г.) [50; 51]; «Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, ex originalibus et exemplaris authenticis descripti» М. Догеля (Вільня, 1758 г.) [46]; серыя «Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae <...>» М. Догеля, Я. Выкоўскага і М. Тукалы (Вільня, 1758 г., 1759 г., 1764 г.) [29; 30; 31]; «Zbiór praw i przywilejów miastu stołecznemu Wilnowi nadanych» П. Дубінскага (Вільня, 1788 г.) [41]. Некаторыя даследчыкі сюды ўключаюць і знакаміты збор «Volumina legum» у 8 тамах (Варшава, 1732—1739 гг., 1782 г.), што пры пэўных крытэрыях ацэнкі таксама можа быць справядлівым, асабліва з увагі на гісторыю перавыдання «тамоў права» ў 1859—1860 гг., а таксама і беларускае паходжанне І. П. Агрызкі — асобы, якая здзейсніла гэты праект [52; 24, с. 20]. Названыя вышэй выданні разглядаліся як неад’емная частка гісторыі археографічнай дзейнасці на беларускіх землях яшчэ падчас працэсу інстытуцыяналізацыі археографіі ў незалежнай Беларусі і стварэння ў кастрычніку 1999 г. — студзені 2000 г. Археографічнай камісіі Дзяржаўнага камітэта па архівах і справаходству Рэспублікі Беларусь. Тады адзін з найбуйнейшых даследчыкаў айчынай археографіі М. Ф. Шумейка, адносячы працэс станаўлення і развіцця беларускай археографіі да першай чвэрці XIX ст., адзначаў літаральна наступнае: «Эти и другие документальные издания, появившиеся в XVIII в. и содержавшие в своем составе письменные источники белорусского происхождения, безусловно, должны быть приняты во внимание при исследовании истории белорусской археографии в качестве предтечи ее зарождения и оформления как самостоятельной науки и сферы практической деятельности» [24, с. 21]. Гэты погляд быў змешчаны на старонках пілотнага выпуску першага спецыялізаванага перыядычнага выдання нашай краіны ў галіне археографіі — «Беларускага археографічнага штогодніка». Дадзены факт дазваляе разглядаць прыватнае меркаванне аўтарытэтнага вучонага як погляд, што меў рысы калегіяльнай падтрымкі навуковай супольнасці таго часу і можа сведчыць аб уключэнні перыяду XVIII ст. у канцэптуальныя межы беларускай археографіі. Названыя публікацыі, па меркаванні вучоных, яшчэ не насілі навуковага характару. Аднак яны, без сумнення, выступаюць часткай працэсу развіцця гістарычнай навукі, метадаў гістарычнага пазнання ў Еўропе XVIII ст., нават нягледзячы на пэўныя недахопы, непазбежна ўласцівыя ранняму этапу ў развіцці метадыкі публікацыі гістарычных крыніц, а таксама на мэту задавальнення папярб інтэлектуальнай і кіруючай эліты свайго часу пры вырашэнні задач унутранай і знешняй палітыкі, арганізацыі функцыянавання прававой сферы ў ВКЛ і Рэчы Паспалітай.

межах пытання сувязі выдання «Swada <...>» з Беларуссю выступае тое, што паходжанне апублікаваных твораў, выдавочна, звязана з архівамі роду Сапег. Гэта робіць дадзенае выданне крыніцай, якая можа адлюстроўваць падакументны склад прыватных збораў названага роду па стане на канец першай паловы XVIII ст.

У сувязі з вышэйадзначаным трэба заўважыць наступнае. Згодна з канцэпцыйй гісторыі беларускай дзяржаўнасці, ВКЛ — яе неад’емная частка і гістарычная форма ў перыяд сярэдзіны XIII — канца XVIII ст. [13, с. 230—558]. Масіў адзначаных прац заклаў падмурак друкаванай базы крыніц, у тым ліку па гісторыі Беларусі названага перыяду. Некаторыя з іх сталі значным укладам у развіццё археаграфіі гісторыі міжнародных адносін на ўсім еўрапейскім кантыненте ў эпоху Асветніцтва. Вядома пры гэтым, што выхад у свет гэтых публікацый быў санкцыянаваны манархам, суправаджаўся падтрымкай членаў Паноў-Рады і іншых прадстаўнікоў улады менавіта ВКЛ, а падрыхтоўка да друку здзяйснялася з удзелам яго ўраджэнцаў — выхадцаў з беларускіх зямель. З улікам таго, што пасля заключэння Люблінскай уніі дзяржаўнасць ВКЛ у складзе Рэчы Паспалітай не была цалкам страчанай, а землі Беларусі пасля 1569 г. складалі аснову тэрыторыі ВКЛ, адзначаныя характарыстыкі названых публікацый захоўваюць істотнае значэнне для гісторыі археаграфіі нашай краіны [13, с. 361, 383, 395, 525]. Яны дазваляюць разглядаць гэтыя выданні на прадмет прыналежнасці да гісторыі і культуры беларускага народа або — трактаваць як аб’екты сумеснай спадчыны. Грэбаваць такімі аб’ектамі, выключаць са скарбонкі айчынной культуры ці айчыннага гістарычнага дыскурсу, ахвяраваць іншым народам — не зусім мэтазгодна. Гэта не здымае патрэбы крытычнага асэнсавання навуковай і, уласна, гісторыка-культурнай каштоўнасці такіх прац на аснове прынцыпаў гістарызму і навуковай аб’ектыўнасці, высвятлення іх месца ў гісторыі самой з’явы, у гістарычным працэсе на землях былога ВКЛ у цэлым. Аднак дадзены аналіз варта рабіць з улікам гістарычнага кантэксту іх узнікнення. Нам падаецца, што сучасная айчынная гістарычная навука здольна гэта зрабіць.

Для нас відавочна, што дасягненні І. І. Грыгаровіча з улікам спецыфікі свайго часу — унікальныя. Яны доўга заставаліся непераўздзенымі і пазней мелі мала прыкладаў для параўнання. Роля ж самога дзеяча ў гісторыі развіцця археаграфіі, крыніцазнаўства, мовазнаўства ў Беларусі — найадметнейшая і яшчэ ў поўнай і належнай сваёй меры недаацэненая. Тэрміновых і агульнадзяржаўных намаганняў патрабуе і справа мемарыялізацыі асобы дзеяча. Разам з тым прадпрынятыя з нагоды 200-годдзя беларускай археаграфіі назіранні за адным з ключавых і, без сумнення, знакавых элементаў у яе канструкцыі — «Беларускім архівам <...>» — найперш дэманструюць тое, што сама айчынная гістарычная навука і археаграфія, а таксама крыніцазнаўства, дыпламатыка, гістарычнае дакументазнаўства, архівазнаўства павінны знайсці згоду і сфармуляваць з улікам сучаснага стану ведаў пераканальны, і калі не канчатковы, то вычарпальны ва ўмовах цяперашняга стану навукі адказ на базавае пытанне: «Ад якога часу трэба адлічваць пачатак беларускай археаграфіі»? У сваю чаргу адказ на яго грунтуецца на пытаннях: «Які змест укладаецца ў само паняцце “беларуская археаграфія”»? «Што ўключаецца ў аб’ект яе вывучэння, у тым ліку ў тэрытарыяльным сэнсе»? «Якую назву павінна насіць у нашай краіне сама дадзеная галіна ведаў — “беларуская археаграфія”, “археаграфія Беларусі” ці іншую»? Гэта скла-

дання задачы па цэлым шэрагу прычын. Аднак ухіленне ад іх вырашэння непазбежна вядзе да штурханага звужэння навуковага поля айчынай археаграфіі, да прабелаў у гісторыі айчынай навукі і культуры, а ў выніку — да значных страт у скарбніцы дасягненняў ранейшых пакаленняў беларускага народа.

Мэта дадзенага артыкула: у кантэксце дыскусіі аб вытоках археаграфіі Беларусі актуалізаваць пытанне аб месцы ў ёй выданняў, здзейсненых Мацеєм Догелем (1715—1760) і піярамі т. зв. Літоўскай правінцыі ў 1758—1764 гг., разгледзіць аргументы на карысць ацэнкі названай гістарычнай асобы як аднаго з пачынальнікаў справы выдання пісьмовых гістарычных крыніц па айчынай гісторыі, у прыватнасці, такога іх віду, як міждзяржаўныя пагадненні.

У святле пастаўленай у артыкуле мэты, як адной з прыярытэтных задач для вырашэння, аўтару бачыцца праблема зместу саміх паянняў «беларуская археаграфія» / «археаграфія Беларусі». Дыскусія аб полі і межах даследавання абазначанай імі сферы ведаў, аб яе мэце і задачах у кантэксце айчынай гісторыі і крыніцазнаўства перыядычна ўзнімаецца ў беларускай навуцы. Са свайго боку аўтар хацеў бы дадаць, што найбольш характэрнымі і ўстойлівымі прыкметамі той або іншай публікацыі, якія маглі б дазволіць аднесці яе да навуковага поля айчынай археаграфіі, могуць выступаць наступныя:

1) *аўтарства публікацыі*: публікацыя, падрыхтаваная асобамі (складальнікамі, рэдактары), якія нарадзіліся на тэрыторыі Беларусі ці ў межах тых дзяржаўных утварэнняў, у склад якіх уваходзіла Беларусь у розныя перыяды свайой гісторыі, або публікацыя, якая была створана ў выніку дзейнасці калектыву асоб са складу адпаведнай прафесійнай супольнасці такога дзяржаўнага ўтварэння, спецыялізаванымі ўстановамі рэлігійнай, культурна-асветніцкай, адукацыйнай, навукова-даследчай сфер дзейнасці грамадства;

2) *мэта публікацыі*: публікацыя, што ставіла б мэты: захаванне зместу гістарычнай крыніцы і звестак аб ёй; забеспячэнне неабмежаванага доступу да змешчанай у ёй дакументнай рэтраспектыўнай інфармацыі; выкарыстанне ў навукова-даследчых, адукацыйных, культурна-асветніцкіх, выхаваўчых, мемарыяльных і іншых мэтах, карысных для беларускага народа на тых ці іншых этапах яго развіцця ў межах той ці іншай гістарычнай формы яго дзяржаўнасці;

3) *тэматыка і змест публікацыі*: публікацыя пісьмовых ці іншых відаў гістарычных крыніц, шырэй — дакументнай рэтраспектыўнай інфармацыі, у якой галоўным аб'ектам увагі ўсёй сукупнасці змешчаных крыніц выступае гісторыя беларускага народа на розных этапах яго гістарычнага развіцця, гісторыя Беларусі або беларускіх зямель у складзе тых або іншых дзяржаўных утварэнняў;

4) *методыка публікацыі*: публікацыя, падрыхтаваная на аснове прыняццяў і метадыкі, якія з улікам магчымасцей і ўзроўню развіцця самой эдыцыйнай дзейнасці свайго часу маглі б забяспечыць наступнае: а) гарантавалі б, наколькі магчыма, поўную адпаведнасць тэксту, што публікуецца, самай крыніцы; б) імкнуліся б забяспечыць карыстальніка звесткамі, неабходнымі для ацэнкі ступені верагоднасці крыніцы, фарміравання ўяўлення аб гістарычным

кантэксце і ўмовах яе ўзнiкнення і бытавання, iншымi данымi, iстотнымi для больш поўнага і правiльнага разумення зместу крынiцы і яго аб'ектыўнага трактавання (напрыклад, час і месца ўзнiкнення крынiцы, знешнiя прыкметы, месца захоўвання арыгiнала на момант падрыхтоўкi выдання, наяўнасць копiй і ступень iх адпаведнасцi арыгiналу і да т. п.).

Прыведзены вышэйшi спіс крытэрыяў аднясення публiкацыi да здабытку беларускай археаграфii — небяспрэчны. Кожны яго пункт так або iначай звязаны з канцэптуальнымi асновамi археаграфii, тымi iх элементамi, якія фармiруюць яе дыскусiйны патэнцыял. Аўтар усведамляе рызыкi (найперш з навуковага пункту гледжання) самой спробы канструявання падобнай мадэлі, а, магчыма, і бесперспектыўнасцi рэалiзацыi самога такога падыходу. Разам з тым аўтар выказвае спадзяванне, што пасля належнай крытычнай ацэнкi прапанаваны пералiк усё ж застанецца прыдатным для ўдасканалення, дапаўнення, канкрэтызацыi. У гэтай сувязi варта таксама заўважыць, што аўтар з разуменнем і павагай ставiцца да выказаных у кантэксце ўзнятай праблемы меркаванняў аб навуцы як з'явы, якую немагчыма падпарадкаваць тым або iншым дзяржаўным межам [24, с. 21—22]. Аднак, на наш погляд, iснуюць усё ж галiны навуковых ведаў, у якіх аб'ект iцi складаючыя яго прадметы вывучэння неразрыўна звязаны з культурнай, у тым лiку навуковай спадчынай канкрэтнага народа або гiстарычнымi працэсамi на тэрыторыi дзяржавы, якую ён ствараў. Вывучэнне этапаў развiцця такой галiны ведаў немагчыма адарваць ад гiсторыi самой дзяржавы, немагчыма разглядаць без сувязi з самiм аб'ектам і яго становiшчам у часе і прасторы. Да такіх, без сумнення, адносяцца беларуская археаграфiя і шырэi — сама гiсторыя Беларусi. Нi адна з дзяржаў, як і нi адна з нацыянальных навук, не можа адмовiцца ад пошуку нацыянальнага кампанента ў гiсторыi свайго развiцця або iгнараваць, ахвяраваць iншым выдатным дасягненнiм прадстаўнiкоў свайго народа. Гэта ў поўнай меры датычыцца і гiсторыi археаграфii ва Усходняй Еўропе ў XVIII — пачатку XIX ст., даследаванне вытокаў беларускай археаграфii — адна з яе задач. Такiм чынам, пры запысе на вызначэнне таго iцi iншага выдання як археаграфiчнай публiкацыi, а самой з'явы — як той, што можа быць аднесена да здабытку культуры і навукi Беларусi, прапанаваны склад крытэрыяў падаецца нам мiнiмальна абавязковым. Разам з тым такiя крытэрыi не выключаюць магчымасцей трактавання таго iцi iншага здабытку як сумеснай спадчыны, калi ён быў створаны ў перыяд фармiравання беларускага этнасу (народу) і (або) яго суiснавання з iншымi этнасамi (народамi) у межах агульнага дзяржаўнага ўтварэння.

У кантэксце праблемы вытокаў айчынных археаграфii прыярытэтнай увагi заслугоўвае асоба ўраджэнца Беларусi, рэктара Вiленскага калегiума пiяраў, выдаўца знакамітага «*Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae*» («Дыпламатычны кодэкс Польскага каралеўства і Вялiкага Княства Лiтоўскага», далей — «Дыпламатычны кодэкс <...>») Мацея (Дамiнiка) Догеля (1715—1760). У польскай і расійскай гiстарычнай навуцы ён прадстаўлены пераважна як польскi знаўца сярэднявечных актаў і грамат, археограф, гiсторык пра-

ва. У літоўскай — пераважна як гісторык і выдавец крыніц па гісторыі ВКЛ і Польшчы без спробы ідэнтыфікацыі этнічнай прыналежнасці. Як жа трактуюцца асоба і дзейнасць М. Догеля ў айчынной гістарыяграфіі? На жаль, на акадэмічным узроўні айчынных археаграфіі, крыніцазнаўства, гістарычнай навукі ў цэлым амаль не дэманструецца спроб грунтоўных даследаванняў, якія належным чынам раскрывалі б значэнне дзейнасці нашага земляка, трывала ўводзілі б яго ў наратыў археаграфіі Беларусі. Аснову айчынной гістарыяграфіі дагеліны востра ўжо некалькі дзесяцігоддзяў фарміруюць дзве невялікія працы А. А. Біралы і А. А. Плашчынскага [3, с. 121—125; 18]. Тым не менш, калі абстрагавацца ад факта амаль поўнай адсутнасці ўласных даследаванняў па тэме, то можна заўважыць наступнае. Першапачаткова М. Догель — гэта пераважна прызнаны постаць у галіне філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. Яго называюць «выдаўцом», але часцей — «буйным гісторыкам і правазнаўцам», дзейнасць якога пры гэтым «працягала ў Беларусі і Літве» [3, с. 121]. Каля 30 гадоў таму ў пачатку вяртання імя М. Догеля ў гістарычны наратыў Беларусі на ўзроўні профільных энцыклапедычных выданняў яго асоба трактавалася як «гісторык-археограф (!), прававед» (Г. Я. Галенчанка), а яго роля — як роля асобы, што «заклала асновы археаграфіі і крыніцазнаўства ВКЛ» (!) (Г. Г. Сяргеева) [7, с. 210; 19, с. 17]. Аднак пазней М. Догеля сталі прадстаўляць не як археографа, а як архівіста: «гісторык-архівіст, правазнавец», «педагог, гісторык-архівіст, правазнавец» [8, с. 264; 4; 5; 6; 11, с. 205]. Падставы для разумення прафесійнага профілю гэтай асобы як «гісторыка-архівіста» — спрэчныя, калі не лічыць выкарыстання М. Догелем актаў з шырокага кола архіваў, бібліятэк і іншых збораў ВКЛ, Польшчы, краін Заходняй Еўропы ў ролі даследчыка, археографа. Доказуў сталага выкавання ім прафесійных абавязкаў архівіста пры якім-небудзь архіве ні гістарыяграфія тэмы, ні вядомыя нам крыніцы не ўтрымліваюць. Пашыраныя ў навуцы звесткі аб працы М. Догеля ў Нясвіжскім архіве пакуль можна пацвердзіць толькі часткова: вядома аб спробе доступу дзеяча ў якасці даследчыка да прыватнага збору Радзівілаў у Нясвіжскім замку ў 1756 г., таксама верагодна, што па замове дзеяча архівістамі Радзівілаў для яго рыхтаваліся копіі актаў архіва (гл. ніжэй). Папулярныя сёння электронныя энцыклапедыі тыражыруюць азначаны погляд, але ўжо спрабуюць дадаваць дзеячу этнічную ідэнтыфікацыю, праўда, не заўжды ўзгоднена паміж сабой: «белорусско-литовский историк-архивист, правовед»; «великалітоўскі гісторык-архівіст, прававед». У пэўнай ступені з такой прафесійнай ідэнтыфікацыяй М. Догеля, як «гісторык-архівіст» можна пагадзіцца, калі яе аўтары мелі на ўвазе досвед дзеяча як знаўцы, што меў уяўленне аб існуючых на той час архівах, іх статусе, дакументальным складзе, валодаў на тым ці іншым узроўні метадамі пошуку, даследавання і публікацыі гістарычных крыніц. Аднак нават у гэтым выпадку яго больш правільна было б разглядаць не як «архівіста», а як «архівазнаўца».

Разам з тым, яшчэ на пачатку XIX ст. у колах інтэлектуальнай эліты былой Рэчы Паспалітай яго ідэнтыфікацыя звязвалася, перш за ўсё, менавіта з

археаграфічнай ці крыніцазнаўчай дзейнасцю: «апісальнік сярэднявечных актаў і грамаг», «знаўца сярэднявечных актаў і грамаг», «знаўца дыпламаў» і інш. (польск. «dyplomatyczny pisarz», «dyplomatyk», «slawny dyplomatyk polski») [34, s. 134; 48, s. 4; 26, s. 255—256]. Варта таксама заўважыць, што менавіта ў ролі выдаўца крыніц заканадаўчага характару, міжнародных дагавораў бачыў М. Догеля сам І. І. Грыгаровіч, ставячы яго ў адзін шэраг з Томасам Раймерам (у І. І. Грыгаровіча — «Рымер») і Жанам Дзюмонам [2, с. V—VI]. І нарэшце, класік айчыннай археаграфіі М. М. Улашчых у сваёй працы «Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода» найпрост прадстаўляе М. Догеля менавіта як археографа: «Догель, археограф» [20, с. 290]. Размяшчэнне такой ідэнтыфікацыі, як элементу асабовага паказальніка, указвае на ўзважанасць і асэнаванасць ацэнкі.

Назапашаныя да цяперашняга часу ў навуцы звесткі дазваляюць прадставіць шэраг аргументаў на карысць справядлівасці аднясення М. Догеля да археаграфіі Беларусі. Мы не будзем чарговы раз трансліраваць біяграфію складальніка «Дыпламатычнага кодэкса <...>», апісваючы ўсе вынікі яго працы. Гэта задача заслугоўвае асобнага даследавання і ў поўным аб'ёме ў навуцы яшчэ не рэалізавана*. Аднак змешчаныя ў жыццямісе дзеяча факты, а таксама даныя аб выданнях М. Догеля паспрабуем прадставіць і ацаніць згодна з прапанаваным вышэй пералікам прыкмет прыналежнасці да айчыннай археаграфіі: аўтарства, тэматыка і змест, мэта, метадыка публікацыі (гл. вышэй, п. 1—4).

1. *Аўтарства публікацыі*. М. Догель нарадзіўся на тэрыторыі Беларусі 6 жніўня 1715 г. Згодна з А. Машыньскім і большасцю пазнейшых аўтараў, месца нараджэння дзеяча — вёска Гембулы або Гембуле (польск. Gembule) Лідскага павета Віленскага ваяводства ВКЛ [48, s. 4]. У адным з даследаванняў — Віленскі павет [34, s. 134]. Такого населенага пункта, як Гембулы, сёння не існуе. Верагодна, усё ж гэта былі Гімбуты на рацэ Жыжма. Даведная літаратура другой паловы XIX ст. называе тры такія паселішчы на Лідчыне, з іх дзве вёскі і адзін фальварак [49, s. 571]. Адно з іх — сёння вёска на тэрыторыі Дварышчанскага сельскага савета Лідскага раёна Гродзенскай вобласці. Род М. Догеля быў мясцовым, шляхецкім. Па мячы ён належаў да герба «Дзялоша» (даня А. Машыньскага) або «Трубь» (даня У. Канапчыньскага) [48, s. 3; 42, s. 280]. Вядома таксама, што ў канцы XVIII ст. на Лідчыне існавала асобнае паселішча Догелі, або па-іншаму — Лычкаў, адкуль паходзілі носьбіты таго ж прозвішча, аднак з прыдомкам «Цырына» і гербам «Трубь» [36, s. 282].

Разам з тым М. Догель належаў да адпаведнай прафесійнай супольнасці, «спецыяльнай установы» рэлігійнай сферы ў галіне адукацыі і навуцы, выдавецкай справы. Сферай яе дзейнасці была менавіта тэрыторыя ВКЛ, у тым ліку беларускія землі. У жыцці М. Догеля такой структурай выступіў каталіцкі манаскі ордэн піяраў. Як вядома, першапачаткова піяры з'явіліся на землях Рэчы Пас-

* Гістарыяграфію, што ўтрымлівае звесткі аб біяграфіі і дзейнасці М. Догеля, адпастроювае бібліяграфічны спіс да артыкула [3—8; 14; 15; 18; 26—28; 34; 38; 40; 42—44; 48].

палітай у 1642 г. У 1696 г. пачала дзейнасць Літоўская (г. зн. для ўсяго ВКЛ) віцэ-правінцыя ордэна, а ў 1736 г. яна трансфармавалася ў самастойную, т. зв. Літоўскую правінцыю піяраў. Піяры зрабілі адукацыю насельніцтва адным з профіляў сваёй дзейнасці. Яны складалі канкурэнцыю езуітам у гэтай справе. У шэрагі брастоў ордэна піяраў М. Догель уступіў у 1730 г. і атрымаў імя Дамінік.

М. Догель меў адпаведную адукацыю. Першапачаткова ён атрымаў яе ў школе ордэна піяраў у Шчучыне. З 1732 г. — настаўнічаў. Падчас падарожжа ў Еўропу слухаў лекцыі ў Лейпцыгскім, Парыжскім і, па некаторых даных, Страсбургскім універсітэтах па філасофіі, дакладных навук, у тым ліку матэматыцы, міжнародным праве («праве народаў»). Падрыхтаваў дысертцыю ў галіне гісторыі міжнародных адносін і права [27, s. 271; 29]. Асістэнт Літоўскай правінцыі піяраў (каля 1747 г.), рэктар Віленскага калегіума піяраў. Заснаваў пры названым калегіуме ў Вільні школу для шляхецкай моладзі (польск. *konwikt*, лат. *Collegium Nobilium*) (1756 г.). У 1754 г. адкрыў у Вільні друкарню, забяспечыў яе абсталяваннем, работнікамі, апекай з боку самога манарха. Яна атрымала ганаровую назву «*Typographia Regia et Reipublicae Colegii Vilenensis Scholarum Piarum*» («Друкарня караля і рэспублікі Віленскага калегіума піярскіх школ»). Па некаторых даных, друкарня дзейнічала да 1836 г.

2. *Мэта*. У гістарыяграфіі тэмы публікацыі М. Догеля разглядаюцца пераважна як навукова-асветніцкі археаграфічны праект. Яраслаў Куркоўскі трактуе выданне «Дыпламатычнага кодэкса <...>» як справу выразна «публічную» або здзейсненую ў інтарэсах усяго грамадства Рэчы Паспалітай і па яго ініцыятыве [43, s. 90—91, 101—102]. Публікацыі «Дыпламатычны кодэкс <...>» і «*Limites <...>*» сапраўды былі ініцыяваны і рэалізаваны недзяржаўнай структурай, але атрымалі санкцыю дзяржавы. Першы праект атрымаў дазвол манарха, быў узгоднены з кіруючымі коламі ВКЛ і Польшчы, абапіраўся на іх падтрымку і кантраляваўся на прадмет адпаведнасці крыніцам. У хадайніцтве перад манархам аб дазvole на друк і фінансавай падтрымцы на баку М. Догеля выступілі вялікі канцлер ВКЛ Фрыдэрык Міхал Чартарыйскі, падканцлер Каралеўства Польскага Міхал Вадзіцкі, кудзінскі біскуп Антоній-Себасц'ян Дэмбоўскі. У 1754 г. М. Догелю быў нададзены прывілей Аўгуста III на выключнае права публікацыі «Дыпламатычнага кодэкса <...>». Акрамя таго, у 1755 г. ён атрымаў частковае фінансаванне ад дзяржавы [44, s. 105]. Указаныя факты адлюстраваны ва ўступных частках да кожнага з апублікаваных тамоў серыі «Дыпламатычнага кодэкса <...>»: «*Approbatio*», «*Dedicatio*», «*Prospectus operis*», «*Praefatio*», «*Privilegium*» (нумарацыя старонак у гэтай структурнай частцы выданняў, як правіла, адсутнічае) [29; 30; 31]. Тут дэманстраваліся тэксты прывілеяў Аўгуста III, дазволы, пацвярджэнні, распараджэнні вялікіх канцлераў і іншых службовых асоб, адказных за архіўнае захоўванне актаў дзяржавы. Усё вышэйадзначанае можна аднесці і да выдання «*Limites <...>*» — актаў размежавання ВКЛ і Польшчы, друкаванне якіх было дазволена Аўгустам III 16 сакавіка 1758 г. [46].

Разам з тым, відавочна, што па сваім прызначэнні і мэтавай аўдыторыі зборнікі М. Догеля і піяраў Літоўскай правінцыі былі падпарадкаваны інтарэсам не толькі дзяржавы, але і мэтам навукі і асветы грамадства ВКЛ і Польшчы, задачам захавання і ўзбагачэння ведаў аб мінулым Рэчы Паспалітай. Пры гэтым ведаў дакладных і праўдзівых, тых, што грунтаваліся б на верагодных гістарычных крыніцах. З другога боку, зноў жа толькі такія веды маглі б выступаць паўнаважасным аргументам ва ўнутрыпалітычнай і дыпламатычнай палеміцы, прыносяць карысць грамадству і дзяржаве. Выразным іх узорам выступалі якраз акты афіцыйнага паходжання. Доступ да іх быў раней закрыты, але, як сцвярджалася ў прадмове да тома I «Дыпламатычнага кодэкса <...>», «настойлівасць прасіцеляў уззяла верх» [29, Praefatio]. Захаванне памяці аб мінулым і забеспячэнне навукі гістарычнымі крыніцамі — як адну са сваіх задач — ускосна дэманструе і выданне «*Limites* <...>». Так, ва ўмовах адсутнасці ратыфікацыі з боку Рэчы Паспалітай, т. зв. Гжымулоўскага дагавора ад 06.05.1686 г. аб межах з Расійскай дзяржавай, М. Догель публікуе ў якасці альтэрнатывы тэкст апошняга з правамоцных актаў такога размежавання — ад 02.11.1635 г., г. зн. з данымі аб межах, якія на 1758 г. маглі быць ужо не зусім актуальнымі. Такое рашэнне ён тлумачыць менавіта гістарычнай роляй акта: «Па гэтай прычыне *для гісторыі* тут прадстаўлены старыя межы»; польск. «*Zaczyn składa się tu dawniejsze Granice przez sposób Historyi*» (выдзелена. — *A. J.*) [46, s. 75].

Варта таксама заўважыць, што ўзорам для выдавецкага праекта М. Догеля і піяраў Літоўскай правінцыі як з пункту гледжання грамадскай карысці, так і з пункту гледжання пытанняў зместу і афармлення, маглі служыць працы заходнеёўрапейскіх гісторыкаў. Падобныя выданні, што з'явіліся ў Англіі, Германіі, Францыі, Італіі ў канцы XVII — першай палове XVIII ст. у якасці матыву і прыкладу сваёй дзейнасці называе сам М. Догель у прадмове да тома I «Дыпламатычнага кодэкса <...>» [29]. Даследчыкі вылучаюць сярод іх наступныя: 20-томная публікацыя англічаніна Томаса Раймера, ці ў некаторых перакладах — Рымера (Thoma Rymer, 1641—1713), і яго паслядоўнікаў пад назвай «*Foedera, conventiones, literae et cujusque generis acta publica* <...>» выйшла ў Лондане ў 1704—1735 гг.; 8-томная праца французца Жана Дзюмона (Jean Dumont Baron de Carlostoon, 1667—1727) «*Corps universel diplomatique du droit des gens* <...>», Амстэрдам, 1726—1731 гг.; 24-томнае выданне немца Ігана Хрыстофа Люніга (Johann Christoph Lünig, 1662—1740) «*Teutsches Reichsarchiv*», Лейпцыг, 1710—1722 гг. [33; 35; 39]. У прыватнасці, на выразнае падабенства падыходаў да аббору і публікацыі актаў Т. Раймера і М. Догеля звяртаў увагу Я. Куркоўскі [43, s. 102]. Разам з тым, відавочна, што ўзорам для «Дыпламатычнага кодэкса <...>» маглі выступіць адразу некалькі падобных ранейшых заходнеёўрапейскіх выданняў, спалучаючы ў сабе тыя ці іншыя іх археографічныя і паліграфічныя, выдавецкія рашэнні, што адпавядалі мэце і планам праекта піяраў Літоўскай правінцыі. У найбольшай ступені гэта датычыцца серый, распачатых Т. Раймерам і Ж. Дзюмонам. Першы з іх — каралеўскі гістарыёграф Вялікабрытаніі, у

1693 г. распачаў серыю выданняў усіх міжнародных пагадненняў Англіі, актаў, што адлюстроўваюць яе стасункі з іншымі дзяржаўнымі ўтварэннямі з 1101 г. Прыярыгэт надаваўся арыгіналам неапублікаваных дакументаў. У Вялікабрытаніі гэта быў першы археаграфічны праект агульнадзяржаўнага маштабу, адно з найбольш удалых і запатрабаваных археаграфічных выданняў прававых актаў, якое неаднаразова перавыдавалася. Распачаты больш чым праз два дзесяцігоддзі пасля яго «Corps universel diplomatique du droit des gens <...>» Ж. Дюмона раскрываў гісторыю міжнародных адносін Францыі з часоў Карла Вялікага і ахопліваў перыяд 800—1730 гг. У афармленні «Дыпламатычнага кодэкса <...>» можна выявіць выразныя рысы падабенства з дзвюма названымі серыямі выданняў як мінімум у частцы, што выйшла пры жыцці іх складальнікаў. Гэта датычыцца такіх элементаў, як прадмова, арганізацыя тэксту дакумента на старонцы ў дзве калонкі, парадкавая нумарацыя згодна з лічбавай сістэмай лацінскай мовы, храналагічны парадак актаў з пазначэннем на палых даты кожнай чарговай пазіцыі, загаловкі дакументаў і ўказанне на месцазнаходжанне арыгінала, наяўнасць паказальнікаў і інш. Пэўныя агульныя рысы маюць таксама шрыфты выданняў [33; 39]. Прынцыповым адрозненнем выступала, хіба, моўнае рашэнне пры публікацыі — захаванне мовы крыніцы: Т. Раймер — лацінская, англійская; Ж. Дюмон — лацінская, нідэрландская, французская, нямецкая, іспанская. М. Догель выбраў такі падыход толькі для «Limites <...>» — лацінская і польская мовы. Тэкст актаў «Дыпламатычнага кодэкса <...>» перадаваўся ім пераважна на лацінскай мове незалежна ад мовы арыгінала.

Адначасова варту заўважыць, што прыкладам для выданняў самога Т. Раймера, а. у сваю чаргу, верагодна, і М. Догеля, выступіла праца «Codex juris gentium diplomaticus <...>» (Гановэр, 1693 г.). Яе складальнікам быў знакаміты вучоны Готфрыд Вільгельм Лейбніц (1646—1716), на той час — бібліятэкар, гістарыёграф і дыпламат пры двары герцага Эрнста Аўгуста Браўншвейг-Каленбергскага, курфюрста Гановера [32]. Верагодна, не толькі на самой ідэі і прыкладзе яе рэалізацыі Г.-В. Лейбніцам, але і на яго поглядах на такі праект як на археаграфічны, грунтавалася і сама назва серыі, заснаванай М. Догелем — «Codex diplomaticus <...>». Вытокі гэтай з’явы нямецкі вучоны бачыў у сферы гісторыі права краін Заходняй Еўропы*. Дадзенае назіранне

* Codex juris gentium diplomaticus <...>, Excerpta ex Epistola I. Martii 1693: «Non “Pandectas” inscripsit, neque enim omnia habet, nec “Digesta”, quia non materiarum, sed temporum ordinem sequitur; sed “Codicem” non quasi Justinianei similem; sed uti “Codicem Canonum veteris Ecclesiae”, “Codicem argenteum Ulfphilae”, “Codicem Legum antiquarum”, “Codicem donationum piarum dicimus”» [32, нenumараваная старонка]. Пераклад «Гэты (збор) актаў. — А. Л.) не называецца “Pandect”, бо не змяшчае ўсяго палкам, і не называецца “Digest”, таму што ён прытрымліваецца не паралку прадметаў, а храналогіі; замест гэтага ён называецца “Codex”, не так, як быў бы я прыкладваўся Юстыніянам (адсылка да Кодэкса імператара Юстыніяна. — А. Л.), але, як мы кажам, “Кодэкс кано-

павінна ўлічвацца ў цяперашні час пры разглядзе пытання дакладнасці перакладу на беларускую мову назвы славутай серыі віленскіх піраў*.

Даследчыкі тэмы таксама заўважаюць, што праект «Дыпламатычнага кодэкса <...>» адпавядаў ідэям вядомай у навуцы праграмы фарміравання базы крыніц і інфармацыі аб культуры і дзяржаве — т. зв. «Programma litterarium», яе часткі па захаванні і публікацыі рукапіснай спадчыны Рэчы Паспалітай (1732 г., 1743 г.). Яе аўтар — Юзаф-Андэрэй Залускі (1702—1774), вялікі рэфэрэндарый Каралеўства Польскага, канонік кракаўскай капітулы, кіеўскі біскуп (з 1759 г.), адзін з заснавальнікаў першай публічнай бібліятэкі ў Рэчы Паспалітай. У навуцы адзначаецца таксама ідэяная сувязь выдавецкага праекта М. Догеля з дзейнасцю Станіслава Канарскага [43, s. 102; 44, s. 105].

Так або іначэй у канцы XVIII — пачатку XIX ст. у інтэлектуальных колах Рэчы Паспалітай выданні, падрыхтаваныя М. Догелем і яго паплечнікамі, ужо найпрост разглядаліся менавіта як навуковы і культурны праект, як адна з нямногіх цаглянак у падмурку комплексу крыніц сістэматычных даследаванняў гісторыі ВКЛ і Польшчы [26, s. 255—256].

наў старажытнай царквы”, “Срэбны кодэкс Ульфілы”, “Кодэкс старажытных законаў” і “Кодэкс пабожных ахвяраванняў”» (пераклад аўтара).

- * Слова «codex» у назве серыі выданняў М. Догеля «Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae» з лацінскай на беларускую мову перакладаецца як «кніга». Слова «diplom» у лацінскай мове — афіцыйны дакумент органа цэнтральнай улады, рэкамэндацыйны, даверны ліст, ахоўная грамата і інш. [10, с. 330—331]. У сваю чаргу само слова паходзіць ад грэчаскага *diplōōs* — двайны, парны, аркуш, складзены ўдвай, *diplōma* — дыплом, пасведчанне, дзве раўназначныя часткі аднаго акта-дагавора для абодвух бакоў або акт, грамата на пергамене перыяду Сярэднявечча. Гл. у гэтай сувязі тлумачэнне этымалогіі паняццяў «diploma» і «charta dentata» Н. І. Гарбачоўскім [9, с. 59, 97]. Адпаведна «diplomaticus» — не тэматыка, што адпастроўвае міждзяржаўныя, дыпламатычныя стасункі, а хутчэй уласцівасць, характарыстыка дакумента, якая дазваляе аднесці яго да дыпламатыкі — спецыяльнай гістарычнай дысцыпліны, што вывучае «дыплом» — прававыя акты дагаворнага характару пераважна перыяду Сярэднявечча. Адпаведна, у назве серыі М. Догеля, верагодна, меліся на ўвазе найперш дакументы актавага, г. зн. дагаворнага характару. Такім чынам, «Codex diplomaticus <...>» — кніга сярэднявечных (даўніх) правых актаў (грамат, «дыпламаў»). Разам з тым у навуковай літаратуры пры перакладзе на беларускую мову назва выдання гучыць пераважна як «Дыпламатычны кодэкс <...>», што літаральна можна разумець як збор актаў у сферы дыпламатыі, міжнародных адносін. Гэта сапраўды адпавядае тэматыцы зборніка, але магчыма з’яўляецца не зусім дакладным трактаваннем самой назвы, бо ў лацінскай мове існуе выразны адпаведнік дадзенай з’явы — *legatio*. Г.-В. Лейбніц у назве свайго выдання перадаў яго тэматыку праз паняцце «*juris gentium*» — «права народаў» або «міжнароднае права». Адпаведна яго «Codex juris gentium diplomaticus» можна перакласці як «Кніга сярэднявечных (даўніх) правых актаў (грамат, «дыпламаў»), што датычацца міжнароднага права» ці «Кніга актаў міжнароднага права». Відавочна, што слова «diplomaticus», калі яго трактавалі тут у значэнні «дыпламатычны» ці «знешнедзяржаўны», выглядала б запішнім як «Кодэкс дыпламатычных стасункаў права народаў».

Такім чынам, у пэўнай ступені выданні «Дыпламатычны кодэкс <...>» і «*Limites <...>*» мелі прыкметы як публікацый гістарычных крыніц, так і афіцыйнага выдання прававых актаў. Зборнікі акумулявалі міждзяржаўныя пагадненні па розных пытаннях паміж Польшчай, ВКЛ і краінамі Еўропы, якія адыгрывалі першачарговую ролю ў адносінах гэтых дзяржаў у мінулым. Аднак некаторыя з іх захоўвалі сваё значэнне і па стане на час свайго выдання — 50-я—60-я гг. XVIII ст. Яны маглі быць выкарыстаны пры вырашэнні бягучых пытанняў міжнароднай палітыкі і права, т. зв. «права народаў» або ва ўнутранай палітыцы, працэсах дзяржаўнага кіравання, фарміраванні пэўных поглядаў, ідэй, што маглі ўплываць на ўладу і грамадства Рэчы Паспалітай і іншых краін свету ў другой палове XVIII ст., аргументаваць і абараняць пазіцыю гэтага дзяржаўнага ўтварэння ў міжнародных адносінах, перагаворах бакоў. У прыватнасці, вядома аб негатыўнай рэакцыі дыпламаты некаторых дзяржаў таго часу на «Дыпламатычны кодэкс <...>» М. Догеля, якая не дазволіла апублікаваць асобныя яго часткі. Гэта сведчыць аб тым, што змест зборніка разглядаўся не толькі як даніна павягі да гісторыі, але і непасрэдным чынам датычыўся актуальнага стану міжнародных адносін у Еўропе.

3. *Тэматыка і змест публікацый.* Як вядома, праект стварэння зборніка міждзяржаўных пагадненняў ВКЛ і Польшчы з замежнымі краінамі «*Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae*» пачаў рэалізоўвацца М. Догелем у 1740-я гг. Згодна з данымі Я. Куркоўскага, праца над ім вялася з 1744 г. [43, s. 101]. Такое выданне магло дапоўніць серыю «*Volumina legum*» — публікацыю актаў перш за ўсё ўнутранага, «нацыянальнага» заканадаўства Польшчы і ВКЛ, здзейсненую тым жа ордэнам піраў, але Польскай правінцыі ў Варшаве ў 1732—1739 гг. пад кіраўніцтвам іншага знакамітага піра — Гераніма Францішка (Станіслава) Канарскага (1700—1773) [52]. У межах праекта М. Догелем планавалася выданне 8 тамоў актаў. У выніку з усёй серыі ўдалося рэалізаваць тры тамы, прычым адзін з іх — толькі пасля смерці дзеяча. Том I, выдадзены ў 1758 г., утрымліваў дакументы аб стасунках з наступнымі краінамі: Багемія (Чэхія), Венгрыя, Аўстрыя, Данія, Баварыя, маркграфствы Брандэнбургскае і Новае (Marchia Nova), Венецыянская Рэспубліка, Саксонія, Францыя, княства Брауншвейгскае, герцагства Мекленбургскае, Іспанія, Галандыя, Трансільванія, Сілезія, Памеранія, Малдавія, Валахія, Бесарабія, усяго — 475 актаў за 1067—1732 гг. [29]. Том V, выдадзены ў 1759 г.: Інфлянты (Лівонія), герцагствы Курляндія і Земгалія, усяго 302 акты за 1199—1759 гг. [30]. Том IV, пасмяротнае выданне 1764 г., падрыхтаванае пірамі Янам Выкоўскім і Мацеям Тукалам: Прусія, 358 актаў (№ 342 — прапушчаны, № 344 — прадабліраваны) за 1212—1739 гг. [27, s. 271; 31].

Том II планавалася прысвяціць стасункам з Расіяй, Турцыяй, Крымам, Швецыяй, Неапалітанскай Рэспублікай; том III — актам ВКЛ, Русі, Падоллі, Мазовіі і шэрагу іншых зямель у складзе Польшчы; том VI — дакументам стасункаў з Ватыканам; том VII — прывілеям на правы і свабоды, а таксама ўнут-

ранаму заканадаўству; том VIII — уяўляў сабой дадатак, утрымліваў храналагічны і прадметны паказальнікі да ўсіх тамоў (гл. раздзел «*Prospectus operis*» да тома I) [29]. Рукпісы II, III, VII тамоў згадваюцца ў літаратуры сярод падрыхтаваных. Аднак па розных аб'ектыўных прычынах (фінансавыя цяжкасці, знешнепалітычныя перашкоды і дэмаршы паслоў асобных дзяржаў), а таксама з-за заўчаснай смерці дзеяча яны засталіся неапублікаванымі. Тое ж датычыцца VIII тома [27, s. 271].

Варта заўважыць, што ва ўсіх сваіх выданнях М. Догель выразна адрознівае Польшчу і ВКЛ. Гісторыя ВКЛ — асобны, паўнаважаны аб'ект увагі. Абодва гэтыя дзяржаўныя ўтварэнні ў святле плана публікацый выступаюць самастойнымі суб'ектамі міжнароднага права згодна з храналогіяй свайго гістарычнага развіцця. У 1758 г. М. Догель выдаў зборнік «*Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, ex originalibus et exemplaris authenticis descripti*» (1758 г.), прысвечаны тэме ўстанаўлення дакладных дзяржаўных меж ВКЛ і Польскага каралеўства паміж сабой і з некаторымі суседнімі з імі дзяржаўнымі ўтварэннямі, у прыватнасці — Расійскай дзяржавай, Турцыяй, Крымскім ханствам, Малдавіяй, Сілезіяй і інш. [46]. У адрозненне ад «Дыпламатычнага кодэкса <...>», тут публікуюцца тэксты дакументаў з іх арыгіналаў і завераных копіяў як на лацінскай, так і на польскай мове за 1365—1730 гг. Такім чынам, «*Limites <...>*» — першае ў гісторыі кніжнае выданне, якое цэласна адлюстравала даныя аб тэрыторыі ВКЛ. Гэта пытанне мае немалаважнае значэнне для тэмы гісторыі дзяржаўных меж сучаснай Беларусі, што надае кнізе ўнікальнасці. Адпаведна, асоба М. Догеля займае істотнае месца ў гістарыяграфіі гісторыі беларускай дзяржаўнасці.

4. *Методыка публікацый*. Выданні М. Догеля і піяраў Літоўскай правінцыі характарызуюцца прымяненнем пэўных правіл падрыхтоўкі актаў да публікацый, а таксама некаторай іх паслядоўнасцю ад выдання да выдання. У сваіх агульных рысах яны былі прадстаўлены ў прадмовах (лац. «*Praefatio*») да кожнага з тамоў «Дыпламатычнага кодэкса <...>», а таксама да «*Limites <...>*» [29—31; 46]. На падставе іх, а таксама аналізу зместу выданняў можна прадставіць сваяасаблівую «методыку» археаграфічнай апрацоўкі дакументаў, што выкарыстоўвалася М. Догелем і яго паплечнікамі. У прыватнасці, у «Дыпламатычным кодэксе <...>» дэманструюцца наступныя яе элементы.

А. *План выдання актаў у межах серыі*. Ідэя рэалізавалася згодна з пэўным планам, які быў дэталёва распрацаваны і выкладзены ва ўступнай частцы да тома I — «*Prospectus operis in quo continetur eisdem in tomos distribution*» (гл. вышэй) [29]. Гэта адна з найбольш адметных рыс дадзенага праекта, якая адпавядае сучасным уяўленням аб методыцы серыйнай археаграфічнай публікацыі.

В. *Прыярытэт* — арыгіналам актаў з забеспячэннем магчымасці верыфікацыі іх знаходжання праз указанне ў публікацыі месца захоўвання крыніцы. Асновай публікацыі павінны былі стаць дакументы афіцыйнага паходжання актавага характару, верагоднасць якіх не выклікала сумненняў. Увага засяродж-

валася ў першую чаргу на арыгіналах дакументаў або на іх завераных у законным парадку копіях. Месцам іх захоўвання выступалі як архівы дзяржаўных органаў улады, так і прыватныя бібліятэкі і іншыя зборы. У гэтых мэтах каля 1748 г. М. Догель працаваў у якасці «пасланца Рэчы Паспалітай і Сенаата» (тут яго варта разглядаць як прадстаўніка і Каралеўства Польскага, і ВКЛ) у архівах і бібліятэках Францыі, Галандыі, Германіі. Там яму ўдалося выявіць і скапіраваць вялікую колькасць актаў перыяду Сярэднявечча і Ранняга Новага часу, што адлюстроўвалі гісторыю міжнародных адносін у Еўропе. На наступным этапе, пераважна з 1754 г., архіўнай з’урыстыцы былі падвергнуты таксама дзяржаўныя і прыватныя архівы і бібліятэкі Польшчы і ВКЛ. Усяго ў выданні М. Догеля патрапілі акты не менш чым з сямі канкрэтных збораў дакументаў, якія былі названы «архіў» («Архіў») або «табулярый»^{*} і размяшчаліся ў ВКЛ, Польшчы і, верагодна, на землях Прусіі. Сярод іх: 1) «архіў Вялікага Княства Літоўскага» ці па-іншаму — «архіў канцэлярыі Вялікага Княства Літоўскага»; 2) «Нясвіжскі архіў князёў Радзівілаў»^{**}; 3) «Архіў скарбніцы Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку»

^{*} Ад лац. *tabulae publicae* — дзяржаўныя фінансавыя або крэдытныя запісы, адгэту ж — «*Tabularium*» — назва архітэктурнага збудавання, узведзенага на Рымскім форуме да 78 г. н. э. для захоўвання дакументацыі Рымскай дзяржавы.

^{**} Ксёндз Мацей Догель па дазvole князя Міхаіла Казіміра Радзівіла («Рыбаныкі») працаваў з дакументамі архіва Нясвіжскай ардынацыі ў 1756 г. Крыніцы, аднак, не даюць адназначнага адказу: ці працаваў дзеля у архіве пры Нясвіжскім замку з арыгіналамі ці карыстаўся там жа або аддалена — копіямі. Адна з крыніц сведчыць, што ў Нясвіжы ксёндз знаходзіўся ў 1756 г. да 21 лістапада. Яго мэтай было вывучэнне актаў агульнадзяржаўнага значэння са складу комплексу арыгіналаў актаў архіва ВКЛ, што захоўваліся ў архіве князёў Радзівілаў у Нясвіжскім замку. Доступ да дакументаў (копій?) быў арганізаваны пры пасрэдніцтве тагачаснага загадчыка архіва («дырэктара») — Антонія Калакуллага (узначальваў архіў у 1756 (1759?)—1793 гг.). Ці былі даследчыку тады прадстаўлены арыгіналы — дакладна невядома. Вядома, што той настойваў на гэтым, у прыватнасці, на доступе да актаў уніі ВКЛ і Польшчы, пагадненняў аб міры і перамір’і паміж уладарамі ВКЛ і вялікімі князямі маскоўскімі: «*Jasnie Oswiecony M(ó)s-ci Książę Panie i Dobrodzieju! Bawiącemu się tu ad (d)niem 21 praesentis Jęgo M(ó)s-ci księdzu Dogielowi, różnych Manuscriptow ad Publica referujących się komunikować niezaniebalem, a że omni conatu usiłującemu wiedzieć tak originalia przywilegiow Unii Litewskiej, jako też i traktatow Moskiewskich ul[?]atenus pokazać ekskuzowałem się i odkładając do szczęśliwego powrotu J(ą)snie O(świeconej) Waszej X(iążęcej M(ó)s-ci Pana i Dobrodzieja, który dla niemałych (uti powiadał) swoich interesow czekać tak długo rekuzując dzisiaj arripuit iter do Wilna. Ja zaś omni puncto ze wszelką Panskie ordynanse w tym wypełniałem usilnością. Jako zostający u stop Jasnie Oswieconego Waszej X(iążęcej M(ó)s-ci Pana i Dobrodzieja najniższym podnożkiem, Antoni Kalakucki. W Nieświeżu, (d)ie 21 (nowem)bra 1756 [roku]*». Пераклад: «Не праігнараваў я і таго, каб прадставіць розныя старажытныя дакументы агульнадзяржаўнага і грамадска-папярочнага значэння яго міласці ксяндзу [Мацею] Догелю, які знаходзіўся тут [у Нясвіжскім замку або ў месце Нясвіжы — не ўдакладняецца] да сённяшняга дня — 21 [лістапада 1756 г.]. Разам з тым ён усімі сіламі намагаўся ўбачыць арыгіналы прывілеяў Літоўскай уніі, а таксама пагадненняў з Маскоўяй, што я не мог пакуль зада-

ці па-іншаму — «Кракаўскі архіў Каралеўства Польскага»; 4) «архіў Каралеўства (Польскага ў Варшаве ?)» ці па-іншаму — «архіў канцелярыі Каралеўства (Польскага ў Варшаве ?)»; 5) «архіў Кракаўскай капітулы»; 6) «архіў / табулярый графа (Юзафа-Андрэя. — А. Л.) Залускага, Кіеўскага біскупа»; 7) «архіў графа (Антонія-Себасцяна. — А. Л.) Дэмбоўскага, Куяўскага біскупа» [29; 30; 31; 46]. Большасць з апублікаваных дакументаў утрымлівалі пасля свайго загаловка ўказанне на тагачаснае месца іх захоўвання. Яно мела форму лацінамоўнай назвы аднаго з названых сховішчаў, у некаторых выпадках — дзеючы ўліковы нумар ці іншыя пошукавыя даныя актаў. Назва месца захоўвання дубліравалася ў змесце тома або яго часткі. Адсутнічала яна за рэдкім выключэннем. Назва аднаго і таго ж сховішча магла таксама вар’іравацца. Так, ва ўяўленні складальнікаў «Дыпламатычнага кодэкса <...>» назвы «Archivum Magni Ducatus Litvaniae» і «Archivum Cancellariae Magni Ducatus Litvaniae» гэта — сінонімы аднаго дакументальнага збору — Архіва канцелярыі ВКЛ або Метрыкі ВКЛ, без размежавання — вялікай ці меншай канцелярыі. Тое ж датычыцца такой формы ўказання на правеніенцую акта, як «Ex Archivo Regni» і «Ex Archivo Cancellariatu Regni» — Метрыка Каралеўства Польскага. Акрамя ўказанняў на архівы, складальнік выдання ўжывае і абазначэнні «з арыгінала», «з аўтэнтыха», «з аўтографа» («Ex Originali»; «Ex Authentico»; «Ex Autographo») і некаторыя іх варыянты. У большасці выпадкаў месца іх захоўвання можна атаясаміць з такім абазначэннем, як «Ex Archivum Thesauri Regni». Гэта — т. зв. «Архіў скарбніцы Каралеўства Польскага ў Кракаўскім замку» (польск. — Archiwum Skarba Koronnego w zamku Krakowskim, Archiwum Skarba Koronnego na Zamku Krakowskim, лац. — Archivum thesauri regni in arce Cracoviensi) [41]. Абзначаны назіранні распаўсюджваюцца і на выданне «Limites <...>».

С. *Вырашэнне пытання мовы публікацыі.* У пэўнай ступені супярэчлівым рашэннем з пункту гледжання крытэрыя дакладнасці, сучасных тэндэнцый і рашэнняў у археографіі ў піярскіх выданнях выступала мова перадачы тэксту дакументаў у публікацыі. Аднак, відавочна, што важнасць гэтага пытання ўсведамлялася выдаўцом. Без сумнення, пры падрыхтоўцы такой маштабнай серыі яно паўставала адным з самых першых і ў любым выпадку — складаных для рэалізацыі. Пакуль нельга дакладна сцвярджаць аб прычынах выбару пэўнага рашэння. Верагодна, пад уплывам класічных традыцый заходнееўрапейскай адукацыі і навукі, а, магчыма, і на прыкладзе іншых падобных выданняў, найўнасці шрыфтоў у віленскай друкарні для «Дыпламатычнага кодэкса <...>» было

воліць, апраўдваючы [гэта вапай адсутнасцю, неабходнасцю асабістага ваплага дазволу] і адсуджаючы да пачаслівага вяртання вапай яснаасветленай княжацкай міласці Пана, які па прычыне важных спраў сёння вярнуўся ў Вільню. А я ўсе пункты распараджэння Пана ў тымпытанні строга выконваў. Сам жа я застаюся “падножом для стоі” Вапай яснаасветленай княжацкай міласці дабрадзеля Нясвіж, 21 лістапада 1756 г.» (Ліст А. Клякуцкага да князя Міхала Казіміра Радзівіла, 21.11.1756 г., Нясвіж) [1, s. 1—2]. Крыніца выяўлена кандыдатам гістарычных навук Д. В. Л.

абрана адзінамоўе — лацінская мова. Гэта патрабавала ад стваральнікаў значнай палеаграфічнай і перакладчыскай працы. Калі крыніца мела іншую мову, яна перакладалася ў адпаведнасці з мовай усёй серыі. Такое метадычнае рашэнне, безумоўна, было рызыкаўным з пункту гледжання патрабавання дакладнай адпаведнасці публікацыі — крыніцы. У той жа час мова дакументаў, змешчаных у «*Limites <...>*», перадавалася без змяненняў. Яна была лацінскай і польскай. Гэты факт таксама можа сведчыць на карысць разумення М. Догелем ідэі каштоўнасці і максімальнага захоўвання моўных асаблівасцей крыніцы [46].

Д. *Адпаведнасць тэксту публікацыі — арыгіналу і дакладнасць яго перадачы*. Важнасць дадзенага пытання для выдаўцоў выдавочная. Факт адпаведнасці тэксту крыніцы найперш пацвярджаўся наяўнасцю ва ўступнай частцы да выданняў дазволу на публікацыю ад імя афіцыйных асоб. Яны засяроджаны ў раздзеле «*Approbatio*» выдання і паходзяць ад прадстаўнікоў дзяржаўных канцелярый ВКЛ і Польшчы — вялікіх канцлераў, вялікіх пісараў, сакратароў, рэфэрэндарыяў [29; 30; 31]. Непасрэдны кантроль за адпаведнасцю арыгіналам здзяйсняўся спецыяльна дэлегаванымі камісарамі, якія мелі адпаведны прафесійна-нальны вопыт (гл. Т. V, *Attestatio illustris. dd. commissariorum*) [30]. Наколькі поўна і якасна ўдавалася азначанае патрабаванне выканаць, варта разглядаць як другое пытанне, г. зн. не як недахоп метадыкі, а як ацэнку якасці яе рэалізацыі і крытыку атрыманых вынікаў. Такой крытыцы павінна падвяргацца кожнае археаграфічнае выданне. Крытэрыі дакладнасці ў археаграфіі — канцэптуальны, класіфікацыйны і ступень адпаведнасці яму, хочацца памыліцца, але за ўсю гісторыю археаграфіі ніколі яшчэ не быў вытрыманы на 100%. Дадатковым, хоць і ўскосным сведчаннем важнасці для піраў пытання дакладнасці перадачы тэксту, выступае супраўдзяненне выдання адмысловым спісам выяўленых і выпраўленых памылак, дапушчаных пры друку, вядомым у выдавецкай справе як «*Errata*». Усё азначанае варта ўлічваць у межах існуючай у гістарыяграфіі крытыкі выданняў М. Догеля на прадмет дакладнасці перадачы тэксту крыніцы (гл. ніжэй).

Разам з тым уласна самі правілы перадачы тэксту магчыма было б рэканструяваць, абапіраючыся на саму крыніцу. Такой задачы аўтар артыкула перад сабой не ставіў. Гаворка можа ісці толькі ў дачыненні да лацінскамоўных і польскамоўных крыніц у арыгінале. Апошнія прадстаўлены толькі ў «*Limites <...>*». Разам з тым сярод найбольш выдавочных правіл: захаванне вялікай і малой літар, скарачэнняў у словах, што традыцыйна ім падлягалі, уяўленне знакаў пунктуацыі.

Е. *Імкненне да паўнаты перадачы знешніх і ўнутраных асаблівасцей крыніцы сродкамі друку*. Адметна з пункту гледжання метадыкі археаграфіі тое, што ў томе V «*Дыпламатычнага кодэкса <...>*» і «*Limites <...>*» паліграфічнымі сродкамі перададзены знакі публічных натарыусаў, якія былі ўжыты пры афармленні завераных копіяў актаў [30; 46]. Аналіз іх паходжання і ацэнку значэння ў выданні М. Догеля здзейсніла літоўскі даследчык Інга Іларэнэ [12]. Перадаць візуальныя аб'екты пры публікацыі сродкамі друку — выдавочнае

ўскладненне працы археографа з тэхнічнага пункту гледжання не толькі ў той час, але і сёння. Захаванне іх у выданні можа дадапкова сведчыць на карысць усведамлення складальнікамі серыі задачы паўнаты і дакладнасці перадачы асаблівайсцей крыніцы пры публікацыі.

Ф. Наяўнасць устойлівых элементаў археографічнага апісання дакументаў. Кожны асобны дакумент акрамя тэксту ўтрымліваў: дату ў форме года стварэння акта, размешчаную на левым і правым палях аркуша; загаловак на лацінскай мове з указаннем віда дакумента, аўтара, адрасата, пытання, даты — са дня, месяца і года стварэння акта (пры наяўнасці); апісанне знешніх асаблівайсцей акта — пачатак (у асобных выпадках); указанне на арыгінальнасць, месца захоўвання, уліковыя даныя ў межах таго ці іншага збору (у асобных выпадках).

Г. Наяўнасць пэўнай унутранай арганізацыі актаў у межах асобнага тома. Дакументы ў выданнях упарадкаваны згодна з геаграфічнай ці (і) храналагічнай прыкметамі. Выданні суправаджаюцца зместам, размешчаным перад або пасля тэкстаў дакументаў — «Index chronologicus». Кожнаму дакументу нададзены парадкавы нумар на аснове лічбавай сістэмы лацінскага алфавіта. Тэкст на старонцы размешчаны ў два слупкі, у «*Limites <...>*» — па шырыні старонкі.

Такім чынам, пералічаныя вышэй прыкметы выразна сведчаць аб наяўнасці ў выданнях піраў Літоўскай правінцыі пэўнай метадыкі публікацыі. Яны ўяўляюць сабой хоць і найбольш агульныя з пункту гледжання сучаснага развіцця археографіі рысы, але ўласцівыя падыходам і прыкладам падобных выданняў у Заходняй Еўропе канца XVII — першай паловы XVIII ст. Разам з тым варта заўважыць, што публікацыі М. Догеля не былі ідэальнымі з археографічнага пункту гледжання. У іх сустракаюцца пэўныя памылкі, у тым ліку ў самай паказальнай для якасці любога археографічнага выдання частцы — адпаведнасць тэксту публікацыі акта пакладзенай у яе аснову крыніцы. Часам яны грубыя, напрыклад, пры перадачы імёнаў гістарычных дзеячаў [22, с. 183]. Тым не менш, нягледзячы на агульныя ацэнкі даследчыкаў аб колькасці такіх памылак як вялікай, спецыяльна іх частата, характар, прычыны ў межах усіх выданняў піраў Літоўскай правінцыі 1758—1764 гг. у навуцы пакуль не вывучаны. Можна зрабіць папярэдняе заключэнне, што з улікам аб'ёму апрацаваных тэкстаў, складанасці перакладу іх на лацінскую мову — яна невысокая. Акрамя таго, дапушчаныя памылкі маглі быць абумоўлены як тагачасным станам развіцця палеаграфіі актаў Сярэднявечча, так і аб'ёмам ведаў па самой гісторыі ВКЛ, Польшчы і краін Еўропы сярэдзіны XVIII ст.

Нягледзячы на аб'ектыўныя недахопы, дзейнасць М. Догеля ў навуцы ацэньваецца надзвычай высока і, перш за ўсё, як выдаўца гістарычных крыніц, прычым надзвычай складанага для апрацоўкі іх віда — актаў і грамат у галіне міжнародных адносін. Яўхім Лявель адзначаў: «Як у Варшаве піярская тыпаграфія прадставіла 6 тамоў збору законаў (*Volumina legum*. — *А. Л.*), так і ў Вільні ў 1758 г. пачалося друкаванне цудоўнага збору актаў і грамат (польск. *diplomatów*) нястомнага і не зламанага перашкодам Догеля (пераклад з польскай аўта-

ра)» [45, s. 220]. Згодна з назіраннямі Я. Куркоўскага, высокую ацэнку віленскім выданням піяраў далі на мяжы XVIII—XIX стст. знаўцы «права народаў», такія як нямецкі дыпламат і юрыст, прафесар міжнароднага права Гётtingенскага ўніверсітэта Георг Фрыдрых Мартэнс (1756—1821), гановерскі дыпламат, юрыст, выхаванец Рыцарскай школы ў Лёнебургу і ўніверсітэта ў Гётtingене Дзітрых Генрых Людвіг фон Амтгэда (1746—1803). Дзякуючы станоўчай крытыцы з боку гэтых аўтарытэтаў выданні М. Догеля былі ўведзены ў тагачасны спіс найважнейшай літаратуры ў галіне міжнароднага права. У сукупнасці з пазнейшымі даследаваннямі ў названай сферы піяраў Цэлестына Калішэўскага, Фульгента Абермаера, Вінцэнта Скіштускага, Францішка Сярчынскага ў канцы XVIII ст. яны вывелі Рэч Паспалітую Абодвух Народаў у шэраг вядучых еўрапейскіх краін па прыкмеце багатай публікацый крыніц міжнароднага права, паставіўшы наперадзе такіх краін, як Данія, Швецыя, Швейцарыя [14; 15; 43]. У XX ст. даследчыкі падкрэслівалі адметную ролю дзеяча ў культуры і навуцы эпохі Асветніцтва і, адпаведна, змест і якасць выданняў М. Догеля як пазітыўны зрух у развіцці гістарычнай навукі, грамадска-палітычнай думкі, метадаў гістарычнага даследавання ў Рэчы Паспалітай Абодвух Народаў і ва Усходняй Еўропе ў цэлым. Адназначным і катэгарычным у такой ацэнцы быў польскі знаўца гісторыі міжнароднага права эпохі Асветніцтва Станіслаў Губерт [40, s. 112—113, 116, 118—120, 143—144, 149—150, 258]. Ён сцвярджаў, што гэта былі «навуковыя выданні ў найлепшым значэнні гэтага слова, рысы гэтай не страшлі да сённяшняга дня» [цыт. па: 15]. Вучоны савецкай Беларусі А. А. Бірала бачыў значэнне выдавецкага праекта піяраў Літоўскай правінцыі ў фарміраванні навуковых асноў гісторыі і яго сувязь уласна з тэрыторыяй нашай краіны: «Собирание и издание М. Догелем дипломатических документов способствовали становлению новых тенденций в развитии исторической науки и общественной мысли в Белоруссии и Литве. На смену религиозному постепенно приходит рационалистический взгляд на историю; достоверность исторического знания определяется уже не ссылками на религиозные книги и церковные авторитеты, а их доказательностью; формулируется понимание истории как политической истории государства» [3, с. 124—125].

Такім чынам, прыведзеныя погляды дазваляюць разглядаць дзейнасць піяраў Літоўскай правінцыі як выдатную з’яву менавіта ў археаграфіі і крыніцазнаўстве гісторыі ВКЛ, а значыць, і Беларусі. Яна, як і належыць археаграфічнаму твору, давала істотны імпульс для развіцця гістарычнай навукі. Бясспрэчна тое, што падзеі, звязаныя з рэалізацыяй праекта выдання «Дыпламатычнага кодэкса <...>», — частка працэса зараджэння дадзенай галіны ведаў і сферы практычнай дзейнасці не толькі ў Польшчы або ў Літве, але і ў Беларусі. Без сумнення, рашэнні і метады, прадэманстраваныя М. Догелем і ўсім калектывам стваральнікаў гэтага выдання, а таксама «*Limites <...>*» у далейшым былі ўзорам, аказвалі ўплыў на падобныя праекты ў ВКЛ, Рэчы Паспалітай Абодвух Народаў у цэлым, у Расійскай імперыі. У цэнтры азначанай з’явы зна-

ходзілася асоба ўраджэнца Лідчыны — Мацея (Дамініка) Догеля. Яе кропкай адліку можна лічыць дату надання гэтаму дзеячу прывілея Аўгуста III на права публікацыі «Дыпламатычнага кодэкса <...>». Гэта — 10 снежня 1754 г. Такім чынам, у 2024 г. разам з 200-годдзем другой знакавай для айчынной археаграфіі працы — «Беларускага архіва <...>» працісера І. І. Грыгаровіча — сённяшня гістарычная навука і археаграфія рэспублікі магла адзначыць 270-годдзе з пачатку рэалізацыі праекта першай археаграфічнай серыі ў ВКЛ — выдання міждзяржаўных пагадненняў ВКЛ і Польшчы з замежнымі краінамі. Гэты археаграфічны праект паставіў ураджэнца беларускіх зямель і яго паплегнікаў у адзін шэраг са знакамітымі выдаўцамі гістарычных крыніц Еўропы таго часу. Ён трывала ўпісаў імя М. Догеля ў гісторыю дасягненняў, у тым ліку беларускай археаграфіі. Такім чынам, разам з працісерам І. І. Грыгаровічам у яе падмурак варта змясціць імя ксяндза-піяра М. Догеля. Гэта былі дзве магутныя постаці ў гісторыі археаграфіі, асобы, для якіх служэнне захаванню і папулярызаванню выдатных узораў айчынной актавай спадчыны, прававой думкі, доказ высокага ўзроўню цывілізацыйнага развіцця беларускіх зямель у перыяд Сярэднявечча і Ранняга Новага часу, захапленне іх гісторыяй з'яўляліся справай жыцця. Асабліва адметна тое, што такую высакародную місію, кожны ў свой час, узначалілі людзі, якія мелі духоўны сан, прадстаўляючы пры гэтым дзве найстаражытнейшыя і традыцыйныя для Беларусі хрысціянскія канфесіі — праваслаўную і каталіцкую. З вышыні больш чым 200-гадовай гісторыі развіцця айчынной археаграфіі, працэсаў дзяржаўнага будаўніцтва ў Беларусі, пераўтварэнняў у грамадска-палітычнай, навуковай, культурнай сферах нам сёння ясна і важна адно: абодва гэтыя дзеячы з'яўляюцца выдатнымі асобамі ў айчынной археаграфіі, якія аддалі ўсё сваё жыццё на пошукі, збор, вывучэнне і выданне пісьмовых гістарычных крыніц перыяду Сярэднявечча і Ранняга Новага часу і, у першую чаргу, крыніц па гісторыі беларускіх зямель і беларускага народа. Такую ахвяру можна было прынесці толькі краю, які любіш, адметнасць гісторыі і культуры якога разумееш і цэніш.

У гэтым артыкуле яго аўтар фактычна паўтарыў тэзіс, сфармуляваны яшчэ ў 2000 г., аб тым, што М. Догель і яго дзейнасць не ў меншай меры, чым іншым народам, належыць таксама і Беларусі [18, с. 25]. Хочацца верыць, што чвэрць стагоддзя, якая прайшла з моманту канстатацыі гэтай высновы, не прайшла дарэмна для яе асэнсавання ў навуковым асяроддзі, а далейшая распрацоўка паўнаважнага манаграфічнага даследавання, прысвечанага М. Догелю беларускімі вучонымі-археаграфамі, крыніцазнаўцамі — справа блізкага да нас часу.

Літаратура і крыніцы

1. Archiwum główby akt dawnych. — Archiwum Radziwiłłów, t. zw. Warszawski. — Dział V. — Sygn. 6292. Kalakucki Antoni, archiwista nieświecki, 1760—1781 rr. — 44 s.
2. Белорусский архив древних грамот: часть 1 / сост. и предисл. И. И. Григоровича. — М. : Типография С. Селивановского, 1824. — [2], XVI, [2], 148 с.

3. Бирало, А. А. Философская и общественная мысль в Белоруссии и Литве в конце XVII — середине XVIII в. / А. А. Бирало. — Минск : Издательство БГУ, 1971. — 179 с.
4. Галенчанка, Г. Я. Догель Мацей / Г. Я. Галенчанка // Беларуская энцыклапедыя. У 18 т. Т. 6: Дадаізм—Застава / рэдкал.: Г. П. Папкоў [і інш.]. — Мінск : БелЭН, 1998. — С. 175.
5. Галенчанка, Г. Я. Догель Мацей / Г. Я. Галенчанка // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1: Абаленскі—Кадэніцця / рэдкал.: Г. П. Папкоў (гал. рэд.) і інш. — Мінск : БелЭН, 2005. — С. 592.
6. Галенчанка, Г. Я. Догель Мацей / Г. Я. Галенчанка // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя. У 2 т. Т. 1: Абаленскі—Кадэніцця / рэдкал.: Г. П. Папкоў (гал. рэд.) [і інш.]. — 2-е выд. — Мінск : БелЭН, 2007. — С. 592.
7. Галенчанка, Г. Я. Догель Мацей / Г. Я. Галенчанка // Мысліцелі і асветнікі Беларусі: Энцыкл. даведнік / Беларус. энцыкл.; Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БелЭН. — 1995. — С. 210—211.
8. Галенчанка, Г. Я. Догель Мацей / Г. Я. Галенчанка // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 3. Гімназіі—Кадэніцця / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: Г. П. Папкоў (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БелЭН, 1996. — С. 264—265.
9. Горбачевский, Н. И. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и Царства Польского // Н. И. Горбачевский. — Вильна, 1874. — 418 с.
10. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь: ок. 50 000 слов. — 2-е изд. / И. Х. Дворецкий. — М. : Рус. яз., 1976. — 1096 с.
11. Іванова, В. С. Асабістыя архівы Беларусі канца XVIII — пач. XXI ст. / В. С. Іванова. — Мінск : Зміцер Колас, 2014. — 404 с.
12. Иларене, И. Знаки публичных нотариусов в Книге публичных дел Литовской Метрики и в опубликованном Мацеєм Догелем сборнике источников / И. Иларене // Новості Литовской Метрики. — 2004—2005. — № 8. — Вильнюс : LIT leidykla, 2006. — С. 33—50.
13. История белорусской государственности: в 5 т. Т. 1 : Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / НАНБ, Ин-т истории. — 3-е изд. — Минск : Беларуская навука, 2020. — 597 с.
14. Куркоўскі, Я. Мацей Догель / Я. Куркоўскі // Напа слова. — 2006. — 15 лют. — № 7 (743). — С. 11; 22 лют. — № 8 (744). — С. 11 (працяг); 1 сак. № 9 (745). — С. 11 (працяг); 8 сак. № 10 (746). — С. 10—11.
15. Куркоўскі, Я. Мацей Догель / Я. Куркоўскі. — Варшава; Ліда, 2006.
16. Матэрыялы круглага стала з міжнародным удзелам «200-годдзе беларускай археаграфіі» // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск : БелНДЦДАС, 2024. — Вып. 25. — С. 107—207.
17. Нікалаеў, М. В. Археаграфія / М. В. Нікалаеў // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 1: А—Беліпа / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: М. В. Біч [і інш.]. — Мінск : БелЭН, 1993. — С. 160—162.
18. Пляпчынскі, А. Беларуская археаграфія 18 ст. Мацей Догель (1715—1760) / А. Пляпчынскі // Лідскі летапісец. — 2000. — № 3 (11). — С. 22—25.
19. Сяргеева, Г. Г. Гістарыяграфія / Г. Г. Сяргеева // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 3. Гімназіі—Кадэніцця / Беларус. энцыкл.; рэдкал.: Г. П. Папкоў (гал. рэд.) і інш. — Мінск : БелЭН, 1996. — С. 15—31.
20. Улашчак, Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода / Н. Н. Улашчак. — М. : Наука, 1973. — 302 с.

21. Ходзін, С. М., Шумейка, М. Ф. Ад «архіўнага крыніцзнаўства» да крыніцзнаўства інфармацыйнай эпохі / С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка // Беларускі гістарычны часопіс. — № 12. — 2024. — С. 33—38.
22. Чэчулін, З. В. Дакументы архіва вялікіх князёў літоўскіх другой паловы XIV — першай паловы XV ст. у святле археаграфіі / З. В. Чэчулін // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДЦДАС, 2024. — Вып. 25. — С. 183—190.
23. Шумейка, М. Ф. Археаграфія: курс лекцый / М. Ф. Шумейка. — Мінск: БГУ, 2005. — 431 с.
24. Шумейка, М. Ф. Становление и развитие белорусской археографии в 1-й половине XIX в. / М. Ф. Шумейка // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДЦДАС, 2000. — Вып. 1. — С. 19—39.
25. Шумейка, М. Ф. Четверть века спустя (к 200-летию белорусской археографии) / М. Ф. Шумейка // Беларускі археаграфічны штогоднік. — Мінск: БелНДЦДАС, 2024. — Вып. 25. — С. 107—114.
26. Baranowski, I. Udział Stanisława Augusta i jego otoczenia w przygotowaniu Kodeksu Dyplomatycznego Polski / I. Baranowski // Przegląd historyczny. — 1911. — T. XII. — Zeszyt 2. — S. 251—256.
27. Bibliografia polska. Cz. 3: (XV—XVIII), T. 4 (15) / przez K. Estreichera [i St. Estreichera]. — Kraków: wydanie Akademii Umiejętności: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1897. — 475 s.
28. Buba, J. Dogiel Dominik / Jan Buba // Encyklopedia katolicka / Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II; Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego Jana Pawła II. — Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL Jana Pawła II, 1989. — T 4: Docent—Ezzo. — 1995. — S. 6.
29. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae <...> / wyd. M. Dogiel. — T. 1. — Vilna: Typogr. Coll. Scholarum Piarum, 1758. — [36], 623, [31] p.
30. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae <...> / wyd. M. Dogiel. — T. 5. — Vilna: ex Typogr. Regia et Reipubl., 1759. — 558 p.
31. Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae <...> / wyd. M. Dogiel. — T. 4. — Vilna: ex Typogr. Regia et Reipubl. CC. RR. Scholarum Piarum, 1764. — [8], 526 p.
32. Codex juris gentium diplomaticus <...>. In 2 vol. / edit. Gottfried Wilhelm Leibniz. — Hannover, 1693—1700. — T. 1. — Hannover [publisher not identified], 1693. — 522 p.
33. Corps universel diplomatique <...>: 8 t. Tome 1, Partie 1: 800—1313 / J. Dumont. — Amsterdam, chez P. Brunel, R. et G. Wetstein, les Janssons Waesberge, et L'Honoré et Chatelain [chez P. Brunel, R. et J. Wetstein, et G. Smith, Henri Waesberge, et Z. Chatelain]. A La Haye, chez P. Husson et Charles Levier. — 1726. — 451 p.
34. Chodynicki, I. Dykcjonarz uczonych Polaków <...>. W 2 t. T. 1: A—K / Ignacy Chodynicki. — Lwów: Zakon Karmelitów, Dukiem Józefa Schnaydera, 1833. — 397 s.
35. Das Teutsche Reichs-Archiv <...>: 24 t. T. 1 / Johann Christian Lünig. — Leipzig: Lankisch, 1710. — [12] Bl., 1134, 68, 130 s.
36. Dogiel Stanisław Klemens / Władysław Konopczyński // Polski słownik biograficzny: w 55 t. / Polska Akad. Um. T. V. — Kraków, 1939—1946. — S. 282.
37. Dubiński, P. Zbiór praw i przywilejów miastu stołecznemu Wilnowi nadanych / Piotr Dubiński. — Wilno: Druk. J. K. Mci przy Akademii, 1788. — 328 s.
38. Estreicher, K. Bibliografia polska. Cz. 3: Obejmująca druki stolecie XV—XVIII w układzie abecedlowym). T. 12 (23): N — O / przez K. Estreichera [i St. Estreichera]; Akademia

- Umiejętności. — Kraków : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1910. — VIII, 313—545, XLIII s.
39. Foedera, conventiones, literae, et eujuscunq[ue] generis acta publica <...>: in 20 vol. / Accurante: Thoma Rymer, Robert Sanderson, JonTonson. — Londini : per A. & J. Churchill, 1704—1735. — T. 1. — Londini : per A. & J. Churchill, 1704. — 900 p. [104].
40. Hubert, S. Poglądy na prawo narodów w Polsce czasów Oświecenia / S. Hubert. — Wrocław : nakładem Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, 1960. — 295 s.
41. Kłodziński, A. O Archiwum Skarbcza Koronnego na Zamku Krakowskim / A. Kłodziński // Archiwum Komisji Historycznej. — Kraków, 1923. — Seria 2. — T. I. — S. 124—577.
42. Konopczyński, W. Dogiel Maciej / Władysław Konopczyński // Polski słownik biograficzny: w 55 t. / Polska Akad. Um. T. V. — Kraków, 1939—1946. — S. 280—282.
43. Kurkowski, J. Z Dziejów polskiego edytortwa źródeł historycznych: Maciej Dogiel (1715—1760) / J. Kurkowski // *Analecta*. — 2006. — 15/(1—2)(29—30). — S. 89—157.
44. Kurkowski, J. Warszawskie czasopisma uczone doby Augusta III / J. Kurkowski; Komitet Historii Nauki i Techniki Polskiej Akademii Nauk; seria: Rozprawy z Dziejów Nauki i Techniki, t. 2. — Warszawa : wyd. Retro-Art, 1994. — 328 s.
45. Lelewiel, J. Bibliograficznych ksiąg dwoje <...>: w 2 t. T. 1 / J. Lelewiel. — Wilno : Typ. Imp. un-tu. Nakładem J. Zawadzkiego, 1823. — 280 s.
46. *Limites Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae, ex originalibus et exemplaribus authenticis descripti* / M. Dogiel. — Vilnae : Typographia Regia & Reipublicae Collegii Vilnensis Scholarum Piarum, 1758. — 225 p.
47. Mienicki, R. Daneykowicz-Ostrowski Jan / Ryszard Mienicki // Polski słownik biograficzny: w wielu t. T. IV. — Kraków : PAU, 1938. — S. 402.
48. Moszyński, A. Żywot Macieja Dogiela: z przydaniem wiadomości o sporze pijarów wileńskich z jezuitami wileńskimi (roku 1723—1753) / A. Moszyński. — Wilno : Drukiem J. Zawadzkiego, 1838. — 78 s.
49. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. W 15 t. T. 2, [Dere-nek—Gżack] / wyd. pod red. Filipa Sulimierskiego, Bronisława Chlebowskiego, Władysława Walewskiego. — Warszawa : F. Sulimierski i Wł. Walewski, 1881. — 927, [1], XVI s.
50. *Swada polska y łacinska albo Miscellanea oratorskie* <...>: w 2 t. T. 1 / Jan Ostrowski-Daneykowicz. — Lublin : w Drukami Collegium Societatis Jesu, 1745. — 476 s.
51. *Swada polska y łacinska albo Miscellanea oratorskie* <...>: w 2 t. T. 2: *Swada Latina, Seu Miscellanea Oratoria, Epistolaria, Statistica, Politica, Inscriptionalia Elogiaria, Panegyrica, Poetica, & Historica* / Jan Ostrowski-Daneykowicz. — Lublin : w Drukami Collegium Societatis Jesu, 1747. — 1694 s.
52. *Volumina legum*: w 8 t. — Petersburg: nakł. i drukiem Jozafat Ohryzko, 1859—1860.

Артыкул напісаны ў рэдакцыю 18.08.2025.

В. С. Пазднякоў,
 загадчык аддзела археаграфіі
 Беларускага навукова-даследчага інстытута
 дакументазнаўства і архіўнай справы,
 кандыдат гістарычных навук;
 e-mail: vpmiensk@gmail.com

ПЕРШЫ БЕРАСЦЕЙСКІ АРХЕОЛАГ МІКАЛАЙ ВІСЛОЦКІ (1821—1885): АД СТАРАЖЫТНАГА ЕГІПТА ДА НАДБУЖСКИХ ГОТАЎ

Пра Мікалая Віслоцкага вядома няшмат. Некралог аўтарства Людвіка Яніке [1] паслужыў крыніцай для гісторыка-біяграфічных прац Ёахіма Слівы [2; 3, s. 139—149]. Трэба адзначыць, што Людвік Яніке не можа лічыцца першакрыніцай інфармацыі: ён скарыстаўся чужымі звесткамі, што адзначыў у сваёй працы: «За біяграфічныя падрабязнасці дзякуем аднаму з бліжэйшых прыяцеляў памерлага, пану Станіславу С., з нататкі якога, ласкава нам прадстаўленай, мы пераважна карыстаемся ў гэтым нарысе» [1].

Шляхецкі род Віслоцкіх герба «Сас» з’явіўся на Берасцейшчыне ў канцы XVIII ст. У розныя часы Віслоцкім належалі маёнткі Грымяча і Лышчыцы на Берасцейшчыне.

Бацькам Мікалая Віслоцкага быў Клеменс Віслоцкі, падкаморы берасцейскі. У пачатку XIX ст. пасада падкаморыя была, хутчэй, намінальная, але вельмі шанаваная ў шляхецкім асяроддзі. Вядома, што ў 1817 г. К. Віслоцкі пабудаваў драўляную ўніяцкую царкву св. Параскевы ў Лышчыцах [4, с. 6]. Маці Мікалая Віслоцкага — Луцыя з роду Стэціх.

Мікалай Віслоцкі нарадзіўся ў 1821 г. у родавым маёнтку Грымяча. На той час гэта была тэрыторыя Гродзенскай губерні. Сёння Грымяча — вёска ў Воўчынскім сельсавеце Камянецкага раёна Брэсцкай вобласці. Ёахім Сліва адзначаў, што такой мясцовасці няма ў вядомым выданні «Слоўнік геаграфічны Каралеўства Польскага і іншых краін славянскіх», але гэта не так. Грымяча (Hremiacze, Gremiacze) прысутнічае ў дадатковым, 15-м томе «Слоўніка» [5, s. 590]. Як уладальнікі вёскі там названы Пузыны. Прысутнічаюць і археалагічныя звесткі: «Глогер адкрыў сляды дагістарычнага пасялення. Пад вёскай чатырохвугольны земляны насып». Вёска і маёнтак Грымяча прысутнічаюць і ў беларускай навуковай літаратуры [6; 7; 8; 18; 23].

Біёграфы Мікалая Віслоцкага сцвярджаюць, што ён пачаў вучобу ў Берасці, у мясцовай гімназіі. Аднак у 1820-х — 1830-х гг. у Берасці гімназіі не было. Была павятовая школа, якую трымалі манахі-базыліяне [9]. Магчыма, менавіта тут М. Віслоцкі пачынаў навуку. Працягнуў навучанне ён у Кіеўскім універсітэце. Адзначаецца, што вялікі ўплыў на Віслоцкага аказаў выкладчык рэлігіі Ігнат Галавінскі (1807—1855), пазней архібіскуп магільёўскі і мітрапаліт. З 1837 г. ён быў прафесарам багаслоўя Кіеўскага ўніверсітэта; у 1839 г. здзейсніў паломніцтва ў Святую Зямлю, якое апісаў у адмысловай кнізе [10; 11].

Менавіта пад яго ўплывам Віслоцкі ў 1843—1844 гг. прадпрыняў паездку ў Святую Зямлю, якая вылілася ў цэлае падарожжа па Малой Азіі і Паўночнай Афрыцы. У Іерусаліме падчас вялікадзённых урачыстасцей ён быў прыняты ў лік рыцараў Труны Панскай. З Палесціны Мікалай Віслоцкі рушыў у Егіпет, дзе азнаёміўся з ладным кавалкам цячэння Ніла і навакольных зямель. У той час гэта было небяспечна — вандруючых на вярблюдах еўрапейцаў высочвалі ваяўнічыя бедуіны. У Егіпце Віслоцкі выканаў ганаровае даручэнне прускага прынца Вальдэмара, з якім пазнаёміўся ў Іерусаліме, — уручыў ордэн Чорнага Арла знакамітаму егіптолагу Карлу Рыхарду Лепсіусу. Яны сустрэліся ў Фівах і пасябравалі на доўгія гады. Дзякуючы Лепсіусу М. Віслоцкі «захварэў» Старажытным Егіптам. Ён удзельнічаў у даследаванні руін Карнака і Мемфіса, у пошуках забытых старажытных гарадоў у пясках Сахары. Тут ён вывучыў арабскую мову, запісваў мясцовыя паданні.

Зіму 1844—1845 г. Віслоцкі правёў у Каіры. Дзякуючы яму быў адноўлены пад Каірам, за Дамаскай брамай, помнік у гонар ад'ютанта генерала Напалеона Банапарта Юзафа Сулкоўскага, які загінуў 22 кастрычніка 1798 г. пры ўзяцці Каіра. Падарожжы 1844—1845 гг. Віслоцкі занатаваў у дзённіку [24].

З Егіпта Мікалай Віслоцкі прывёз мноства цікавых старажытных рэчаў. Некалькі гадоў жыў у Рыме. Рымскаму папу Рыгору XVI зрабіў справаздачу пра стан Труны Панскай у Іерусаліме, атрымаў ад папы ордэн св. Рыгора. У Рыме Віслоцкі блізка пазнаёміўся з вядомым паліглотам кардыналам Мецафанці, які, між іншым, валодаў польскай і рускай мовамі. Пасля Віслоцкі наведаў Італію, Швейцарыю, Францыю, Германію, збіраючы ў бібліятэках звесткі пра родную краіну, купляючы помнікі айчынай гісторыі і мастацтва.

Пасля жыў у родным маёнтку Грымячы. «Асеўшы ў краі, нястомны турыст праводзіў надалей сваі пошукі, перасякаючы яго ўздоўж і ўпоперак, з коштумам* у руках. З руін замкаў, з закінутых капліц, са старых курганоў даставаў і раптаваў ад знішчэння помнікі старадаўняй мінуўшчыны» [1].

Некрасагіст указваў, што ў зборах Мікалая Віслоцкага была цэлая галерэя гістарычных партрэтаў (некалькі сотняў), гравюры (некалькі тысяч), старажытныя гербы і шляхецкія сыгнеты, выразаныя на каштоўных камянях, дагістарычныя выкапні, манеты, кнігі. Тагачасны часопіс пісаў пра яго зборы: «Віслоцкі Мікалай, г. Варшава — старажытнасці егіпетскія, грэчаскія, рымскія, краёвыя паганскія і збор зброі і даўніх польскіх партрэтаў» [13, s. 236]. У тагачаснай прэсе адзначалася яго захопленне менавіта партрэтамі: «Да важных і цікавых збораў родных помнікаў у нашым горадзе належыць, без сумнення, этнаграфічны збор п. Мікалая Віслоцкага, абывацеля Гродзенскай губерні. Ён сабраў значную колькасць старых польскіх партрэтаў як мужчын, так і жанчын, не толькі адметных вартасцю пэндзеля, але адметных з пункту гледжання дэталей убораў і строяў,

* Коптыр (kosztur, kostur, pikownik) — прылада для пасадкі раслін. Яе можна выкарыстоўваць і для ўзяцця глебы з невялікай глыбіні.

характарыстыкі фізіяноміі, а перад усім, гістарычнай дакладнасцю выяў людзей, знаных у гісторыі, у касцёле і пісьменнасці...» [14, s. 255].

Як сельскі гаспадар, Віслоцкі ўдасканаліў свой маёнтак Грымяча. Яго біёграфы ўказваюць, што ён вызваліў сялян ад «падданства» і тым здабыў сабе іх «міласць». Магчыма, што за гэтай фармулёўкай хавасца замена прыгонных павіннасцей на чынш.

З 1856 па 1860 г. М. Віслоцкі жыў у асноўным у Варшаве. Яго дом, сапраўдны мастацкі і археалагічны музей, стаў асяродкам аматараў старажытнасцей. Віслоцкі быў актыўным удзельнікам Сельскагаспадарчага таварыства. Удзельнічаў у заснаванні ў 1859 г. вядомага «Ілюстраванага штотыднёвіка» («Tygodnik Ilustrowany»).

З 1864 г. жыў у маёнтку Пагажэль у Польшчы, займаўся сельскай гаспадаркай і прадпрымальніцтвам. У 1873 г. выехаў у вандроўку па Саксоніі, Баварыі, Галандыі і Бельгіі, каб вывучаць выпорчасць торфу, за якім бачыў вялікую будучыню. Па вяртанні заклаў у сваім маёнтку прадпрыемства па вырабе торфабрыкету.

Вялікая частка збораў Мікалая Віслоцкага трапіла ў музей князёў Чартарыйскіх у Кракаве, частка — у Ягелонскі ўніверсітэт.

У некралогу М. Віслоцкага не ўказана дата яго смерці. З-за таго, што некралог з'явіўся ў «Ілюстраваным штотыднёвіку» ў пачатку 1886 г., менавіта гэтым годам Ёахім Сліва датуе смерць археолага. Але на сайце «Niekrologi Warszawskie. Baza Nekrologów» як дата смерці М. Віслоцкага ўказана 23 снежня 1885 г. [12].

Асобна трэба спыніцца на Варшаўскай выставе старажытнасцей 1856—1857 гг., якая праходзіла ў палацы Аўгуста Патоцкага ў Кракаўскім Прадмесці, 32. Раней палац належаў Тышкевічам (быў пабудаваны ім у канцы XVIII ст.), а цяпер выкарыстоўваецца Варшаўскім універсітэтам.

Выстава складалася з пяці аддзелаў: 1. Старажытнасці. 2. Зброя і ўзбраенне, а таксама азначэнні. 3. Прадметы строяў, а таксама начынні дамашнія і касцельныя. 4. Начынні сталовыя. 5. Творы мастацтва.

Арганізатары імкнуліся, каб наведвальнікі не проста азнаёміліся з экспанатамі, але і атрымалі пра іх інфармацыю, якой можна было б карыстацца ў прасторы і часе. Гэтай мэце павінны былі служыць суправаджальныя выданні. Спачатку быў падрыхтаваны папярэдні спіс экспанатаў, а потым пад рэдакцыяй Баіслава Падчашынскага быў выдадзены вялікі навуковы каталог выставы, які апісвае экспанаты ў 1056 рубрыках, часам вельмі падрабязны, з указаннем памераў, паходжання і гісторыі рэчаў [19].

Пасля быў падрыхтаваны ў якасці ілюстраванага дадатку да каталога цудоўны фотаальбом Караля Бэра, у якім на 30 здымках вялікага памеру былі прадстаўлены найбольш каштоўныя экспанаты. Альбом стаў сур'ёзным тэхнічным і навуковым дасягненнем і быў, між іншым, наватарскай працай у галіне інвентарызацыі рэчаў старажытнасці. Планавалася яшчэ выпусціць дадатак да

каталога ў выглядзе альбома малюнкаў найбольш цікавых аб'ектаў, але да гэтага справа не дайшла. Б. Падчашынскі стаў актыўным каментатарам змешчаных на выставе экспанатаў, спачатку на старонках прэсы, а пасля ў кніжцы «Гістарычны агляд краёвых старажытнасцей, з выпадку выставы, наладжанай у Варшаве ў 1856 г. у палацы графаў Патоцкіх». Тут аўтар, дарэчы, адзначаў, што пакуль няма ніякага агульнага збору краёвых старажытнасцей, а самы значны збор дахрысціянскіх помнікаў (археалагічны музей у сучасным разуменні) — гэта Віленскі музей старажытнасцей, заснаваны на аснове прыватнага збору Яўстафія Тышкевіча; іншых збораў такога роду аўтар у Беларусі не заўважыў [15, с. 11].

Як сцвярджае каталог, ініцыятыва выставы зыходзіла ад мастака Юзафа Сімлера (Зімлера). Арганізацыяй выставы, зборам экспанатаў займаліся Аляксандр Пшаздзецкі, Генрык Стэцкі, Яўген Завадскі, Караль Бээр. Яны адабралі экспанаты з прыблізна 100 прыватных калекцый, сярод уладальнікаў якіх былі граф Вінцэнт Красінскі, граф Аўгуст Патоцкі, сенатар І. І. Фундуклей, граф Францішак Патоцкі.

М. Віслоцкі прадставіў на выставу нямала экспанатаў. У каталогу Б. Падчашынскага яны адзначаны ў раздзелах «Егіпецкія старажытнасці», «Грэка-рымскія старажытнасці», «Усходнія начыні і вырабы», «Краёвыя старажытнасці».

Егіпецкія экспанаты Віслоцкага былі разнастайнымі, але невялікімі па памерах. Сярод іх у каталогу адзначаны:

«Дзве аднолькавыя мужскія статуэткі, у форме Асірыса, з паліванай гліны, колеру шэра-зялёнага, абедзве маюць уціснутыя іерагліфічныя надпісы» (№ 6);

«Трынаццаць егіпецкіх амулетаў, у форме божышчаў, сфінксаў і г. д. Прывезены з Егіпта панам Мік. Віслоцкім» (№ 8);

«Абломак егіпецкага божышча (Асірыс) бронзавы, з тыярай на галаве (Пшэнт). Знойдзены ў Егіпце панам Мік. Віслоцкім. Цалкам падобныя адкапаны ў Швецыі ў Жамойці» (№ 10)*;

«Егіпецкі амулет з гліны з салатавай палівай, які прадстаўляе фігурку кошкі, у якой верхняя частка цела здыўчыны. Знойдзены ў Егіпце панам Мік. Віслоцкім» (№ 11);

«Фігурка здыўчыны кшталту муміі з дрэва, пакрыта чорнай смалой. Знойдзена ў Егіпце панам Мік. Віслоцкім» (№ 12);

«Драўляны рэльеф са слядамі фарбаў, зняты з муміі, прадстаўляе егіпецкае божышча з галавой сабакі. Прывезены з Егіпта панам Мік. Віслоцкім» (№ 13);

«Два сфінксы кшталту птушак з чалавечымі галавамі, са слядамі расфарбоўкі, з дрэва сікамора (егіпецкай акацыі). Са збору пана Мік. Віслоцкага» (№ 14);

* У наш час егіпецкія фігуркі са Швецыі, быццам адкапаныя Адамам Плятэрам, лічацца фэйкам [20].

«Два скарабей з ляпіс-лазуры, а адзін з зялёнага каменю, без іерогліфаў. Сабраны ў Егіпце панам Мік. Віслоцкім» (№ 15);

«Тры скарабей з вапнавага каменю, маючыя знізу іерогліфічныя надпісы. Знойдзены ў Егіпце панам Мік. Віслоцкім» (№ 16);

«Пацеркі з блакітнага шкла разам з пляскатым упрыгожаннем у форме скарабей, з таго ж матэрыялу. Прывезены з Егіпта панам Мік. Віслоцкім» (№ 17);

«Аздоба наскрозь выраблена, у форме скарабей, са шкляной зеленаватай масы. Прывезена з Егіпта панам Мік. Віслоцкім» (№ 18);

«Верх ад урны кішталту канопы, з абпаленай гліны, які прадстаўляе галаву мужчыны. Выкапаны ў Фівах панам Мік. Віслоцкім. Зверху расфарбаваны чырвоным і чорным» (№ 20);

«Рэшткі запісаных папірусаў. Знойдзены ў Егіпце панам Мік. Віслоцкім» (№ 21).

Сярод «Грэка-рымскіх старажытнасцей» у каталогу адзначаны два экспанаты ад М. Віслоцкага:

«Малое начынне для духмяных рэчываў, з гліны чырвонай з чорнай палівай, з вухам, знізу жалабатае, грэчаскай формы. Знойдзена ў Егіпце пад Александрыяй, у лазнях Клеапатры. Са збору пана Мік. Віслоцкага» (№ 28);

«Лямпа гліняная чырвоная. У егіпецкіх грабніцах знойдзена панам Мік. Віслоцкім» (№ 32).

У раздзеле «Усходнія начынні і вырабы» адзначаны:

«Пацеркі з дробных слімакоў, якія складаюць жаночы нашыйнік, з ваколіц парогаў Ніла. Са збору пана Мік. Віслоцкага» (№ 47);

«Два сярэбраныя бранзалеты, усыпаныя бірузой, гранатамі і перламі. Паходзяць з Егіпта; са збору пана Мік. Віслоцкага» (№ 48).

Іншыя экспанаты М. Віслоцкага мелі краёвае паходжанне:

«Аскепак стралы са скамянелай косці, выкапаны ў Літвінках Кобрынскага павета». Даўжыня вырабу разам з «вастрыём» складала 25 см (№ 76). Названыя Літвінкі, трэба думаць, — сучасная вёска Літвінкі ў Кобрынскім раёне.

Два жалезныя цвікі і дзве гліняныя пацеркі. Былі «выкапаны ў Грымячах над Пульвай у Брэст-Літоўскім павеце». Дыяметр пацерак 2,1 см, шырыня 0,9 см (№ 92). Мяркуючы па памерах, гліняныя «пацеркі» былі на самой справе праселкамі. Упамянутае «ў Грымячах» — маёнтak Віслоцкага, сучасная вёска Грымяча Камянецкага раёна.

Дно пахавальнай урны (porcelnicu) і шэсць абломкаў бронзавых запінак (spinek) і шпілек (szpilek), знойдзеныя разам над Бугам «у Літве». Дыяметр дна 6 см, таўшчыня 0,5 см (№ 112). Пэўна, тут мы маем справу з рэшткамі пахавальнага інвентара нейкага могільніка. Адсутнасць у каталогу дакладнай лакалізацыі знаходкі ўказвае на тое, што іх адкапаў не сам М. Віслоцкі, але яны трапілі да яго праз чужыя рукі.

Дзве бронзавыя запінкі (фібулы) (spinki, fibulae) і шпілька з таго ж металу, знойдзеныя ў вёсцы Вялечкавіцы над Бугам, Брэст-Літоўскі павет. Даўжыня запі-

нак 4,5 см, даўжыня шпількі 8,4 см, дыяметр галоўкі 1,3 см (№ 132). Наконт знаходкаў у каталогу змешчана заўвага: «Гэтыя запінкі належаць да найменей аздобленых у сваім родзе; шпілька мае круглую дзымутую галоўку, аздобленую больш за дзесяць выпуклымі пунктамі». Магчыма, гэта рэшткі пахавальнага інвентару. Упамянута Вялечкавічы, пэўна, — сучасная вёска Вялічкавічы Камянецкага раёна непадальк ад упадзення Пульвы ў Буг. Мяркуемы могільнік лакалізаваў Ю. У. Кухарэнка, які азнаёміўся са знаходкамі Віслоцкага — цяпер яны захоўваюцца ў Археалагічным музеі ў Кракаве [17]. Аднак набор рэчаў у музеі адрозніваецца ад таго, які занатаваны ў каталогу выставы. Ю. У. Кухаранка адзначыў тры бронзавыя фібулы — дзве шалупінападобныя (тыпы Альмгэрн-124 і -128), адну арбалетападобную, два бронзавыя колцы, дзве шклянныя пацеркі, донца гаршка; бронзавая шпілька ў яго публікацыі адсутнічае.

Рыцарскі пояс, які складаецца з бронзавых пазалочаных звёнаў, з гуза-мі, вырабленымі празрыста серабром (?), «прыгожай работы», XVII ст. (№ 348). Апісанне пояса ўдакладняе, што ён мае 14 гравіраваных звёнаў, 13 разетак (гузаў), якія значна выступаюць, усе прымацаваны на скураной стужцы. Гравіроўка на спражцы прадстаўляе міфалагічных істот. Даўжыня 87 см, шырыня 5 см. Быў набыты ў ваколіцах Кобрына.

Два бронзавыя пярсцёнкі, адзін мае незразумелыя тры літары, «крыху падобныя на грэчаскія». Выкапаны ў кургане каля вёскі Чыжэва Брэсцкага павета (№ 425). Гэта вёска, відаць, — цяперашняя вёска Чыжэвічы Лышчыцкага сельсавета Брэсцкага раёна.

Атрымліваецца, што ўсе рэчы, выкапанія з зямлі і трапіўшыя ў калекцыю М. Віслоцкага, паходзяць з яго маёнтка ці, прынамсі, суседніх зямель. Найбольш верагоднай крыніцай фібул і некаторых іншых рэчаў у зборах Віслоцкага з'яўляюцца грунтовыя могільнікі надбужскіх готаў.

Акрамя таго, Б. Падчашынскі ў каталогу сярод сваіх уласных рэчаў адзначыў такія экспанат:

Галаснік з Каложскай царквы ў Гродне (№ 1047). З чырвонай гліны, добра абпалены, «у форме прыгожай бутэлькі». Паверхня вырабу пакрыта хвалістымі лініямі, «напэўна, для лепшай сувязі з вапнай». Найбольшы дыяметр 21 см, дыяметр вусця 9 см, дыяметр дна 17 см, вышыня 33 см. Б. Падчашынскі адзначыў, што да яго галаснік трапіў «з прыемных рук» М. Віслоцкага, і змясціў цэлае даследаванне наконт гэтага артэфакта:

«Касцельчык у Каложы быў пабудаваны, відавочна, у першыя часы хрысціянства на Літве. У сценах гэтай святыні знаходзяцца ў вялікай колькасці падобныя гаршкі, меншыя і большыя, але ўсе вусцем звернуты ўсярэдзіну. Такія гаршкі знаходзяцца і ў іншых старажытных літоўскіх святынях, а менавіта ў Оўручы, дзе называюцца *галаснікамі*. Ёсць звесткі, што ў даўніх часах плата *гукавае* складала даволі значны даход у падобных капліцах, бо просты народ за малую плату дапускаўся ўнутр, дзе ён мог волна гукаць, а голас шмагцова адбіваўся моцым эхам ад сцен і скляпенняў, выклікаючы ў яго

вялікую любоў і веру ў тэўнага роду цуд, вось для такога нявіннага падману маглі служыць гаршкі, умацаваныя ў сценах, якія ўзмацнялі і адбівалі голас. Ніякай іншай прычыны ўжывання іх у сценах святыні вызначыць немагліва».

Канешне, у сапраўднасці ніякага *гукавага* не існавала. Такого слова не ведаюць і гістарычныя слоўнікі беларускай мовы. Гэта свайго роду вучоны міф. А вось наконт Оўруцкай царквы ці сам Падчашынскі, ці яго інфарматары ведалі праўду. Сапраўды, там, у царкве святога Васіля (на той час яна стаяла ў руінах) можна было заўважыць у мурах шматлікія галаснікі. Сучасны даследчык піша: «У муроўцы верхніх частак царквы ўстаўлена значная колькасць галаснікоў. Гэта буйныя пасудзіны з доўгім вузкім горлам: вышыня іх 42 см, шырыня ў плячуках 21 см, дыяметр дна 10,5 см, дыяметр горла 6—7 см. Па форме галаснікі ідэнтычныя галаснікам Каложскай царквы ў Гродне» [16, с. 93—94].

Егіпецкія рэчы з калекцыі М. Віслоцкага, магчыма, захаваліся ў некаторых польскіх зборах. Ё. Сліва мяркуе, што ў Віслоцкага маглі знаходзіцца некаторыя рэчы, якія цяпер зберагаюцца ў Інстытуце археалогіі Ягелонскага ўніверсітэта: пахавальны рэльеф, гранітная фігурка, два копцыя чарапкі [21; 22].

У зборах Беларусі, на жаль, археалагічныя знаходкі Мікалая Віслоцкага не захаваліся.

Літаратура і крыніцы

1. Jenike, L. Mikołaj Wislocki / L. Jenike // Tygodnik Ilustrowany. — 1886. — 16 stycznia. — Nr 159. — S. 38.
2. Śliwa, J. Mikołaj Wislocki (1821—1886). Zapomniany podróżnik i kolekcjoner / J. Śliwa // Meander. — 1993. — T. 48. — S. 471—481.
3. Śliwa, J. Badacze, kolekcjonerzy, podróżnicy. Studia z dziejów zainteresowań starożytnych / J. Śliwa. — Kraków: Księgarnia Akademicka, 2012. — 655 s.
4. Историческая справка парка Вислоцких возле д. Лыпидцы Брестского района // Астремчаўскі рукапіс: Брэсцкі раённы краязнаўчы альманах. — 2015. — № 3 (11). — С. 6—9.
5. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. — Warszawa: Nakł. Filipa Sulimierskiego i Władysława Walewskiego, 1890. — T. XV. — Cz. 1. — 640 s.
6. Кулагин, А. Н. Архитектура дворцово-усадьбных ансамблей Белоруссии: вторая половина XVIII — начало XIX в. / А. Н. Кулагин. — Минск: Наука и техника, 1981. — 134 с.
7. Несцярчук, Л. М. Замкі, палацы, паркі Берасцейшчыны X—XX стагоддзяў: (гісторыя, стан, перспектывы). Выданне другое, дапоўненае / Л. М. Несцярчук. — Мінск: БЕЛТА, 2005. — 335 с.
8. Федорук, А. Т. Старинные усадьбы Берестейщины. 2-е издание / А. Т. Федорук. — Минск: Бел Эч, 2006. — 573 с.
9. Dobrowolski, R. Bazylińska Szkoła Powiatowa w Brześciu Litewskim (XVIII—XIX wiek) / R. Dobrowolski // Śladami unii brzeskiej. — Lublin: Supraśl, 2010. — S. 299—357.
10. Pielgrzymka do Ziemi Świętej odprawiona przez X. Hołowińskiego. — Wilno: Nakład i druk Teofila Glücksberga, 1842—1845. — T. 1—5.
11. Pielgrzymka do Ziemi Świętej przez Ignacego Hołowińskiego, Arcybiskupa Mohylewskiego, Metropolite Wszech Rzymsko-Katolickich Kościołów w Cesarstwie Rosyjskiem.

- Wydanie drugie, poprawione i pomnożone. — Petersburg : Nakładem B. M. Wolffa, 1853. — VIII, 667, XVI s.
12. Niekrologi Warszawskie. Baza Nekrologów. — Warszawa. — URL: <http://www.nekrologi-baza.pl/zlista/434> (data zwapoty: 19.03.2022).
13. Spis prywatnych zbieraczów z wyszczególnieniem ich zbiorów i kierunku, w jakim przedewszyskiem swoim studiom się oddają // Rocznik dla archeologów, numizmatyków i bibliografów polskich. Rok 1870 / Wydał Stanisław Krzyżanowski. — Kraków, 1873. — S. 207—237.
14. Wiadomości literackie // Biblioteka Warszawska. — 1859. — T. III. Nowej seryi t. VII. — S. 254—266.
15. Podczaszyński, P. B. Przegląd historyczny starożytności krajowych z powodu wystawy urządzonej w Warszawie w r. 1856. w pałacu JW Hr. Aug. Potockich : Odbicie z odcinków Kroniki Wiad. Kraj. i Zagranicz / P. B. Podczaszyński. — Warszawa : W drukami Józefa Unger, 1857. — 155 s.
16. Раппопорт, П. А. Церковь Василия в Овруче / П. А. Раппопорт // Советская археология. — 1972. — № 1. — С. 82—97.
17. Кухаренко, Ю. В. Могильник у дер. Великовичи / Ю. В. Кухаренко // Краткие сообщения Института археологии. — М. : Наука, 1969. — Вып. 119. — С. 81—81.
18. Кулинь, В. И. Проблемы сохранения архитектурного наследия Брестчины / В. И. Кулинь, А. Д. Кудиненко // Вестник Брестского государственного технического университета. — 2006. — № 1. — С. 2—4.
19. Katalog wystawy starożytności i przedmiotów sztuki 1856 urządzonej w pałacu JW. hr. Augustostwa Potockich w Warszawie na Krakowskiem-Przedmieściu na korzyść domu schronienia opieki Najświętszej Maryi Panny. — Warszawa : W drukami Józefa Unger, 1856. — XX, 353 s.
20. Kolendo, J. Rzekome znalezisko posążków egipskich w Szwekszniach na Litwie / J. Kolendo // Rocznik Białostocki. — Warszawa, 1976. — T. XIII. — S. 283—297.
21. Śliwa, J. Ipy i Amon-nacht — artyści w Miejsu Prawdy / J. Śliwa // Egipt, Grecja, Italia : Zabytki starożytne z dawnej kolekcji Gabinetu Archeologicznego Uniwersytetu Jagiellońskiego. — Kraków : Księgarnia Akademicka, 2007. — S. 121—126.
22. Śliwa, J. Dwusetlecie Towarzystwa Naukowego Krakowskiego / J. Śliwa // Rocznik Biblioteki Naukowej PAU i PAN w Krakowie. — Kraków, 2015. — R. LX. — S. 9—18.
23. Басов, С. В. Исчезающее наследие : дворцово-парковый комплекс Пузынов в Грэмаче / С. В. Басов, Г. М. Качановская, Э. А. Тур // Сборник статей научно-технического семинара «Реставрация историко-культурных объектов как сохранение наследия Республики Беларусь». — Брест : Брл ТУ, 2021. — С. 8—12.
24. Śliwa, J. Mikołaja Wisłockiego fragment «Dziennika podróży z Neapolu do Afryki i wyprawa z Kairu do Gómeego Egiptu aż ku granicom Abisynii» (1844/1845) / J. Śliwa // Rocznik Biblioteki Naukowej PAU i PAN w Krakowie. — Kraków, 2021. — R. LXVI. — S. 47—54.

Артыкул насту́піў у рэдакцыю 27.06.2025.

М. Ф. Шумейка,
*ведущий научный сотрудник отдела археографии
Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела,
кандидат исторических наук, доцент;
e-mail: jesti@inbox.ru*

УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, АДМИНИСТРАТОР

(к 90-летию со дня рождения Э. М. Савицкого)

4 марта 2025 г. исполнилось 90 лет со дня рождения доктора исторических наук, профессора Эдуарда Михайловича Савицкого, известного не только в Беларуси, но и далеко за ее пределами, ученого, педагога, архивиста, внесшего значительный вклад в развитие архивного дела в Беларуси. Пишущему эти строки полтора десятка лет тому назад уже приходилось выступать в роли биографа Эдуарда Михайловича [1], поэтому, не повторяясь, сосредоточим далее внимание на тех аспектах его научно-педагогической и административной деятельности, которые тогда не были затронуты.

Однако о некоторых, наиболее значимых событиях в биографии юбиляра, все же напомним. К их числу, на наш взгляд, следует отнести получение Эдуардом Михайловичем в 1959 г. диплома о высшем образовании в Московском историко-архивном институте. Директором (а не ректором) его в то время была выпускница Института красной профессуры, защитившая в 1950 г. кандидатскую диссертацию А. С. Рослова (1904—1977), которую студенты ласково называли «мамушкой». Как пишет современный российский архивовед, ныне возглавляющий кафедру истории и организации архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета Т. И. Хорхордина: «Еще донашивали армейские гимнастерки студенты, еще выдавали в гардеробе номерки на пальто с надписью «НКВД», но уже явственно ощущался ветер перемен, связанный с ее директорством» [2, с. 151]. А. С. Рослова приняла на работу ряд преподавателей, вернувшихся из лагерей; с 1956 г. здесь учился сын И. Э. Якира Петр Якир, также репрессированный и еще не реабилитированный.

Юноше из гомельского г. Буда-Кошелево повезло: ему довелось слушать лекции таких выдающихся ученых-архивоведов, как профессор И. Л. Маяковский (1878—1954), профессор В. В. Максаков (1886—1964), а также блиставшего лекторским мастерством молодого тогда еще доцента С. О. Шмидта (1922—2013). Вместе с Э. М. Савицким в институте учились его сверстники, ставшие впоследствии видными учеными, педагогами, администраторами. В их числе Е. В. Старостин (1935—2011), первый избранный по конкурсу в 1992 г. директор Историко-архивного института; Л. М. Рошаль (1936—2010), с 1968 г. член Союза кинематографистов СССР/РФ, сочетавший в себе качества исследователя аудиовизуальных документов и художественно-го творчества; профессор А. И. Комиссаренко (1937—2021) и др.

Лекции, семинарские и практические занятия, круг общения с друзьями-одноклассниками создавали научную ауру, в условиях которой сформировался Э. М. Савицкий — архивист-историк и архивовед; они же заложили научную школу, результаты которой скажутся впоследствии, во время его работы в архивной отрасли Беларуси.

В 1959 г. по окончании института Эдуард Михайлович как уроженец Беларуси получает распределение в Центральный государственный исторический архив БССР, который в то время находился в Могилеве; через пять лет становится заместителем директора архива, принимая самое активное участие в перемещении архива в Минск в 1963 г. После защиты в 1968 г. кандидатской диссертации по теме «Революционное движение в Белоруссии в годы Первой мировой войны и второй русской революции (июль 1914 — март 1917 г.)» он ненадолго становится «энциклопедистом» (имея в виду его работу в качестве редактора, а затем и заведующего редакцией истории Беларуси издательства «Беларуская Савецкая Энциклапедыя»), затем переходит в систему Академии наук, позже — на преподавательскую работу. С 1982 г. он — доцент кафедры научного коммунизма Белорусского института народного хозяйства им. В. В. Куйбышева, с 1987 г. — доцент кафедры истории КПСС Минского медицинского института.

Однако архивная сфера не отпускает его. В апреле 1990 г. он вновь возвращается в архивную отрасль, но уже в качестве заместителя руководителя Главархива республики; позже становится заместителем директора созданного в декабре 1991 г., не без его участия, отраслевого НИИ документоведения и архивного дела. Пишущий эти строки вспоминает, какие жаркие дискуссии развернулись в прессе, и не в ней одной, по поводу судьбы здания по ул. Кирова, 43 в Минске, которое занимал уже бывший Центральный партийный архив КПБ. 24 января 1992 г. газета «Звязда» поместила на своих страницах статью под выразительным заголовком «Ці будзем мець Нацыянальны архіў?». В ней говорилось, что на днях в редакцию с письмом обратилось руководство Главархива Беларуси, в котором приводился ряд важных аргументов в пользу передачи здания под Национальный архив. В статье отмечалось, что на это здание уже давно претендует Государственная библиотека Республики Беларусь, бывшая «Ленинка». Буквально через месяц в «Народной газете», которая первой, еще в октябре 1991 г., подняла вопрос о создании Национального архива на базе документов Исторического архива в Минске, в рубрике «Ёсць прапанава!» появляется статья Э. М. Савицкого «На добры толк можна і пацясніцца» [3]. В ней автор справедливо полагал, что в случае реализации подготовленного Министерством культуры проекта постановления Правительства о передаче четырех из шести архивохранилищ по ул. Кирова под фонды библиотеки им. Ленина создание Национального архива сделается совершенно невозможным. Однако, учитывая тяжелое положение библиотеки с площадями, Эдуард Михайлович предлагал временный выход из него путем передачи в

здание по ул. Кирова ряда книжных изданий, хранящихся в библиотеке. Завершая статью, автор иронично намекал, что не такая уж и бедная «Ленинка», если «ў рэкламных аб'явах сярод іншых прапаноўвае і такую паслугу, як “задача памяшканняў у арэнду”». Как известно, борьба с Минкультом за здание по ул. Кирова закончилась тогда в пользу Архивной службы республики, и не последнюю роль в этом сыграл Эдуард Михайлович.

С именем Э. М. Савицкого связаны также разработка и принятие первого в истории архивного дела республики Закона Республики Беларусь «О Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь». Именно ему было поручено возглавить комиссию по подготовке проекта закона. Значение последнего для развития архивного дела трудно переоценить. В нем впервые было определено содержание понятия «Национальный архивный фонд Республики Беларусь», правовой статус сети государственных архивов и т. д. С принятием 6 октября 1994 г. закона связан установленный в Беларуси профессиональный праздник «День архивиста», который регулярно отмечается в республике 6 октября.

Автор этих строк вспоминает, как непросто шло обсуждение проекта закона в Верховном Совете и какие усилия приходилось прикладывать Эдуарду Михайловичу для продвижения этого важнейшего документа. Точно так же, непросто, шел и процесс становления отраслевого Научно-исследовательского центра документоведения и ретроинформации (так первоначально назывался нынешний Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела). И в том, что БелНИИДАД состоялся, говоря словами нынешнего его директора, нашел «свое место в архивной системе» [4], есть и большая заслуга заместителя председателя Белкомархива, как с октября 1992 г. стал именоваться Главархив республики.

Э. М. Савицкому удавалось сочетать ответственную административную работу с научной деятельностью. В 1992 г. он успешно защитил докторскую диссертацию, став первым доктором наук в архивной отрасли. К сожалению, его примеру не следуют современные сотрудники государственных архивов, а жаль... В 1997 г. он становится профессором, возглавляя существовавший в то время при БелНИИДАД Специализированный совет по защите кандидатских диссертаций. Среди принятых к защите и успешно защищенных в 1999 г. диссертаций по такой экзотической для республики научной специальности, как «Документалистика, документоведение, архивоведение», была и диссертация нынешнего директора БелНИИДАД.

Сохранилась уникальная видеозапись более чем тридцатилетней давности первой Международной научно-теоретической конференции, организованной в декабре 1993 г. еще БелНИИДАД на площадке исторического факультета БГУ [5]. Пленарное заседание конференции вел Э. М. Савицкий. К сожалению, тогда еще несовершенная техника не давала возможности слышать голоса председательствующего, равно как и докладчиков. Тем не менее, это важный визу-

альный источник по истории архивного дела Беларуси, с которым сегодня могут знакомиться будущие архивисты, нынешние студенты и магистранты архивного отделения истфака БГУ благодаря разделу «Медиаотека» интернет-выставки «История нашей памяти», подготовленной Белорусским научно-исследовательским центром электронной документации к 100-летию архивной службы Беларуси. Полагаю, что и нашему юбилею будет небезынтересным посмотреть ее.

На наш взгляд, именно после 1990-х гг. Эдуарду Михайловичу удалось реализовать наиболее значимые научные и административные проекты, в том числе и те, о которых уже упоминалось выше. Его вступление в должность одного из руководителей архивной службы республики по времени совпало со сложнейшей ситуацией, имевшей место в архивной отрасли, как и в республике в целом. В условиях приближавшегося и все более очевидного развала Союза ССР архивная общественность пыталась параллельно с явно сдававшим свои позиции Главархивом СССР создать общественную службу, которая взяла бы на себя решение вопросов, возникавших в архивной отрасли в такое сложное время. В сентябре 1990 г. в Беларуси создается республиканское общество историков-архивистов. Его представители принимают участие в работе состоявшегося 14—15 ноября 1990 г. в Москве Учредительного съезда, провозгласившего создание новой общественной организации — Общества архивистов СССР. Руководство Государственной архивной службы позитивно встретило новое образование. Но... Решать практические вопросы, связанные с реформированием архивного дела, должны были (и могли!) все-таки не общественные организации, а государственные органы.

В этой связи не может не вызывать уважения позиция представлявшего Главархив Беларуси Э. М. Савицкого, которую он занял на состоявшемся 19—20 ноября 1991 г. в Москве совещании руководителей органов управления архивным делом суверенных республик. Еще не зная о том, что 14 ноября союзный Главархив был ликвидирован, участники совещания обсуждали вопрос об организации архивной системы в предполагаемом Союзе суверенных государств, который должен был заменить собой Союз ССР. По сути, речь шла о судьбе так называемых общесоюзных архивов: передать ли их в ведение Роскомархива, на чем настаивал его руководитель Р. Г. Пихоя, или создать некий межреспубликанский орган по их управлению.

Реально оценивая сложившуюся ситуацию и предполагая, какую негативную реакцию среди «бэнээфовской» части общественности республики вызовет его позиция (а она была зафиксирована в опубликованном в журнале «Отечественные архивы» протоколе совещания), Эдуард Михайлович, тем не менее, однозначно высказался за передачу бывших общесоюзных архивов под юрисдикцию России. «Мы хотим быть друзьями с ЦГА СССР», — говорил он. — Было бы целесообразно разработать новое положение о ЦГА СССР, дать им университетскую автономию. Меня беспокоит вопрос, кому будут подчиняться ЦГА СССР. В Белоруссии ведется БНФ яростная пропаганда: москаль, рус-

ский — это враг белорусов. У Белорусского народного фронта есть шанс прийти к власти. ЦГА СССР лучше перейти в ведение России, у нее есть деньги».

Последующие события, в которых принимал участие Э. М. Савицкий (встреча руководителей архивных служб Содружества Независимых Государств в апреле 1992 г. в Минске, подписание двухсторонних соглашений с архивными службами России, Украины, Германии, Польши, других стран, разработка выше упоминавшегося Закона о Национальном архивном фонде и архивах в Республике Беларусь, Основных правил работы государственных архивов Республики Беларусь и др.), также стали знаковыми в его архивной деятельности.

Работая до 2018 г. в БелНИИДАД вначале в должности заместителя директора, а затем главного научного сотрудника, Э. М. Савицкий возглавлял в авторский коллектив, работавший над темами «История органов государственной власти и управления Республики Беларусь» (2009—2010 гг.); «Органы государственной власти и управления Республики Беларусь» (25 августа 1991 г. — 31 декабря 2008 г.); «Органы местного управления и самоуправления Республики Беларусь» (2013—2018 гг.). Результаты разработки этих тем, вылившиеся в справочные издания, получили высокую оценку среди белорусской научной общественности, практиков-архивистов, студентов документоведческого и архивного отделений истфака БГУ и др. (подробнее о них см.: [6]).

В заключение отметим, что и сегодня, в год своего 90-летия, Эдуард Михайлович, достигнув значительных результатов в научной, педагогической, организационно-административной сферах, по-прежнему продолжает участвовать в научной жизни, поддерживая контакты с коллегами из БелНИИДАД, истфака БГУ, других вузов, в которых он вел педагогическую деятельность. Эдуард Михайлович по-прежнему остается главным редактором «Беларускага археографічнага штогодніка», членом редколлегии которого он является с самого первого его выпуска в 2000 г.

4 марта этого года группа сотрудников БелНИИДАД во главе с директором тепло поздравила юбиляра с 90-летием и пожелала ему здоровья и бодрости духа. Среди врученных юбиляру подарков была и книга «Архивы: люди и документы. К 100-летию архивной службы Беларуси» (Минск: БелНИИДАД, 2022), на страницах которой воспроизводятся фотографии, запечатлевшие Эдуарда Михайловича перерезающим ленточку во время торжественного открытия нового здания филиала Госархива Гомельской области в г. Мозыре (10 октября 1990 г.); его фотопортрет как заместителя начальника Главархива, заместителя председателя Белкомархива, заместителя директора БелНИИДАД; фото заседания Бюро Археографической комиссии (2012 г.). Мы также внесли свой вклад в создание цикла визуальных документов о юбиляре, засняв его с женой и надежной помощницей Лилией Михайловной и выставив фотографии с разрешения юбиляра в соцсетях.

Здоровья Вам, дорогой и уважаемый Эдуард Михайлович, и спасибо Вам за все, что Вы сделали и продолжаете делать на архивном (и не только) поприще!

Література і джерела

1. Шумейко, М. Ф. Старейшина архивного цеха Беларусі (к 75-ллітцю со дня рождэння прафесара Э. М. Савіцкага) / М. Ф. Шумейко // *Архівы і справаводства*. — 2010. — № 1. — С. 111—113.
2. Хорхордына, Т. И. Историко-архивный институт в истории отечественной высшей школы: 1930—2020. 2-е изд., доп. / Т. И. Хорхордына. — М.: РГГУ, 2020. — 449 с.
3. Савіцкі, Э. На добры толк можна і пацясніцца / Э. Савіцкі // *Народная газета*. — 1992. — 26 лют.
4. Рыбаков, А. Е. «Институт нашёл свое место в архивной системе. Институт нужен отрасли»: (к 25-ллітцю стварэння Беларускага навучна-даследвальскага інстытута дакументавання і архіўнага дэла) / А. Е. Рыбаков // *Беларускі археаграфічны штогоднік*. — Мінск : БелНДДАС, 2016. — Вып. 17. — С. 5—18.
5. Тэзісы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія Беларусі: стан і перспектывы». 1—2 снежня 1993 г. — Ч. I—II. — Мінск, 1993.
6. Шумейко, М. Ф. Справочник, помогающий формированию Национального архивного фонда Республики Беларусь / М. Ф. Шумейко // *Беларускі археаграфічны штогоднік*. — Мінск : БелНДДАС, 2020. — Вып. 21. — С. 169—175.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 09.09.2025.

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА
«УЧЕНЫЙ-НОВАТОР, ПЕДАГОГ, ВОИН.
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА
КИМА БОРИСОВИЧА ГЕЛЬМАНА-ВИНОГРАДОВА».
26 ИЮНЯ 2025 г., МИНСК—МОСКВА**

Круглый стол под таким названием прошел на историческом факультете Белорусского государственного университета 26 июня 2025 г. Он был организован кафедрой источниковедения данного факультета совместно с кафедрой истории и организации архивного дела (ИОАД) Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

К. Б. Гельман-Виноградов (1925—2010), уроженец г. Гомеля, участник Великой Отечественной войны, в течение более трех десятилетий, с 1960 по 1991 г., преподавал в Московском историко-архивном институте, несколько лет возглавлял кафедру теории и практики архивного дела, в 1986 г. защитил докторскую диссертацию по проблемам машиночитаемых документов. Последние годы работал во ВНИИДАД. Ким Борисович является создателем нового научного направления по архивоведению машиночитаемых документов, которое дало жизнь ныне повсеместно создаваемым архивам электронных документов.

Заседания круглого стола, сгруппированные по двум блокам: «Вспоминая К. Б. Гельмана-Виноградова» и «Идеи К. Б. Гельмана-Виноградова в современном преломлении», проходили в смешанном формате — офлайн (с белорусской стороны) и онлайн (с российской). В них приняли участие около 30 человек, представлявших научные и образовательные учреждения Беларуси и России. В их числе руководители БелНИИДАД и ВНИИДАД кандидат исторических наук А. Е. Рыбаков и кандидат исторических наук П. А. Кюнг, директор БГАМЛИ Е. А. Макаренко, заведующий кафедрой ИОАД доктор исторических наук Т. И. Хорхордина и доцент кафедры кандидат исторических наук Н. И. Хими́на, заведующий кафедрой автоматизированных систем документационного обеспечения управления (АС ДОУ) ИАИ РГТУ доктор исторических наук М. В. Ларин и доцент кафедры кандидат исторических наук В. Ф. Янковая, заместитель генерального директора ООО «ДИМИ-ЦЕНТР» (Москва) доктор исторических наук Ю. Ю. Юмашева, доцент НИУ «Высшая школа экономики» (Москва) кандидат исторических наук М. Ф. Румянцева, старший преподаватель Российского университета транспорта Е. В. Боброва, сотрудник Научно-образовательного центра «Гуманитарный архив» РГТУ Ю. И. Новосельская, заведующий кафедрой источниковедения доктор исторических наук С. Н. Ходин, профессор, доцент и преподаватель кафедры кандидат исторических наук М. Ф. Шумейко, кандидат исторических наук Т. Д. Гернович и Н. С. Соломкина, заведующий кафедрой этнологии, музеологии и истории искусств кандидат исторических наук А. Н. Лапушкин, научные сотрудники БелНИИДАД С. Е. Куприянов, И. В. Любаревич, А. А. Сапко и др.

Открывая заседание круглого стола, с приветственным словом к его участникам обратились декан истфака БГУ доктор исторических наук А. Г. Кохановский, и. о. директора ИАИ РГТУ, декан факультета архивоведения и документоведения РГТУ кандидат исторических наук Ф. Г. Тараторкин, заведующий кафедрой источниковедения БГУ доктор исторических наук С. Н. Ходин.

При подведении итогов работы круглого стола было высказано предложение о целесообразности публикации выступлений его участников на страницах «Беларускага археографічнага штогодніка». Редколлегия последнего благодарит коллег, откликнувшихся на это предложение и приславших оформленные в виде статей тексты выступлений. Публикуя последние, редакция не сомневается в том, что их содержание сыграет позитивную роль как в научном, так и в дидактическом аспектах.

М. Ф. Шумейко

Т. И. Хархордина,
*заведующий кафедрой истории и организации архивного дела
Историко-архивного института
Российского государственного гуманитарного университета,
доктор исторических наук, профессор;
e-mail: ioad@yandex.ru*

ЧЕЛОВЕК, ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ

Я не случайно назвала свое выступление о Киме Борисовиче Гельмане-Виноградове как о Человеке, опередившем Время. Дело в том, что когда в 1992 г. вышли в свет его новаторские статьи «Документальная память ноосферы как новый объект познания (к постановке проблемы)» [1] и «Пространственная Одиссея документов как глобальное явление» [2], тогда не все поняли всю прозорливость и новаторство концепции Гельмана-Виноградова (речь не идет о присутствующих участниках сегодняшнего круглого стола). Не буду называть имен, но даже некоторые наши выдающиеся ученые — их нет уже с нами — тогда сочли это (буквальная цитата) — неким чудачеством. Но, по-видимому, так всегда бывает, что новое с трудом сначала пробивает себе дорогу. И действительно, только уже ко второй половине 1990-х гг. его новаторские идеи были полностью восприняты научным сообществом.

В этой связи хотела бы рассказать свою личную историю, связанную со счастливым общением с этим замечательным человеком и ученым. Когда вышла его упомянутая статья о документальной памяти ноосферы, мы с Кимом Борисовичем работали в Государственной экзаменационной комиссии по защите дипломных работ, и когда я выразила ему свое восхищение, мы несколько раз оставались после защиты и размышляли о многом. Размышляли мы и о том, что если погрузиться в глубины, в которые нас увлекает восстановление целого (композиции, ансамбля — если хотите) документального комплекса, то нужно исходить из того, что любой документ рождается в процессе жизнедеятельности человека раз и навсегда, поскольку заложенная в нем информация начинает жить в непрерывном континууме пространства и времени, причем независимо от дальнейших перипетий во внешних по отношению к ней структурах.

Мы пришли тогда к выводу, что даже при уничтожении документа зафиксированная в нем информация, однажды появившись на свет, уже не устаревает и не умирает...

Это особенно заметно сейчас, в эпоху развития сети Интернет. Информация всегда актуальна по отношению к самой себе как объективному явлению, и она навсегда запечатлела ту объективную реальность, которая отразилась в ней. Даже при ее уничтожении остаются, скажем образно, «следы фонда», и они тоже дублируют материальную или духовную реальность — причем независимо от воли автора документа. То есть информация продолжает сохраняться в качестве отдельного элемента единой системы, точнее — метасистемы — Общепланетной, Общечеловеческой информационной системы, складывающейся в процес-

се жизнедеятельности Человека. А что же архивы? Архивы при таком понимании рассматриваются не только в качестве целенаправленной деятельности человека, а как объективное проявление духовной истории, духовной культуры человека, его материальное отражение, след его сущности на протяжении всего единого, общепланетного пространственно-временного континуума. Эти строки были написаны нами в 1996 г. [3], и они были навеяны как раз трудами К. Б. Гельмана-Виноградова. В этой связи отметим, что и некоторые современные архивоведы также приходят к подобным выводам об указанной тенденции: «Многие начинания в глобальной системе Интернета движутся в сторону всемирной родословной человечества», — пишет историк и архивовед Б. С. Илизаров [4].

И время показало справедливость выдвинутых Кимом Борисовичем прогнозов и перспектив документальной памяти ноосферы. Она заключается в том, что мегаархивом планеты Земля можно назвать гигантскую информационную совокупность и сохранение всей информации, циркулирующей на Земле. За счет чего? За счет активного накопления и постоянного ее преобразования. В этом-то заключается, говоря об отдельно взятом, исследованном Кимом Борисовичем сюжете, новаторство его идей.

В послесловии к трудам К. Б. Гельмана-Виноградова, изданным ВНИИДАД под названием «Особая миссия документов» с замечательным предисловием профессора М. В. Ларина, Ким Борисович справедливо написал, что «пионерские вторжения в неизведанные просторы знаний заслуживают внимания и уважения» [5].

И думаю, что эта симфония *смысла*, который постоянно искал Ким Борисович, и *души*, частичку которой он вкладывал в эти поиски, и отразилась в его научном творчестве.

Обаяние личности Кима Борисовича ощущали все, кто с ним общался. Всякий, кто обращался к нему, получал исчерпывающий, доброжелательный и мудрый совет. Он был Человеком Науки, и еще немало будет написано о К. Б. Гельмане-Виноградове и его научных трудах, поскольку по-настоящему осмысление его миссии как Ученого еще предстоит.

Литература и источники

1. Гельман-Виноградов, К. Б. Документальная память ноосферы как новый объект познания: (к постановке проблемы) / К. Б. Гельман-Виноградов // Международный форум по информации и документации: научный журнал Международной федерации по информации и документации. — 1992. — Т. 17. — № 1. — С. 8—16.
2. Гельман-Виноградов, К. Б. Пространственная Одиссея документов как глобальное явление / К. Б. Гельман-Виноградов // Отечественные архивы. — 1992. — № 6. — С. 24—29.
3. Хорхордина, Т. И. От архивоведения к архивософии: К постановке проблемы / Т. И. Хорхордина // Труды Историко-архивного института РГГУ. — 1996. — Т. 33. — С. 166—177.
4. Илизаров, Б. С. «... Думали только о нашей любимой историко-архивной науке»: Интервью Б. С. Илизарова / Б. С. Илизаров // Отечественные архивы. — 2008. — № 1. — С. 77—86.

5. Гельман-Виноградов, К. Б. Послесловие / К. Б. Гельман-Виноградов // Гельман-Виноградов, К. Б. Особая миссия документов: Избранные труды / К. Б. Гельман-Виноградов. — М., 2009. — С. 180—183.

Артикул наступіть у редакцію 09.09.2025.

Н. И. Хими́на,

*доцент кафедры истории и организации архивного дела
Историко-архивного института
Российского государственного гуманитарного университета,
кандидат исторических наук, доцент;
e-mail: nin.khimina@mail.ru*

ВСПОМИНАЯ К. Б. ГЕЛЬМАНА-ВИНОГРАДОВА И ЕГО ТРУДЫ

Сегодня на круглом столе, говоря о значении деятельности К. Б. Гельмана-Виноградова, его личности и вкладе в развитие теоретических проблем архивоведения, источниковедения и документоведения, хотелось бы вспомнить первое мое впечатление от знакомства с преподавателями кафедры научно-технических архивов и кинофотофонодокументов, особой атмосфере, царившей на занятиях нашего курса. Чувствовалось очень уважительное отношение к студентам, стремление заинтересовать нас, студентов, проблемами создания различных видов научно-технических документов, значением этих документов как исторических источников, отражающих развитие различных направлений науки и техники, огромную творческую работу ученых по совершенствованию технологии производства. Особое значение уделялось личностям ученых, создателей новых направлений науки и образцов новейшей техники, их вкладу в разработку новых отраслей производства и др.

В этот период К. Б. Гельман-Виноградов, молодой кандидат наук (в 1968 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «История применения перфокарт в СССР и формирование их как нового вида исторических источников, 1917—1941 гг.»), знакомил нас с историей возникновения научно-технических архивов в стране, составом и содержанием документов, поступающих на государственное хранение, созданием машиночитаемых документов, их значением как исторических источников. Именно Ким Борисович, наверное, лучше многих других ученых, будучи авиационным механиком в годы Великой Отечественной войны, понимал значение определенных видов научно-технических документов, отражающих разработку советскими конструкторами новых видов самолетов.

В дальнейшем в 1986 г. он стал доктором исторических наук, защитив диссертацию на тему «Машиночитаемые документы периода развитого социалистического общества: проблемы источниковедения».

В этот период советские ученые-архивисты продолжали разработку теоретических проблем архивоведения, развития критериев качественного отбора документов на государственное хранение, методов выборочного приема документов учреждений и организаций, вопросов научного описания документов. Доктор исторических наук К. И. Рудельсон разрабатывала вопросы классификации документов Государственного архивного фонда СССР, доктор исторических наук В. Н. Автократов в своих научных работах сформулировал понятие «ретроспективная документная информация», велась работа с зарубежными спе-

циалистами по подготовке Словаря современной архивной терминологии. В. Н. Автократов, разрабатывая общие и частные теории архивоведения, говорил о существовании архивоведения как самостоятельной научной дисциплины и продолжении разработки новых субдисциплин — архивоведения научно-технических документов и архивоведения кинофотофонодокументов.

К. Б. Гельман-Виноградов является автором многих научных работ, монографий и учебных пособий, широко востребованных и в настоящее время. Он глубоко освоил и использовал в своей работе современные методы изучения научно-технических документов как исторических источников. Ученый рассматривал роль и значение документов как глобальное и универсальное средство фиксации информации в целях сохранения ее во времени и передачи в пространстве. Глубина понимания особой значимости различных видов научно-технических документов, запечатлевших глобальные открытия ученых, развитие современных технологий производства и философское осмысление ученым развития научного мышления человечества позволило именно Киму Борисовичу развить некоторые положения учения В. И. Вернадского о ноосфере.

Работая в отделе документационного обеспечения управления ВНИИДАД, К. Б. Гельман-Виноградов участвовал в разработке современных проблем документоведения, подготовке конкретных научно-исследовательских плановых тем института. И, конечно, участвовал в дискуссии о понимании термина «документ» [1].

Очень интересными были встречи и разговоры с нашим преподавателем, ученым, его мнения и суждения об интересных докладах, проблемах, поднятых на прошедших конференциях, актуальных проблемах современной науки.

Очень ответственно Ким Борисович подошел к отбору своих научных работ для подготовки нового тома серии «Труды ученых ВНИИДАД», которая издавалась в институте по инициативе М. В. Ларина. Сборник интереснейших трудов К. Б. Гельмана-Виноградова под названием «Особая миссия документов» вышел из печати в 2009 г. Научные работы профессора К. Б. Гельмана-Виноградова поражают не только глубиной исследовательской мысли, но и широтой взглядов ученого. Действительно, не раз идеи ученого становились непосредственным объектом научной дискуссии и исследования.

Литература и источники

1. Янковая, В. Ф. Проблемы изучения документа в трудах профессора К. Б. Гельмана-Виноградова / В. Ф. Янковая // Отечественные архивы. — 2025. — № 3. — С. 15—23.

Артыкул надруковано у редакцію 19.09.2025.

Ю. И. Новосельская,*заслуженный работник**Российского государственного гуманитарного университета;**e-mail: novoreality@mail.ru*

К. Б. ГЕЛЬМАН-ВИНОГРАДОВ: ШТРИХИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ПОРТРЕТУ

Историко-архивный институт, начиная с момента своего возникновения в 1930 г., становится колыбелью формирования научного знания о документе. В различные периоды происходит накопление этого знания, его дифференциация, появляются научные школы и направления, а их создатели становятся классиками архивоведения, источниковедения и документоведения. Оценка вклада выдающихся теоретиков знания о документе эволюционирует в рамках истории развития вышеуказанных дисциплин. А моменты нового прочтения трудов выдающихся ученых определяются потребностями социальной практики, когда необходимо найти ответы на вопросы, которые ставит развитие технологий создания, хранения и использования документов.

В этом контексте обращение к личности и творчеству архивоведа, источниковеда и специалиста в области документалистики, профессора Кима Борисовича Гельмана-Виноградова представляется весьма не случайным.

Поиск биографических данных и выявление основных этапов его деятельности были предприняты нами еще в ходе подготовки статьи по истории кафедры научно-технических архивов (далее — НТА) МГИАИ в 2019 г. [9]. Источниковой базой послужили документы Архива РГГУ [11]. Кроме того, автору довелось учиться и работать на кафедре НТА с момента ее образования в 1969 г. в качестве аспиранта, позднее — молодого специалиста. Это дало возможность непосредственно общаться с Кимом Борисовичем и развиваться в атмосфере кафедральной жизни, в которой он был своеобразной и значимой личностью.

К. Б. Гельман-Виноградов входил в первый состав преподавателей кафедры НТА, созданной в 1969 г. по приказу Минвуза РСФСР [12]. Базой учебного плана становится социальный заказ на подготовку квалифицированных специалистов для работы с научно-технической документацией (далее — НТД) в государственных и ведомственных архивах, а также архивах организаций и предприятий. Перед кафедрой ставились задачи обеспечения студентов знаниями о приемах и методах работы с научно-технической и кинофотофонодокументацией (далее — КФФД).

Можно говорить о том, что на первом этапе формирования учебного плана и учебных курсов доминировал технологический подход к определению их тематики (хранение, описание, систематизация, использование), а основой концепции построения учебного плана, принадлежащей профессору А. А. Кузину — создателю кафедры НТА, основоположнику архивоведения НТД и КФФД, явилось изучение среды создания этих документов, т. е. научно-

технической деятельности. Поэтому в учебном плане появляются такие курсы, как «История науки и техники», «Техническое черчение», «Стандартизация НТД», «Техническое документирование», «Техническая библиография». Итак, в основе новой архивной специализации лежит понятие «техника» в широком смысле слова как содержательная категория изучаемых архивных документов. В то же время в круг дисциплин, а впоследствии научных и теоретических интересов кафедры были включены дисциплины «Кинофотофоно-архивы» (далее — КФФА) и «Кинофотофонодокументы», постановкой преподавания которых и занимался К. Б. Гельман-Виноградов. Следует отметить, что в конце 1960-х — начале 1970-х гг. классификационным признаком выделения этих документов и архивов по существу являлись носитель и способы закрепления и воспроизведения информации, а также необходимое для их бытования оборудование. Тогда еще не наступило время, в котором феномен этих документов будет исследован с теоретических позиций современного архивоведения, документоведения, источниковедения, и тогда они преобразуются в единстве носителя и содержательной сущности.

Очевидно, что на этом раннем этапе формирования новой специализации на кафедре НТА комплекс дисциплин с компонентами «техника» и «наука и техника» доминирует и в количественном отношении (часы, тематика, курсовые, дипломные, диссертационные работы). В какой-то степени тематика кинофотофоноархивов находится на втором плане. И только в конце 1980-х — начале 1990-х гг. это соотношение будет гармонизировано, возникнет понятие «технотронные архивы и документы», а также факультет с соответствующим названием (1994 г.). И впоследствии мы обнаружим в работе К. Б. Гельмана-Виноградова понятие «технотронный» и утверждение, что «эти документы обогащают палитру познания прошлого» [1, с. 131]. Объединение НТД и КФФД в единое смысловое пространство в 1960-х — 1970-х гг. было связано с существующей практикой научно-технических организаций, в которых имелись отделы технической документации, реализующие, в том числе и функцию микрофотокопирования, и создание в отдельных случаях КФФД.

Свою профессиональную линию жизни Ким Борисович определил к 1960-м гг., когда написал заявление: «Прошу перевести меня на должность преподавателя по технологии хранения и микрофотокопирования документальных материалов» [13]. В это время он работал инженером на кафедре теории и практики архивного дела (ТИПАД). В 1961 г. он опубликовал учебное пособие «Микрофотокопирование документальных материалов и организация работы с микрофотокопиями в архивах СССР» [1].

В этом пособии он впервые намечает содержание и границы будущих учебных дисциплин и областей научного исследования — «Кинофотофоно-архивы» и «Кинофотофонодокументы», что реализуется через изучение метода микрофотокопирования и его прикладных возможностей в архивном деле. Здесь автор выступает в присущей ему уникальной роли ученого и специалис-

та, способного видеть будущее. Это такие выделенные им реперные точки метода микрофотокопирования, как скорость изготовления идентичных изображений, каталогизация сведений из документальных источников, создание микрофотокаталогов, механизация поисков документов.

«Трудно предугадать, какие возможности откроет микрофотокопирование для архивного дела в будущем. Однако уже сейчас можно сказать, что при наличии совершенных устройств, механизмирующих информационный поиск, микрофотокопирование может явиться основой для комплексного решения проблемы хранения, отыскания и распространения неисчерпаемых сведений, заключенных в многочисленных документальных источниках» [2, с. 172].

В том же году в соавторстве с А. А. Кузиным и Н. Г. Филипповым он пишет одну из первых учебных программ «Технические и кинофотофоноархивы в СССР».

В первой половине 1960-х гг. К. Б. Гельман-Виноградов работает как с сюжетами, связанными с научно-техническими и кинофотофоноархивами и документами, так и с тематикой общего архивоведения. В 1966 г. им была написана глава «Механизация информационного поиска» для учебника «Теория и практика архивного дела» [3].

К моменту перехода на кафедру НТА он был уже хорошо известен как специалист в области общего архивоведения. Не случайно поэтому он выступает в качестве научного редактора большинства учебных пособий, подготовленных кафедрой НТА в 1970-е — 1980-е гг.: «История технических архивов», «Научно-технические архивы», «Научно-технические документы и архивы за рубежом», «Киноперифоноархивы». В начале 1980-х гг. Ким Борисович публикует учебное пособие «Машиночитаемые документы в СССР» в двух выпусках [4; 5], а в 1984 г. защищает докторскую диссертацию по этой тематике.

В период работы на кафедре НТА К. Б. Гельман-Виноградов читает курсы по микрофотокопированию, КФФА и КФФД, спецкурс по машиночитаемым документам, а впоследствии с переходом кафедры на факультет научно-технической информации — курсы по проблематике научной информации.

Говоря о работе Кима Борисовича на кафедре НТА, попытаемся ответить на следующие вопросы: что определила кафедра в его деятельности, и что он внес в развитие проблематики, направленности, выработки теоретических основ специального архивоведения, т. е. архивоведения научно-технических и кинофотофонодокументов. Его работа в рамках новой специализации «Документовед, организатор научно-технической информации и научно-технических архивов», создание и развитие учебных планов по подготовке таких специалистов позволяла ему постоянно ощущать и исследовать динамичный мир специальных документов (НТА и КФФД), а также дальнейшую дифференциацию и включенность этих документов в категории общего архивоведения и документалистики.

Ким Борисович обладал универсализмом мышления и склонностью к междисциплинарным подходам в исследованиях объектов архивной практики.

Являясь научным редактором значительного количества учебных пособий кафедры НТА, он прямо или косвенно влиял на придание этим текстам черт академизма, отличающих вузовский учебник от методического пособия. В целом он был связующим звеном между формирующейся проблематикой кафедры НТА и общим архивоведением. Во многом, благодаря его работам, и началось осмысление проблематики соотношения общего и специального в архивоведении.

Если рассуждать о персональных особенностях К. Б. Гельмана-Виноградова в контексте рассмотрения кафедры НТА как сообщества профессионалов и говорить о ее первом составе — пионеров НТА МГИАИ (А. А. Кузин, Н. Г. Филиппов, П. С. Преображенская, Л. М. Рошаль), можно утверждать, что он органично вписывался в этот учебно-научный коллектив, и его роднит с ним ряд объективных исторических, социальных, профессиональных сущностных моментов. Почти все преподаватели до прихода в МГИАИ получили техническое образование и специальности, работали техниками или инженерами, имели опыт работы в архивах. В период Великой Отечественной войны Ким Борисович был авиационным техником, а по окончании МГИАИ в 1955 г. возглавлял в течение года архив издательства «Детская литература» (Детгиз). Члены кафедры обладали в различной степени системным мышлением, имели глубокую историческую подготовку, демонстрировали способность работать в команде, быть профессиональным коллективом единомышленников. Все они также были людьми своего времени. А. А. Кузин родился в 1911 г.; Н. Г. Филиппов, П. С. Преображенская и К. Б. Гельман-Виноградов были ровесниками и родились в начале—середине 1920-х гг.; Л. М. Рошаль родился в 1936 г. Их становление приходится на период 1930-х — 1940-х гг., что диктовало определенную персональную поведенческую закрытость в рамках профессионального сообщества. Основным способом личностной реализации были стиль и содержание профессиональной деятельности. У Кима Борисовича — это путь исследований и преподавания от технологических аспектов архивного дела к философии документалистики и архивоведения, от технологии микрофотокопирования и ручных перфокарт к машиночитаемым документам, предтече будущей электронной информационной среды, изучению и исследованию которой он посвятит свои блестящие работы конца 1990-х — начала 2000-х гг.

В 1986 г. К. Б. Гельман-Виноградов возглавил кафедру теории и практики архивного дела (ТИПАД). В это время он руководил 5 кандидатскими диссертациями. Однако уже в 1987 г. Ким Борисович обращается к администрации МГИАИ с просьбой освободить его от обязанностей заведующего кафедрой с мотивировкой: «трудности выполнения большого объема научной и методической работы» [13] и проходит по конкурсу на должность профессора кафедры ТИПАД, где продолжает работу вплоть до 1993 г., когда завершилась его деятельность в РГГУ.

С 2002 по 2010 г. Ким Борисович — старший научный сотрудник ВНИИДАД. Замечательным итогом деятельности этого периода является подго-

товка самим автором сборника его трудов «Особая миссия документов: избранные труды» [6], вышедшего в 2009 г., в котором он выступает как глубокий мыслитель в области документалистики, документоведения, архивоведения, источниковедения и информационной науки. В сборник включены в том числе и статьи, созданные в период работы на кафедре НТА (1969—1986 гг.). Смысловое ядро сборника — это тексты по философии документалистики и информационной науки. В этих работах К. Б. Гельман-Виноградов языком гуманитарного исследования описывает процесс формирования документальной среды ноосферы, в чем-то предощущая появление неких новых инструментов, таких как облачные технологии, предоставляющие возможности удаленного хранения и управления документами. Как и сформулировал автор: «Можно предположить, что в обозримой перспективе дальний космос будет использован для пространственно-временной консервации документов» [7 с. 144].

Рассматривая содержание сборника, обратимся к недавно опубликованной работе В. Ф. Янковой [10], содержащей глубокий историографический анализ трудов К. Б. Гельмана-Виноградова. В ней автор выделяет такие направления исследований Кима Борисовича, как научное обоснование глобальной и универсальной роли документа в мире в контексте осмысления трудов В. И. Вернадского, теоретическое исследование методологических и организационных основ архивоведения и документоведения, новые типы документов, возникших в результате технических достижений эпохи. В статье справедливо подчеркивается роль трудов ученого в развитии междисциплинарного подхода к изучению ключевых вопросов архивоведения, документоведения, источниковедения. Вслед за автором этой статьи будем оценивать труды К. Б. Гельмана-Виноградова как мощный катализатор современных исследований по проблематике наук о документе, что подтверждается широкой базой их цитирования в трудах авторитетных исследователей: В. П. Козлова, Т. И. Хорхординой, М. В. Ларина и многих других.

Особенности методологических трудов Кима Борисовича, написанных в конце 1990-х — начале 2000-х гг., состоят в том, что в них одновременно содержатся новаторские, оригинальные идеи и умозаключения, а также формулируются задачи для будущих исследователей. Среди этих задач, по утверждению ученого, одна из важнейших — построение новых дисциплин о документе: «В работах некоторых современных авторов все чаще встречаются названия таких дисциплин, как документология, архивология, архивософия, историческая информатика и т. п. Эти пионерские вторжения в неизведанные просторы знаний о документах заслуживают внимания и уважения» [8, с. 181]. В то же время он подчеркивает важность кропотливого познания сущности, предметов и объектов новых дисциплин, что открывает значительное пространство тематики предстоящих исследований.

Сам способ изложения материалов сборника представляет собой интонацию доверительного диалога, в котором автор оставляет читателю прост-

ранство и время для размышления и высказывания. Стилистические особенности ряда статей сборника 2009 г., приближающих научное изложение к художественному, далеки от идей популяризации. Это такие статьи, как «Источники нуждаются в проникновенном читателе», «Особая миссия документов», «Гостеприимство карликов» и «Послесловие». В них автор стремится преодолеть границы рутинного мышления в гуманитарной науке и открыть пути к гуманизации, очеловечиванию социально-коммуникационного знания, объектом и субъектом которого являются человек и общество.

Удивительные свойства трудов К. Б. Гельмана-Виноградова делают их незаменимым материалом для научной работы нынешних документоведов и архивоведов. В них обрисовываются контуры тематики и формы исследований в области современных наук о документе, роль и гуманитарное значение которых неизмеримо возрастают в эпоху цифрового информационного общества. И в этом не теряющем актуальности диалоге профессор Ким Борисович Гельман-Виноградов остается уникальным собеседником современных ученых и специалистов-практиков.

Литература и источники

1. Гельман-Виноградов, К. Б. Трансформация документальных источников и развитие нетрадиционных методов их использования / К. Б. Гельман-Виноградов // *Особая миссия документов: Избранные труды* / К. Б. Гельман-Виноградов. — М., 2009. — С. 130—134.
2. Гельман-Виноградов, К. Б. Введение к учебному пособию по микрофотокопированию документов и организации работы с микрофотокопиями в архивах / К. Б. Гельман-Виноградов // *Особая миссия документов: Избранные труды* / К. Б. Гельман-Виноградов. — М., 2009. — С. 169—174.
3. Теория и практика архивного дела в СССР: Учебник. — М.: Высшая школа, 1966. — 467 с.
4. Гельман-Виноградов, К. Б. Машиночитаемые документы в СССР. Вып. 1. / К. Б. Гельман-Виноградов. — М.: МГИАИ, 1980. — 84 с.
5. Гельман-Виноградов, К. Б. Машиночитаемые документы в СССР. Вып. 2: Проблемы использования в исторических исследованиях / К. Б. Гельман-Виноградов. — М.: МГИАИ, 1980. — 96 с.
6. Ларин, М. В. Предисловие / М. В. Ларин // *Особая миссия документов: Избранные труды* / К. Б. Гельман-Виноградов. — М., 2009.
7. Гельман-Виноградов, К. Б. Особая миссия документов / К. Б. Гельман-Виноградов // *Особая миссия документов: Избранные труды* / К. Б. Гельман-Виноградов. — М., 2009. — С. 136—152.
8. Гельман-Виноградов, К. Б. Послесловие / К. Б. Гельман-Виноградов // *Особая миссия документов: Избранные труды* / К. Б. Гельман-Виноградов. — М., 2009. — С. 180—183.
9. Новосельская, Ю. И. Из истории кафедры научно-технических архивов МГИАИ ИАИ РГТУ: Персоналии (1969 г. — начало 1990-х гг.) / Ю. И. Новосельская // *История и архивы*. — 2019. — № 3. — С. 143—157.

10. Янковая, В. Ф. Проблемы изучения документа в трудах профессора К. Б. Гельмана-Виноградова / В. Ф. Янковая // Отечественные архивы. — 2025. — № 3. — С. 15—23.
11. Архив РГГУ. — Ф. Р-535.
12. Архив РГГУ. — Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 4387. Л. 35.
13. Архив РГГУ. — Ф. Р-535. Оп. 1. Д. 5345..

Артыкул паступіў у рэдакцыю 19.09.2025.

Ю. Ю. Юмашева,*заместитель генерального директора**по научно-методической работе**ООО «ДИМИ-ЦЕНТР»,**доктор исторических наук;**e-mail: Juliayu@yandex.ru*

ИСТОЧНИКОВЕД-АРХИВИСТ, ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ

Имя К. Б. Гельмана-Виноградова хорошо известно архивистам, поскольку Ким Борисович всю жизнь трудился в архивной отрасли и был связан с Московским государственным историко-архивным институтом (далее — МГИАИ) и Всероссийским научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела [22, с. 5—8]. К сожалению, имя этого ученого меньше известно историкам, хотя вклад К. Б. Гельмана-Виноградова в источниковедение трудно переоценить — он является первым советским источниковедом, не только поставившим вопрос о машиночитаемых документах (далее — МЧД) как исторических источниках, но и предложившим основные подходы к их изучению.

В статье в хронологическом порядке публикаций научных трудов К. Б. Гельмана-Виноградова хотелось бы кратко охарактеризовать вклад ученого в развитие теоретического источниковедения МЧД, в разработку методов научной критики этих своеобразных исторических источников, а также в развитие архивного дела как части исторической науки, т. е. попытаться ответить на запрос о необходимости осмысления не самых известных, но не менее ценных работ источниковеда.

Оставляя за рамками рассмотрение фактов биографии Кима Борисовича, которые, несомненно, оказали огромное влияние на выбор сферы научных интересов (участие в Великой Отечественной войне в качестве авиационного механика предопределило, вероятно, склонность К. Б. Гельмана-Виноградова к технике и различным технологиям фиксации информации об исторической реальности) и фактографически точно описанных в статьях биографического характера [24, с. 151—153], отметим, что начало его трудовой деятельности в середине 1950-х гг. совпало с периодом распространения в СССР технологии микрофильмирования (в тот период использовался термин — «микрофотокопирование») первоначально научно-технической, использовавшейся в оперативной деятельности, а затем и архивной документации [25] и формирования подходов к созданию страхового и пользовательского фонда архивной документации на микроносителях. Это перспективное для середины XX в. направление обеспечения сохранности, а также расширения возможностей использования архивных документов стало одной из первых областей применения талантов Кима Борисовича, который проявил себя в качестве методолога внедрения технологии микрофильмирования в архивную практику и стал одним из авторов учебных пособий и методических разработок по микрофильмированию архивной документации [12; 13]. Не будет преувеличением сказать, что

результаты научной деятельности кафедры научно-технических архивов МГИАИ и ее активного сотрудника К. Б. Гельмана-Виноградова оказали заметное влияние на разработку с начала 1970-х гг. и принятие в СССР комплекса национальных стандартов в области репрографии и микрофильмирования* [2], не утративших своего значения до настоящего времени.

Вторым заметным направлением среди научных интересов Кима Борисовича явилось изучение истории механизации управленческих процессов и процедур в 1917—1945 гг. и, в частности, исследование использования перфокарт в качестве носителей информации. Для 1960-х гг. эта тема исследования была, безусловно, новаторской. Объясняя актуальность ее изучения, в одной из своих статей К. Б. Гельман-Виноградов писал, что, несмотря на то что перфокарты использовались в России с середины XIX в., их активное применение в государственном управлении началось только после 1917 г., когда стала складываться общегосударственная система планирования и учета, пошел процесс совершенствования системы сбора информации и государственной статистики. Именно в этот период перфокарты нашли широкое применение в отделах и отделениях учета личного состава для решения кадровых задач, для выполнения рутинных счетных операций, главным образом, с цифровыми массивами [14]. В межвоенный период «... в СССР использовались миллиарды машинных перфокарт, которые, по мере решения поставленных задач, получения необходимых результатов, уничтожались (утилизировались)» [10, с. 22—23]. Достаточно сказать, что во второй половине 1920-х гг. была развернута сеть фабрик механизированного счета. Они широко применялись при проведении Всесоюзной переписи населения 1939 г., для обработки 170 млн переписных листов, содержащих 3 млрд записей. Однако, выполнив свою функцию, первичные записи на перфокартах в массе своей уничтожались и в архивах не сохранились, превратившись в «исчезнувший» исторический источник. Выявленные Гельманом-Виноградовым и изученные немногочисленные комплекты перфокарт 1917—1945 гг. позволили восполнить пробел в источниковедении, вернуть в науку практически утраченные источниковые комплексы, которые были одними из первых форм МЧД, сделать предположение об их месте в источниковедческих классификациях, определить роль в оперативных управленческих процессах, предложить методы изучения. Итоги исследования были оформлены в нескольких статьях и в виде текста кандидатской диссертации, защищенной ученым в 1967 г. [6; 9; 15]. Еще раз подчеркнем, что эти работы К. Б. Гельмана-Виноградова в отечественном источниковедении являются первыми исследованиями носителей машиночитаемой информации и до настоящего времени одними из немногих изысканий, посвященных истории механизации управления в СССР в 1920-е — 1940-е гг.

Закономерным развитием тематики научных интересов К. Б. Гельмана-Виноградова стал анализ «кибернетических» (в терминологии 1950—1960-х гг.)

* Группы ГОСТ «ЕСФД», «Ретрография», «Ретрография. Микрография».

методов исследования МЧД (машиночитаемых исторических источников) и применения математических методов к работе с традиционными источниками комплексами, переведенными в машиночитаемый вид. В 1967 г. в соавторстве с Л. Г. Хромченко им была опубликована одна из первых в СССР обзорных историографических статей, посвященных математическим методам в исторических исследованиях [17]. Целью статьи являлась «попытка уяснить возможности развития зародившихся связей между кибернетикой и исторической наукой» [17, с. 63] на основе анализа уже реализованных отечественными учеными с помощью методов кибернетики «примеров решения сложных вопросов социально-экономической истории, археологии и т. п.», которые «доказывают возможность преодоления различных ограничений, обусловленных традиционной практикой исторического исследования» [17, с. 64]. Авторы пришли к выводам о перспективности использования подобных методов, подчеркнув возможность значительного сокращения времени на осуществление аналитических процедур и получение «результатов, недостижимых при обычной исследовательской практике», «устранения таких недостатков исторических исследований, как описательность и иллюстративный характер системы доказательств», а также обозначили те области исторической науки, в которых, на их взгляд, кибернетика была бы наиболее востребована (источниковедение в целом и вспомогательные исторические дисциплины (палеография, графология и т. п.), конкретно-исторические исследования по социальной и экономической истории, архивное дело (создание научно-справочного аппарата [далее — НСА] нового типа [7; 8]) и архивная эвристика). Они также подчеркнули важность развития такого самостоятельного направления исторических исследований, как история науки и техники вообще, и кибернетики в частности: «Мы являемся наследниками богатейшего исторического материала — многих идей и технических нововведений, которые составляют не только «архив» и «музей» кибернетики, но и ее боевые средства», — отмечали они [17, с. 73].

Статья стала заметным событием в историографии исторической науки, подчеркнувшим ее бурно развивающуюся междисциплинарность и перспективы использования математических методов в архивной практике.

Тематика МЧД как объектов архивного хранения и исторических источников, начатая в кандидатской диссертации К. Б. Гельмана-Виноградова, наряду с исследованием научно-технической документации, получила свое развитие в его научной деятельности в середине 1970-х — 1980-х гг. Фактически изучением этой темы Ким Борисович занимался в течение нескольких десятилетий, применив единственно возможный — системный — подход к ее решению и последовательно рассматривая новые машиночитаемые источники с позиций документоведения, архивоведения и источниковедения. Результаты использования данной методологии были обобщены им в докторской диссертации и нескольких фундаментальных трудах и учебных пособиях, написанных в соавторстве [1; 4; 5; 11; 18]. Много позже, объясняя свой интерес к МЧД, он писал: «Если мы отка-

жемся от активного познания условий появления новых видов носителей и новых способов записи информации, то, не являясь невольниками в физическом и юридическом смыслах, мы рискуем оказаться «рабами незнания» [19, с. 24]. Сегодня, через почти полвека с момента защиты докторской диссертации К. Б. Гельманом-Виноградовым, использованный им интегрированный источниковедческий подход к машиночитаемым источникам, включающий в себя не только анализ содержания (внутреннюю критику источника), но и изучение условий его (источника) появления, оперативного функционирования (внешняя критика) и архивного существования — подтвердил свою состоятельность и признан всеми в качестве единственно возможного при работе с МЧД.

Тогда же, на рубеже 1970-х — 1980-х гг., анализируя МЧД, Ким Борисович обозначил несколько ключевых проблем, которые, с его точки зрения, нуждались в изучении.

Так, к числу теоретических *проблем документоведения* в работе с МЧД он относил проблему терминологического аппарата и идентификации МЧД. Для решения последней задачи им была предложена даже формула определения «настоящих» МЧД и их отличие от «матричных и машинно-ориентированных документов» [11, с. 2; 4, с. 2—4]. Следующая проблема, которую обозначал К. Б. Гельман-Виноградов, касалась определения места МЧД в документоведческих классификациях. Наконец, Ким Борисович формулировал и прикладные задачи унификации и стандартизации МЧД, подтверждения достоверности документов, создаваемых на машинных носителях и даже (sic!) сокращения объемов «бумажного» документооборота в результате повсеместного внедрения автоматизированных систем управления.

Важнейшими *проблемами архивоведения* в контексте работы с МЧД К. Б. Гельман-Виноградов считал необходимость совершенствования процедур и критериев экспертизы ценности, в частности, в связи с более высокой информационной отдачей МЧД по сравнению с документами на традиционных носителях [4, с. 7], проблемы комплектования Государственного архивного фонда СССР МЧД, учета и создания НСА (в том числе в автоматизированном виде), а также разработку методов долгосрочного хранения и «эксплуатации» (использования) МЧД с учетом различных носителей информации и программного обеспечения, поддержание достоверности машиночитаемой информации [16].

Однако наибольшее внимание К. Б. Гельман-Виноградов уделял рассмотрению *проблем источниковедения* МЧД. Среди них особую важность он придавал проблемам источниковедческой классификации МЧД, отмечая, что «среди групп [исторических источников] нет такой, к которой можно с уверенностью отнести машиночитаемые документы. Они своеобразны по форме отражения исторического процесса, имеют устойчивую общность признаков и функций, выделяющих их из числа других документов, существенно отличаются приемами их анализа» [4, с. 11], и предлагая выделить их в самостоятельную группу [26, с. 111—115].

Следующие проблемы с точки зрения Кима Борисовича были тесно связаны с возможностями использования МЧД в исторических проектах и необходимостью выработки новых методов работы с ними на разных этапах исторического исследования [3, с. 32—36; 4, с. 11—15], в частности:

разработке специализированных методов архивной эвристики при выявлении и отборе МЧД по теме конкретно-исторического исследования;

изучению происхождения и установления подлинности источников («необходима разработка методики установления времени и места создания машиночитаемых документов, определения их автора или составителя, выяснения причин, конкретных исторических условий появления этих источников, определения (при необходимости) наиболее точных вариантов отраженных в них данных») [4, с. 12];

способам анализа «содержания машиночитаемых документов, установления степени их достоверности, однородности и сопоставимости, степени полноты освещения в них фактов и событий» [4, с. 13]. Главенствующее место среди методов анализа К. Б. Гельман-Виноградов отдавал «всему арсеналу математических методов», которые к моменту написания этой работы (к середине 1980-х гг.) на практике доказали свою действенность и стали чрезвычайно востребованы у историков [23].

Перечислив проблемы машиночитаемых документов в документоведении, архивоведении и источниковедении и предложив собственные варианты решений для многих из них, Ким Борисович приходил к выводу, что полномасштабные и всеми признанные ответы на них потребуют большого количества времени и усилий. Он писал, например, что «разработка основ источниковедения МЧД может потребовать значительных усилий. Однако проведение такой работы является велением времени» [4, с. 13], закономерным и жизненно необходимым этапом эволюции исторической науки вообще и источниковедения в частности. В этом своем предположении он оказался прав, поскольку однозначные ответы на большинство сформулированных им вопросов до сих пор не определены.

Здесь стоит несколько отвлечься от обзора работ К. Б. Гельмана-Виноградова и дать небольшой комментарий по поводу часто звучащего в выступлениях источниковедов и даже зафиксированного в учебниках [20, с. 4] упрека в адрес современника Кима Борисовича академика И. Д. Ковальченко, который, предложив собственную классификацию источников, «не выделил тип» МЧД [21], хотя данный вопрос уже был поставлен в работах К. Б. Гельмана-Виноградова.

Думается, что в этом вопросе сказываются два разных подхода к историческому источнику и две разные биографические траектории источниковедов, которые оказали влияние на области их научных интересов и подходы к решению близких, но не тождественных проблем.

Так, И. Д. Ковальченко изначально был историком-исследователем, поднявшим до философско-теоретических обобщений «снизу», т. е. пришедшим в методологию истории и теоретическое источниковедение в результате осуществления многочисленных конкретно-исторических исследований, основанных на практическом опыте работы с различными (в основном массовыми) источниковыми комплексами, переводимыми в машиночитаемый вид с целью повышения их информационной отдачи и применения различных методов анализа для выявления закономерностей исторического развития. Для Ивана Дмитриевича первоначально источник был не целью, а средством приближения и понимания объективной исторической реальности, и только по мере накопления личного исследовательского опыта, наблюдений над историографией, работы в качестве руководителя научных коллективов И. Д. Ковальченко обратился к теоретическому осмыслению и анализу исторических источников как одного из важнейших элементов и основы познания исторического процесса.

Немаловажным фактом является также и то, что в период активной научной деятельности Ивана Дмитриевича МЧД не были вовлечены в научный оборот (в скобках заметим, что и до сих пор их использование в качестве исторических источников в конкретно-исторических исследованиях является большой редкостью). И даже на архивное хранение в СССР МЧД стали принимать в экспериментальном порядке только с 1983 г. [26, с. 229]. Отсутствие опыта использования МЧД в качестве исторических источников не могло не сказаться на взглядах ученого. Вместе с тем, необходимо особо подчеркнуть, что, определяя основной критерий дифференциации типов источников — синтаксический (по способу кодирования информации) и выделив четыре самостоятельных типа, И. Д. Ковальченко не считал этот перечень окончательным и допускал его расширение в будущем в результате «эволюции методов и форм отражения действительности», что позволяет в настоящее время окончательно определить цифровые (электронные, born-digital) источники в качестве пятого типа исторических источников [26, с. 124—136].

В отличие от И. Д. Ковальченко, К. Б. Гельман-Виноградов был архивистом-источниковедом, не занимавшимся конкретно-историческими, проблемными исследованиями. Цели его научной деятельности были тесно связаны с задачами архивного дела и, в первую очередь, с определением способов и методов архивной работы с различными, в том числе вновь возникающими видами архивной документации. Именно поэтому источниковедческие работы К. Б. Гельмана-Виноградова были посвящены вопросам определения физической сущности, комплектования, экспертизы ценности, обеспечению сохранности, использованию и изучению МЧД как нового вида архивных документов — потенциальных исторических источников.

Таким образом, на примере научной деятельности К. Б. Гельмана-Виноградова и И. Д. Ковальченко, отражению/отсутствию отражения в их

работах проблем МЧД ярко проявляются два подхода к объекту исследования, сосуществующих в источниковедении:

первый, значительно опережающий по времени второй, — изучение (иногда совпадающее по времени с возникновением) новых типов и видов документов, имеющих потенциал к поступлению на архивное хранение или уже поступающих в архив, как объектов архивного дела и *потенциальных исторических источников*;

второй, который может отстоять от первого на несколько десятилетий или даже столетий и детерминирован появлением научных интересов исследователей к конкретному типу/виду/комплексу источников, отложившихся в архиве. Этот подход основан, как правило, на эмпирическом выяснении информационных возможностей источников для конкретно-исторических исследований и лишь на следующем этапе приводит к *теоретическому источниковедческому осмыслению места, роли и особенностей изучаемого типа/вида/комплекса источников*, «верифицируя» таким образом теоретические построения, сделанные архивистами-источниковедами.

Очевидно, что для источниковедения ценны оба подхода, поскольку они дополняют друг друга, рассматривая архивный документ как исторический источник с разных сторон. Этот вывод подтверждается многочисленными перекрестными ссылками в статьях К. Б. Гельмана-Виноградова и И. Д. Ковальченко, которые, вероятно, внимательно анализировали научные публикации друг друга и имели, как минимум, близкие точки зрения на МЧД и возможности их использования в исторических исследованиях.

Возвращаясь к анализу работ К. Б. Гельмана-Виноградова, подчеркнем, что в настоящее время вся гуманитарная сфера в целом и историческая наука в частности переживает то, о чем Ким Борисович и его соавторы пророчески писали еще в 1984 г.: *«последствия важных сдвигов в средствах и формах фиксации и передачи информации для историков нетрудно предугадать: уже в недалеком будущем им придется столкнуться с существенными изменениями в источниковой базе исторических исследований, связанными с появлением в ее составе большого количества документов в машиночитаемой форме, предполагающих использование ЭВМ и соответствующего программного обеспечения для их обработки, декодирования и дальнейшего использования»* [1, с. 94] (выделено мной. — Ю. Ю.).

Учитывая это, следует, на наш взгляд, не только скрупулезно изучать творческое наследие Кима Борисовича Гельмана-Виноградова, но и отдать ему должное, как первому источниковеду, поставившему вопрос о МЧД как исторических источниках, их физической сущности, классификации и методах изучения в контексте исторической науки, и, опираясь на это научное знание о МЧД, двигаться дальше, развивая теорию источниковедения информационной эпохи.

Літаратура і крыніцы

1. Виноградов, В. М. Машиночитаемые документы: (Некоторые аспекты источниковедческого анализа и формирования архивных комплексов) / В. М. Виноградов, К. Б. Гельман-Виноградов, А. Г. Черешня // История СССР. — 1984. — № 4. — С. 92—104. — URL: <https://российская-история.рф/archive/1984-4> (дата обращения: 09.08.2025).
2. Гаврилин, А. П. Страховой фонд архивных документов как составная часть единого российского СФД / А. П. Гаврилин // Сборник докладов на Всерос. науч.-практ. конф. «Безопасность архивов и архивных фондов». — М., 2000. — С. 106—110.
3. Гельман-Виноградов, К. Б. Машиночитаемые документы в СССР. Вып. 2. Проблемы использования в исторических исследованиях / К. Б. Гельман-Виноградов — М.: МГИАИ, 1980. — 96 с.
4. Гельман-Виноградов, К. Б. Теоретические проблемы документоведения, архивоведения и источниковедения машиночитаемых документов / К. Б. Гельман-Виноградов // Методологические вопросы архивоведения и организация документов в архивах: сб. науч. тр. / под ред. К. И. Рудельсон. — М.: ГАУ СССР, ВНИИДАД, 1984. — 181 с.
5. Машиночитаемые документы. Теория и практика архивного дела: учеб. пособие / К. Б. Гельман-Виноградов, В. В. Цаплин, И. И. Даниленко, В. А. Танонин. — М.: Мин-во высш. и ер. спец. образования РСФСР, МГИАИ, 1986. — 77 с.
6. Гельман-Виноградов, К. Б. Документальные корреляционные системы на перфокартах / К. Б. Гельман-Виноградов // Материалы Третьего Всесоюзного совещания по эффективности применения перфокарт, 24—26 нояб. 1970 г. — Таллин, 1971. — С. 29—33.
7. Гельман-Виноградов, К. Б. Выступление на заседании Круглого стола «Новые информационные технологии в архивном деле и документационном обеспечении управления» / К. Б. Гельман-Виноградов // Советские архивы. — 1989. — № 5. — С. 100, 102—103.
8. Гельман-Виноградов, К. Б. Выступление на пленарном заседании VII Международного Конгресса Архивов по проблеме «Новая техника в архивах» / К. Б. Гельман-Виноградов // Материалы VII Международного конгресса архивов. — М., 1975. — Ч. 1. — С. 157—160.
9. Гельман-Виноградов, К. Б. История применения перфокарт в СССР и формирование их как нового вида исторических источников, 1917—1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00 / Гельман-Виноградов Ким Борисович. — М., 1967. — 426 с.
10. Гельман-Виноградов, К. Б. Машиночитаемые документы в СССР / К. Б. Гельман-Виноградов. — М.: МГИАИ, 1980. — Вып. 1. — 84 с.
11. Гельман-Виноградов, К. Б. Машиночитаемые документы: вопросы терминологии и идентификации / К. Б. Гельман-Виноградов // Научно-техническая информация (ВИНИТИ). — М., 1981. — Сер. 2. — № 3.
12. Гельман-Виноградов, К. Б. Микрофотокопирование документальных материалов и организация работы с микрофотокопиями в архивах СССР / К. Б. Гельман-Виноградов. — М., 1961. — 184 с.
13. Гельман-Виноградов, К. Б. Некоторые вопросы отбора документальных материалов для микрофотокопирования в государственных архивах СССР / К. Б. Гельман-Виноградов // Труды Историко-архивного института. — М., 1962. — Т. 15. — С. 419—430.

14. Гельман-Виноградов, К. Б. О первых системах малой механизации информационных поисков в СССР / К. Б. Гельман-Виноградов // Применение электронно-вычислительных устройств в исследованиях по истории науки и техники. — М.: Наука, 1966. — С. 35—48.
15. Гельман-Виноградов, К. Б. Оработанные перфокарты — важный резерв научного прогнозирования / К. Б. Гельман-Виноградов // Анализ закономерностей и прогнозирование развития науки и техники: информационные проблемы анализа тенденций и прогнозирования научно-технического развития. — Киев: УкрНИИТИ, 1967. — Вып. IV. — С. 83—86.
16. Гельман-Виноградов, К. Б. Условия поддержания машиночитаемых документов в достоверном состоянии / К. Б. Гельман-Виноградов // Проблемы механизации и автоматизации делопроизводства и архивов: Сб. науч. ст. — М., 1981. — С. 100—108.
17. Гельман-Виноградов, К. Б. Кибернетика и историческая наука / К. Б. Гельман-Виноградов, Л. Г. Хромченко // Труды Историко-архивного института. — М., 1967. — Т. 25. — С. 62—75.
18. Гельман-Виноградов, К. Б. Машиночитаемые документы периода развитого социалистического общества: проблемы источниковедения: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Гельман-Виноградов Ким Борисович. — М., 1984. — 34 с.
19. Гельман-Виноградов, К. Б. Источники нуждаются в проникновенном читателе / К. Б. Гельман-Виноградов // Отечественные архивы. — 2003. — № 4. — С. 20—25.
20. Источниковедение: учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцев, О. И. Хоруженко, Е. Н. Швейковская, отв. ред. М. Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 685 с.
21. Ковальченко, И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. — М.: Наука, 1987. — 440 с.
22. Ларин, М. В. Предисловие / М. В. Ларин // Гельман-Виноградов, К. Б. Особая миссия документов: Избранные труды / К. Б. Гельман-Виноградов. — М., 2009. — 184 с.
23. Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях: Сб. ст. — М.: Наука, 1985. — С. 332—340.
24. Новосельская, Ю. И. Из истории кафедры научно-технических архивов МГИАИ — ИАИ РГГУ: персоналии (1969 г. — начало 1990-х гг.) / Ю. И. Новосельская // История и архивы. — 2019. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-kafedry-nauchno-tehnicheskikh-arhivov-mgiai-iai-rggu-personalii-1969-g-nachalo-1990-x-gg> (дата обращения: 09.08.2025).
25. Юмашева, Ю. Ю. COM — микрофильмирование: одним выстрелом — двух зайцев / Ю. Ю. Юмашева // ООО «ДИМИ-ЦЕНТР». — URL: <https://dimicenter.ru/image/data/download/info/COM.pdf> (дата обращения: 09.08.2025).
26. Юмашева, Ю. Ю. Источниковедение информационной эпохи / Ю. Ю. Юмашева. — М.: ООО «Директ-Медиа», 2024. — 512 с.

Артыкул надруковано редакцією 19.09.2025.

А. Е. Рыбаков,
директор Белорусского научно-исследовательского института
документоведения и архивного дела,
кандидат исторических наук, доцент;
e-mail: rybakou@belniid.by

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЙ В ТЕХНОЛОГИЯХ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ НА УТОЧНЕНИЕ ГРАНИЦ ПОНЯТИЯ ДОКУМЕНТА

Впервые с официально закрепленным определением термина «документ» автор этих строк столкнулся в 1993 г., когда, получив диплом историка, поступил на работу в отдел документоведения тогда еще Белорусского научно-исследовательского центра документоведения и архивного дела (ныне — Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела). В терминологическом стандарте ГОСТ 16487-83 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» документ определялся как «материальный объект с информацией, закрепленной созданным человеком способом для ее передачи во времени и пространстве» [1, п. 3].

Первое знакомство с определением документа в ГОСТ 16487-83 на интуитивном уровне привело к осознанию его широты, так как позволяло отнести к документам очень широкий круг информационных объектов. Данное обстоятельство вступало в определенный диссонанс с теми задачами, решением которых занимался отдел документоведения, так как научные исследования и разработки отдела были направлены на изучение, прежде всего, управленческой и правовой природы документа, методическое обеспечение и совершенствование делопроизводственных процессов.

Определение документа по ГОСТ 16487-83, сторонником которого являлся и К. Б. Гельман-Виноградов, явилось следствием технологических изменений в управлении и производстве второй половины XX в. В это время наряду с такой уже ставшей привычной, но весьма специфической категорией документов, как кино-, фото-, фонодокументы, широкое распространение получил принципиально новый тип информационных объектов, получивших обобщенное название «машиночитаемые документы». Такие массовые виды машиночитаемых документов, как перфокарты, перфоленты, по способу записи информации и по внешнему виду существенно отличались от традиционных документов, которые в обществе воспринимались, прежде всего, как доказательства, подтверждения, свидетельства содержащихся в них сведений о фактах, событиях, явлениях, процессах, лицах, и использовались преимущественно в праве и управлении. Значительное распространение и применение машиночитаемых документов требовало решения вопросов обеспечения их долговременной сохранности, в том числе организации их архивного хранения, а также возможности их использования в перспективе как потенциальных исторических источников.

Именно изучению машиночитаемых документов, их источниковедческого потенциала посвящены наиболее значимые труды ученого [2; 3; 4].

Вместе с тем, заложенное в ГОСТ 16487-83 широкое толкование документа позволяет отнести к этой категории весьма широкий, практически неограниченный круг информационных объектов материального мира, являющийся предметом профессионального интереса ученых и практиков не только в сфере делопроизводства и архивного дела, но и в сферах библиотечного, музейного, издательского дела и др. Это, в свою очередь, в конце 1990-х — начале 2000-х гг. привело к выделению в документоведении отдельного направления, получившего название «общее документоведение», или «документология», которое в качестве объекта изучения рассматривает не только документы в их традиционном понимании, но и тиражированную печатную продукцию (книги, газеты, журналы), музейные экспонаты, памятники архитектуры и даже описанные человеком объекты неживой природы [5].

Развитие на рубеже XX—XXI вв. «документологических» идей, по справедливому замечанию М. В. Ларина, во многом было обусловлено «выходом» документоведения из узкой среды профессионалов в широкий свет, а именно в университетскую науку и образование [6]. В этих условиях необходимость уточнения границ документа и пересмотра официального определения этого термина приобрела особую актуальность.

В рамках развернувшейся на страницах периодической печати дискуссии одним из активных оппонентов документологов выступил К. Б. Гельман-Виноградов [7; 8]. Его взгляды и аргументы о необходимости ограничения круга информационных объектов, определяемых как документы, в споре с представителями все более набиравшего силу «библиотечного» толкования документа оказали немалое влияние и на личное представление автора этих строк о сущности документа, его основных, отличающих от других информационных объектов, признаках, и в конечном итоге убедили в необходимости разработки и официального закрепления нового определения термина «документ».

В это время в условиях появления новых технических средств документирования и развития информационно-коммуникационных технологий в документоведении происходит определенная смена научной парадигмы. Под влиянием очередных технологических изменений на смену термину «машиночитаемый документ» приходит термин «электронный документ», который становится одним из основных объектов теоретических и прикладных исследований в документоведении. Соответственно, новым смыслом наполняется и содержание базового понятия «документ». Специфика записи и кодирования информации, а также возможность миграции электронного документа с одного носителя на другой без потери идентичности (аутентичности) постепенно выдвигают на первый план в понимании и определении документа не материальный носитель, а «информацию» [9, ст. 1; 10, п. 3.1.3; 11, ст. 2]. Необходимость идентификации информации, записанной на электронном носителе, приводит к появлению наря-

ду с такими традиционными информационными элементами документа, как «реквизиты», информационных элементов, объединяемых понятием «метаданные» [12, п. 9]. Наличие идентифицирующих признаков (реквизитов, метаданных) призвано обеспечить легитимность документа, его юридическую силу, значимость, прежде всего, в управлении и праве.

Все эти особенности были учтены при разработке определения термина «документ» в проекте нового государственного стандарта Республики Беларусь (СТБ) 2059-XXXX «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», утверждение которого ожидается в 2025 г.: «документ — информация с идентифицирующими ее информационными элементами (реквизитами и (или) метаданными) на носителе, созданная, полученная и сохраняемая государственными органами, иными организациями, должностными или физическими лицами в целях подтверждения осуществления ими своей деятельности или сведений, которые в этой информации отражены».

Таким образом, корректируя определение термина «документ» с учетом изменившихся технологий документирования, с целью установления границ этого понятия, мы вновь возвращаемся к базовым целям его создания и (или) сохранения, а именно к его способности служить доказательством, подтверждением, свидетельством, даже в том случае, если первоначальные цели создания документа были иными.

Источники и литература

1. Государственный стандарт Союза ССР (ГОСТ) 16487-83 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» / утвержден и введен в действие постановлением Государственного комитета СССР по стандартам от 31 октября 1983 г. № 5231.
2. Гельман-Виноградов, К. Б. Машиночитаемые документы в СССР / под ред. А. А. Кузина. Вып. 1: Области применения. Классификация. — 1980. — 84 с.
3. Гельман-Виноградов, К. Б. Машиночитаемые документы в СССР / под ред. А. А. Кузина, 1982. Вып. 2: Проблемы использования в исторических исследованиях. — 1982. — 95 с.
4. Гельман-Виноградов, К. Б. Машиночитаемые документы. Теория и практика архивного дела: учеб. пособие / К. Б. Гельман-Виноградов; отв. ред. В. В. Цаплин, И. И. Даниленко, В. А. Танонин, М-во высш. и средн. специального образования РСФСР, МГИАИ. — М., 1986. — 77 с.
5. Рыбаков, А. Е. О новой научной парадигме в документоведении // Отечественные архивы. — 2024. — № 5. — С. 48—55.
6. Ларин, М. В. Документоведение нуждается в новой научной парадигме // Отечественные архивы. — 2024. — № 4. — С. 40—47.
7. Гельман-Виноградов, К. Б. Трудности научной трактовки понятия «документ» и пути их преодоления // Отечественные архивы. — 2005. — № 6. — С. 39—50.
8. Гельман-Виноградов, К. Б. О сложностях трактовки понятия документ и способах их преодоления // Делопроизводство. — 2005. — № 2. — С. 16—24.
9. Закон Республики Беларусь от 6 сентября 1995 г. № 3850-XII «Об информатизации» (утратил силу) // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE» [сайт]. —

- URL: https://etalonline.by/document/?regnum=v19503850&q_id=3325348 (дата обращения: 26.06.2025).
10. Государственный стандарт Республики Беларусь (СТБ) 2059-2013 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» / утвержден и введен в действие постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 29 марта 2013 г. № 18.
 11. Закон Республики Беларусь от 25 ноября 2011 г. № 323-З «Об архивном деле и делопроизводстве» // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE» [сайт]. — URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h11100323&q_id=3325407 (дата обращения: 26.06.2025).
 12. ГОСТ Р 7.0.8-2025 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» / утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 января 2025 г. № 30-ст.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 11.08.2025.

РЭЦЭНЗІІ

*Л. Ч. Дрожжа,**старшы навуковы супрацоўнік аддзела архівазнаўства**Беларускага навукова-даследчага інстытута**дакументазнаўства і архіўнай справы;**e-mail: l_drojja@mail.ru*

**ЗНЕШНЕПАЛІТЫЧНАЯ ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ:
НОВЫ НАВУКОВЫ КІРУНАК І ВУЧЭБНАЯ ДЫСЦЫПЛІНА,
РАСПРАЦАВАНАЯ БЕЛАРУСКІМ ГІСТОРЫКАМ
УЛАДЗІМІРАМ СНАПКОЎСКІМ**

У пачатку 2024 г. выйшаў з друку навучальны дапаможнік прафесара кафедры міжнародных адносін факультэта міжнародных адносін БДУ, доктара гістарычных навук, прафесара У. Е. Снапкоўскага «Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі» [3]. Выданне з'яўляецца першай у беларускай і замежнай гістарыяграфіі працай, у якой з сучасных навукова-метадалагічных падыходаў разглядаюцца гісторыя знешняй палітыкі Беларусі ад пачатку беларускай дзяржаўнасці (у перыяд Полацкага княства ў 862 г.) і да канца XX ст. (абвяшчэнне незалежнасці Беларусі 25 жніўня 1991 г. і падпісанне белавежскіх пагадненняў).

Аўтар дапаможніка ў прадмове слухна падкрэслівае, што ў дасавецкіх і савецкіх часы такога паняцця, як «знешнепалітычная гісторыя Беларусі», у навуковай тэрміналогіі не існавала. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі ці знешнепалітычная гісторыя Беларусі як раўназначныя паняцці сфарміраваліся ў пачатку XXI ст. і набылі неабходную легітымізацыю і інстытуцыянальнае афармленне ў якасці навуковага кірунку і вучэбнай дысцыпліны, да стварэння якіх аўтар меў непасрэднае дачыненне як заснавальнік навуковай школы знешнепалітычнай гісторыі Беларусі [3, с. 3].

Структурна ў дапаможніку адлюстраваны этапы станаўлення беларускай дзяржаўнасці, прысвечаныя міжнароднаму становішчу і знешнепалітычнай дзейнасці гістарычных форм беларускай дзяржаўнасці: старажытнабеларускіх княстваў, ВКЛ і Рэчы Паспалітай, паказу месца і ролі беларускіх губерняў у складзе Расійскай імперыі і перыяду навейшай гісторыі ў знешнепалітычнай дзейнасці беларускіх дзяржаў і ўтварэнняў, дзе асвятляюцца падзеі і працэсы XX ст.

Праца складаецца з прадмовы, асноўнай часткі, падзеленай на 15 тэм, заключэння, храналогіі найбольш важных падзей гісторыі знешняй палітыкі і дыпламатыі Беларусі, спісу крыніц і літаратуры, імяннага і геаграфічнага паказальнікаў. Кожная тэма ўключае падраздзелы, завяршаецца высновамі, кантрольнымі заданнямі, спісам літаратуры па тэме.

Аўтар, у параўнанні з папярэднімі выданнямі [4—6], 10 глаў дапаможніка прысвяціў адлюстраванню станаўлення і развіцця беларускай дзяржаўнасці ў перыяд Полацкага і Тураўскага княстваў IX—XII стст., ВКЛ і Рэчы Паспалітай, а таксама вынікам трох падзелаў польска-беларуска-літоўскай дзяржавы

ў 1772, 1793 і 1795 гг. і далейшага развіцця беларускіх зямель у складзе Расійскай імперыі.

Трэба пагадзіцца з меркаваннем гісторыка А. Краўцэвіча, што першае выданне (2003 г.) навучальнага дапаможніка У. Е. Снапкоўскага ўтрымлівала элементы самастойнага навуковага даследавання, што характэрна і для выдання 2023 г. [1]. Аўтар на падставе даследаванняў беларускіх і расійскіх гісторыкаў адзначае, што Полацкае княства стала самай першай самастойнай дзяржавай сярод астатніх усходнеславянскіх княстваў. Калі ўлічыць, што Уладзіміра-Суздальская Русь здабыла незалежнасць ад Кіева толькі ў XII ст., то традыцыя беларускай дзяржаўнасці аказалася на два стагоддзі старэйшай за расійскую [3].

Аўтар, безумоўна, мае рацыю, падкрэсліваючы, што «Полацк першым з княстваў Кіеўскай Русі выйшаў з-пад палітычнай залежнасці ад Кіева і аднавіў сваю самастойнасць. Беларускія землі засталіся ўбаку ад галоўнага ўдару мангола-татарскага нашествя, пазбегнуўшы спусташальнага разбурэння, знішчэння сваіх палітычных, эканамічных і культурных цэнтраў. Літва, захаваўшы незалежнасць ад крывякоў, і беларускія княствы, якія не падпалі пад мангола-татарскае ярмо, пайшлі шляхам аб'яднання сваіх сіл, каб стварыць новую моцную дзяржаву — Вялікае Княства Літоўскае» [3, с. 52, 54].

Вучоны дае высокую ацэнку 25-гадовай знешнепалітычнай дзейнасці вялікага князя літоўскага Гедыміна, калі адбылося «аб'яднанне асноўнай масы беларускіх зямель і пашырэнне тэрыторыі ВКЛ на ўсходнім і паўднёвым кірунках і 38-гадоваму перыяду кіравання ВКЛ Вітаўта» [3, с. 64]. Княжанне Вітаўта «было перыядам найвышэйшага дзяржаўнага ўздыму ВКЛ, яго вайскавай і знешнепалітычнай магутнасці, дыпламатычнай актыўнасці і палітычнай стабільнасці. Пры Вітаўце ВКЛ ператварылася ў вялікую і моцную еўрапейскую дзяржаву, а сам ён у 20-я гг. XV ст. фактычна стаў палітычным лідарам Усходняй Еўропы» [3, с. 81]. Аўтар падкрэслівае і немалыя цяжкасці, звязаныя з упартай барацьбой князя з польскай вярхушкай і князем Ягайлам за самастойнасць ВКЛ. І хаця Вітаўт змог заняць дамінуючае месца сярод усходнееўрапейскіх манархаў, аднак дабіцца каралеўскай кароны і зраўнаваць палітычны статус ВКЛ з Польскім Каралеўствам у яго не атрымалася [3, с. 82, 84].

Глава 5 прысвечана знешняй палітыцы ВКЛ у перыяд з 1558 па 1654 г. Аўтар правамерна падкрэслівае, што амаль стогадовы перыяд (ад пачатку Лівонскай вайны ў 1558 г. да пачатку вайны паміж Рэччу Паспалітай і Расіяй у 1654 г.) прайшоў пад знакам канфрантацыі ВКЛ, а затым і польска-літвінскай федэрацыі з Маскоўскай (Расійскай) дзяржавай. У выніку аб'яднання з Польшчай і стварэння Рэчы Паспалітай ВКЛ значна павялічыла свой васнна-палітычны патэнцыял, які дазволіў атрымаць перамогу ў цяжкай 25-гадовай Лівонскай вайне і ў пэўнай меры ўзяць рэванш у Масквы за паражэнні ў войнах першай трэці XVI ст.

Аўтар дапаможніка падрабязна аналізуе ў главе 7 30-гадовае праўленне апошняга польскага караля Станіслава Пянітоўскага, калі адбыліся тры падзеі Рэчы Паспалітай. Аўтар трымаецца дастаткова дыскусійнага ў сучаснай

айчынай і расійскай гістарыяграфіі меркавання наконт вынікаў і значэння гэтых падзей у лёсе беларускага народа і яго дзяржаўнай незалежнасці. Перыяд знаходжання беларускіх зямель ВКЛ у складзе Рэчы Паспалітай быў звязаны з імкненнем пануючых класаў да апалічвання насельніцтва пасля 1696 г., калі заканадаўча ў ВКЛ было забаронена пісаць дзяржаўныя дакументы на беларускай мове, паланізацыя стала праводзіцца асабліва актыўна. Аднак нягледзячы на адмоўныя вынікі асіміляцыйнай палітыкі, асновы беларускага этнасу былі захаваны, што ў далейшым паслужыла фарміраванню беларускай нацыі. Між іншым, беларускі народ, пражыўшы больш за 400 гадоў разам з Літвой, Польшчай і Украінай у складзе ВКЛ і Рэчы Паспалітай, увайшоў у Расійскую імперыю, дзе ўжо не меў якіх-небудзь прыкмет уласнай дзяржаўнасці. Стагоддзе згоды і канфрантацыі, якое пачалося ва ўмовах Паўночнай вайны, скончылася заняпадам польскай і беларуска-літоўскай дзяржаўнасці [3, с. 171].

На нашу думку, прафесар правамерна прапануе выдзіліць раскрытыя ў главе 9 два этапы знаходжання Беларусі ў складзе Расійскай імперыі: ад першага падзелу Рэчы Паспалітай і ўваходжання ўсходнебеларускіх зямель ВКЛ у склад Расіі ў 1772 г. і да распаду Расійскай імперыі ў выніку Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. «Гэты амаль паўтаравекавы перыяд беларускай гісторыі дзеліцца ў кантэксце на два этапы. Галоўны змест першага этапу знаходжання Беларусі ў складзе Расійскай імперыі (1772—1862) склалі з пункту гледжання міжнародных адносін і знешняй палітыкі Расіі наступныя гістарычныя працэсы [3, с. 214]: інтэграцыя беларускіх зямель у склад імперыі (палітычная стабілізацыя, развіццё капіталістычных адносін); планы і палітыка царскай Расіі і напалеонаўскай Францыі па выкарыстанні заходніх губерняў напярэдадні, падчас і пасля вайны 1812 г.; узнікненне «славянскага пытання» ў Расіі і распрацоўка дэкабрыстамі і расійскімі рэвалюцыйнымі дэмакратамі праграм дзяржаўна-палітычнага пераўтварэння расійскай дзяржавы; паўстанне 1830—1831 гг. і змяненне расійскай палітыкі ў Беларусі ў бок русіфікацыі.

Другі этап знаходжання Беларусі ў складзе Расійскай імперыі ахоплівае перыяд ад паўстання 1863—1864 гг. да звяржэння дынастыі Раманавых у 1917 г. Пасля задушэння паўстання царскі ўрад пачаў рэалізацыю на тэрыторыі Паўночна-Заходняга краю палітыкі русіфікацыі і дэпаланізацыі. Яе ідэалагічнай асновай стала вялікадзяржаўная расійская дактрына і канцэпцыя «заходнерусізму». Яны разглядалі развіццё беларусаў, як і ўкраінцаў, у непарыўнай сувязі з існаваннем велікарускага этнасу. Пасля паўстання 1863—1864 гг. на тэрыторыі Беларусі зноў пачалася паласа паўвекавага мірнага развіцця. Да пачатку Першай сусветнай вайны беларускі край прайшоў перыяд паскоранага развіцця капіталістычных адносін, фарміравання беларускай нацыі і нацыянальнага абуджэння [3, с. 214]. Гэтая выснова падасца нам вельмі важнай з пункту гледжання наступальнага і няўхільнага прагрэсу Беларусі ў перыяд новай гісторыі Еўропы.

У перыяд навейшай гісторыі ў дапаможніку асвятляюцца падзеі, з'явы і працэсы XX ст., звязаныя з міжнародным становішчам Беларусі і знешнепалі-

тычнай дзейнасцю БНР і БССР, удзелам краіны ў дзвюх сусветных войнах і пасляваенным міжнародна-прававым статусе Беларускай ССР. Можна пагадзіцца з меркаваннем аўтара наконт таго, што «беларускае пытанне як праблема міжнароднай палітыкі ўзнікла з пачаткам Першай сусветнай вайны пасля акупацыі Германіяй часткі тэрыторыі Беларусі. Разам з тым па сваім значэнні і ўсвядомленай палітычнымі сіламі неабходнасці вырашэння яно саступала польскаму, украінскаму, літоўскаму, латышскаму пытанню, займаючы маргінальнае месца ва ўсходнееўрапейскай сістэме міжнародных адносін. Аднак у сувязі з хуткімі зменамі ва ўнутранай і міжнароднай сітуацыі (крахам імперыі Раманавых, Кастрычніцкай рэвалюцыі, мірнымі перагаворамі ў Брэст-Літоўску і наступам нямецкіх войск на Усходнім фронце) адбывалася радыкалізацыя патрабаванняў беларускага нацыянальнага руху, што ў канчатковым рахунку прывяло да абвешчэння незалежнасці БНР 25 сакавіка 1918 г.» [3, с. 233].

Аўтар, безумоўна, мае рацыю ў тым, што БНР фактычна стала першым дзяржаўным утварэннем, калі спрабавала праводзіць самастойную знешнюю палітыку. Галоўнай задачай дыпламатыі БНР было атрыманне міжнароднага прызнання для беларускай дзяржавы і яе меж. Аднак вялікіх поспехаў у дыпламатыі дасягнуць не ўдалося. На думку беластоцкага гісторыка Анджея Смалярчыка, прычынай дыпламатычнай слабасці БНР была адсутнасць вопыту і ўменняў у яе дзеячэў. Такая выснова, несумненна, правільная. Праблема бачыцца яшчэ і ў агульнай слабасці гэтага дзяржаўнага ўтварэння, якое ў тагачасных умовах не магло мілітарна супрацьстаяць больш моцным суседзям [2].

У главе 12 распавядаецца пра складаны міжваенны перыяд у знешнепалітычнай дзейнасці Беларускай ССР у 1919—1939 гг. У першыя гады існавання рэспублікі яна праводзіла дастаткова актыўную знешнюю палітыку. У студзені 1919 г. быў створаны Наркамат замежных спраў БССР, што паклала пачатак дыпламатычнай службе Беларусі. БССР прымала актыўны ўдзел у стварэнні СССР, стаўшы адной з рэспублік — заснавальніц Савецкага Саюза. У рамках дыпламатычнага саюза савецкіх рэспублік, які склаўся напярэдадні Генуэзскай канферэнцыі, БССР дэлегавала свае знешнепалітычныя паўнамоцтвы РСФСР. У 1930-я гг. суверэнітэт БССР набыў больш фармальны і дэкларатыўны характар. З устанавленнем аўтарытарна-бюракратычнай мадэлі сацыялізму ў СССР, умацаваннем унітарызму ў развіцці савецкай федэрацыі і нарастаннем пагрозы вайны БССР разам з астатнімі саюзнымі рэспублікамі трапіла ў міжнародную ізаляцыю [3, с. 383].

Пагаджуся з меркаваннем А. Смалярчыка наконт таго, што стварэнне маскоўскімі ўладамі Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі У. Е. Снапкоўскі лічыць праявай знешняй палітыкі Савецкай Расіі, якая імкнулася на сваіх заходніх межах стварыць з савецкіх рэспублік буферную зону, што аддзяляла б яе ад капіталістычнага Захаду. Такая інтэрпрэтацыя падаецца не найлепшай. Існаванне асобных савецкіх рэспублік было хутчэй пытаннем

унутранай палітыкі, чым праявай трактавання іх Масквой у якасці самастойных дзяржаўных суб'ектаў [2].

Пры аналізе вынікаў уступлення Чырвонай Арміі 17 верасня 1939 г. на паўночна-ўсходнюю тэрыторыю Польскай Рэспублікі і далучэння яе да БССР У. Е. Снапкоўскі называе «гістарычнай справядлівасцю для беларускага народа». Але ж з пункту гледжання нормаў міжнароднага права СССР праз далучэнне Заходняй Беларусі да БССР парушыў міжнародныя дамоўленасці, увёўшы свае войскі ў Польшчу, якая вяла вайну з гітлераўскай Германіяй. Аўтар крытычна ацэньвае палітыку І. Сталіна ў дачыненні да Польшчы і адначасова дае станоўчую ацэнку далучэнню яе паўночна-ўсходніх ваяводстваў (Заходняй Беларусі) да БССР, што, на нашу думку, падаецца метадалагічна неапраўданым. З другога боку, трэба, несумненна, ўлічваць сучасны афіцыйны падыход да асвятлення ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР, які выкарыстоўваецца ў навуковай і вучэбнай літаратуры.

У апошніх трох главах (13, 14 і 15) разглядаюцца пытанні ўдзелу Беларусі ў геапалітыцы і дыпламатыі перыяду Другой сусветнай вайны і знешне-палітычная дзейнасць Беларускай ССР у 1950—1980-я гг.

Другая сусветная і Вялікая Айчынная войны скончыліся перамогай СССР і іншых дзяржаў антыгітлераўскай кааліцыі. Для Беларусі яна завяршылася вызваленнем ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў і вяртаннем савецкай сістэмы кіравання. У гады вайны БССР панесла каласальныя людскія і матэрыяльныя страты, гібель мільёнаў людзей, знішчэнне дзясяткаў гарадоў і тысяч населеных пунктаў, вымушаную эміграцыю соцень тысяч жыхароў рэспублікі. У 1946 г. урад БССР паставіў у ААН пытанне аб выдачы і пакаранні ваенных злачынцаў і працягваў займацца ім усе пасляваенныя гады. У завяршальны перыяд Вялікай Айчынай вайны адбыліся змяненні ў тэрытарыяльным складзе БССР. Савецкі ўрад падпісаў з польскім урадам пагадненні аб перадачы ёй Беласточчыны і часткі Белавежскай пушчы і аб абмене насельніцтвам, уключыў у склад РСФСР Калінінградскі анклаў, на які разлічвала беларускае кіраўніцтва. Разам з тым Мінску ўдалося адстаяць Полацкую вобласць, якую ў Маскве хацелі перадаць у склад РСФСР» [3, с. 304].

Аўтар навучальнага дапаможніка канстатуе, што «шлях Беларусі ў ААН — вынік напружанай, настойлівай і ў рэшце паспяховай барацьбы савецкага ўрада з дыпламатыяй ЗША, Вялікабрытаніі і іншых краін. На перагаворах паміж СССР, ЗША і Вялікабрытаніяй, якія непасрэдна закраналі нацыянальныя інтарэсы Беларусі, яна выступала як аб'ект палітыкі «вялікай тройкі» і іншых дзяржаў. Да намаганняў савецкай дыпламатыі ўрады УССР і БССР далучыліся (з дазволу і па ўказанні з Масквы) на этапе падрыхтоўкі канферэнцыі ў Сан-Францыска (сакавік—красавік 1945 г.). Аднак, нягледзячы на гэта, уваходжанне Беларусі ў ААН мела вялікае гістарычнае значэнне, адпавядала нацыянальным інтарэсам беларускага народа» [3, с. 325].

Выкладанне вучэбнага матэрыялу заканчваецца 1991 г., калі была абвешчана незалежнасць Рэспублікі Беларусь, сучаснай формы беларускай дзяржаўнасці, вызначаны асноўныя прынцыпы, мэты і задачы знешняй палітыкі Беларусі на сучасным этапе. На наш погляд, патрабуе некаторага дапаўнення спіс крыніц, які датычыцца вывучаемага перыяду.

Дадзены навучальны дапаможнік з'яўляецца скарочанай і значна дапрацаванай у адпаведнасці з сучасным станам гістарычнай навукі і ўніверсітэцкай адукацыі версій вучэбных выданняў, апублікаваных аўтарам у 2003—2004 гг. на беларускай, у 2013 г. на рускай мовах [4—6]. Ён складзены на падставе тыпавой вучэбнай праграмы па дысцыпліне «Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі» для студэнтаў устаноў вышэйшай адукацыі і адпавядае грыфу вучэбна-метадычнага аб'яднання ВНУ Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь па гуманітарнай адукацыі ў якасці вучэбнага дапаможніка па спецыяльнасці 1-23 01 01 «Міжнародныя адносіны».

Неабходна падкрэсліць велізарны храналагічны працяг дапаможніка (амаль тысячгагоддзе), што запатрабавала ад аўтара вывучэння вялікай колькасці спецыяльнай літаратуры і дакументальных крыніц. Між тым, з першага ж погляду на спіс крыніц і літаратуры, змешчаны ў канцы працы, выяўляецца яе значны недахоп. Адсутнічаюць нават працы беларускіх гісторыкаў, надрукаваныя ў замежных выданнях. Між тым, асноўная маса літаратуры па гісторыі знешняй палітыкі ВКЛ створана ў Польшчы і ў Літве, а разгляд польска-літоўскіх уній ці знешняй палітыкі Рэчы Паспалітай патрабуе змястоўнага аналізу польскай літаратуры і зборнікаў дакументаў. Мы спадзяемся, што ў наступных выданнях дапаможніка гэты невялікі недахоп працы будзе пераадолены.

Адукацыйнае і навуковае значэнне дапаможніка прафесара БДУ У. Е. Снапкоўскага заключаецца ў тым, што трыма яго выданнямі (2003—2023 гг.) аўтар адкрыў новую главу ў гістарычнай навуцы і гістарычнай адукацыі Рэспублікі Беларусь. «Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі» стала новай вучэбнай дысцыплінай і самастойным кірункам даследаванняў у сістэме ўніверсітэцкай адукацыі і гістарычнай навукі сучаснай Беларусі. Сваімі вучэбнымі працамі, манаграфіямі, зборнікамі дакументаў і артыкуламі вучоны ўвасобіў спалучэнне традыцый і навацый у знешнепалітычных даследаваннях, працягваючы класічныя выданні заснавальнікаў беларускай гістарычнай школы (У. Ігнатоўскага, М. Доўнар-Запольскага, У. Пічэты) і ўзбагачаючы іх наватарскімі падыходамі і ацэнкамі з пункту гледжання гісторыка незалежнай Беларусі пачатку ХХІ ст. У гэтым сэнсе новае і апошняе, палепшанае і дапрацаванае выданне дапаможніка, які з поўным правам можна лічыць падручнікам па знешнепалітычнай гісторыі Беларусі, з'яўляецца важным укладам у развіццё гістарычных ведаў, адукацыі і навукі Рэспублікі Беларусь.

Літаратура і крыніцы

1. Краўцэвіч, А. [Рэцэнзія] / А. Краўцэвіч // Białoruskie Zeszyty Historyczne. Białystok. — 2005. — № 23. — S. 231—235. — Рэц. на кн.: Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя знешняй палі-

- тыкі Беларусі: Вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін: У 2 ч. Ч. 1. Ад пачаткаў дзяржаўнасці да канца XVIII ст. / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск : БДУ, 2003. — 281 с.
2. Смалярчык, А. [Рэцэнзія] / А. Смалярчык // Беларускі гістарычны агляд. — 2017. — Т. 24. — № 1—2 (46—47). — С. 277—286. — Рэц. на кн.: Снапковский, В. Е. История внешней политики Беларуси: пособие / В. Е. Снапковский. — Минск : БГУ, 2013. — 495 с.
 3. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: вуч. дапамож. / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск : БДУ, 2023. — 383 с.
 4. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін: У 2 ч. Ч. 1. Ад пачаткаў дзяржаўнасці да канца XVIII ст. / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск : БДУ, 2003. — 281 с.
 5. Снапкоўскі, У. Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: вучэб. дапам. для студэнтаў фак. міжнар. адносін: У 2 ч. Ч. 2. Ад канца XVIII да пачатку XXI ст. / У. Е. Снапкоўскі. — Мінск : БДУ, 2004. — 303 с.
 6. Снапковский, В. Е. История внешней политики Беларуси: пособие / В. Е. Снапковский. — Минск : БГУ, 2013. — 495 с.

Артыкул наступіў у рэдакцыю 05.09.2025.

РЭЗЮМЭ

Ялінская Марына Міхайлаўна. Сучасны стан Дзяржаўнага геральдычнага рэгістра Рэспублікі Беларусь: вытокі, храналогія фарміравання, катэгорыі афіцыйных геральдычных сімвалаў.

У артыкуле прадстаўлена абшчальныя і асаблівасці інфармацыі аб Дзяржаўным геральдычным рэгістры — інфармацыйным рэсурсе Рэспублікі Беларусь. Яго выдзяленне ажыццяўляецца ў Дэпартаменце па архівах і справаводствах Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь з 2002 г., калі быў утвораны Геральдычны савет пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь. Аналізуюцца нарматыўныя прававыя акты, якія ўстанаўліваюць працэдуру стварэння, экспертнасць, зацвярджэння і рэгістрацыі афіцыйных геральдычных сімвалаў, а таксама разглядаюцца віды і асаблівасці ўсіх відаў сімволікі, якія маюць афіцыйны статус.

Брылева Таццяна Ігараўна. Фонды Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь як крыніца вывучэння перасялення беларускага насельніцтва з Польшчы ў БССР у 1944—1947 гг.

У артыкуле разглядаецца комплекс архіўных дакументаў па пытанні перасялення беларускага насельніцтва з Польшчы ў БССР у 1944—1947 гг. Вывучэнне дакументальных матэрыялаў абапіраецца на крыніцазнаўчую базу даследавання, якая з’яўляецца малавывучанай тэмай у беларускай гістарыяграфіі. Асноўныя пытанні, якія тычацца вяртання, рассялення і ўладкавання перасяленцаў, адлюстраваны ў фондах цэнтральных ведамстваў БССР, якія займаліся вяртаннем беларусаў з краін Еўропы. Прааналізаваны архіўны матэрыял, апісаны склад і інфарматыўнасць дакументаў. Прыведзены звесткі аб наяўнасці дакументальных крыніц па з’яўленай тэме даследавання ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь, абласных і занальных архіўных установах.

Тананаў Антон Віктаравіч, Купрыянаў Сяргей Яўгенавіч. Цэнтралізаваны архіў установаў г. Мінска ў 1930-е гг.

Артыкул прысвечаны гісторыі Цэнтралізаванага архіва ўстановаў г. Мінска. Архіў быў створаны ў 1934 г. У ім захоўваліся дакументы народных камісарыятаў і іншых арганізацый. У працы разглядаецца прыкладны склад фондаў архіва, умовы захоўвання дакументаў, асаблівасці архіва і г. д. Большасць звестак належаць да 1936—1937 гг., таму што за больш раннія гады звесткі на дадзены момант не выяўлены. Сваю дзейнасць архіў спыніў, як мяркуюцца, у 1938 г.

Жарносенка Сяргей Аляксандравіч. Дакументы Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Рэчыцы аб гісторыі Васілевіцкага раёна (1926—1927 гг., 1943—1959 гг.).

У артыкуле расказваецца гісторыя былога Васілевіцкага раёна БССР, які існаваў у 1926—1927 гг. і ў 1938—1959 гг. У аснове артыкула — выданні навукова-даведачнай бібліятэкі і архіўныя дакументы фондаў Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Рэчыцы, якія адлюстроўваюць жыццё насельніцтва раёна і развіццё мясцовых сфер дзейнасці — сельскай і лясной гаспадаркі, прамысловасці, адукацыі і інш. У кантэксце гісторыі Васілевіцкага раёна разглядаюцца такія падзеі савецкай эпохі, як ліквідацыя непісьменнасці, індустрыялізацыя і калектывізацыя. Асаблівая ўвага нададзена тэме Вялікай Айчыннай вайны (падпольная і партызанская барацьба, генацыд, вызваленне раёна ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў) і пасляваеннага ўпарадкавання населенага пункта Васілевічы і Васілевіцкага раёна да канчатковага скасавання апошняга.

Барбарчук Васіль Аляксандравіч. Падробленыя дакументы на Беларусі падчас Вялікай Айчыннай вайны, спосабы іх вырабу і выкарыстання.

Выкарыстанне партызанамі і падпольшчыкамі падробленых дакументаў на акупіраванай тэрыторыі Беларусі падчас Вялікай Айчыннай вайны было неабходным і эфектыўным сродкам барацьбы з нацыстамі. Фальшывыя дакументы выкарыстоўваліся таксама цывільным насельніцтвам з мэтай ратавання ад рэпрэсій з боку акупацыйнай адміністрацыі. Падробленыя дакументы вырабляліся як на акупіраванай тэрыторыі БССР у падпольшных і партызанскіх фарміраваннях, так і на неакупіраванай савецкай тэрыторыі ў спецыяльных падраздзяленнях шпакі партызанскіх рухаў і разведкі. Падробленыя дакументы таксама былі аб'ектам продажу і куплі на чорным рынку на акупіраваных тэрыторыях. Масавыя рэпрэсіі акупацыйных улад правакавалі пастаянны попыт на такія дакументы ў асяроддзі ўразлівых слаёў насельніцтва.

Жук Віталь Мікалаевіч. Беларуская акадэмія сельскагаспадарчых навук: ідэя стварэння.

На працягу 1956 г. у БССР, як і ў іншых рэспубліках Саюза, дзяржаўнымі структурамі распрацоўваліся варыянты стварэння каардынацыйнага навуковага цэнтра сельскай гаспадаркі. У артыкуле на падставе архіўных крыніц падрабязна апісаны працэс прыняцця рашэнняў рэспубліканскімі органамі ўлады і кіравання па пытанні арганізацыі Беларускай акадэміі сельскагаспадарчых навук, які разглядаўся ў цеснай узавязі з рэарганізацый Міністэрства сельскай гаспадаркі БССР і Усесаюзнай Акадэміі сельскагаспадарчых навук імя У. І. Леніна, якая праводзілася ў 1956 г.

Русецкая Уладзіслава Дзмітрыеўна. Сучасная гістарыяграфія беларускага нацыягенезу на рубяжы XIX—XX стст.

У артыкуле прыводзіцца характарыстыка сучаснай гістарыяграфіі па праблеме беларускага нацыягенезу на рубяжы XIX—XX стст. Пад нацыягенезам разумеецца працэс канструавання нацыянальнай ідэнтычнасці. Актэнт зроблены на аналізе айчынных дасягненняў у гэтай галіне. Робіцца выснова аб тым, што беларуская гістарыяграфія не стварыла асобнага напрамку нацыялагічных даследаванняў, а найбольш плённымі з'яўляюцца адзінкавыя даследаванні сацыялагічнага характару. Прапанаваны магчымыя перспектывы даследавання ў гэтай навуковай галіне.

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч. Роля манастыроў у стварэнні і захаванні дакументальнай спадчыны беларускага народа.

У артыкуле асвятляецца дзейнасць праваслаўных манастыроў Беларусі ў развіцці пісьменнасці і архіўнай справы.

Сашко Анастасія Аляксеўна. Праблемнае поле і задачы дакументазнаўства: інстытуцыяналізацыя навуковай дысцыпліны ў Рэспубліцы Беларусь.

У артыкуле аналізуюцца праблемнае поле і задачы дакументазнаўства ў Рэспубліцы Беларусь, раскрываюцца метадалагічныя, тэрміналагічныя, нарматыўныя і інстытуцыйныя асаблівасці дысцыпліны. Асобная ўвага нададзена пытанню яе навуковай аўтаномнасці, узаемадзеянню тэорыі і практыкі, інтэграцыі даследчых школ і ўмацаванню тэарэтыка-метадалагічных падстаў, што забяспечваюць інстытуцыяналізацыю дакументазнаўства як самастойнай навуковай дысцыпліны ва ўмовах лічэбайвай трансфармацыі.

Несцеровіч Юрый Уладзіміравіч. Да эксплікацыі паняцця дакументальнага помніка.

Вывучэнне гісторыі распрацоўкі комплекснай праблемы дакументальных помнікаў дазваляе вылучыць тры этапы, якія карэляваны з вылучэннем катэгорыі дакументаль-

ных помнікаў у заканадаўстве. Трэці этап яе распаўсюўкі звязаны з выхадам Коджса Рэспублікі Беларусь «Аб культуры» 2016 г. Прапануецца дэфініцыя дакументальнага помніка, якая рэlevantна разлічванню трох груп назігашваемай дакументальнай спадчыны: легалізаваныя дакументальныя помнікі, якія атрымалі статус гісторыка-культурнай спадчыны, актуальныя дакументальныя помнікі, якія з'яўляюцца прэтэндэнтамі на такі статус, і патэнцыяльныя дакументальныя помнікі, дакументы Нацыянальнага архіўнага фонду, з якіх выяўляюцца прэтэндэнтны на такі статус.

Ганчарова Іўса Адамаўна. Праблема кантамінацыі архіўных дакументаў плесневымі грыбамі.

У артыкуле ўзнята праблема негатыўнага ўплыву на здароўе людзей архіўнага пылу, які змяшчае споры мікраскапічных грыбоў. Прадстаўлены візуальныя прыкметы наяўнасці ачагоў плесневых паражэнняў архіўных дакументаў, паказана дыягностыка характару кантамінацыі архіўных дакументаў па выніках лабараторнага мікалагічнага аналізу пылападобных налётаў. Разгнэнно праблемы экалагічнай бяспекі архіўных дакументаў будзе садзейнічаць стварэнне ўмоў для ўкаранення ў архіўную практыку метадычных распаўсавак па гэтым пытанні і прафілактычныя меры карыстальнікаў архіваў, напрыклад, выкарыстанне медыцынскіх масак.

Дзярновіч Кацярына Пятроўна. Улік дакументаў у тэрытарыяльных (гарадскіх або раённых) архівах.

Улік з'яўляецца адной з асноўных функцый, што выконваюцца архівамі. У артыкуле разглядаюцца развіццё нарматыўных прававых патрабаванняў да ўліку дакументаў у дзяржаўных архівах і архівах арганізацый, вылучаны асаблівасці ўліку дакументаў у тэрытарыяльных (гарадскіх або раённых) архівах і прапанаваны формы ўліковых дакументаў для вядзення ў іх.

Тананаў Антон Віктаравіч. Актуальныя праблемы стварэння электронных публікацый архіўных дакументаў.

У артыкуле разглядаюцца найбольш пашырэння ў навуковых працах праблемы, звязаныя са стварэннем электронных публікацый дакументаў. Вылучаюцца чатыры комплексы ўзаемязвязаных праблем: юрыдычныя, тэхнічныя, фінансавыя і праблема адукацый. У выніку іх аналізу можна зрабіць выснову, што патрабуецца распаўсюдка адзінай канцэпцыі электронных публікацый, выпрацоўка стандартаў для спецыялізаванага абсталявання і інфармацыйнай платформы, а таксама стварэнне ўніфікаванай метадыкі навуковага апісання электронных публікацый дакументаў і праграмы падрыхтоўкі кадраў для іх стварэння.

Касяк Мікіта Аляксандравіч. Узнагародная сістэма Рэспублікі Узбекістан (на прыкладзе сістэмы ордэнаў рэспублікі).

Узнагародная сістэма Рэспублікі Узбекістан з'яўляецца важным элементам дзяржаўнай палітыкі, накіраванай на прызнанне заслуг грамадзян перад краінай. Аднымі з ключавых састаўляючых дадзенай сістэмы з'яўляюцца ордэны, якія ўяўляюць сабой выпэйныя формы заахочвання за выдатныя дасягненні ў галіне дзяржаўнага будаўніцтва, навукі, культуры, вайскавай справы і грамадскай дзейнасці. Разгляд ордэнскай сістэмы дазваляе зразумець механізмы фарміравання нацыянальнай ідэнтычнасці і ўмацавання патрыятызму ў постававаккай рэспубліцы.

Іванова Вольга Сяргееўна. Лісты І. Грыгаровіча з фондаў Расійскай дзяржаўнай бібліятэкі (частка 1).

Публікуецца першая частка ліставання І. І. Грыгаровіча з братам Мікалаем, якая захоўваецца ў Расійскай дзяржаўнай бібліятэцы. У першай частцы публікуецца 6 з 38 лістоў. Гэтыя лісты за 1815—1818 гг. напісаны ў Пецярбургу ў перыяд навучання ў акадэміі.

Семяненка-Басін Ілья Віктаравіч. Іаан Грыгаровіч аб праслаўленні святых у Праваслаўнай царкве Вялікага Княства Літоўскага.

У артыкуле ўпершыню ўвядзена ў навуковы абарот ліст І. І. Грыгаровіча да генерал-губернатара М. М. Хаванскага ад 12 ліпеня 1830 г. з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі. Публікуемы ліст належыць да навуковай спадчыны І. Грыгаровіча. Дадзены тэкст быў напісаны ў адказ на запыт генерал-губернатара аб механізмах праслаўлення святых у праваслаўнай традыцыі Вялікага Княства Літоўскага. У 1830 г. не існавала якіх-небудзь навуковых прац на гэтую тэму, на якія мог бы абапірацца І. Грыгаровіч. Тым не менш, адказваючы М. М. Хаванскаму, І. Грыгаровіч стварыў мікрадаследаванне аб праслаўленні святых, якое мае навуковую каштоўнасць.

Падзякоў Валерый Сямёнавіч. Матэрыялы да гісторыі архіваў Беларусі. Ч. 3. Пінскі павет (XVI — пачатак XVII ст.).

У артыкуле публікуюцца дакументы канца XVI — пачатку XVII ст., у якіх змяшчаюцца звесткі аб архівах Пінскага Лепчанскага манастыра, Пінскага гродскага суда, магдэбургскага горада Пінска.

Іванова Вольга Сяргееўна. Жыццё і дзейнасць І. Грыгаровіча ў святле неапублікаванага ліставання.

Ліставанне з’яўляецца эга-крыніцай, якая адлюстроўвае не толькі дзейнасць чацвярага, але і яго характар, каштоўнасці і штодзённае жыццё. Вядомы вялікі комплекс апублікаванага ліставання І. Грыгаровіча. Захаваўся таксама і менш вядомы, яшчэ неапублікаваны яго лісты за 1815—1830 гг. Яны праціваюць святло на археографічную працу па выданні «Беларускага архіва старажытных грамад», узаемаадносіны з графам М. П. Румянцавым, членамі сям’і, штодзённае жыццё і іншыя аспекты дзейнасці, якія аналізуецца ў прапанаваным артыкуле.

Латушкін Андрэй Мікалаевіч. Мацей Догель (1715—1760) і яго месца ў археографіі Беларусі.

Артыкул прысвечаны вывучэнню ролі рэктара Віленскага калегіума піяраў Мацея Догеля (1715—1760) як археографа, а таксама рэалізацыі ў 1758—1764 гг. праекта па выданні міждзяржаўных дагавораў Вялікага Княства Літоўскага і Польскага каралеўства з замежнымі краінамі перыяду Сярэднявечча і Ранняга Новага часу — «Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae». Аўтар адзначае, што дадзенае выданне мела за ўзор серыйныя публікацыі актаў, заснаваныя ў канцы XVII — першай палове XVIII ст. у Германіі Готфрыдам Вільгельмам Лейбніцам, у Англіі — Томасам Раймерам, у Францыі — Жанам Дюмоном. Разам з тым выхад «Дыпламатычнага кодэкса <...>» ставіў ВКЛ у названай сферы археографічнай дзейнасці наперадзе некаторых іншых краін Заходняй Еўропы. Аргументуецца погляд аб тым, што гэтая тэма павінна разглядацца як частка гісторыі археографіі Беларусі, як і дзейнасць іншага знакамітага выдаўца пісьмовых крыніц протаіерэя І. І. Грыгаровіча (1792—1852), а асоба М. Догеля мусіць заняць адпаведнае месца ў кантэксце айчынай навукі і культуры.

Пазнякоў Валерый Сямёнавіч. Першы берасцейскі археолаг Мікалай Віслоцкі (1821—1885): ад Старажытнага Егіпта да надбужскіх готаў.

У артыкуле сабраны звесткі пра жыццёвы шлях і навуковую дзейнасць Мікалая Віслоцкага (1821—1885), які расцяхаў археалагічныя даследаванні на Берасцейшчыне, сабраў прыватны музей, у якім, між іншым, захоўваліся археалагічныя знаходкі часоў вялікай вагдроўкі народаў і сярэднявечча з Берасцейшчыны.

Шумейка Міхаіл Фёдаравіч. Вучоны, педагог, адміністратар (да 90-годдзя з дня нараджэння Э. М. Савіцкага).

У артыкуле асвятляецца адміністрацыйная, навуковая і педагогічная дзейнасць доктара гістарычных навук, прафесара Эдуарда Міхайлавіча Савіцкага.

Хархордзіна Таццяна Іваненцёўна. Чатавек, які апырэдзіў Час.

У артыкуле асвятляецца навуковая дзейнасць доктара гістарычных навук, прафесара Кіма Барысавіча Гельмана-Вінаградава.

Хіміна Ніна Іванаўна. Устамянаючы К. Б. Гельмана-Вінаградава і яго працы.

У артыкуле асвятляецца навуковая дзейнасць доктара гістарычных навук, прафесара Кіма Барысавіча Гельмана-Вінаградава.

Навасельская Юлія Іосіфаўна. К. Б. Гельман-Вінаградаў: птрыхі да прафесійнага партрэта.

У артыкуле разглядаюцца асноўныя этапы прафесійнай біяграфіі прафесара МДГ АІ, ГАІ РДГ У, доктара гістарычных навук К. Б. Гельмана-Вінаградава з 1960 па 1993 г. Крыніцавай базай з'явіліся дакументы архіва РДГ У (фонд Р-535), а таксама вопыт асабістых зносінаў аўтара артыкула ў перыяд працы на кафедры навукова-тэхнічных архіваў. Паказана роля К. Б. Гельмана-Вінаградава ў станаўленні і развіцці кафедры, фарміраванні прадметнага поля яго навуковых і педагогічных інтарэсаў у кантэксце станаўлення новай спецыялізацыі па навукова-тэхнічных архівах. Падкрэсліваецца і значэнне працы прафесара па праблематыцы агульнага архівазнаўства, прысвечанай машыначыпальным дакументам. Выдзелена яго пазіцыя як навуковага рэдактара многіх навуковых дапаможнікаў і навуковых праграм кафедры НТА. Ахарактарызаваны персанальныя рысы партрэта вучонага як тыповага прадстаўніка архівазнаўцаў пакалення, які прыйшоў у навуку і выкладанне ў пачатку 1960-х гг. Пазначаны прафесійны шлях даследчыка ад тэхналагічных аспектаў архіўнай справы да філасофіі дакументалістыкі і архівазнаўства. Разглядаюцца пэрыяд прац К. Б. Гельмана-Вінаградава са зборніка «Асаблівыя місія дакументаў» (2009 г.), якія падводзяць вынікі політэматычнай і міждyscyплінарнай дзейнасці навукоўца. Дасяда ацэнка значэння гэтых прац як прагнастычнага контуру тэматыкі і формаў даследаванняў у галіне навук аб дакуменце. Робіцца выснова аб вечнай актуальнасці метадалагічных прац вучонага 1990-х — пачатку 2000-х гг., якія з'яўляюцца магутным каталізатарам для даследаванняў па праблематыцы навук аб дакуменце ў цяперашні час.

Юмашова Юлія Іор'еўна. Крыніцазнаўца-архівіст, які апырэдзіў час.

Артыкул прысвечаны кароткаму гістарыяграфічнаму агляду навуковых прац К. Б. Гельмана-Вінаградава і аналізу яго ўкладу ў практыку архіўнай справы (ўкараненне тэхналогіі мікрафільмавання, фармуляванне падыходаў да стварэння страхавога фонду і фонду карыстання копіяў архіўных дакументаў на мікраносібітах), у развіцці тэарэтычнага крыніцазнаўства машыначыпальных (электронных) дакументаў (іх вылучэнне ў асаблівы тып, класіфікацыю, вызначэнне асаблівасцей і т. п.), а таксама ў распаўсюдку практычных метадаў работы архіваў па камплектаванні, экспертызе каштоўнасці і забеспячэнні захаванасці машыначыпальных комплексаў крыніц і іх выкарыстання ў даследчай практыцы.

Аўтар разглядае артыкулы і тэзісы К. Б. Гельмана-Вінаградэва, якія не ўвайшлі ў зборнік яго абраных прац «Асаблівая місія дакументаў», і таму рэдка трапляюць у поле зроку сучасных дакументазнаўцаў, архівістаў і гісторыкаў-крыніцазнаўцаў.

Рыбакоў Андрэй Яўгенавіч. Уплыў змяненняў у тэхналогіях дакументавання на ўдакладненне граніц паняцця дакумента.

У артыкуле разглядаецца працэс змяненняў у тэхналогіях дакументавання і яго ўплыў на вызначэнне паняцця дакумента.

РЕЗЮМЕ

Елинская Марина Михайловна. Современное состояние Государственного геральдического регистра Республики Беларусь: истоки, хронология формирования, категории официальных геральдических символов.

В статье представлена обобщающая информация о Государственном геральдическом регистре — информационном ресурсе Республики Беларусь. Его ведение осуществляется в Департаменте по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь с 2002 г., когда был образован Геральдический совет при Президенте Республики Беларусь. Анализируются нормативные правовые акты, устанавливающие процедуру создания, экспертизы, учреждения и регистрации официальных геральдических символов, а также рассматриваются виды и особенности всех видов символики, обладающих официальным статусом.

Брилева Татьяна Игоревна. Фонды Национального архива Республики Беларусь как источник изучения переселения белорусского населения из Польши в БССР в 1944—1947 гг.

В статье рассматривается комплекс архивных документов по вопросу переселения белорусского населения из Польши в БССР в 1944—1947 гг. Изучение документальных материалов опирается на источниковедческую базу исследования, являющегося малоизученной темой в белорусской историографии. Основные вопросы, касающиеся возвращения, расселения и устройства переселенцев, отражены в фондах центральных ведомств БССР, которые занимались возвращением белорусов из стран Европы. Проанализирован архивный материал, описаны состав и информативность документов. Приведены сведения о наличии документальных источников по заявленной теме исследования в Национальном архиве Республики Беларусь, областных и зональных архивных учреждениях.

Тананов Антон Викторович, Куприянов Сергей Евгеньевич. Централизованный архив учреждений г. Минска в 1930-е гг.

Статья посвящена истории Централизованного архива учреждений г. Минска. Архив был создан в 1934 г. В нем хранились документы народных комиссариатов и иных организаций. В работе рассматриваются примерный состав фондов архива, условия хранения документов, оснащение архива и т. д. Большинство сведений относится к 1936—1937 гг., так как за более ранние годы сведений на данный момент не выявлено. Свою деятельность архив прекратил, предположительно, в 1938 г.

Жарносенко Сергей Александрович. Документы Зонального государственного архива в г. Речице об истории Василевичского района (1926—1927 гг., 1943—1959 гг.).

В статье излагается история бывшего Василевичского района БССР, существовавшего в 1926—1927 гг. и в 1938—1959 гг. В основе статьи — издания научно-справочной библиотеки и архивные документы фондов Зонального государственного архива в г. Речице, отражающие жизнь населения района и развитие местных сфер деятельности — сельского и лесного хозяйства, промышленности, образования и др. В контексте истории Василевичского района рассматриваются такие события советской эпохи, как ликвидация безграмотности, индустриализация и коллективизация. Особое внимание уделено теме Великой Отечественной войны (подпольная и партизанская борьба, геноцид, освобождение района от немецко-фашистских захватчиков) и послевоенного устройства населенного пункта Василевичи и Василевичского района до окончательного упразднения последнего.

Барбарчук Василий Александрович. Поддельные документы в Беларуси в период Великой Отечественной войны, способы их изготовления и применения.

Использование партизанами и подпольщиками поддельных документов на оккупированной территории Беларуси во время Великой Отечественной войны было необходимым и эффективным средством борьбы с нацистами. Фальшивые документы использовались также гражданским населением с целью спасения от репрессий со стороны оккупационной администрации. Поддельные документы изготавливались как на оккупированной территории БССР в подпольных и партизанских формированиях, так и на неоккупированной советской территории в специальных подразделениях штабов партизанского движения и разведки. Поддельные документы также были объектом продажи и покупки на черном рынке оккупированных территорий. Массовые репрессии оккупационных властей провоцировали постоянный спрос на такие документы в среде уязвимых слоев населения.

Жук Виталий Николаевич. Белорусская академия сельскохозяйственных наук: идея создания.

В течение 1956 г. в БССР, как и в других республиках Союза, государственными структурами прорабатывались варианты создания координационного научного центра сельского хозяйства. В статье на основе архивных источников подробно описан процесс принятия решений республиканскими органами власти и управления по вопросу организации Белорусской Академии сельскохозяйственных наук, который рассматривался в тесной увязке с проводимой в 1956 г. реорганизацией Министерства сельского хозяйства БССР и Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина.

Русецкая Владислава Дмитриевна. Современная историография белорусского нациогенеза на рубеже XIX—XX вв.

В статье приводится характеристика современной историографии по проблеме белорусского нациогенеза на рубеже XIX—XX вв. Под нациогенезом понимается процесс конструирования национальной идентичности. Акцент сделан на анализе отечественных достижений в этой области. Сделан вывод о том, что белорусская историография не создала отдельного направления нациологических исследований, а наиболее плодотворными являются единичные исследования социологического характера. Предложены возможные перспективы исследования в этой научной области.

Шумейко Михаил Федорович. Роль монастырей в создании и сохранении документального наследия белорусского народа.

В статье освещается деятельность православных монастырей Беларуси в развитии письменности и архивного дела.

Сашко Анастасия Алексеевна. Проблемное поле и задачи документоведения: институционализация научной дисциплины в Республике Беларусь.

В статье анализируются проблемное поле и задачи документоведения в Республике Беларусь, раскрываются методологические, терминологические, нормативные и институциональные особенности дисциплины. Особое внимание уделено вопросам ее научной автономности, взаимодействию теории и практики, интеграции исследовательских школ и укреплению теоретико-методологических оснований, обеспечивающих институционализацию документоведения как самостоятельной научной дисциплины в условиях цифровой трансформации.

Нестерович Юрий Владимирович. К экспликации понятия документального памятника.

Изучение истории разработки комплексной проблемы документальных памятников позволяет выделить в ней три этапа, коррелятивные выделению категории документальных памятников в законодательстве. Третий этап ее разработки инициирует выход Кодекса Республики Беларусь «О культуре» в 2016 г. Предлагается дефиниция документального памятника, релевантная различению трех разрядов накапливаемого документального наследия: легализированные документальные памятники, получающие статус объекта историко-культурного наследия, актуальные документальные памятники, претендующие на такой статус, и потенциальные документальные памятники — документы Национального архивного фонда, из которых выявляются претенденты на такой статус.

Гончарова Инесса Адамовна. Проблема контаминации архивных документов плесневыми грибами.

В статье поднята проблема негативного влияния на здоровье людей архивной пыли, содержащей споры микроскопических грибов. Представлены визуальные признаки наличия очагов плесневого поражения архивных документов, показана диагностика характера контаминации архивных документов по результатам лабораторного микологического анализа пылевидных налетов. Решению проблемы экологической безопасности архивных документов будет способствовать создание условий для внедрения в архивную практику методических разработок по данному вопросу и профилактические меры пользователей архивов, например, использование медицинских масок.

Дернович Екатерина Петровна. Учет документов в территориальных (городских или районных) архивах.

Учет является одной из основных функций, выполняемых архивами. В статье рассмотрено развитие нормативных правовых требований к учету документов в государственных архивах и архивах организаций, выделены особенности учета документов в территориальных (городских или районных) архивах и предложены формы учетных документов для ведения в них.

Тананов Антон Викторович. Актуальные проблемы создания электронных публикаций архивных документов.

В статье рассматриваются наиболее обсуждаемые в научных работах проблемы, связанные с созданием электронных публикаций документов. Выделяются четыре комплекса взаимосвязанных проблем: юридические, технические, финансовые и проблема образования. В результате их анализа можно сделать вывод, что требуется разработка единой концепции электронных публикаций, разработки стандартов для специализированного оборудования и информационной платформы, а также создания унифицированной методики научного описания электронных публикаций документов и программы подготовки кадров для их создания.

Косяк Никита Александрович. Наградная система Республики Узбекистан (на примере системы орденов республики).

Наградная система Республики Узбекистан является важным элементом государственной политики, направленной на признание заслуг граждан перед страной. Одной из ключевых составляющих данной системы являются ордена, представляющие собой высшие формы поощрения за выдающиеся достижения в области государственного строительства, науки, культуры, военного дела и общественной деятельности. Рас-

смотрение орденой системы позволяет понять механизмы формирования национальной идентичности и укрепления патриотизма в постсоветской республике.

Иванова Ольга Сергеевна. Письма И. Григоровича из фондов Российской государственной библиотеки (часть 1).

Публикуется первая часть переписки И. И. Григоровича с братом Николаем, хранящаяся в Российской государственной библиотеке. В первой части публикуется 6 из 38 писем. Это письма за 1815—1818 гг., написанные в Петербурге в период обучения в академии.

Семененко-Басин Илья Викторович. Иоанн Григорович о прославлении святых в Православной церкви Великого Княжества Литовского.

В статье впервые вводится в научный оборот письмо И. И. Григоровича к генерал-губернатору Н. Н. Хованскому от 12 июля 1830 г. из фондов Национального исторического архива Беларуси. Публикуемое письмо принадлежит к научному наследию И. Григоровича. Данный текст был написан в ответ на запрос генерал-губернатора о механизмах прославления святых в православной традиции Великого Княжества Литовского. В 1830 г. не существовало каких-либо научных трудов на эту тему, на которые мог бы опираться И. Григорович. Тем не менее, отвечая Н. Н. Хованскому, И. Григорович создал микроисследование о прославлении святых, имеющее научную ценность.

Поздняков Валерий Семенович. Материалы по истории архивов Беларуси. Ч. 3. Пинский повет (XVI — начало XVII в.).

В статье публикуются документы конца XVI — начала XVII в., в которых содержатся сведения об архивах Пинского Лептинского монастыря, Пинского городского суда, магдебургского города Пинска.

Иванова Ольга Сергеевна. Жизнь и деятельность И. Григоровича в свете неопубликованной переписки.

Переписка является его источником, отражающим не только деятельность человека, но и его характер, ценности, был. Известен большой комплекс опубликованной переписки И. Григоровича. Сохранились также его менее известные, до сих пор неопубликованные письма 1815—1830 гг. Они проливают свет на археографическую работу по изданию «Белорусского архива древних актов», отношения с графом М. П. Румянцевым, членами семьи, были другие стороны деятельности, которые анализируются в предлагаемой статье.

Латушкин Андрей Николаевич. Матей Догель (1715—1760) и его место в археографии Беларуси.

Статья посвящена исследованию роли ректора Виленского коллегиума пиаров Матей Догеля (1715—1760) как археографа, а также реализации в 1758—1764 гг. проекта по изданию межгосударственных договоров Великого Княжества Литовского и Королевства Польского с зарубежными странами периода Средних веков и Раннего Нового времени — «Codex diplomatus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae». Автор отмечает, что это издание было создано по образцу серийных публикаций актов, основанных в конце XVII — первой половине XVIII в. в Германии Готфридом Вильгельмом Лейбницем, в Англии — Томасом Раймером, во Франции — Жаном Дюмоном. Издание «Дипломатический кодекс <...>» ставило ВКЛ в указанной сфере археографической деятельности впереди некоторых других стран Западной Европы. Аргументируется точка зрения, что данную тему следует рассматривать как часть истории археографии Беларуси, как и деятельность другого известного издателя письменных источников прото-

иерея И. И. Григоровича (1792—1852), а личность М. Догеля должна занять соответствующее место в контексте отечественной науки и культуры.

Поздняков Валерий Семенович. Первый берестейский археолог Николай Вислоцкий (1821—1885): от Древнего Египта до надбужских готов.

В статье собраны сведения о жизненном пути и научной деятельности Николая Вислоцкого (1821—1885), который начал археологические исследования на Берестейщине, собрал частный музей, в котором, среди прочего, хранились археологические находки времен великого переселения народов и средневековья с Берестейщины.

Шумейко Михаил Федорович. Ученый, педагог, администратор (к 90-летию со дня рождения Э. М. Савицкого).

В статье освещается административная, научная и педагогическая деятельность доктора исторических наук, профессора Эдуарда Михайловича Савицкого.

Хорхордина Татьяна Иннокентьевна. Человек, опередивший Время.

В статье освещается научная деятельность доктора исторических наук, профессора Кима Борисовича Гельмана-Виноградова.

Химина Нина Ивановна. Вспоминая К. Б. Гельмана-Виноградова и его труды.

В статье освещается научная деятельность доктора исторических наук, профессора Кима Борисовича Гельмана-Виноградова.

Новосельская Юлия Иосифовна. К. Б. Гельман-Виноградов: припри к профессиональному портрету.

В статье рассмотрены основные этапы профессиональной биографии профессора МГИАИ, ИАИ РГТУ, д. и. н. К. Б. Гельмана-Виноградова с 1960 по 1993 г. Источниковой базой явились документы Архива РГТУ (фонд Р-535), а также опыт личного общения автора статьи в период работы на кафедре научно-технических архивов. Показана роль К. Б. Гельмана-Виноградова в становлении и развитии кафедры, формировании предметного поля его научных и педагогических интересов в контексте становления новой специализации по научно-техническим архивам. Подчеркивается и значение работы профессора по проблематике общего архивоведения, посвященной машиночитаемым документам. Выделена его позиция как научного редактора многих учебных пособий и учебных программ кафедры НГА. Охарактеризованы персональные черты портрета ученого как типичного представителя архивоведов поколения, пришедшего в науку и преподавание в начале 1960-х гг. Обозначен профессиональный путь исследователя от технологических аспектов архивного дела к философии документалистики и архивоведения. Рассмотрен ряд работ К. Б. Гельмана-Виноградова из сборника «Особая миссия документов» (2009 г.), подводящих итоги политематической и междисциплинарной деятельности ученого. Дается оценка значения этих работ как прогностического контура тематики и форм исследований в области наук о документе. Делается вывод о непреходящей актуальности методологических работ ученого 1990-х — начала 2000-х гг., являющихся мощным катализатором для исследований по проблематике наук о документе в настоящее время.

Юмашева Юлия Юрьевна. Источниковед-архивист, опередивший время.

Статья посвящена краткому историографическому обзору научных работ К. Б. Гельмана-Виноградова и анализу его вклада в практику архивного дела (внедрение технологии микрофильмирования, формулирование подходов к созданию страхового и пользовательского фондов копий архивных документов на микроносителях), в развитие теоретического источниковедения машиночитаемых (электронных) документов (их выделение в особый тип, классификацию, определение особенностей и т. п.), а также в

разработку практических методов работы архивов по комплектованию, экспертизе ценности и обеспечению сохранности машиночитаемых комплексов источников и их использованию в исследовательской практике. Автор рассматривает статьи и тезисы К. Б. Гельмана-Виноградова, не вошедшие в сборник его избранных трудов «Особая миссия документов», и потому редко попадающие в поле зрения современных документоведов, архивистов и историков-источниковедов.

Рыбаков Андрей Евгеньевич. Влияние изменений в технологиях документирования на уточнение границ понятия документа.

В статье рассматривается процесс изменений в технологиях документирования и его влияние на определение понятия документа.

SUMMARY

Marina Yelinskaya. The current state of the State Heraldic Register of the Republic of Belarus: origins, chronology of formation, categories of official heraldic symbols.

The article provides general information about the State Heraldic Register, an information resource of the Republic of Belarus. It has been maintained by the Archives and Records Management Department of the Ministry of Justice of the Republic of Belarus since 2002, when the Heraldic Council under the President of the Republic of Belarus was established. The normative legal acts establishing the procedure for the creation, examination, establishment and registration of official heraldic symbols are analyzed, as well as the types and features of all types of symbols with official status are considered.

Tatiana Brileva. The funds of the National Archive of the Republic of Belarus as a source for studying the resettlement of the Belarusian population from Poland to the BSSR in 1944—1947.

The article considers a set of archival documents on the issue of the resettlement of the Belarusian population from Poland to the BSSR in 1944—1947. The study of documentary materials is based on the source base of the study, which is a little-studied topic in Belarusian historiography. The main issues related to the return, resettlement and settlement of migrants are reflected in the funds of the central departments of the BSSR, which dealt with the return of Belarusians from European countries. The archival material is analyzed, the composition and information content of the documents are described. Information is provided on the availability of documentary sources on the stated research topic in the National Archives of the Republic of Belarus, regional and zonal archival institutions.

Anton Tananov, Sergey Kupryanov. Centralized Archive of institutions in Minsk in 1930s.

The article dedicated to the history of the Centralized Archive of institutions in Minsk. The archive was established in 1934. It contained documents from Commissariats and other organizations. The paper examines the approximate composition of the archive's funds, document storage conditions, archive equipment, etc. Most of the information relates to the years 1936—1937, as no information has been identified for the earlier years. The archive ceased its activities, presumably in 1938.

Sergey Zhamosenko. Documents of the Zonal State Archive in Rechitsa on the history of Vasilevichi district (1926—1927, 1943—1959).

The article describes the history of the former Vasilevichi district of the BSSR, which existed in 1926—1927 and in 1938—1959. The article is based on the publications of the scientific reference library and archival documents of the funds of the Zonal State Archive in Rechitsa, which reflect the life of the district's population and the development of local spheres of activity — agriculture, forestry, industry, education, etc. Such events of the Soviet era as the liquidation of illiteracy, industrialization and collectivization are considered in the context of the history of Vasilevichi district. Special attention is paid to the Great Patriotic War (underground and partisan struggle, genocide, liberation of the district from Nazi invaders) and the post-war organization of Vasilevichi settlement and Vasilevichi district until the final abolition of the latter.

Vasil Barbarchuk. Counterfeit documents in Belarus during the Great Patriotic War, means of their creation and usage.

The use of counterfeit documents in the occupied territory of Belarus during the Great Patriotic War was an indispensable and effective means of resistance for partisans and underground fighters. Fake documents were also used by the civilian population to protect themselves from

the reprisals of the occupation authorities. The forged documents were made both in the occupied territory of the BSSR within underground and partisan groups, and on Soviet territory in special units of partisan movements and intelligence headquarters. Counterfeit documents were also subject to buying and selling on the black market in the occupied territories, as mass repressions by the occupying authorities provoked a constant demand for such documents among vulnerable segments of the population.

Vitali Zhuk. Belarusian Academy of Agricultural Sciences: the idea of creation.

During 1956, in the BSSR, as well as in other Republics of the USSR, the republican authorities and administration, together with the forces of the relevant ministries and the scientific community, worked out options for creating a coordinating scientific center for agriculture. The article, based on archival sources, describes in detail the decision-making process of the republican authorities and management on the issue of organizing the Belarusian Academy of Agricultural Sciences, which was considered in close connection with the reorganization of the Ministry of Agriculture of the BSSR and the V. I. Lenin All-Union Academy of Agricultural Sciences, which was carrying out in 1956.

Vladislava Rusetskaya. Modern Historiography of the Belarusian Nation-Building at the Turn of the 19th and 20th Centuries.

The article provides a description of modern historiography on the issue of the Belarusian nation-building at the turn of the 19th and 20th centuries. Nation-building refers to the process of constructing a national identity. The focus is on analyzing the achievements of Belarusian historiography in this field. Conclusion is made that Belarusian historiography has not developed a separate field of nation-building research, and the most fruitful studies are of a sociological nature. Possible research prospects in the scientific field are proposed.

Michail Shumeyka. The Role of Monasteries in the Creation and Preservation of the Documentary Heritage of the Belarusian People.

This article highlights the work of Orthodox monasteries in Belarus in the development of writing and archival work.

Nastassia Sashko. The problematic field and tasks of documentation science: institutionalization of the academic discipline in the Republic of Belarus.

The article examines the problematic field and tasks of documentation science in the Republic of Belarus, highlighting the methodological, terminological, regulatory, and institutional characteristics of the discipline. Particular attention is paid to issues of its scholarly autonomy, the interaction between theory and practice, the integration of research schools, and the strengthening of theoretical and methodological foundations that support the institutionalization of documentation science as an independent academic discipline in the context of digital transformation.

Yury Nietsiarovich. Towards the Explication of the Concept of a Documentary Monument.

The study of the history of the development of the complex problem of documentary monuments allows us to distinguish three stages of it, correlative to the allocation of the category of documentary monuments in legislation. The third stage of its development initiates the release of the Code of Laws of the Republic of Belarus On Culture in 2016. A definition of a documentary monument is proposed, relevant to the distinction between three categories of accumulated documentary heritage: legalized documentary monuments — receiving the status of an object of historical and cultural heritage, actual documentary monuments — claiming such status, and potential documentary monuments — documents of the National Archival Fund, from which candidates for such status are identified.

Inessa Goncharova. The problem of contamination of archival documents with mould fungi.

The article raises the problem of the negative impact of archival dust containing spores of microscopic fungi on human health. Visual signs of the presence of mould fungi in archival documents are presented, and diagnostics of the nature of contamination of archival documents is shown based on the results of laboratory mycological analysis of dust samples. The solution to the problem of environmental safety of archival documents will be facilitated by creating conditions for the introduction of methodological developments on this issue into archival practice and preventive measures by archive users, for example, the use of medical masks.

Ekaterina Dernovich. Stock-taking of records in territorial (city or district) archives.

Stock-taking is one of the main functions performed by archives. The article examines the development of regulatory legal requirements for stock-taking of records in state archives and organization archives, highlights the features of stock-taking of records in territorial (city or district) archives, and proposes forms of registration form of records for use in these archives.

Anton Tananov. Actual Problems of Creating Electronic Publications of Archival Documents.

The article discusses the most discussed problems in scientific papers related to the creation of electronic publications of documents. There are four complex of interrelated problems: legal, technical, financial and the problem of education. As a result of their analysis, it can be concluded that it is necessary to develop a unified concept of electronic publications, develop standards for specialized equipment and an information platform, as well as create a unified methodology for the scientific description of electronic publications of documents and a training program for their creation.

Nikita Kosyak. The award system of the Republic of Uzbekistan (*using the system of orders of the republic as an example*).

The award system of the Republic of Uzbekistan is an important element of state policy aimed at recognizing the merits of citizens to the country. One of the key components of this system are orders, which represent the highest forms of encouragement for outstanding achievements in the field of state building, science, culture, military affairs and public activities. Consideration of the order system allows us to understand the mechanisms of formation of national identity and strengthening of patriotism in the post-Soviet republic.

Volha Ivanova. Letters by I. Grigorovich from the collections of the Russian State Library (part 1).

The first part of the correspondence between I. I. Grigorovich and his brother Nikolai, stored in the Russian State Library, is published. The first part publishes 6 of the 38 letters. These are letters from 1815—1818, written in St. Petersburg during his studies at the Academy.

Ilya Semenenko-Basin. Ioann Grigorovich about the canonization of Saints in the Grand Duchy of Lithuania.

This paper is the first to introduce a letter of I. I. Grigorovich to the Governor-General N. N. Khovansky dated 12 July 1830 from the funds of the National Historical Archive of Belarus. The published letter belongs to I. Grigorovich's scientific legacy. This script was written in response to the Governor-General's enquiry about the mechanisms of glorification of saints in the Orthodox tradition of the Grand Duchy of Lithuania. In 1830 there were no scientific papers on this topic that I. Grigorovich could rely on. Nevertheless, responding to N. N. Khovansky, I. Grigorovich created a micro-study on the canonization of Saints, which is of scientific value.

Valery Pazdniakoŭ. Materials on the history of archives of Belarus. Part 3. Archive of Pinsk district.

The article publishes documents from the late 16th to early 17th centuries, which contain information about archives of Pinsk Leszcz Monastery, the Pinsk grod court, and the Magdeburg city of Pinsk.

Volha Ivanova. The Life and Activities of I. Grigorovich in the Light of Unpublished Correspondence.

Correspondence is an ego-source that reflects not only the activities of a person, but also his character, values, and everyday life. A large complex of published correspondence of I. Grigorovich is known. His lesser-known, still unpublished letters from 1815—1830 have also been preserved. They shed light on the archaeological work on the publication of the «Belarusian Archive of Ancient Documents», relations with Count M. P. Rumyantsev, family members, everyday life, and other aspects of activity that are analyzed in the proposed article.

Andrei Latushkin. Matei Dogel (1715—1760) and His Place in the Archeography of Belarus.

The article is devoted to the study of the role of the rector of the Vilna Collegium of Order Piars Matei Dogel (1715—1760) as an archeographer, as well «Codex diplomatus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lituaniae» — as the implementation in 1758—1764. of the project of the Piars Lithuanian Province on the publication of interstate treaties of the Grand Duchy of Lithuania and the Kingdom of Poland with foreign countries of the Middle Ages of the Early Modern period. It is confirmed that this edition was created on the model of serial publications of acts, which began at the end of the 17th and the first half of the 18th centuries. in Germany by Gottfried Wilhelm Leibniz, in England by Thomas Rymer, in France by Jean Dumont. The publication «Codex diplomaticus <...>» was ahead of similar publications in some other countries of Western Europe. The point of view is argued that this themas should be considered as part of the history of archeography of Belarus, as well as the activity of the second well-known publisher of written sources, archpriest I. I. Grigorovich (1792—1852), and the personality of M. Dogel should be returned to the context of national science and culture.

Valery Pazdniakoŭ. The first Berascie archaeologist Mikolaj Wislocki (1821—1885): from Ancient Egypt to the Goths of the Bug River.

The article contains information about the life and scientific work of Mikolaj Wislocki (1821—1885), who began archaeological research in Berascie region, and created a private museum, which, among other things, stored archaeological finds of the Great Migration of Peoples period and the Middle Ages from Berascie region.

Michail Shumeyka. Scientist, educator, administrator (*on the 90th anniversary of E. M. Savitsky's birth*).

This article explores the administrative, scientific, and pedagogical work of Doctor of Historical Sciences, Professor Eduard Mikhailovich Savitsky.

Tatiana Khorkhordina. A Man Ahead of His Time.

This article highlights the scholarly work of Doctor of Historical Sciences, Professor Kim Borisovich Gelman-Vinogradov.

Nina Khimina. Remembering K. B. Gelman-Vinogradov and his works.

This article highlights the scholarly work of Doctor of Historical Sciences, Professor Kim Borisovich Gelman-Vinogradov.

Yulia Novoselskaya. K. B. Gelman-Vinogradov: Touches to a Professional Portrait.

The article examines the main stages of the professional biography of Professor K. B. Gelman-Vinogradov at MGIAI, IAI RSUH, from 1960 to 1993. The source base was the documents of the RSUH Archive (R-535 foundation), as well as the personal communication experience of the author of the article during his work at the Department of Scientific and Technical Archives. The role of K. B. Gelman-Vinogradov in the formation and development of the department, the formation of the subject field of his scientific and pedagogical interests in the context of the formation of a new specialization in scientific and technical archives is shown. The importance of the professor's work on the problems of general archival science, devoted to machine-readable documents, is also emphasized. His position as the scientific editor of many textbooks and curricula of the NTA department is highlighted. The personal features of the portrait of the scientist are characterized as a typical representative of the archival scientists of the generation that entered science and teaching in the early 1960s. The professional path of the researcher from the technological aspects of archival science to the philosophy of documentary and archival studies is outlined. A number of works by K. B. are considered. Gelman-Vinogradov from the collection «Special Mission of Documents» (2009), summarizing the results of the scientist's political and interdisciplinary activities. An assessment of the importance of these works as a predictive outline of the subject matter and forms of research in the field of document sciences is given. The conclusion is made about the continuing relevance of the methodological works of the scientist of the 1990s — early 2000s, which are a powerful catalyst for research on the problems of document sciences at the present time.

Yulia Yumasheva. Source Scientist — Archivist Ahead of His Time.

The article is devoted to a brief historiographical review of scientific works of K. B. Gelman-Vinogradov and the analysis of his contribution to the practice of archival science (the introduction of microfilming technology, the formulation of approaches to the creation of insurance and user funds for copies of archival documents on micro), to the development of theoretical source studies of machine-readable (electronic) records (their allocation into a special type, classification, definition of features, etc.), as well as to the development of practical methods of work of archives on acquisition, value assessment and ensuring the safety of machine-readable source complexes and their use in research practice. The author examines articles and theses by K. B. Gelman-Vinogradov, which were not included in the collection of his selected works «The Special Mission of Records», and therefore rarely come to the attention of modern documentary scholars, archivists, and source historians.

Andrei Rybakov. The Impact of Changes in Documentation Technologies on the Clarification of the Boundaries of the Concept of a Document.

This article examines the process of change in documentation technologies and its impact on the definition of the concept of a document.

ПРАВИЛЫ ДЛЯ АЎТАРАЎ**«БЕЛАРУСКАГА АРХЕАГРАФІЧНАГА ШТОГОДНІКА»**

1. «Беларускі археаграфічны штогоднік» публікуе навуковыя даследаванні ў розных галінах тэарэтычнай і практычнай археаграфіі, архівазнаўства, дакументазнаўства і сумежных спецыяльных гістарычных дысцыплін, а таксама інфармацыйныя матэрыялы і рэцэнзіі на апублікаваныя работы.
2. Рэдакцыйная калегія прымае да разгляду матэрыялы, якія адпавядаюць патрабаванням, што прад'яўляюцца Вышэйшай атэстацыйнай камісіяй Рэспублікі Беларусь да навуковых артыкулаў.
3. Рэдакцыйная калегія публікуе ў першую чаргу артыкулы, прадстаўленыя асобамі апошняга года адукання пасля ВНУ (аспірантура, дактарантура, саіскальніцтва).
4. Аўтары нясуць асабістую адказнасць за прадстаўленне ў рэдакцыю раней апублікаваных артыкулаў ці артыкулаў, прынятых да публікацыі іншымі выданнямі.
5. Аўтары артыкулаў і публікацый дакументаў нясуць адказнасць за дакладнасць перадачы тэксту дакументаў, цытат і спасылак.
6. Аўтары разам з рукапісам навуковага артыкула прадстаўляюць выпіску з пратакола пасяджэння вучонага савета, аддзела, кафедры з месца працы (вучобы) з рэкамендацый артыкула да публікацыі.
7. Замест выпіскі з пратакола дапускаецца прадстаўленне дзвюх рэцэнзій спецыялістаў у той галіне ведаў, у якой праводзілася даследаванне, якія маюць вучоную ступень доктара і (або) кандыдата навук. Рэцэнзіі павінны змяшчаць рэкамендацыі артыкула да публікацыі.
8. Для публікацыі дакументальных крыніц, матэрыялаў інфармацыйнага характару, рэцэнзій рэкамендацыі да друку не папрэбны.
9. Рукапіс завяршаецца подпісам аўтара з указаннем даты, таксама ўказваюцца прозвішча, імя і імя па бацьку, месца працы (вучобы), пасада, вучоная ступень, званне, кантактныя тэлефоны (e-mail) для сувязі рэдакцыі з аўтарам (e-mail публікуюцца). Разам з раздрукоўкай прадстаўляецца ідэнтычная электронная версія артыкула.
10. Да артыкула прыкладаецца анаталія на беларускай (рэзюмэ), рускай (резюме) і англійскай (summary) мовах аб'ёмам 100—150 слоў.
11. Аб'ём навуковага артыкула — не менш за 14 тыс. і не больш за 20 тыс. знакаў, аб'ём публікацыі дакументальных крыніц — да 40 тыс. знакаў. Раздрукоўка выконваецца прыфтам Times New Roman, кегль 14 пунктаў, праз 1,5 інтэрвалы, палі верхняе і ніжняе 2 см, левое 3 см, правае 1,5 см.
12. Спасылкі на крыніцы афармляюцца ў адпаведнасці з главай 3 Інструкцыі аб парадку афармлення дысэртацыі, дысэртацыі ў выглядзе навуковага даклада, аўтароферата дысэртацыі і публікацыі па тэме дысэртацыі, зацверджанай пастановай Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 28.02.2014 № 3 (у рэдакцыі пастановы Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь ад 22.08.2022 № 5).
13. Тэрмін падачы артыкулаў — да 1 сакавіка бягучага года. Пасля 1 сакавіка матэрыялы прымаюцца да публікацыі ў штогодніку наступнага года.

14. Рэдакцыйная калегія не бярэ платы за публікацыю навуковых артыкулаў.

*Рэдакцыйная калегія
«Беларускага археаграфічнага штогодніка»
вул. Кратоткіна, 89/1, каб. 44,
220002, г. Мінск, Рэспубліка Беларусь
arheograph@belhiidat.by*

ЗМЕСТ

АРТЫКУЛЫ

<i>М. М. Елинская.</i> Современное состояние Государственного геральдического регистра Республики Беларусь: истоки, хронология формирования, категории официальных геральдических символов.....	5
<i>Т. И. Брилева.</i> Фонды Национального архива Республики Беларусь как источник изучения переселения белорусского населения из Польши в БССР в 1944—1947 гг.....	15
<i>А. В. Тананов, С. Е. Куприянов.</i> Централизованный архив учреждений г. Минска в 1930-е гг.....	21
<i>С. А. Жарносенко.</i> Документы Зонального государственного архива в г. Речине об истории Василевичского района (1926—1927 гг., 1943—1959 гг.).....	27
<i>В. А. Барбарчук.</i> Поддельные документы в Беларуси в период Великой Отечественной войны, способы их изготовления и применения.....	35
<i>В. Н. Жук.</i> Белорусская академия сельскохозяйственных наук: идея создания.....	46
<i>У. Д. Русецкая.</i> Сучасная гістарыяграфія беларускага нацыягенезу на рубяжы XIX—XX стст.	67
<i>М. Ф. Шумейко.</i> Роль монастырей в создании и сохранении документального наследия белорусского народа.....	74
<i>А. А. Сашко.</i> Проблемное поле и задачи документоведения: институционализация научной дисциплины в Республике Беларусь.....	86
<i>Ю. В. Нестерович.</i> К экспликации понятия документального памятника	98
<i>И. А. Гончарова.</i> Проблема контаминации архивных документов плесневыми грибами.....	108
<i>Е. П. Дернович.</i> Учет документов в территориальных (городских или районных) архивах.....	114
<i>А. В. Тананов.</i> Актуальные проблемы создания электронных публикаций архивных документов.....	123
<i>Н. А. Косяк.</i> Наградная система Республики Узбекистан (на примере системы орденов республики)	130
<i>Ілюстрацыі да артыкулаў.....</i>	140

ПУБЛІКАЦЫІ ДАКУМЕНТАЎ

<i>О. С. Иванова.</i> Письма И. Григоровича из фондов Российской государственной библиотеки (часть 1)	144
<i>И. В. Семененко-Басин.</i> Иоанн Григорович о прославлении святых в Православной церкви Великого Княжества Литовского	156
<i>В. С. Пазднякоў.</i> Матэрыялы да гісторыі архіваў Беларусі. Ч. 3. Пінскі павет (XVI — пачатак XVII ст.).....	164

ПОСТАЦІ

<i>В. С. Іванова.</i> Жыццё і дзейнасць І. Грыгаровіча ў святле неапублікаванага ліставання.....	180
<i>А. М. Латушкін.</i> Мацей Догель (1715—1760) і яго месца ў археаграфіі Беларусі.....	187
<i>В. С. Пазднякоў.</i> Першы берасцейскі археолаг Мікалай Віслоцкі (1821—1885): ад Старажытнага Егіпта да надбужскіх готаў.....	210
<i>М. Ф. Шумейко.</i> Учыны, педагог, адміністратар (к 90-летию со дня рождения Э. М. Савицкого).....	218

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КРУГЛОГО СТОЛА
«УЧЕНЫЙ-НОВАТОР, ПЕДАГОГ, ВОИН. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА
КИМА БОРИСОВИЧА ГЕЛЬМАНА-ВИНОГРАДОВА».**

26 ИЮНЯ 2025 г., МИНСК—МОСКВА

<i>М. Ф. Шумейко.</i> Вступительное слово.....	224
<i>Т. И. Хорхордина.</i> Человек, опередивший Время.....	226
<i>Н. И. Химина.</i> Вспоминая К. Б. Гельмана-Виноградова и его труды.....	229
<i>Ю. И. Новосельская.</i> К. Б. Гельман-Виноградов: штрихи к профессиональному портрету.....	231
<i>Ю. Ю. Юмашева.</i> Источниковед-архивист, опередивший время.....	238
<i>А. Е. Рыбаков.</i> Влияние изменений в технологиях документирования на уточнение границ понятия документа.....	247

РЭЦЭНЗІІ

<i>Л. Ч. Дрозжжа.</i> Знешнепалітычная гісторыя Беларусі: новыя навуковы кірунак і вучэбная дысцыпліна, распрацаваная беларускім гісторыкам Уладзімірам Снапкоўскім.....	251
Рэзюмэ.....	258
Рэзюме.....	264
Summary.....	270
Правілы для аўтараў.....	275

CONTENTS

ARTICLES

<i>M. Yelinskaya</i> . The current state of the State Heraldic Register of the Republic of Belarus: origins, chronology of formation, categories of official heraldic symbols.....	5
<i>T. Brileva</i> . The funds of the National Archive of the Republic of Belarus as a source for studying the resettlement of the Belarusian population from Poland to the BSSR in 1944—1947.....	15
<i>A. Tananov, S. Kupryianov</i> . Centralized Archive of institutions in Minsk in 1930s.....	21
<i>S. Zharnosenko</i> . Documents of the Zonal State Archive in Rechitsa on the history of Vasilevichi district (1926—1927, 1943—1959).....	27
<i>V. Barbarchuk</i> . Counterfeit documents in Belarus during the Great Patriotic War, means of their creation and usage.....	35
<i>V. Zhuk</i> . Belarusian Academy of Agricultural Sciences: the idea of creation.....	46
<i>V. Rusetskaya</i> . Modern Historiography of the Belarusian Nation-Building at the Turn of the 19 th and 20 th Centuries.....	67
<i>M. Shumeyka</i> . The Role of Monasteries in the Creation and Preservation of the Documentary Heritage of the Belarusian People.....	74
<i>N. Sashko</i> . The problematic field and tasks of documentation science: institutionalization of the academic discipline in the Republic of Belarus.....	86
<i>Y. Nietsiarovich</i> . Towards the Explication of the Concept of a Documentary Monument.....	98
<i>I. Goncharova</i> . The problem of contamination of archival documents with mould fungi.....	108
<i>E. Dernovich</i> . Stock-taking of records in territorial (city or district) archives.....	114
<i>A. Tananov</i> . Actual Problems of Creating Electronic Publications of Archival Documents.....	123
<i>N. Kosyak</i> . The award system of the Republic of Uzbekistan (<i>using the system of orders of the republic as an example</i>).....	130
Illustrations to articles.....	140

PUBLICATIONS OF DOCUMENTS

<i>V. Ivanova</i> . Letters by I. Grigorovich from the collections of the Russian State Library (part 1).....	144
<i>I. Semenenko-Basin</i> . Ioann Grigorovich about the canonization of Saints in the Grand Duchy of Lithuania.....	156
<i>V. Pazdniakoŭ</i> . Materials on the history of archives of Belarus. Part 3. Archive of Pinsk district.....	164

PERSONALITIES

<i>V. Ivanova</i> . The Life and Activities of I. Grigorovich in the Light of Unpublished Correspondence.....	180
---	-----

<i>A. Latushkin</i> . Matei Dogel (1715—1760) and His Place in the Archeography of Belarus	187
<i>V. Pazdniakoŭ</i> . The first Berascie archaeologist Mikolaj Wislocki (1821—1885): from Ancient Egypt to the Goths of the Bug River.....	210
<i>M. Shumeyka</i> . Scientist, educator, administrator (<i>on the 90th anniversary of E. M. Savitsky's birth</i>)	218
MATERIALS OF INTERNATIONAL ROUND TABLE	
«SCIENTIST-INNOVATOR, TEACHER, WARRIOR	
(ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH	
OF DOCTOR OF HISTORICAL SCIENCES, PROFESSOR	
K. B. GELMAN-VINOGRADOV)».	
26TH JUNE 2025, MINSK—MOSCOW	
<i>M. Shumeyka</i> . Introductory remarks.....	224
<i>T. Khorkhordina</i> . A Man Ahead of His Time	226
<i>N. Khimina</i> . Remembering K. B. Gelman-Vinogradov and his works.....	229
<i>Y. Novoselskaya</i> . K. B. Gelman-Vinogradov: Touches to a Professional Portrait	231
<i>Y. Yumasheva</i> . Source Scientist — Archivist Ahead of His Time.....	238
<i>A. Rybakoŭ</i> . The Impact of Changes in Documentation Technologies on the Clarification of the Boundaries of the Concept of a Document	247
REVIWES	
<i>L. Drozhzha</i> . The foreign policy history of Belarus: a new scientific direction and academic discipline developed by the Belarusian historian Vladimir Snopkovsky.....	251

Навуковае выданне

Беларускі археаграфічны штогоднік

Заснаваны ў 2000 годзе

Выпуск 26

Рэдактары: *Т. В. Салавей, А. У. Хмялеўская*
Карэктар *А. А. Мяцеліца*
Камп'ютарная вёрстка *П. А. Рэзванава*

Падпісана да друку 12.12.2025. Фармат 60×84¹/₁₆.
Папера 80 г/м². Рызаграфія. Умоўн. друк. арк. 16,39. Улік.-выд. арк. 17,67.
Тыраж 45 экз. Зак. 12.

Установа «Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументазнаўства і архіўнай справы» (БелНДЦДАС).
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы
і распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/229 ад 24.03.2014.
Вул. Крапоткіна, 55, 220002, г. Мінск.

ISSN 2076-3468

9 772076 346009